

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONTI BVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRUDELSALEXINIL
CARMINL NOS TRI
REFORMA FIDV
MONTI BVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRUDELSALEXINIL
CARMINL NOS TRI

6 / 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявик (Рейкьявик, Исландия); **Жак Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д. А. Плетнёв, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Прякин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел. (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru
(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312

Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 08.08.22.
Выход в свет 20.08.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 27,2.
Уч.-изд. л. 23,4.
Тираж 500 экз. Заказ 396.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G. R. Derzhavin, Russia); **Yu. A. Bubnov**, Doctor of Philosophy (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E. I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Doctor of Philology, Professor (Volgograd State Social-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of RAS, Ural Institute of Management — branch of RANEPa (Ekaterinburg, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France)

EDITORIAL BOARD

D. A. Pletnev, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **O. V. Brizhak**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Moscow); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Yu. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. P. Dovby**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Egorova**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **I. I. Kilina**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **Ye. V. Nikolajeva**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **A. A. Salamatov**, Dr. Sci. (Economics), Prof., Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirnykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Economic Sciences"
editorial office's address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Tel.: +7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИИ № Ф077-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *E.V. Yuzhakova*
Imposition by *E.V. Yuzhakova*

Approved for printing 08.08.22.
Date of publication 20.08.22.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 27,2.
Ac.-publ. sh. 23,4.
Circulation 500 copies.
Order 396. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

<i>Плетнёв Д. А.</i> Лучший	7
-----------------------------------	---

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Захарова Е. А., Давыдов Д. В.</i> Новая экономическая география в объяснении пространственного развития	9
<i>Даванков А. Ю., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В.</i> Междисциплинарность в познании процессов развития территориальных систем.	21
<i>Антонова О. А.</i> Качество жизни населения и качество трудовой жизни.	30

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Саламатов А. А.</i> Экосистемный базис методического инструментария оценки качества жизни населения региона.	42
<i>Герсонская И. В.</i> Государственный сектор российской экономики в контексте мировых практик	52
<i>Боровинская Д. Н., Залевская М. А., Морданов М. А.</i> Креативность как ключевой принцип успешного брендинга в регионе	62
<i>Бенц Д. С.</i> О внутрирегиональной дифференциации Челябинской области по уровню заработной платы.	74
<i>Митрофанова О. Н.</i> Поддержка неценовой конкуренции в государственных и муниципальных закупках (на примере Центрального федерального округа) ...	86
<i>Панов М. А.</i> Перспективы роста национальной и региональной экономики в условиях кризиса	94
<i>Ольгаренко Г. В., Краснощеков В. Н., Ольгаренко Д. Г., Гришаева О. Ю.</i> Развитие методических подходов к нормированию и оценке эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем.	106
<i>Абдурахманов А. А.</i> Оценка рисков формирования туристического кластера в Республике Дагестан	117
<i>Ким Н. В.</i> Будущее мировой экономики.	126
<i>Егорова А. А., Мальцев Ю. Г., Банникова Е. С., Двинин Д. Ю.</i> Экосистемный подход к сбалансированному региональному развитию.	131

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

<i>Угрюмова А. А., Паутова Л. Е.</i> Ключевые компетенции в мелиоративной отрасли России в сфере цифровой экономики	145
<i>Седельников В. М.</i> Трансформация маркетинговых стратегий на рынке общественного питания.	153

<i>Плетнёв Д. А., Казадаев М. С.</i> Корпоративные университеты как факторы устойчивости и эффективности российских компаний в пандемию	165
---	-----

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Минаев В. Н.</i> Оффшоринг и решоринг высокотехнологичной промышленности США в 1951–2020 гг.	179
--	-----

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Плетнёв Д. А., Наумова К. А.</i> О стратегиях российских предприятий в новых геополитических условиях	191
<i>Гурбанова И. М.</i> Развитие профессионального образования и его влияние на занятость в Азербайджане.	197
<i>Karalidze G. V., Zaluchenova O. M., Mamyrbekova S. A., Babkova A. S.</i> Current state and prospects of distance format of business education in the healthcare	206
<i>Егорова А. А., Данилов И. А., Овчинников С. В.</i> О развитии перспективных направлений экономической деятельности в условиях ограничений	214
<i>Бархатов В. И., Бенц Д. С.</i> О развитии малого и среднего бизнеса сельских территорий	224

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Pletnev D. A.</i> The best.	7
-------------------------------------	---

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Zakharova E. A., Davydov D. V.</i> New economic geography in explaining spatial development	9
<i>Davankov A. Yu., Pryakhin G. N., Malygin N. V.</i> Interdisciplinarity in the cognition of the processes of development of territorial systems	21
<i>Antonova O. A.</i> The quality of life of the population and the quality of working life	30

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Salamatov A. A.</i> Ecosystem basis of methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region	42
<i>Gersonskaya I. V.</i> Public sector of the Russian economy in the context of world practices	52
<i>Borovinskaya D. N., Zalevskaya M. A., Mordanov M. A.</i> Creativity as a key principle of successful branding in the region.	62
<i>Benz D. S.</i> On the intra-regional differentiation of the Chelyabinsk region in terms of wages	74
<i>Mitrofanova O. N.</i> Support of non-price competition in state and municipal procurement (on the example of the Central Federal District)	86
<i>Panov M. A.</i> Prospects for the growth of the National and Regional Economy in a crisis	94
<i>Olgarenko G. V., Krasnoshchekov V. N., Olgarenko D. G., Grishaeva O. Yu.</i> Development of methodological approaches to rationing and evaluation of the cost effectiveness of the operation of hydraulic reclamation systems	106
<i>Abdurakhmanov A. A.</i> Assessment of the risks of forming a tourism cluster in the Republic of Dagestan	117
<i>Kim N. V.</i> The future of the global economy	126
<i>Egorova A. A., Maltsev Yu. G., Bannikova E. S., Dvinin D. Yu.</i> Ecosystem approach to balanced regional development.	131

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Ugryumova A. A., Pautova L. E.</i> Key Competencies in the Reclamation Industry of Russia in the Field of Digital Economy.	145
<i>Sedelnikov V. M.</i> Transformation of Marketing Strategies in the Catering Market	153
<i>Pletnev D. A., Kazadayev M. S.</i> Corporate Universities as Factors of Sustainability and Efficiency of Russian Companies in the Pandemic	165

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Minat V. N.</i> Offshoring and reshoring of the US high-tech industry in 1951–2020	179
---	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Pletnev D. A., Naumova K. A.</i> The strategies of Russian enterprises in the new geopolitical conditions	191
<i>Gurbanova I. M.</i> Development of vocational education and its impact on employment in Azerbaijan	197
<i>Karalidze G. V., Zaluchenova O. M., Mamyrbekova S. A., Babkova A. S.</i> Current state and prospects of distance format of business education in the healthcare	206
<i>Egorova A. A., Danilov I. A., Ovchinnikov S. V.</i> On the development of promising areas of economic activity in conditions of restrictions	214
<i>Barkhatov V. I., Benz D. S.</i> On the development of small and medium-sized businesses in rural areas	224

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 7–8.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):7-8. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Редакторская статья

УДК 331.44

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10601

ЛУЧШИЙ

Дмитрий Александрович Плетнёв

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru

Для цитирования: Плетнёв Д. А. Лучший // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 7–8. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10601

Editorial article

THE BEST

Dmitriy A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru

For citation: Pletnev DA. The best. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):7-8. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10601

Секрет успеха многих известных людей — следование простому правилу: уж если заниматься делом, то нужно стремиться стать в нем лучшим. Не останавливаться на достигнутом, не довольствоваться локальными победами. Не всё на этом пути будет гладко, и не всегда решения и действия будут встречать полную поддержку и понимание окружающих. Но именно такие люди оставляют след в истории, именно на их примерах и ошибках учатся, именно им подражают и именно они являются «источником движения на все времена» или, в терминологии Й. Шумпетера, предпринимателями, созидательными разрушителями. Предпринимательство их может выражаться по-разному — и как успех в бизнесе (именно о них часто и вспоминают, когда говорят о предпринимателях), талантливом менеджменте (это — внутрифирменные предприниматели, intrapreneurs), изменении или умелом использовании институциональной среды (институциональные предприниматели, классические примеры — успешные адвокаты). Работать вместе с такими людьми одновременно и просто, и очень сложно. Просто потому, что они берут на себя все риски (финансовые, производственные, репутационные) и создают среду, внутри которой есть пра-

во на ошибку и возможность созидать. Просто еще и потому, что они часто походя делятся своим опытом, распространяя в форме неявного знания многочисленные ответы на вопрос «как?». И поэтому под их руководством часто совершаются прорывы и в науке, и в экономическом развитии, и в культуре. А главная сложность работы с ними — постоянное давление: неудовлетворенность достигнутым неизбежно распространяется вовне, и все, кто находится рядом, «заряжаются» жаждой изменений, что часто заставляет перебарывать себя, свою лень, свой эгоизм. И часто по следам деятельности таких людей остаются значимые материальные и нематериальные следы, прочно связанные с именем своего создателя. Они хранят память о нем, о его успехах и неудачах.

Большинство наших читателей без труда могут вспомнить таких людей, под руководством которых они учились, работали, с кем соприкасались в профессиональной деятельности. И чаще всего мы им благодарны, хотя порою, в силу своей природной страсти к созидательному разрушению, они оставляют и негативные воспоминания о себе. Но со временем такие моменты блекнут, и на первый план выходит именно то позитивное, что было сделано, построено, открыто.

© Плетнёв Д. А., 2022

Мне посчастливилось более двадцати лет работать вместе с таким человеком — Виктором Ивановичем Бархатовым. Он несомненный лидер экономического образования на Южном Урале. Управленец, наставник, ученый, получивший признание и федеральных органов власти (медали Министерства науки и высшего образования РФ, почетное звание, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством»), региональных и местных (почетный знак «За заслуги перед Челябинской областью», награды и благодарности Челябинской и соседних областей и их территорий), многих общественных организаций. В то время как в значительной степени для менеджмента в сфере образования свойственна идеология распределения, ориентированная на победу в конкурсных процедурах (госзадания, гранты и т.п.) и последующее распоряжение полученными ресурсами, Виктору Ивановичу присуща идеология поиска возможностей на свободном рынке, пусть даже и вопреки обстоятельствам. Он — истинный пример предпринимателя в сфере высшего образования. И идеи хозрасчета, которые он развивал еще с советских времен, нашли воплощения в его детищах — факультете Экономики и управления ЮУрГУ (в котором он за пять лет удвоил масштабы деятельности, заложил новые подходы к тому, как должен выглядеть и образовательный процесс, и даже образовательная среда), Институте экономики отраслей, бизнеса и администрирования ЧелГУ (это крупнейшее подразделение университета было создано им в 2005 году и к 2010 году уже насчитывало более 5000 «внебюджетных» студентов — это ли не показатель уникальности его успеха. Победы в конкурентной борьбе, географическая экспансия (вплоть до Крыма и Сочи), создание научной школы (одной из ведущих на Южном Урале), важная социальная роль в повышении доступности качественных образовательных услуг для обеспечения регионального развития. Ну и ко-

нечно, одним из результатов работы Виктора Ивановича стал Вестник Челябинского государственного университета, главным редактором которого по направлению «Экономические науки» он стал в 2015 году. За прошедшее время журнал успешно развивался, к работе в нем привлечены известные российские и зарубежные ученые. Журнал входит в «ваковский» список ведущих российских журналов по пяти научным специальностям и с уверенностью смотрит в будущее. Именно под руководством Виктора Ивановича журнал стал полностью бесплатным для авторов, а публикации приблизились к принятым в мировом сообществе стандартам. Журнал известен в России, активно цитируется и интересен авторам со всей страны. В этой деятельности мы шли с Виктором Ивановичем плечом к плечу, и сегодня, когда он принял решение уйти с поста главного редактора, чтобы переключиться на новые, не менее интересные проекты, для меня будет большой честью продолжать это дело, важное для развития академической и прикладной науки на Южном Урале, для достижения целей национальных проектов. Мы будем по мере сил вносить свой вклад в дело подготовки научных кадров, предоставляя площадку для публикации молодых ученых (рубрика «Свежий взгляд»), активно поддерживать научные дискуссии по самому широкому кругу тем (рубрика «Обзоры и дискуссии»), развивать междисциплинарный подход к исследованию экономических проблем (рубрика «Междисциплинарные исследования»), а также публиковать аналитические статьи по традиционным для журнала рубрикам, соответствующим научным специальностям ВАК. Я от лица редколлегии желаю Виктору Ивановичу крепкого здоровья, новых идей и продолжения работы во благо России и Южного Урала. А мы будем далее развивать те проекты, которые начаты вместе с ним, и, уверен, добьемся успеха. Ведь мы учились у лучшего.

Информация об авторе

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 9–20.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):9-20. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10602

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В ОБЪЯСНЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Евгения Александровна Захарова^{1✉}, Денис Викторович Давыдов²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ jaz@bk.ru, ORCID 0000-0002-5127-2781

² davydov.denis.v@gmail.com, ORCID 0000-0001-6643-3122

Аннотация. В статье обобщены основные результаты Новой экономической географии (New economic geography, NEG). Показано, что NEG стремится объяснить, почему существует неравенство в пространственном распределении экономической активности агентов, от международного и регионального до городского и местного уровней. Для этого NEG выявляет микроэкономические основы центростремительных сил, приводящих к концентрации экономической активности, и центробежных сил, приводящих к рассеиванию экономической активности агентов на региональном и городском уровнях. В статье дается обзор базовых моделей NEG, развитие моделей NEG до мультирегиональных моделей, что позволяет описать сортировку, агломерацию и отбор в городах.

Ключевые слова: новая экономическая география, общее равновесие, монополистическая конкуренция, возрастающая отдача, агломерационный процесс, транспортные издержки, теоретические и эмпирические исследования

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-410-660037.

Для цитирования: Захарова Е. А., Давыдов Д. В. Новая экономическая география в объяснении пространственного развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 9–20. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10602

Original article

NEW ECONOMIC GEOGRAPHY IN EXPLAINING SPATIAL DEVELOPMENT

Evgenia A. Zakharova^{1✉}, Denis V. Davydov²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ jaz@bk.ru, ORCID 0000-0002-5127-2781

² davydov.denis.v@gmail.com, ORCID 0000-0001-6643-3122

Abstract. The article summarizes the main results of the New Economic Geography (New economic geography, NEG). It has been shown that the NEG seeks to explain why there is inequality in the spatial distribution of economic activity of agents, from international and regional to urban and local levels. To that end, NEG identified the microeconomic foundations of centripetal forces leading to concentration of economic activity and centrifugal forces leading to dissipation of economic activity of agents at the regional and urban levels. The article provides an overview of basic NEG models, the development of NEG models to multiregional models, which allows to describe sorting, agglomeration and selection in cities.

Keywords: new economic geography, general equilibrium, monopolistic competition, increasing returns, agglomeration process, transport costs, theoretical and empirical studies

Acknowledgments: the reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 20-410-660037.

For citation: Zakharova EA, Davydov DV. New economic geography in explaining spatial development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):9-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10602

Введение

Интерес новая экономическая география (New economic geography, NEG) вызывает благодаря применению ее основных идей в количественных пространственных моделях (Quantitative spatial economics, QSMs), а также благодаря новым аналитическим инструментам [1]. «Сначала появилась Новая промышленная организация (New industrial organization, NIO), которая создала набор простых, хотя и не совсем убедительных моделей несовершенной конкуренции; затем Новая теория торговли (New trading theory, NTT), которая использовала этот набор для построения моделей международной торговли при наличии возрастающей отдачи; затем Новая теория роста (New growth theory, NGT), которая сделала почти то же самое для экономического роста. После 1990 г. возникла Новая экономическая география (NEG)...» [2]. Развитие NEG за тридцать лет заставляет говорить о «сверхновой» NEG.

Почему экономическая активность неравномерно распределена по пространству в разных пространственных масштабах? Почему во многих странах существуют устойчивые и значительные региональные диспропорции? Почему фирмы располагаются в районах, где труд и земля стоят дорого? Помогает ли создание межрегиональной транспортной инфраструктуры уменьшить неравенство в пространстве?

NEG стремится объяснить, почему экономическая активность неравномерно распределена по пространству в разных пространственных масштабах — от международного и регионального до городского и местного. Поэтому основная задача NEG состоит в выявлении микроэкономических основ центростремительных сил, которые приводят к концентрации активности экономических агентов, и центробежных сил, приводящих к рассеиванию активности экономических агентов на региональном и городском уровнях.

В настоящее время проблема пространственного развития экономики России приобрела особую актуальность. Россия унаследовала от Советского Союза своеобразную модель размещения факторов производства. Наилучшую теоретическую

базу для понимания пространственного развития дает Новая экономическая география, сформированная трудами П. Кругмана, М. Фудзиты, Э. Вейнбаума и других исследователей.

Наша работа организована следующим образом. В разделе 1 обсуждаем базовые модели NEG. В разделе 2 мы переходим к изучению развития моделей NEG.

Базовые модели NEG

Изучая пространственное распределение промышленности, классическая теория местоположения ограничивалась рамками теории частичного равновесия, экзогенными переменными, специальными требованиями, а также линейными транспортными издержками [3]¹. Например, модель пространственной дифференциации рынка с монополистической конкуренцией, впервые предложенная Г. Хотеллингом, демонстрирует потребительские предпочтения в отношении товаров и их расположение [4]. Задача пространственной конкуренции между двумя игроками с линейными транспортными издержками имеет равновесное решение в безопасных стратегиях при угрозе вытеснения с рынка, которую учитывают игроки [5]. Проблема равновесия в пространственной конкуренции Хотеллинга была также решена, когда используются квадратичные функции издержек [6].

Подход NEG отличается от подхода классической теории местоположения и экономической географии. NEG моделирует общее равновесие всей пространственной экономики, используя возрастающую отдачу или неделимость на уровне отдельной фирмы, что приводит, в свою очередь, к формированию рыночной структуры, которая характеризуется несовершенной конкуренцией. Транспортные издержки в моделях NEG делают важным местоположение экономических агентов, так как локальное перемещение производственных факторов и потребителей является необходимым условием агломерации.

Таким образом, новая экономическая география (NEG) — это «стиль экономического анализа, который пытается объяснить пространственную

¹ См. также [2; 51].

структуру экономики, используя определенные технические приемы для создания моделей, в которых наблюдается возрастающая отдача, а рынки характеризуются несовершенной конкуренцией» [2].

Мы начнем наш обзор с базовых моделей, которые описывают два механизма агломерации [7].

Модель П. Кругмана

Пространственная экономика является результатом действия сил агломерации против сил рассеивания. Ценовая конкуренция выступает дисперсионной силой¹, а дифференциация товара ослабляет ценовую конкуренцию и, следовательно, позволяет фирмам найти место, где они получают доступ к более крупному рынку с низкими транспортными издержками и высоким спросом. Впервые этот принцип был определен П. Кругманом как эффект внутреннего рынка [8; 9], когда на более крупном рынке более чем пропорциональная доля промышленности, или в более крупных регионах более высокая реальная заработная плата [10]. П. Кругман предложил модель [11], в которой некоторая территория под действием эндогенных факторов может разделиться на индустриальное «ядро» и сельскохозяйственную «периферию», — модель «ядро — периферия» (CP).

П. Кругман в своей статье [11] предложил модель географической концентрации производства, которая основана на взаимодействии эффекта масштаба с транспортными издержками. «Простая иллюстративная модель предназначена для того, чтобы пролить свет на один из ключевых вопросов местоположения: почему и когда производство концентрируется в нескольких регионах, а другие остаются относительно неразвитыми?» [11]. Модель П. Кругмана состоит из двух регионов и двух отраслей. В модели сельское хозяйство характеризуется совершенной конкуренцией, а промышленность — монополистической конкуренцией Диксита — Стиглица. Рабочие могут перемещаться в регион с более высокой заработной платой. Кроме того, предполагается, что транспортные издержки на промышленные товары описываются в форме «айсберга» П. Самуэльсона. Промышленность концентрируется в одном регионе под действием центростремительных сил, то есть фирмы стремятся сосредоточить производство (эффект масштаба) вблизи рынков сбыта и поставщиков (транспортные издержки), в то время как доступ к рынкам лучше всего там, где сосредоточены другие фирмы (эффект размера рынка), — возникает агломерация. Центробежные силы вытесняют фирмы с рынка усилением ценовой конкуренции

¹ См. модель конкуренции Хотеллинга.

в регион с меньшим количеством местных конкурентов (эффект вытеснения с рынка) [2]. Сочетание эффектов размера и вытеснения с рынка определяет, действительно ли более крупные рынки привлекают больше промышленности [12]. Эффект внутреннего рынка определяет пространственную концентрацию производства [13].

В экономике, которая характеризуется высокими транспортными издержками, небольшой долей производства или слабой экономией на масштабе, распределение обрабатывающей промышленности будет определяться распределением сельского хозяйства. В экономике, которая характеризуется низкими транспортными издержками, большой долей производства или сильной экономией на масштабе, промышленность будет сконцентрирована в любом регионе страны, получающем преимущество [11].

Таким образом, модель П. Кругмана [11] объясняет как конвергенцию, так и дивергенцию между регионами, тогда как неоклассическая модель, основанная на постоянной отдаче и совершенной конкуренции в двух секторах, предсказывает только конвергенцию [14].

Модель Э. Венейблса

Э. Венейблс в работе [15] предложил модель, которая создает основу для анализа влияния экономической интеграции на географическую концентрацию производств. Он формулирует следующие вопросы. Если экономическая интеграция уменьшает торговые издержки, приводит ли это к агломерации и, как следствие, к расхождению экономических показателей регионов? Или это будет способствовать рассеиванию промышленности в ответ на различия в заработной плате, что приводит к сближению регионов по уровню доходов? Модель Э. Венейблса позволяет ответить на эти вопросы.

В модели Э. Венейблса [15] мобильность рабочей силы не единственная причина концентрации промышленности. Если в модель ввести производство конечных и промежуточных товаров, что создает связи между затратами и спросом между фирмами, то вертикальные внутриотраслевые связи — еще один механизм агломерации. Иначе, агломерация в регионе происходит потому, что существует вертикально связанный сектор, который уже агломерирован в этом регионе. В этой модели также существует эффект размера рынка, но в этом случае он обусловлен более высоким доходом, что приводит к более высокому потребительскому спросу. Однако если заработная плата слишком высока, некоторые фирмы

захотят переместить свое производство на периферию, поэтому существует также сила рассеивания.

Если вертикальные связи сильны, торговые издержки значительны, то происходит кластеризация промышленности в одном месте. «Фирмы хотят расположиться рядом с другими фирмами, где есть производственная база поставщиков и покупателей. Наличие мощной производственной базы позволяет локациям поддерживать относительно высокую заработную плату. И наоборот, ослабление производственной базы объекта делает его менее привлекательным для фирм» [15]. Если связи слабее, транспортные издержки невелики, то происходит рассеивание промышленности, так как фирмы перемещаются в ответ на разницу заработных плат.

Таким образом, модель Э. Венейблса [15] показывает, что несовершенная конкуренция и транспортные затраты создают прямые и обратные связи между добывающими и перерабатывающим отраслями. Кроме того, модель объясняет возможность реиндустриализации периферии, поддерживая гипотезу о «пространственной» кривой Кузнецца [16], согласно которой рыночные силы сначала увеличивают, а затем уменьшают экономическое неравенство [17].

Модель М. Фудзиты

М. Фудзита в своей работе [18] показал, что ценовой механизм координации транзакций создает пространственную агломерацию экономической активности. В работе показано, что в условиях общего равновесия земельного и потребительского рынков реализуется оптимальная модель использования домохозяйствами и фирмами земельных участков. При этом рынки функционируют в условиях монополистической конкуренции.

В модели М. Фудзиты возникает два равновесия. Потребители располагаются вокруг продавцов, если последних меньше. Продавцы располагаются вокруг потребителей, если последних меньше. Эти равновесия объясняют пространственную структуру современного города.

Модель равновесного землепользования регулируется, таким образом, характером функции распределения пространственного спроса домохозяйств, что в свою очередь определяется характером транспортных расходов [18]. Следовательно, пространственная структура города определяется эндогенно, как результат взаимодействия фирм и домашних хозяйств через конкурентные рынки земли и труда [19].

Обзор развития моделей NEG

В этом обзоре мы суммируем содержание некоторых работ «сверхновой» NEG. Новые исследования в этой области преодолевают технические ограничения: постоянную эластичность замещения CES, транспортные издержки в форме айсберга, гомогенность фирм и потребителей, чрезмерное использование процессов адаптации миграции, а также отсутствие внимания к численным методам вычислений. Эти допущения ограничили область применения NEG [20].

«Сверхновая» NEG включает в проблемную область своих исследований: (1) гетерогенность экономических агентов; (2) общие модели монополистической конкуренции; (3) топологию и мультирегиональные модели; (4) ожидания в процессе миграционной адаптации; (5) самоотбор и сортировку агентов по регионам; (6) иерархические городские системы и формирование городов¹. Например, К. Беренс и др. [21] интегрируют гетерогенность навыков, самоотбор и агломерационную экономику в теоретическую модель с эндогенными городами. Это пример того, как некоторые из вопросов проблемной области NEG дополняют друг друга.

Мы вынуждены ограничить обзор развития моделей NEG, поэтому отметим обзоры литературы по моделям, представленные в работах [1; 12; 17; 22–28].

Гетерогенность

Новые модели NEG учитывают микро-гетерогенность экономических агентов [29], объясняя пространственную сортировку гетерогенных индивидов по городам и городскую иерархию по правилу рангового размера [20]. В модели Д. Оттавиано с двумя симметричными регионами, один сектор поставяет однородный товар, а другой является монополистически конкурентным, где фирмы отличаются друг от друга производительностью. В модели эндогенная концентрация в одном регионе происходит тогда, когда размер рынка и преимущества по стоимости жизни достаточны, чтобы компенсировать издержки совместного размещения при прочих стандартных условиях моделей NEG. Неоднородность пространства размещения фирм в модели означает, что менее эффективная фирма будет размещаться в менее выгодном месте. В результате неоднородность фирмы является дополнительной силой дисперсии при высоких транспортных издержках и низкой дифференциации товаров [30]. Существуют случаи,

¹ См., например, обзор С. Прооста и Ж.-Ф. Тисса [1].

когда различия в эффективности не являются силами дисперсии. Более высокие расхождения в общей факторной производительности фирм за счет самоотбора увеличивают число фирм-экспортеров, способствуя агломерации экономической деятельности [31]¹.

Регион с большим количеством фирм улучшает среднее соответствие между навыками рабочих и рабочими местами. Механизм агломерации возникает в результате конкуренции между фирмами на рынке труда. Более крупные регионы с гетерогенными рабочими демонстрируют более высокую производительность труда, и высокую заработную плату, и больший размер фирмы [26; 32]. Исследования [32] и [33] и изучают гетерогенность квалификации работников в рамках системы городов, что имеет значение для внутренней структуры городов и регионов.

В модели [34] пространственные структуры определяются через профессиональную мобильность, тогда агломерация зависит от издержек входа фирм, с которыми сталкиваются потенциальные предприниматели. Первоначальное снижение транспортных издержек в меньшем регионе увеличивает доступность разновидностей, сокращая спрос на местном рынке и снижая стимулы для предпринимательства, тогда как в крупном регионе увеличивает стимулы. Потенциальные предприниматели при дальнейшем снижении транспортных издержек извлекают выгоду из глобального спроса, то есть за агломерацией следует повторное рассеивание.

Еще один источник гетерогенных предпочтений — выбор места проживания. Каждое место проживания имеет свои специфические характеристики, которые порождают асимметрии в равновесной реальной заработной плате в разных местах. Специфичные для региона характеристики переводятся в экзогенные асимметрии, которые делают один регион более привлекательным по сравнению с другим. Индивидуальные особенности могут объяснять, почему некоторые места промышленно развиты. В исследованиях [35] и [36] показывается, что происходит постепенный переход от симметричного равновесия к агломерации по гладкому параметрическому пути, а не катастрофическая агломерация при снижении транспортных издержек, если мы учитываем гетерогенность предпочтений. Возникает симметричная дисперсия, когда гетерогенность достаточно сильна. Иначе, прогрессирующая агломерация сменяется прогрессирующей дисперсией. Предпочтения

места проживания исследуются с помощью количественных пространственных моделей (QSMs)².

Переменная эластичность замещения VES

Постоянная эластичность замещения (Constant elasticity of substitution, CES) монополистической конкуренции является интеллектуальным приемом новых теорий торговли, экономического роста и экономической географии. Однако в силу недостатков CES «сверхновая» NEG использует переменную эластичность замещения (Variable elasticity of substitution, VES).

В литературе есть несколько важных работ о предпочтениях VES.

К. Беренс и Я. Мурата [37] показывают, что аддитивно квазисепарабельные предпочтения дают постоянное абсолютное неприятие риска (Continuous absolute risk aversion, CARA), которое может быть полезно при анализе рынка с проконкурентным эффектом. К. Беренс и Я. Мурата изучают, как торговля влияет на благосостояние [38], как заработная плата, производительность, разнообразие потребления и наценки фирм реагируют на торговую интеграцию [39].

В работе [40] предложена модель монополистической конкуренции с аддитивными предпочтениями и переменными предельными издержками, используя понятие относительной любви к разнообразию (Relative love for variety, RLV). Когда RLV возрастает вместе с индивидуальным потреблением, рынок генерирует проконкурентные эффекты, то есть большой размер рынка приводит к снижению равновесных цен. Когда RLV снижается, рынок имитирует антиконкурентное поведение, то есть большой размер рынка приводит к более высоким рыночным ценам, поскольку эластичность замещения теперь снижается. Постоянная эластичность замещения (CES) является единственным случаем, в котором все конкурентные эффекты вымываются. Эти результаты справедливы в рамках нескольких секторов, гетерогенных фирм и специфических функциональных форм полезности, таких как квадратичная и транслоговая полезность.

М. Паренти и др. [41] построили общую модель монополистической конкуренции, которая охватывает существующие модели, будучи при этом достаточно гибкой, чтобы учитывать новые особенности спроса и конкуренции. Модель способна имитировать олигополистическое поведение и воспроизводить результаты частичного равновесия.

¹ См., например [49; 52–54].

² См., например [55–59].

Прикладные исследования в теории торговли проводились с использованием моделей VES. Например, в работе [42] исследовано влияние либерализации торговли на структуру торговли, наценки фирм и расположение фирм в двухфакторной модели монополистической конкуренции, характеризующейся переменной эластичностью замещения общей аддитивно сепарабельной полезностью. Они обнаруживают, что односторонняя торговля протекает от самой маленькой страны к самой большой, так как фирмы перемещаются из самой большой страны в самую маленькую, расширяя свой рынок за счет захвата глобального спроса.

Мультирегиональные модели

Для эмпирических исследований пространственной экономики необходимым условием является использование мультирегиональных моделей [43], так как модели двух регионов NEG упрощают пространственные взаимодействия [20; 43–45] и ограничивают исследования различных моделей агломерации [37]. Мультирегиональные модели необходимы для решения таких политических вопросов, как налогообложение, торговая политика и региональное перераспределение [12; 22].

Реализуя подход А. Тьюринга [47], Р. Кругман [48] предложил модель «экономика рейстрек» (Racetrack economy, RE) [22], в которой регионы расположены по окружности симметрично. Равновесное состояние RE — это равномерное распределение экономической активности. Выход из него может заставить RE спонтанно создать одну или более агломераций промышленности [25].

В работе [46] исследованы агломерационные свойства мультирегиональной модели (Core-periphery, CP), в которой регионы расположены на окружности. В каждой бифуркации число регионов уменьшается вдвое, а расстояние между каждой парой соседних регионов удваивается. Рекурсивные бифуркации продолжаются до тех пор, пока не будет достигнута моноцентрическая агломерация. Она достигается при гомогенных предпочтениях потребителей, а при гетерогенных предпочтениях подтверждается идея колоколообразной кривой пространственного развития.

Х. Барберо и Х. Зофио [49] используют мультирегиональную модель CP для анализа агломерационных и дисперсионных сил в зависимости от пространственных топологий. Используя теорию графов для альтернативной пространствен-

ной конфигурации, Х. Барберо и Х. Зофио изучают неосуществимость дисперсного равновесия в гетерогенном пространстве, что приводит к неравномерному распределению экономической активности между регионами¹.

Заключение

В нашей работе внимание уделяется теоретическим основам в области Новой экономической географии. Мы показали, что: (1) экономическое пространство является результатом компромисса между различными формами возрастающей отдачи и различными видами издержек мобильности; (2) ценовая конкуренция, землепользование и высокие транспортные издержки способствуют рассеиванию производства и потребления; (3) предприятия объединяются тогда, когда они продают дифференцированные товары при низких транспортных издержках; (4) города обеспечивают широкий спектр конечных товаров и специализированных рынков труда. Таким образом, пространственная экономика в NEG понимается как результат взаимодействия между агломерационными и дисперсионными силами.

Мы не пытаемся охватить все вопросы экономической географии, которые исследуются PEG и EEG², а также NEG. Экономические географы, географические экономисты пытаются решить фундаментальные вопросы, касающиеся пространственного распределения экономической активности. В новых работах NEG учитывается гетерогенность агентов, что приближает NEG к проблемам, решаемым как PEG, так и EEG. Дальнейшее развитие NEG возможно только в том случае, если мы будем продолжать преодолевать базовые предпосылки, ограничивающие область исследований NEG. Включение гетерогенности агентов, усиливает необходимость развития работы с микрогеографическими данными³. Например, К. Беренс и др. [50] интегрируют гетерогенность навыков, самоотбор и агломерационную экономику в модель с эндогенными городами, что позволяет описать сортировку, агломерацию и отбор в городах.

¹ Для дополнительной информации см. [60], в работе дается полный обзор мультирегиональных моделей NEG.

² Proper Economic Geography (PEG) — собственно экономическая география [61–63]. Evolutionary Economic Geography (EEG) — эволюционная экономическая география [3; 64].

³ См., например [65].

Список источников

1. Proost S., Thisse J. F. What can be learned from spatial economics? // *Journal of Economic Literature*. 2019. Vol. 57. № 3. P. 575–643.
2. Krugman P. Space: the final frontier // *Journal of Economic Perspectives*. 1998. Vol. 12. № 2. P. 161–174.
3. Boschma R. A., Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography // *Journal of Economic Geography*. 2006. Vol. 6. № 3. P. 273–302.
4. Hotelling H. Stability in Competition // *The Economic Journal*. 1929. Vol. 39. № 153. P. 41–57.
5. Iskakov M., Iskakov A. Solution of the Hotelling's game in secure strategies // *Economics Letters*. 2012. Vol. 117. № 1. P. 115–118.
6. D'Aspremont C., Gabszewicz J. J., Thisse J.-F. On Hotelling's "Stability in Competition" // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. № 5. P. 1145.
7. Изотов Д. А. Новая экономическая география: границы возможностей // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 123–160. DOI: 10.14530/se.2013.3.123-160.
8. Helpman E. Market structure and foreign trade: increasing returns, imperfect competition, and the international economy. Cambridge, Mass.: MIT Press. 1985.
9. Krugman P. Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade // *The American Economic Review*. 1980. Vol. 70. № 5. P. 950–959.
10. Behrens K. et al. Trade, wages, and productivity // *International Economic Review*. 2014. Vol. 55. № 4. P. 1305–1348.
11. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99. № 3. P. 483–499.
12. Combes P. P., Mayer T., Thisse J. F. Economic geography: the integration of regions and nations // *Economic Geography: the Integration of Regions and Nations*. Princeton University Press. 2008.
13. Davis D. R., Weinstein D.E. Economic geography and regional production structure: An empirical investigation // *European Economic Review*. 1999. Vol. 43. № 2. P. 379–407.
14. Tu F., Yu X., Ruan J. Industrial land use efficiency under government intervention: Evidence from Hangzhou, China // *Habitat International*. 2014. Vol. 43. P. 1–10.
15. Venables A. J. Equilibrium locations of vertically linked industries // *International Economic Review*. 1996. Vol. 37. № 2. P. 341–359.
16. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. 45. № 1. P. 1–28.
17. Gaspar J. M. A prospective review on New Economic Geography // *Annals of Regional Science*. 2018. Vol. 61. № 2. P. 237–272.
18. Fujita M. A monopolistic competition model of spatial agglomeration. Differentiated product approach // *Regional Science and Urban Economics*. 1988. Vol. 18. № 1. P. 87–124.
19. Fujita M., Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future // *Fifty Years of Regional Science*. Springer, Berlin, Heidelberg. 2004. P. 139–164.
20. Behrens K., Robert-Nicoud F. Tempora mutantur: In search of a new testament for NEG // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. № 2. P. 215–230.
21. Behrens K. et al. Beyond the home market effect: Market size and specialization in a multi-country world // *Journal of International Economics*. 2009. Vol. 79. № 2. P. 259–265.
22. Baldwin R. E., Okubo T. Heterogeneous firms, agglomeration and economic geography: Spatial selection and sorting // *Journal of Economic Geography*. 2006. Vol. 6. № 3. P. 323–346.
23. Behrens K., Thisse J. F. Regional economics: A new economic geography perspective // *Regional Science and Urban Economics*. 2007. Vol. 37. № 4. P. 457–465.
24. Brakman S., Garretsen H., van Marrewijk C. The New Introduction to Geographical Economics // *the new introduction to geographical economics*. Cambridge: Cambridge University Press. 2009. XXVII–XXVII p.
25. Fujita M. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. MIT Press. 1999.
26. Fujita M. Economics of agglomeration: cities, industrial location, and globalization. Second Edi. Cambridge: Cambridge University Press. 2013.
27. Krugman P. The New Economic Geography, now middle-aged // *Regional Studie*. 2011. Vol. 45. № 1. P. 1–7.

28. Redding S. J. Economic Geography: A review of the theoretical and empirical literature // In Palgrave Handbook of International Trade. Palgrave Macmillan UK. Palgrave Macmillan, London. 2013. P. 497–531.
29. Ottaviano G. I. P. “New” new economic geography: Firm heterogeneity and agglomeration economies // Journal of Economic Geography. 2011. Vol. 11. № 2. P. 231–240.
30. Ottaviano G. I. P. Agglomeration, trade and selection // Regional Science and Urban Economics. North-Holland. 2012. Vol. 42. № 6. P. 987–997.
31. von Ehrlich M., Seidel T. More similar firms — More similar regions? On the role of firm heterogeneity for agglomeration // Regional Science and Urban Economics. 2013. Vol. 43. № 3. P. 539–548.
32. Venables A. J. Productivity in cities: Self-selection and sorting // Journal of Economic Geography. 2011. Vol. 11. № 2. P. 241–251.
33. Eeckhout J., Pinheiro R., Schmidheiny K. Spatial sorting // Journal of Political Economy. 2014. Vol. 122. № 3. P. 554–620.
34. Oyama D. et al. On the impact of trade on the industrial structures of nations // International Journal of Economic theory. 2011. Vol. 7. № 1. P. 93–109.
35. Tabuchi T., Thisse J.F. Taste heterogeneity, labor mobility and economic geography // Journal of Development Economics. 2002. Vol. 69. № 1. P. 155–177.
36. Murata Y. Product diversity, taste heterogeneity, and geographic distribution of economic activities: Market vs. non-market interactions // Journal of Urban Economics. 2003. Vol. 53. № 1. P. 126–144.
37. Behrens K., Murata Y. Globalization and individual gains from trade // Journal of Monetary Economics. 2012. Vol. 59. № 8. P. 703–720.
38. Behrens K., Murata Y. On quantitative spatial economic models // Journal of Urban Economics. 2021. Vol. 123. P. 103–348.
39. Behrens K., Murata Y. General equilibrium models of monopolistic competition: A new approach // Journal of Economic theory. 2007. Vol. 136. № 1. P. 776–787.
40. Zhelobodko E. et al. Monopolistic competition: beyond the constant elasticity of substitution // Econometrica. 2012. Vol. 80. № 6. P. 2765–2784.
41. Parenti M., Ushchev P., Thisse J. F. Toward a theory of monopolistic competition // Journal of Economic theory. 2017. Vol. 167. P. 86–115.
42. Chen C. M., Zeng D. Z. Mobile capital, variable elasticity of substitution, and trade liberalization // Journal of Economic Geography. 2018. Vol. 18. № 2. P. 461–494.
43. Blaug M. Economic theory in Retrospect. 5th ed. Cambridge University Press. 1997.
44. Fujita M., Mori T. Frontiers of the New Economic Geography // Papers in Regional Science. 2005. Vol. 84. № 3. P. 377–405.
45. Tabuchi T. Historical trends of agglomeration to the capital region and new economic geography // Regional Science and Urban Economic. 2014. Vol. 44. № 1. P. 50–59.
46. Aleksandrova E., Behrens K., Kuznetsova M. Manufacturing (co)agglomeration in a transition country: Evidence from Russia // Journal of Regional Science. 2020. Vol. 60. № 1. P. 88–128.
47. Turing A. M. The Chemical Basis of Morphogenesis // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences. The Royal Society. 1952. Vol. 237. № 641. P. 37–72.
48. Krugman P. On the number and location of cities // European Economic Review. 1993. Vol. 37. № 2–3. P. 293–298.
49. Barbero J., Zofio J. L. The Multiregional Core-periphery Model: the Role of the Spatial Topology // Networks and Spatial Economics. 2016. Vol. 16. № 2. P. 469–496.
50. Behrens K., Duranton G., Robert-Nicoud F. Productive cities: Sorting, selection, and agglomeration // Journal of Political Economy. 2014. Vol. 122. № 3. P. 507–553.
51. Ottaviano G. I. P., Thisse J.F. New economic geography: What about the N? // Environment and Planning A. 2005. Vol. 37. № 10. P. 1707–1725.
52. Melitz M. J., Ottaviano G. I. P. Market size, trade, and productivity // Review of Economic Studies. 2008. Vol. 75. № 1. P. 295–316.
53. Nocke V. A gap for me: Entrepreneurs and entry // Journal of the European Economic Association. 2006. Vol. 4. № 5. P. 929–956.

54. Okubo T., Picard P.M., Thisse J.F. The spatial selection of heterogeneous firms // *Journal of International Economics*. 2010. Vol. 82. № 2. P. 230–237.
55. Akamatsu T., Takayama Y., Ikeda K. Spatial discounting, Fourier, and racetrack economy: A recipe for the analysis of spatial agglomeration models // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2012. Vol. 36. № 11. P. 1729–1759.
56. Behrens K., Robert-Nicoud F. Agglomeration theory with Heterogeneous Agents // *Handbook of Regional and Urban Economics* / Duranton G., Henderson J. V., Strange W. C. Elsevier. 2015. Vol. 5. P. 171–245.
57. Pellegrini P. A., Fotheringham A. S. Modelling spatial choice: A review and synthesis in a migration context // *Progress in Human Geography*. 2002. Vol. 26. № 4. P. 487–510.
58. Redding S. J. Goods trade, factor mobility and welfare // *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 101. P. 148–167.
59. Redding S.J., Rossi-Hansberg E. Quantitative spatial economics // *Annual Review of Economics*. 2017. Vol. 9. P. 21–58.
60. Commendatore P. et al. Towards a Multiregional NEG Framework: Comparing Alternative Modelling Strategies // *Complexity and Geographical Economics: Topics and Tools* / Pasquale C., Kayam S., Kubin I. Springer International Publishing. 2015. P. 13–50.
61. Martin R. The new “geographical turn” in economics: Some critical reflections // *Cambridge Journal of Economics*. 1999. Vol. 23. № 1. P. 65–91.
62. Overman H. G. Can we learn anything from economic geography proper? // *Journal of Economic Geography*. 2004. Vol. 4. № 5. P. 501–516.
63. Scott A. J. A perspective of economic geography // *Journal of Economic Geography*. 2004. Vol. 4. № 5. P. 479–499.
64. Boschma R., Martin R. The aims and scope of evolutionary economic geography // *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. 2010. P. 3–42.
65. Combes P. P., Duranton G., Gobillon L. The identification of agglomeration economies // *Journal of Economic Geography*. 2011. Vol. 11. № 2. P. 253–266.

References

1. Proost S, Thisse JF. What can be learned from spatial economics? *Journal of Economic Literature*. 2019;57(3):575–643.
2. Krugman P. Space: the final frontier. *Journal of Economic Perspectives*. 1998;12(2):161–174.
3. Boschma RA, Frenken K. Why is economic geography not an evolutionary science? Towards an evolutionary economic geography. *Journal of Economic Geography*. 2006;6(3):273–302.
4. Hotelling H. Stability in Competition. *The Economic Journal*. 1929;39(153):41–57.
5. Iskakov M, Iskakov A. Solution of the Hotelling’s game in secure strategies. *Economics Letters*. 2012;117(1):115–118.
6. D’Aspremont C, Gabszewicz JJ, Thisse J-F. On Hotelling’s “Stability in Competition”. *Econometrica*. 1979;47(5):1145.
7. Izotov DA. New economic geography: the possibilities and restrictions. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*. 2013;(3):123–160. (In Russ.).
8. Helpman E. Market structure and foreign trade: increasing returns, imperfect competition, and the international economy. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.
9. Krugman P. Scale economies, product differentiation, and the pattern of trade. *The American Economic Review*. 1980;70(5):950–959.
10. Behrens K, Mion G, Murata Y, Südekum J. Trade, wages, and productivity. *International Economic Review*. 2014;55(4):1305–1348.
11. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 1991;99(3):483–499.
12. Combes PP, Mayer T, Thisse JF. Economic geography: the integration of regions and nations. Princeton University Press; 2008.
13. Davis DR, Weinstein DE. Economic geography and regional production structure: An empirical investigation. *European Economic Review*. 1999;43(2):379–407.

14. Tu F, Yu X, Ruan J. Industrial land use efficiency under government intervention: Evidence from Hangzhou, China. *Habitat International*. 2014;43:1–10.
15. Venables AJ. Equilibrium locations of vertically linked industries. *International Economic Review*. 1996;37(2):341.
16. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*. 1955;45(1):1–28.
17. Gaspar JM. A prospective review on New Economic Geography. *Annals of Regional Science*. 2018;61(2):237–272.
18. Fujita M. A monopolistic competition model of spatial agglomeration. Differentiated product approach. *Regional Science and Urban Economics*. 1988;18(1):87–124.
19. Fujita M, Krugman P. The new economic geography: Past, present and the future. In: *Fifty Years of Regional Science*. Springer, Berlin, Heidelberg; 2004. Pp. 139–164.
20. Behrens K, Robert-Nicoud F. Tempora mutantur: In search of a new testament for NEG. *Journal of Economic Geography*. 2011;11(2):215–230.
21. Behrens K, Lamorgese AR, Ottaviano GIP, Tabuchi T. Beyond the home market effect: Market size and specialization in a multi-country world. *Journal of International Economics*. 2009;79(2):259–265.
22. Baldwin RE, Okubo T. Heterogeneous firms, agglomeration and economic geography: Spatial selection and sorting. *Journal of Economic Geography*. 2006;6(3):323–346.
23. Behrens K, Thisse JF. Regional economics: A new economic geography perspective. *Regional Science and Urban Economics*. 2007;37(4):457–465.
24. Brakman S, Garretsen H, Marrewijk C van. *The New Introduction to Geographical Economics*. Cambridge, Cambridge University Press; 2009.
25. Fujita M. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. MIT Press; 1999.
26. Fujita M. *Economics of agglomeration: cities, industrial location, and globalization*. Second Edi. Cambridge, Cambridge University Press; 2013.
27. Krugman P. The New Economic Geography, now middle-aged. *Regional Studies*. 2011;45(1):1–7.
28. Redding SJ. Economic Geography: A review of the theoretical and empirical literature. In: *Palgrave Handbook of International Trade*. Palgrave Macmillan UK. Palgrave Macmillan, London; 2013. Pp. 497–531.
29. Ottaviano GIP. “New” new economic geography: Firm heterogeneity and agglomeration economies. *Journal of Economic Geography*. 2011;11(2):231–240.
30. Ottaviano GIP. Agglomeration, trade and selection. *Regional Science and Urban Economics*. 2012;42(6):987–997.
31. Ehrlich M von, Seidel T. More similar firms — More similar regions? On the role of firm heterogeneity for agglomeration. *Regional Science and Urban Economics*. 2013;43(3):539–548.
32. Venables AJ. Productivity in cities: Self-selection and sorting. *Journal of Economic Geography*. 2011;11(2):241–251.
33. Eeckhout J, Pinheiro R, Schmidheiny K. Spatial sorting. *Journal of Political Economy*. 2014;122(3):554–620.
34. Oyama D, Sato Y, Tabuchi T, Thisse JF. On the impact of trade on the industrial structures of nations. *International Journal of Economic theory*. 2011;7(1):93–109.
35. Tabuchi T, Thisse JF. Taste heterogeneity, labor mobility and economic geography. *Journal of Development Economics*. 2002;69(1):155–177.
36. Murata Y. Product diversity, taste heterogeneity, and geographic distribution of economic activities: Market vs. non-market interactions. *Journal of Urban Economics*. 2003;53(1):126–144.
37. Behrens K, Murata Y. Globalization and individual gains from trade. *Journal of Monetary Economics*. 2012;59(8):703–720.
38. Behrens K, Murata Y. On quantitative spatial economic models. *Journal of Urban Economics*. 2021;123:103–348.
39. Behrens K, Murata Y. General equilibrium models of monopolistic competition: A new approach. *Journal of Economic theory*. 2007;136(1):776–787.
40. Zhelobodko E, Kokovin S, Parenti M, Thisse J-F. Monopolistic competition: beyond the constant elasticity of substitution. *Econometrica*. 2012;80(6):2765–2784.

41. Parenti M, Ushchev P, Thisse JF. Toward a theory of monopolistic competition. *Journal of Economic theory*. 2017;167:86–115.
42. Chen CM, Zeng DZ. Mobile capital, variable elasticity of substitution, and trade liberalization. *Journal of Economic Geography*. 2018;18(2):461–494.
43. Blaug M. *Economic theory in Retrospect*. 5th ed. Cambridge, University Press; 1997.
44. Fujita M, Mori T. Frontiers of the New Economic Geography. *Papers in Regional Science*. 2005;84(3):377–405.
45. Tabuchi T. Historical trends of agglomeration to the capital region and new economic geography. *Regional Science and Urban Economics*. 2014;44(1):50–59.
46. Aleksandrova E, Behrens K, Kuznetsova M. Manufacturing (co)agglomeration in a transition country: Evidence from Russia. *Journal of Regional Science*. 2020;60(1):88–128.
47. Turing AM. The Chemical Basis of Morphogenesis. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B. Biological Sciences*. 1952;237(641):37–72.
48. Krugman P. On the number and location of cities. *European Economic Review*. 1993;37(2–3):293–298.
49. Barbero J, Zofio JL. The Multiregional Core-periphery Model: the Role of the Spatial Topology. *Networks and Spatial Economics*. 2016;16(2):469–496.
50. Behrens K, Duranton G, Robert-Nicoud F. Productive cities: Sorting, selection, and agglomeration. *Journal of Political Economy*. 2014;122(3):507–553.
51. Ottaviano GIP, Thisse JF. New economic geography: What about the N? *Environment and Planning A*. 2005;37(10):1707–1725.
52. Melitz MJ, Ottaviano GIP. Market size, trade, and productivity. *Review of Economic Studies*. 2008;75(1):295–316.
53. Nocke V. A gap for me: Entrepreneurs and entry. *Journal of the European Economic Association*. 2006;4(5):929–956.
54. Okubo T, Picard PM, Thisse JF. The spatial selection of heterogeneous firms. *Journal of International Economics*. 2010;82(2):230–237.
55. Akamatsu T, Takayama Y, Ikeda K. Spatial discounting, Fourier, and racetrack economy: A recipe for the analysis of spatial agglomeration models. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2012;36(11):1729–1759.
56. Behrens K, Robert-Nicoud F. Agglomeration theory with Heterogeneous Agents. In: Duranton G, Henderson JV, Strange WC, editors. *Handbook of Regional and Urban Economics*. Elsevier; 2015. Pp. 171–245.
57. Pellegrini PA, Fotheringham AS. Modelling spatial choice: A review and synthesis in a migration context. *Progress in Human Geography*. 2002;26(4):487–510.
58. Redding SJ. Goods trade, factor mobility and welfare. *Journal of International Economics*. 2016;101:148–167.
59. Redding SJ, Rossi-Hansberg E. Quantitative spatial economics. *Annual Review of Economics*. 2017;9:21–58.
60. Commendatore P, Filoso V, Grafeneder-Weissteiner T, Kubin I. Towards a Multiregional NEG Framework: Comparing Alternative Modelling Strategies. In: Pasquale C, Kayam S, Kubin I, editors. *Complexity and Geographical Economics: Topics and Tools*. Springer International Publishing; 2015. Pp. 13–50.
61. Martin R. The new “geographical turn” in economics: Some critical reflections. *Cambridge Journal of Economics*. 1999;23(1):65–91.
62. Overman HG. Can we learn anything from economic geography proper? *Journal of Economic Geography*. 2004;4(5):501–516.
63. Scott AJ. A perspective of economic geography. *Journal of Economic Geography*. 2004;4(5):479–499.
64. Boschma R, Martin R. The aims and scope of evolutionary economic geography. In: *The Handbook of Evolutionary Economic Geography*. Edward Elgar Publishing Ltd.; 2010. Pp. 3–42.
65. Combes PP, Duranton G, Gobillon L. The identification of agglomeration economies. *Journal of Economic Geography*. 2011;11(2):253–266.

Информация об авторах

Е. А. Захарова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики.

Д. В. Давыдов — старший преподаватель кафедры менеджмента.

Information about the authors

E. A. Zakharova — Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics.

D. V. Davydov — Senior Lecturer, Department of Management.

Статья поступила в редакцию 06.03.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 06.03.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК: 338.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10603

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ПОЗНАНИИ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Алексей Юрьевич Даванков¹, Геннадий Николаевич Пряхин²,
Никита Валерьевич Малыгин³

^{1,2,3} Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

¹ Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

¹ iserp@csu.ru, ORCID 0000-0002-0209-5301

² pgn248@csu.ru, ORCID 0000-0003-1998-046X

³ malygin_97@mail.ru, ORCID 0000-0001-8542-9233

Аннотация. Социо-эколого-экономические процессы и явления раскрываются в понятиях и методах, применяемых в региональной экономике. В отличие от отраслевых научных подходов, которые ориентированы на избирательное, более детальное изучение процессов, протекающих в определенной сфере, региональный подход позволяет изучать их во взаимосвязи и единстве. Регионализм является пространственной формой интеграции знаний нескольких отраслевых наук. Часто региональную экономику рассматривают на общих принципах традиционной экономической теории — определяя эффективность развития региона как сумму оценок индивидуальной (корпоративной) экономической деятельности, без учета общественной территориальной значимости социальной и экологической составляющих развития. Для исправления такого положения при принятии решений следует знать и использовать методологические основы регионалистики, которые имеют ряд междисциплинарных специфических особенностей. В статье предложены научно-методические основы поиска эффективных пространственных решений сбалансированного развития территорий, которые базируются на применении специфических элементов теории, раскрывающих суть исследования. Представлена матричная модель исследования процессов развития территориальных систем, которая позволяет установить последовательность перехода от кризиса к устойчивому развитию и новый уровень организации территории в достижении поставленных целей.

Ключевые слова: социо-эколого-экономический подход, развитие территориальных систем, матрица сбалансированности региональной системы

Благодарность: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

Для цитирования: Даванков А. Ю., Пряхин Г. Н., Малыгин Н. В. Междисциплинарность в познании процессов развития территориальных систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 21–29. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10603

Original article

INTERDISCIPLINARITY IN THE COGNITION OF THE PROCESSES OF DEVELOPMENT OF TERRITORIAL SYSTEMS

Alexey Yu. Davankov¹, Gennady N. Pryakhin², Nikita V. Malygin³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia

¹ iserp@csu.ru, ORCID 0000-0002-0209-5301

² pgn248@csu.ru, ORCID 0000-0003-1998-046X

³ malygin_97@mail.ru, ORCID 0000-0001-8542-9233

Abstract. Socio-ecological and economic processes and phenomena are revealed in the concepts and methods used in the regional economy. Unlike branch scientific approaches, which are focused on selective, more detailed study of the processes taking place in a particular area, the regional approach allows us to study them in interrelation and unity. Regionalism is a spatial form of integration of knowledge of several branch sciences. The regional economy is often considered on the general principles of traditional economic theory — defining the effectiveness of regional development as the sum of assessments of individual (corporate) economic activity, without taking into account the social territorial significance of the social and environmental components of development. To correct this situation, when making decisions, it is necessary to know and use the methodological foundations of regionalism, which have a number of interdisciplinary specific features. The article proposes scientific and methodological foundations for the search for effective spatial solutions for the balanced development of territories, which are based on the application of specific elements of the theory that reveal the essence of the study. A matrix model of the study of the processes of development of territorial systems is presented, which allows us to establish the sequence of transition from crisis to sustainable development and a new level of organization of the territory in achieving the set goals.

Keywords: socio-ecological-economic approach, development of territorial systems, the matrix of regional system balance

Acknowledgments: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

For citation: Davankov AYu, Pryakhin GN, Malygin NV. Interdisciplinarity in the cognition of the processes of development of territorial systems. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):21-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10603

Введение

В настоящее время в современной России усилились пространственные дисбалансы экономического, социального и экологического характера между отдельными регионами и их территориальными образованиями, так как пространственные социо-эколого-экономические решения на разных уровнях управления часто принимаются в угоду финансовой выгоде олигархического капитала, и не служат целям общетерриториального развития [1]. Отсюда растёт интерес к поиску вариантов траекторий сбалансированного развития отдельных территорий, являющихся противоположными разбалансированному типу развития. Знания междисциплинарного, системного подхода к исследованию территориальных социо-эколого-экономических процессов с применением научных понятий и методов региональной экономики обеспечивают при принятии управленческих решений выбор траектории сбалансированного развития. Вопросы междисциплинарного подхода к изучению сбалансированного развития территорий рассмотрены в научных трудах таких ученых, как В. С. Бочко, изучавший теоретико-методологические аспекты интегративного стратегического развития территорий [2]; В. Н. Лаженцев, исследовавший территориальное развитие как процесс организации региональных хозяйственных систем с учетом их специфических свойств и качеств и выделивший последовательность переходов от теории к практике управления [4]; В. В. Седов, раскрывший процесс взаимо-

действия хозяйства как системы с общественной и природной средой [7], и др. Их исследования стратегического развития территорий и современного общества, а также социо-эколого-экономических систем являются неоценимым вкладом в современную науку.

Широкое понимание термина «наука» предполагает определение его как познания действительности, а результатом научной деятельности являются знания о реальной картине мира. Основу науки образуют полученные знания о мире, а также методологии и методики, которые применяются для получения этих знаний [9]. Именно их незнание, приводящее к стереотипному мышлению, обуславливает недостатки современных управленческих действий, не учитывающих быстроменяющиеся взгляды на пространственное развитие. В связи с этим часто результаты управленческих действий не только не приносят положительных результатов, но и могут иметь ярко выраженный отрицательный характер. От управления подобного рода можно ожидать не столько решения проблем, сколько их масштабирования в сравнении с моментом начала управленческих воздействий. Устранить подобную сложность до возникновения проблемы можно заранее, зная последствия влияния на социо-эколого-экономическую сбалансированность (дисбалансированность) территориальной системы при принятии одностороннего решения по одной из подсистем.

Для устранения этого недостатка предлагается ознакомиться с научно-методическими основами

междисциплинарного системного социо-эколого-экономического подхода, посредством которого можно провести оценку состояния территории, выявить динамику и характер изменений, а также те варианты, которые положительно скажутся на территориальном развитии. Имея представление об активах и ресурсах территориального развития в пространственном аспекте, субъектам управления будет легче сконцентрировать усилия на устранении причин возникающих проблем, что в итоге будет снижать отставание экономики, экологии и социальной сферы посредством их общих системных усилий.

Использование научно-методических основ пространственного развития при принятии управленческих решений будет способствовать постепенному переходу от адаптационного развития к инновационному, а далее к сбалансированному, в рамках которого реализуется системный подход к социальным, экономическим и экологическим проблемам, способствующий превращению сбалансированности (с учётом местных условий) в реальность. В то же время, знание механизма работы таких категорий, как интересы, льготы и привилегии, позволит запустить эффективный инвестиционный процесс.

Специфические теоретические компоненты научно-методических основ поиска эффективных пространственных решений сбалансированного развития

Для решения проблемы поиска эффективного пространственного социо-эколого-экономического сбалансированного развития предложены научно-методические основы, базирующиеся на применении специфических элементов теории, раскрывающих суть исследования. К данным элементам мы относим *гипотезу, научную идею, понятия, объект исследования, свойства объекта, приоритеты, этапы развития, принципы, характеристики жизненных циклов, проблематизацию взаимоотношений, схемы взаимодействия подсистем*. Кратко рассмотрим эти теоретические компоненты, которые затем используем при разработке моделей эффективного пространственного развития.

Гипотеза. Процесс гуманизации экономики посредством ее уравнивания с природой и оптимальной социальной средой, как для человека, так и для общества, превращает социо-эколого-экономическую систему в одну из основных форм и условие для сбалансированного развития территориальной триады, на основе которой повышается уровень и качество жизни населения региона [10].

Научная идея. Научно-методические основы исследования территориальных систем должны быть направлены не на узкопрофильные аспекты исследования отдельных сторон территориальной деятельности, а на интегральный научный подход, основанный на изучении всех видов взаимодействия в рамках социо-эколого-экономической деятельности.

Целью регионального развития, в отличие от целей экономики, экологии и социальной сферы в отдельности, являются реальные ограничения и объективные процессы, которые необходимо учитывать при максимизации социальных, экономических и природных благ. Другими словами, цель состоит в формировании предпосылок для перехода к стабильному, динамичному развитию при снижении риска возникновения дисбаланса ключевых региональных подсистем.

Объектом исследования является регион как пространственная социо-эколого-экономическая система, представляющая собой сложное (многопараметрическое), динамическое (эволюционирующее во времени) и пространственно выраженное образование. Структуру данной системы образует триада «природа — население — хозяйство», рассматриваемая в единстве трёх подсистем [11].

Основными свойствами объекта, характерными для пространственной социо-эколого-экономической системы, являются свойство динамизма, свойство инертности и свойство сбалансированности. С позиции динамизма данную систему можно описать как систему с интенсивно меняющимися соотношениями её структуры. В то же время для социо-эколого-экономической системы характерна определенная степень инертности, т. е. способности сохранять достигнутые оптимальные соотношения в структуре на протяжении определённого периода времени. Указанные свойства могут иметь как позитивные, так и негативные проявления в пространственном развитии региона, влияя на сбалансированность системы. Отрицательные эффекты в развитии территориальной системы могут проявляться в виде недостатка запаса ресурсов для адаптации, следствием чего может стать отклонение от сбалансированного пути развития, а, значит, отклонение от поступательного движения (сокращение жизнедеятельности и др.).

К приоритетам пространственного развития в различных сферах можно отнести следующее:

- экономическая сфера: эффективное потребление местных ресурсов: природных, трудовых,

финансовых и др. — обеспечивается экономическая эффективность, характерная для сбалансированного развития;

— социальная сфера: достигается социальная справедливость в рамках распределения общественных благ, оптимизируется личное потребление с учётом разумной достаточности;

— экологическая сфера: сохраняется оптимальность среды обитания, возникает расширенное воспроизводство возобновимых ресурсов биосферы, развивается альтернативная энергетика.

Этапы. Процесс сбалансированного развития территориальной социо-эколого-экономической системы [1], «включает в себя ряд последовательных этапов: адаптационное, инновационное, сбалансированное развитие. Адаптационное развитие своей целью ставит экономические проблемы, так как развитие местного пространственного хозяйствования способствует решению проблем экологии и социальной сферы. Далее на этапе инновационного развития приоритетными становятся социальные и экологические цели. Второй этап сбалансированного социо-эколого-экономического развития территориальной системы ориентирован на эффективность потребления природного и человеческого потенциала. Для третьего этапа характерна ориентация на цели развития социальной сферы и экологии, что создаёт условия для достижения пространственных целей — сбалансированного развития».

Представленный процесс сбалансированного развития является не только многоэтапным, но и длительным. Отчасти это зависит от того, насколько долго система осуществляет борьбу за «выживание», насколько стремится к «качественному росту», и насколько созданные предпосылки обеспечивают оптимизацию (табл. 1) [12]. Подобное развитие (адаптация — рост — оптимизация) отличается перманентным циклическим характером.

Проблематизация. Развитие разных по уровню территориальных систем часто сталкивается

с противоречиями (проблематизацией) во взаимоотношениях «экологической», «социальной», «экономической» подсистем. Вопросы проблематизации и условий сбалансированного развития (существования) указанных трёх подсистем изучены как на глобальном, так и на региональном уровнях, выявлены их взаимосвязи. Для глобального уровня характерны проблемы, которые связаны с высоким ростом потребления невозобновимых ресурсов, сокращением ассимиляционного потенциала биосферы. В связи с этим основные условия (стратегические задачи) существования биосферы состоят в уменьшении объема потребления невозобновимых источников энергии, увеличении ассимиляционного потенциала континентальной биоты и др. Для регионального уровня экономические проблемы заключаются в исчерпании резервов для индустриального развития, экологические — в подрыве устойчивости территориальных природных комплексов и др.

Схемы взаимодействия подсистем. Для раскрытия сущности рассматриваемой социо-эколого-экономической сбалансированности, т. е. степени отношений между элементами «триады» используем метод «тетрад» предложенный Г. Б. Клейнером [13].

На рисунке представлена циклическая схема взаимодействия трех подсистем триады, отражающих сферу деятельности: социальная (А), экологическая (В), экономическая (С). Показатели а, б, с характеризуют интенсивность взаимодействия между подсистемами:

а — интенсивность взаимодействия между социальной и экологической;

б — между экологической и экономической;

с — между экономической и социальной.

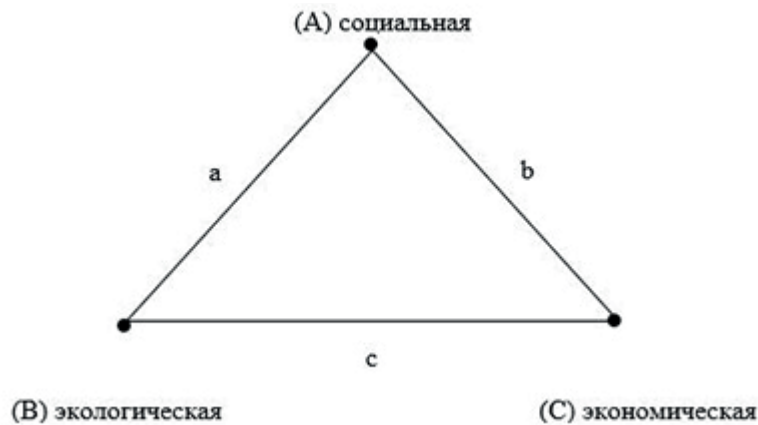
Полученные данные позволяют повести интегральную оценку взаимосвязей в «триаде». Для развития региона сбалансированного типа характерна равномерная интенсивность взаимодействия подсистем, т. е. $a=b=c$.

Таблица 1

Table 1

Характеристики этапов и стадий жизненного цикла территориальной системы Characteristics of the stages and stages of the life cycle of the territorial system

Этап	Стадия жизненного цикла	Сущность
Адаптационное развитие	«Выживание»	Адаптация к изменениям внешней среды
Инновационное развитие	«Качественный рост»	Ориентация развития на местные преимущества (развитие внутренней среды)
Сбалансированное развитие	«Оптимизация»	Снижение дисбалансов территориального развития (выход на траекторию сбалансированного развития)

Социо-эколого-экономическая сбалансированность территориальных подсистем
Socio-ecological and economic balance of territorial subsystems

Соответственно различные дисбалансы характеризуются неравной интенсивностью взаимодействия между подсистемами «триады».

Для выявления степени сбалансированности определяется вся совокупность потенциальных отношений показателей интенсивности связей между компонентами а, b, с. Представим возможные социо-эколого-экономические отношения:

$$\frac{a}{b}, \frac{a}{c}, \frac{b}{a}, \frac{b}{c}, \frac{c}{a}, \frac{c}{b}.$$

Заметим, что при сбалансированности все отношения будут равны 1. Суммируя все отношения, находим общее значение взаимодействия — S. В случае сбалансированности сумма S будет равна 6. Показатель сбалансированности Q определяется, как отношение 1 к сумме всех отношений интенсивности между компонентами «триады» с вычетом 6 [18].

$$Q = \frac{1}{1+(S-6)^2}, \quad (1)$$

где $S = \frac{a}{b} + \frac{a}{c} + \frac{b}{a} + \frac{b}{c} + \frac{c}{a} + \frac{c}{b}.$

Если Q равен 1, то социо-эколого-экономическая система сбалансирована. Значение меньше или больше 1 говорит о том, что социо-эколого-экономическая система имеет разбалансированный характер, при этом наблюдается смещение в одну из сторон. Далее выявляются параметры дисбаланса, и моделируется новый уровень интенсивности взаимодействия между подсистемами. То есть для принятия управляющего воздействия, которое направляется не на исправление положения в отстающем звене, а на достижение нового уровня интенсивности подсистемного взаимодействия.

Модель исследования процессов развития территориальных систем

Сложные территориальные системы часто исследуются посредством метода моделирования. Эффективными признаются те модели, для которых объект исследования, результат исследования и непосредственно само исследование составляют систему, т. е. целостность, включающую разнородные, но в то же время взаимосвязанные элементы. Благодаря моделированию можно избежать редукционизма, т. е. исследовательской стратегии, ориентированной на подчинение анализу, в рамках которого целое разделяется на более простые для наблюдения элементы. Подобное досистемное мышление ориентировано на синтез, т. е. «сложение» результатов аналитических работ [14].

В качестве метода эмпирического замера границ системы, когда происходит потеря качественной определенности, т. е. переход от разбалансированности к угрозам катастрофы, предложена матрица, посредством которой удобно анализировать проблемы, цели и задачи территориального развития (матричный метод диагностики) [15].

Матрица даёт представление о территориальной системе в данный момент. Клетка матрицы представляет звено, описывающее особенности основных элементов территориальной системы с двух сторон. С одной стороны, представлены факторы риска для территории, которые могут проявиться в форме социальной напряженности, проблем в финансовой, экологической сфере и т. п. С другой стороны, описываются возможные пути принципиального улучшения ситуации. Данная матрица описывает различные аспекты территориальной деятельности, а также даёт возможность ранжировать факторы развития.

Горизонтالي в матрице показывают возможности, которые отдельная подсистема вносит в достижение целей. То есть горизонтали матрицы описывают новые структурные качества систем разного уровня, в то время, как вертикали матрицы описывают возникновение новых организационных уровней системы. Матрица позволяет определить состояние системы определенного территориального уровня с учётом всех трёх подсистем. Так, на глобальном уровне возможно определение направления движения системы из бифуркационного состояния в устойчивое, а на региональном уровне — из кризисного состояния в сбалансированное.

В таблице 2 представлена разработанная нами матрица, характеризующая различные взаимосвязи между социумом, экономикой и экологией глобального (биосферного) уровня [16]. Вертикаль матрицы характеризует проблемы, задачи для трех уровней и цели; горизонталь — каким образом каждая подсистема участвует в решении проблем глобального уровня. Решая задачи, достигая цели определенного уровня, можно отдалить наступление бифуркации. Только способность человечества решать задачи за относительно непродолжительный отрезок времени позволит избежать риска наступления отрицательных бифуркационных изменений в биосфере.

Таблица 2

Table 2

Матрица взаимосвязей трех подсистем — социальной, экономической и экологической на глобальном уровне
The matrix of interconnections of three subsystems — social, economic and ecological at the global level

	Социальная	Экономическая	Экологическая	Биосфера
Проблема	Высокие неразумные потребности	Использование невозобновляемых ресурсов	Подрыв устойчивости биосферных потоков	Отрицательная бифуркация
Задача I уровня	Изменение структуры потребления	Изменение ресурсной базы	Ограничение режимов природопользования	Уменьшение угрозы бифуркации
Задача II уровня	Повышение эффективности социальной системы	Новые виды энергии	Учет экологического фактора в принятии решений	Отдаление срока бифуркации
Задача III уровня	Выравнивание уровня жизни	Использование альтернативной энергетики	Восстановление ассимиляционного потенциала природы	Развитие с минимальными нарушениями
Устойчивое развитие (цель)	Удовлетворение комплекса потребностей	Экономический рост в соответствии с потребностями	Равенство энергопотребления и ассимиляционного потенциала	Естественное существование биосферы

Таким образом, широкое понимание устойчивой динамики развития рассматривается нами в качестве стратегической альтернативы для человечества на пути развития природных способностей окружающей среды, что позволит запустить механизм положительной естественной эволюции живой и неживой материи.

Устойчивость развития на глобальном уровне заключается в сбалансированном развитии социальной, экологической и экономической подсистем всех регионов планеты. В таблице 3 представлена матрица, которая позволяет определить движение региона в направлении сбалансированного развития [17]. Строение матрицы идентично рассмотренной ранее. Отличие состоит в том, что подсистемы экономики и экологии ориентирова-

ны на решение локальных задач. Данная матрица наглядно показывает, каковы перспективы перехода региона в новое состояние, если проблемы трех подсистем будут решены. Последовательный переход региона от кризиса к устойчивому развитию можно увидеть в последнем столбце матрицы, т. е. вертикальная иерархичность — это новый уровень организации системы в направлении достижения целей развития. Вклад отдельной подсистемы в достижение нового качества системы показывает горизонтальная иерархия. Например, решая задачи первого уровня, т. е. изменяя структуру потребления, проводя структурную перестройку промышленности, повышая уровень экологической культуры, можно способствовать сокращению кризисных явлений в регионе.

Матрица сбалансированного развития региона
Matrix of balanced development of the region

	Социум	Экономика	Экология	Регион
Проблема	Несоответствие потребностей возможностям региона	Исчерпание резервов индустриально-го развития	Подрыв устойчивости природных комплексов	Кризис
Задача I уровня	Изменение структуры потребления	Структурная перестройка промышленности	Повышение экологической культуры	Уменьшение кризисных явлений
Задача II уровня	Повышение эффективности социальной системы	Изменение качества роста	Учет экологического фактора в принятии решений	Развитие с учетом устойчивости
Задача III уровня	Выравнивание уровня жизни	Повышение эффективности производства	Восстановление потенциала природных комплексов	Стабильное развитие
Сбалансированное развитие (цель)	Удовлетворение потребностей	Развитие в соответствии с потребностями	Нагрузка в пределах нормативов	Сбалансированное развитие

Посредством предлагаемой модели региональной системы возможно определение первостепенных противоречий, которые возникают в процессе функционирования социальной, экономической и экологической сферы региона. Модель является современным способом выявления связей данных подсистем, а также способом определения направлений системного функционирования и развития территории.

Заключение

Предлагаемые междисциплинарные научно-методические основы развития региона как сбалансированной социо-эколого-экономической системы ориентированы не столько на исследование внутренних проблем, сколько на исследование внешних противоречий, которые возникают в процессе взаимодействия экономики, социаль-

ной сферы, экологии. Такой подход увеличивает степень надежности результатов проектирования развития региона.

Применение матрицы взаимосвязей социальной, экономической и экологической сфер позволит выявить проблемы и задачи по всем трём направлениям, а также возможные траектории развития региона от кризиса к сбалансированности.

Матрица сбалансированности региональной системы способствует определению основных противоречий между социумом, экономикой и экологией, что открывает перспективы для исследования новых взаимодействий данных подсистем, определения новых аспектов функционирования и развития всей территориальной системы.

Список источников

1. Даванков А. Ю., Кочеров А. В. Научно-методические основы исследования пространственных социо-эколого-экономических систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 14. С. 15–25.
2. Бочко В. С. Интегративное стратегическое развитие территорий (теория и методология) : монография. Екатеринбург, 2010. 316 с.
3. Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества: Концептуальная экология. М. : Россия молодая — Экология, 1992. 367 с.
4. Лаженцев В. Н. Опыт комплексного исследования проблем территориального развития : монография. Сыктывкар, 2003. 192 с.
5. Леонтьев В. В. Межотраслевая экономика. М. : Экономика, 1997. 479 с.
6. Гурман В. И., Кульбака Н. Э., Рюмина Е. В., Токсанбаева М. С. Моделирование социо-эколого-экономической системы. М. : Наука, 2001. 175 с.
7. Седов В. В. Хозяйство — основа устойчивого развития современного общества: политико-экономические аспекты : монография. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2017. 248 с.

8. Карелов С. В., Белик И. С., Бурмакина Л. А. и др. Социо-, эколого-экономическая оценка состояния территории : монография. Екатеринбург : УрФУ, 2013. 258 с.
9. МIRONENKO Н. С., КАРИНСКИЙ С. С., СЛУКА Н. А. Методы страноведческого исследования : учебное пособие. М. : МГУ, 1993. 152 с.
10. Двинин Д. Ю., Даванков А. Ю., Дегтярев П. Я., Мальцев Ю. Г. Общенаучные и специфические основы территориальных исследований // Управление в современных системах. 2020. № 3. С. 16–22.
11. Седов В. В., Макарова Л. И., Растворова Е. П. и др. Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики : монография. Челябинск : Изд-во ЧелГУ, 2016. 295 с.
12. Даванков А. Ю., Косарева Г. А., Кочеров А. В. Повышение надежности механизма проектирования сбалансированного развития территориальной социо-эколого-экономической системы // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 3. С. 511–524.
13. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России // Экономика региона. 2015. № 3. С. 9–17.
14. Преображенский В. С. Междисциплинарные исследования территориальных систем и моделирование // Мысль. 1977, № 104. С. 95–104.
15. Гейгер Э., Шеппард К. Предпосылки для эффективного управления // Проблемы реструктуризации угледобывающих предприятий : Труды НИИОГРа. 1997. № 2. С. 5–15.
16. Даванков А. Ю., Пряхин А. Г. Матричная форма процесса перехода территориальной хозяйственной деятельности к постиндустриальному развитию // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 4. С. 20–23.
17. Седов В. В. Устойчивое развитие экономических систем: от теории к практике // Челябинский государственный университет. 2014. 244 с.
18. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Мальцев Ю. Г. Моделирование уровня сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона при переходе к альтернативной энергетике // Управление в современных системах. 2021. № 2. С. 3–12.

References

1. Davankov AYU, Kocherov AV. Scientific and methodological foundations for the study of spatial socio-ecological and economic systems. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016;(14):15–25. (In Russ.).
2. Bochko VS. Integrative strategic development of territories (theory and methodology): monography. Yekaterinburg; 2010. 316 p. (In Russ.).
3. Reymers NF. Hopes for Human Survival: Conceptual Ecology. Moscow, Young Russia, Ecology; 1992. 367 p. (In Russ.).
4. Lazhentsev VN. Experience of a comprehensive study of the problems of territorial development: monography. Syktyvkar; 2003. 192 p. (In Russ.).
5. Leont'yev VV. Intersectoral Economics. Moscow, Economics; 1997. (In Russ.).
6. Gurman VI, Kulbaka NE, Ryumina EV, Toksanbayeva MS. Modeling the socio-ecological-economic system. Moscow, Science; 2001. 175 p. (In Russ.).
7. Sedov VV. Economy is the basis of sustainable development of modern society: political and economic aspects. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University; 2017. 248 p. (In Russ.).
8. Karelov SV, Belik IS, Burmakina LA et al. Socio-ecological and economic assessment of the state of the territory. Yekaterinburg, Ural Federal University; 2013. 258 p. (In Russ.).
9. Mironenko NS, Karinskiy SS, Sluka NA. Methods of regional studies. Moscow, Moscow State University; 1993. 152 p. (In Russ.).
10. Dvinin DYU, Davankov AYU et al. General scientific and specific foundations of territorial research. *Upravleniye v sovremennykh sistemakh = Management in modern systems*. 2020;(27):16–22. (In Russ.).
11. Sedov VV., Makarova LI., Rastvorova EP et al. Management of the balanced development of territorial systems: issues of theory and practice. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University; 2016. 295 p. (In Russ.).
12. Davankov AYU, Kosareva GA et al. Improving the reliability of the mechanism for designing a balanced development of the territorial socio-ecological and economic system. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: theory and Practice*. 2017;(3):511–524. (In Russ.).

13. Kleyner GB. State — region — industry — enterprise: the framework of the systemic stability of the Russian economy. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2015;(3):9–17. (In Russ.).
14. Preobrazhenskiy VS. Interdisciplinary studies of territorial systems and modeling. *Mysl' = Thought*. 1977;(104): 95–104. (In Russ.).
15. Geyger E, Sheppard K. Prerequisites for effective management. *Problemy restrukturizatsii ugledobyvayushchikh predpriyatiy. Trudy NIIOGRa = Problems of restructuring of coal mining enterprises: Proceedings of NIIOGRa*. 1997;(2):5–15. (In Russ.).
16. Davankov AYu, Pryakhin AG. Matrix form of the process of transition of territorial economic activity to post-industrial development. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region = News of higher educational institutions. Ural region*. 2018;(4): 20–23. (In Russ.).
17. Sedov VV. Sustainable development of economic systems: from theory to practice. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University; 2014. 244 p. (In Russ.).
18. Davankov AYu, Dvinin DYu, eds. Modeling the level of balance of the socio-ecological-economic system of the region during the transition to alternative energy. *Upravleniye v sovremennykh sistemakh = Management in modern systems*. 2021;(2):3–12. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ю. Даванков — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и регионального развития (Челябинский государственный университет); ведущий научный сотрудник.

Г. Н. Пряхин — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории и регионального развития.

Н. В. Малыгин — аспирант кафедры экономической теории и регионального развития.

Information about the authors

A. Y. Davankov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and regional development (Chelyabinsk State University); leading researcher.

G. N. Pryakhin — Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and regional development.

N. V. Malygin — Postgraduate student of the Department of Economic Theory and Regional Development.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 28.03.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта ин-
тересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10604

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Ольга Анатольевна Антонова

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, antonova.oa@uiec.ru,
ORCID 0000-0003-0050-7883

Аннотация. В предлагаемом исследовании выдвинута гипотеза о том, что качество жизни населения и качество трудовой жизни занятого населения — взаимосвязанные между собой явления, однако, находящиеся на разных уровнях экономики. Между ними есть социально-экономические и организационные различия, которые прослеживаются в динамике линейных и нелинейных связей и их значимости. Анализ более 254 источников литературы по качеству жизни населения и более 96 источников по качеству трудовой жизни показал, что некоторые авторы отождествляют данные понятия, что приводит к путанице этих явлений и смежных с ними понятий. В исследовании установлено, что в научном сообществе отсутствует единое понимание определений понятий «качество жизни населения» и «качество трудовой жизни занятого населения», что затрудняет исследования факторов, влияющих на эти явления, их оценку, социально-экономические различия и связи. В качестве результата исследования предлагается методологическое положение, с помощью которого можно определить, в чем различия и связи между качеством жизни населения и качеством трудовой жизни, что позволит прийти к единому пониманию определений понятий, факторов, показателей оценки и позволит устранить методологическую путаницу между явлениями.

Ключевые слова: качество жизни населения, качество трудовой жизни, занятое население, факторы и показатели оценки, социально-экономические различия, связи, жизнь в рабочее время, жизнь во вне рабочее время

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2021–2023 гг.

Для цитирования: Антонова О. А. Качество жизни населения и качество трудовой жизни // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 30–41. doi: 10.47475/1994–2796–2022–10604

Original article

QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION AND QUALITY OF WORK LIFE

Olga A. Antonova

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, antonova.oa@uiec.ru, ORCID 0000-0003-0050-7883

Abstract. The proposed study puts forward a hypothesis that the quality of life of the population and the quality of the working life of the employed population are interconnected phenomena, however, located at different levels of the economy. There are socio-economic and organizational differences between them, which can be traced in the dynamics of linear and non-linear relationships and their significance. An analysis of more than 254 literature sources on the quality of life of the population and more than 96 sources on the quality of working life showed that some authors identify these concepts, which leads to a confusion of these phenomena and related concepts. The study found that in the scientific community there is no common understanding of the definitions of the concepts “Quality of life of the population” and “Quality of working life of the employed population”, which makes it difficult to study the factors influencing these phenomena, their assessment, socio-economic differences and connections. As a result of the study, a methodological position is proposed, with the help of which it is possible to determine the differences and relationships between the quality of life of the population and the quality

of working life, which will allow us to come to a common understanding of the definitions of concepts, factors, assessment indicators and eliminate methodological confusion.

Keywords: quality of life of the population, quality of working life, employed population, factors and indicators of assessment, socio-economic differences, connections, life during working hours, life outside working hours

Acknowledgments: the article was prepared in accordance with the Research Plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

For citation: Antonova OA. The quality of life of the population and the quality of working life. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):30–41. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10604

Введение

Исследование, посвященное определению социально-экономических различий и связей на основе эволюции взглядов и подходов на понятия «качество жизни населения» (далее по тексту — КЖН) и «качество трудовой жизни» (далее по тексту — КТЖ) обусловлено не только трансформационными процессами, происходящими в экономике и социуме, связанными с переходом к цифровой экономике, но и сложностью самих явлений. Выделим несколько положений и предпосылок, определяющих актуальность исследования. В качестве методологических предпосылок исследования КЖН и КТЖ в рамках экономической теории происходит усиление внимания экономической науки к созидательным возможностям человека и путям их активизации, что совпадает с целью устойчивого развития общества. По мнению З. З. Биктимировой «разработка проблем качества жизни населения в рамках экономической теории связана с возрождением идей, развивающих этические и нравственные аспекты экономической науки. Анализ экономических учений свидетельствует о том, что в науке идет процесс накопления исследований по качеству жизни населения методами экономической теории. В то же время в развитии общества происходит накопление фактов, обуславливающих необходимость постановки проблемы качества жизни населения как целевого ориентира, а не побочного результата экономического развития» [12]. Такой подход к качеству жизни населения особенно важен в условиях цифровизации экономики, так как применение цифровых технологий должно способствовать росту благосостояния и благополучия людей, развитию и реализации их человеческого, трудового потенциалов. Качество трудовой жизни занятого населения региона является составной частью качества жизни и представляет собой процесс жизнедеятельности работника, его взаимодействие в трудовых отношениях организации в рабочее время. Несмотря на разные

объекты исследования КЖН и КТЖ, есть предметные области и свойства, благодаря которым прослеживаются связи между этими явлениями. Анализ литературных источников показал, что некоторые авторы отождествляют данные явления, что приводит к методологической путанице между этими явлениями и смежными с ними понятиями. В настоящем исследовании принята попытка определить различия и связи между КЖН и КТЖ, что позволит преодолеть путаницу между явлениями.

Для эффективной реализации в жизнь стратегий, программ, национальных проектов на любом уровне управления необходимы теоретическая база и способность сформулировать не только составляющие качества жизни населения, но и их взаимосвязь с другими явлениями, определяющими то, насколько комфортно и качественно чувствуют себя граждане в каждом из регионов и в целом в РФ. Необходима увязка ряда положений и понятий в региональной экономике, связанных с социально-экономическим положением субъекта РФ, качеством жизни населения, проживающего на его территории, развитием человеческого потенциала и его реализацией в трудовой жизни и устранение разрывов между ними.

Процесс исследования эволюции подходов заключается не только в определении понятий, но и в представлении факторов, влияющих на изучаемые явления, и показателей их оценки. Все это позволит определить полноту различий, сложность и многомерность связей между качеством жизни населения и качеством трудовой жизни.

Вопросами качества жизни населения как среды формирования трудового потенциала, взаимосвязи с качеством трудовой жизни, которое характеризует условия для реализации трудового потенциала, занимаются В. А. Суровнева, В. Ф. Потуданская, Д. Н. Шайкин, А. А. Дамбовская, В. А. Цыганков и др. Довольно редки исследования, которые посвящены теоретическим, методологическим

вопросам полноты социально-экономических различий и связей между КЖН и КТЖ.

Материалы и методы исследования

Актуальность исследования подтверждается повышенным интересом к проблемам КЖН и КТЖ. Особенно это относится к тем вопросам, которые затрагивают происходящие изменения, цифровую трансформацию экономики регионов и организаций, так как связи и различия между КЖН и КТЖ эти изменения делают еще сложнее. Вопросы влияния этих явлений друг на друга недостаточно изучены как в теоретическом, так и в практическом плане.

Целью исследования является определение социально-экономических различий и связей между такими явлениями, как качество жизни населения и качество трудовой жизни занятого населения, что позволит преодолеть методологическую путаницу между ними и будет способствовать развитию дальнейших исследований по этому вопросу. Для достижения цели исследования были определены задачи, которые обусловили логику дальнейшего изложения материала: 1) определить методологическое положение, позволяющее определить разницу между КЖН и КТЖ занятого населения; 2) обобщить и систематизировать подходы к понятийно-категориальному аппарату в контексте эволюции взглядов на КЖН и КТЖ на разных этапах развития экономики и социума; 3) для полноты различий и связей между КЖН и КТЖ занятого населения представить факторы, влияющие на них; 4) для полноты различий и связей между КЖН и КТЖ занятого населения представить подходы и показатели оценки; 5) для полноты различий и связей между КЖН и КТЖ занятого населения дать сравнительную характеристику.

Методологической базой исследования стали положения экономической теории, теории качества жизни населения, концепции качества трудовой жизни занятого населения.

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам в работе были использованы как общенаучные (диалектический, исторический, системный, анализа и синтеза и др.), так и специально-научные методы (сравнение, корреляционный-регрессионный).

По мнению М. Н. Алферова, В. П. Бабинцева и др. «существует множество концептуальных подходов к определению качества жизни, что подтверждает мысль, согласно которой качество жизни рассматривается как постоянно эволюционирующая философская категория, которая наполняется различным содержанием в зависимости от со-

циального времени и точки зрения авторов» [21]. Определение понятия «Качество жизни населения» в научной литературе трактуется по-разному в зависимости от целей и задач исследования.

Методологические основы качества жизни населения в разные годы были представлены в трудах крупных зарубежных ученых. А. Кэмбелл, Р. Конверс, У. Роджерс разрабатывали концепцию «социального самочувствия качества жизни» обращая внимание на то, как себя ощущают американцы, доказывали слабую зависимость между удовлетворенностью жизнью и социальным окружением индивида [1; 25].

Исследуя вопросы получения общественных благ и удовлетворения интеллектуальных потребностей личности Дж. Гэлбрейт пришел к выводу, что одним из механизмов достижения достойного качества жизни должно стать образование. А. Маршалл внес большой вклад в развитие теории благосостояния, используя модель рыночного равновесия, в которой измерителем стал «излишек потребителя» [10].

В отечественной науке данная проблема анализировалась в работе С. А. Айвазяна, М. Ю. Афанасьева, А. В. Кудрова, где «предложена процедура формирования интегрального индикатора качества условий жизни, основанная на экспертном подходе и имитационной модели, учитывающей корреляционную взаимосвязь интегрального индикатора с индикаторами основных направлений. Это позволило дать оценку параметрам модели взаимосвязи интегрального индикатора качества условий жизни субъектов РФ с характеристиками уровня их развития по основным направлениям» [6, с. 43].

А. А. Аузан посвящает свое исследование человеческому капиталу, как опорной базе повышения качества жизни населения, «для которой необходима другая институциональная среда (инклюзивных, а не экстрактивных институтов) и другая структура экономической деятельности и последовательность модернизационных преобразований». [8, с.243]

По мнению Л. Баруна, И. В. Бестужева-Лада, Г. Г. Дилигенского, достижение высокого качества жизни возможно в рамках альтернативной цивилизации, которая ориентирована не на количественный, а на качественный рост, что предполагает изменение условий, принципов и смысла существования [26].

Весомый вклад в исследование межрегионального неравенства в качестве и уровне жизни населения, его влиянии на экономическую безопасность страны и разработку методического инструмен-

тария оценки качества жизни населения в регионе внесли В. Н. Бобков, А. А. Гулюгина, О. А. Козлова, М. Н. Макарова, Т. В. Гладкова, Е. Х. Тухтарова [11; 19].

Из проведенного нами анализа литературы с 1960 г. по настоящее время (более 254 источников), не везде авторами было дано определение понятия, но из представленных определений видно разнообразие структур и подходов к качеству жизни населения на разных этапах развития экономики и социума в отечественной и зарубежной науке. Большинство исследователей под качеством жизни населения понимают некоторую обобщенную социально-экономическую категорию, которая включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, здоровье, продолжительность жизни, окружающую среду и др. Таким образом, ретроспективный анализ эволюции взглядов на качество жизни населения выявил непрерывный рост его значения в социально-экономических системах и отношениях.

Исследования, посвященные качеству трудовой жизни, начинают появляться в 70-х гг. прошлого века в США и западной Европе, а затем в СССР в 80-х гг., когда в экономической науке стало больше уделяться внимания «человеческому фактору производства». По мнению В. Н. Белкина, «в этот же период начинается разработка теории человеческого капитала. В обоих направлениях научных исследований в центре внимания находится человек в сфере труда. В Японии проблемы качества трудовой жизни разрабатывались в пределах концепции всеобщего контроля качества» [9]. Анализ более 96 литературных источников показал, что многие теоретические вопросы качества трудовой жизни в российской экономической науке, остаются дискуссионными, достаточно указать на то, что до сих пор не установилось общепринятого понятия «качество трудовой жизни». Уже по этой причине позиции многих ученых существенно расходятся. Они расходятся еще и потому, что определяют качество трудовой жизни, не определив предварительно понятие «трудовая жизнь». В связи с последним обстоятельством ряд авторов включают в содержание качества трудовой жизни многие факторы качества жизни населения, в результате чего происходит отождествление понятий «качество жизни населения» и «качество трудовой жизни».

Многие теоретико-методологические подходы и практическая направленность различных аспектов КТЖ нашли отражение в работах

как отечественных, так и зарубежных авторов: А. С. Айвазяна, В. Н. Белкина, Н. А. Белкиной, В. Н. Бобкова, З. З. Биктимировой, М. Мескона, Ф. Хедоури и других.

По мнению В. А. Цыганкова, «в большинстве работ российских ученых, посвященных качеству трудовой жизни, излагаются основные положения зарубежных концепций качества трудовой жизни и опыт их применения в практике работы отдельных крупных корпораций. Системные исследования, определяющие экономическую природу формирования качества трудовой жизни в российских организациях, весьма редки» [28].

Результаты исследования и их обсуждение

Под социально-экономическими, организационными различиями и связями между КЖН и КТЖ занятого населения в настоящем исследовании понимается динамика общественных отношений, которые складываются по поводу влияния факторов на уровень качества, показателей оценки их значимости в тех или иных условиях жизнедеятельности человека.

Для определения социально-экономических, организационных различий и связей между КЖН и КТЖ занятого населения общественная жизнь может быть разделена на две части, каждая из частей имеет свои характеристики, которые влияют на жизнедеятельность человека в целом:

- жизнь в рабочее время;
- жизнь во вне рабочее время — свободное время, время домашнего труда, время отдыха, сна и т. д.

Структура «жизни» человека, состоящая из двух частей, представлена на рисунке [28].

Структура «жизни» человека

Источник: составлено по В. А. Цыганкову

The structure of a person's "life"

Source: compiled according to V. A. Tsygankov

Каждая из частей обеспечивает существование и развитие общества как целостного организма с такой специфической стороны, с какой другая часть это осуществить достаточно эффективно не в состоянии.

Такое деление жизни человека позволяет предложить методологическое положение, согласно которому можно определить полноту социально-экономических различий и связей между КЖН и КТЖ занятого населения. Предлагаемое методологическое положение заключается в следующем. Во время трудовой жизни происходит потребление рабочей силы в производительной и непроизводительной формах. От качества трудовой жизни зависит доля производительного и непроизводительного потребления рабочей силы, так как есть ограничения по времени в виде установленного рабочего периода в организации. За границами трудовой жизни в период жизни во вне рабочее время в основном происходит потребление человеком благ и услуг. Эта жизнь связана с качеством жизни населения. Однако в качество жизни населения включают и жизнь в рабочее время. Поэтому некоторые авторы отождествляют эти две жизни. А. А. Дамбовская отмечает по этому поводу, что «качество трудовой жизни персонала организации является одним из компонентов качества жизни населения в целом, среди которых можно также выделить качество семейной, потребительской, духовной и других сфер жизнедеятельности населения» [14]. В период жизни во вне рабочее время происходит важнейший процесс, направленный на восполнение жизненных сил, в связи с затратами энергии на основной обмен и затратами на формирование и восстановление рабочей силы. В этот период осуществляется потребление трудоспособным населением услуг, связанных с удовлетворением потребностей по поддержанию здоровья, образования, отдыхом, занятиями спортом, жизнеобеспечением и др.

Исходя из предложенного методологического положения, для определения полноты социально-экономических различий и связей между КТЖ занятого населения и КЖН был проведен анализ сравнительных характеристик и подходов определений понятий к этим явлениям. С одной стороны, сравнительная характеристика подходов позволила уточнить, что авторы понимают под качеством жизни населения и качеством трудовой жизни, а с другой стороны — возможность увидеть, есть ли различия и связь между этими явлениями жизни. Несмотря на то, что явления возникают в разных экономических средах (макросреда, микросреда), можно предположить, что их пересечение возможно, и оно будет основано как на линейных, так и нелинейных связях жизнедеятельности людей. В исследовании, по-

священном трудовому потенциалу, В. Ф. Потуданская, Д. Н. Шайкин отмечают, что «изучение трудового потенциала в современных условиях следует осуществлять на основе рассмотрения и исследования аспектов качества жизни и качества трудовой жизни» [23].

Анализ сравнительной характеристики подходов к определению понятий КЖН и КТЖ показал, что среди авторов отсутствует единство подходов и мнений, поэтому сложно понять полноту социально-экономических и организационных различий и связей между этими явлениями. Подходы в определении понятия «качество трудовой жизни» расходятся еще и потому, что многие исследователи определяют качество трудовой жизни, как было отмечено ранее, не определив понятие «трудовая жизнь». В связи с последним обстоятельством ряд авторов включают в содержание качества трудовой жизни многие факторы качества жизни населения, в результате чего происходит отождествление понятий «качество жизни населения» и «качество трудовой жизни» и их путаница [15; 18; 21; 27].

В своем исследовании В. Н. Белкин, Н. А. Белкина, О. А. Антонова отмечают, что «при разработке теории качества трудовой жизни, необходимо первоначально определить понятие «трудовая жизнь» и ее место среди других, смежных понятий. Главное — определить соотношение этого понятия с понятием «жизнь населения». В структуру последней входят: созидательная жизнь, «потребительская» жизнь, семейно-родовая жизнь, социально-культурная жизнь. Первоосновой развития общества и человека является созидательная жизнь, прежде всего, трудовая жизнь. Однако только часть общества живет трудовой жизнью — это занятое население. Жизнь работающих распадается на две части: жизнь в рабочее время и жизнь в нерабочее время. Таким образом, трудовая жизнь — это жизнедеятельность человека в рабочее время.

Между двумя этими частями жизни имеется существенное различие. В нерабочее время происходит потребление работником благ и услуг, в рабочее время происходит потребление его рабочей силы. Рабочее время не безгранично, оно имеет физические и социальные границы. Трудовая жизнь имеет и пространственные ограничения, она протекает в границах рабочего места, каким бы оно ни было — цех завода, кабинет врача, рабочее место конструктора, сельскохозяйственные угодья и т. д. Содержание жизнедеятельности работника в рабочее время многогранно.

Главное — целесообразная, производительная деятельность, т. е. труд. Протекает он в системе трудовых и социальных отношений, в благоприятных или неблагоприятных условиях и т. д. По нашему мнению, характер жизнедеятельности работников в рабочее время определяет качество их трудовой жизни. Иначе говоря, качество трудовой жизни — это качество жизнедеятельности работников в рабочее время» [9].

По мнению О. В. Ильмендеева, «в соответствии с общеметодологическими подходами к исследованию качества трудовой жизни специалисты выделяют:

- абсолютный подход, основывающийся на сопоставлении с едиными установленными критериями;
- относительный подход, принимающий во внимание частные, установленные на локальном уровне, критерии;
- субъективный подход, базирующийся на самоощущении, на самовосприятии работников» [18].

На качество трудовой жизни и качество жизни населения влияет многочисленное количество факторов [2–5; 13; 16, 17]. Факторы качества трудовой жизни и качества жизни населения весьма многочисленны и многообразны. Используя предложенное методологическое положение, провели сравнительный анализ факторов КЖН и КТЖ. У ряда авторов можно увидеть отсутствие разницы между приведенными факторами, влияющими на качество жизни населения и качество трудовой жизни. Например, такие факторы качества трудовой жизни, как формы и системы оплаты труда, организация и обслуживание рабочих мест и т. п., относятся некоторыми авторами также и к качеству жизни населения. В то же время авторы делят факторы качества жизни населения на объективные и субъективные. В. А. Буткалюк отмечает, что «проведенные исследования не дают конкретных данных о степени влияния того или иного фактора на качество трудовой жизни и качество жизни населения, что создает на практике определенные трудности» [8]. Это признается учеными, занимающимися данными исследованиями, а отсутствие точных указаний относительно степени влияния тех или иных факторов приводит к неопределенности в выборе средств, способствующих повышению качества трудовой жизни и качества жизни населения. Классификация факторов показала, что этот вопрос остается дискуссионным. Также сложно проследить полноту социально-экономических и организационных различий и связей между факторами КЖН и КТЖ.

Однако факторы качества трудовой жизни занятого населения влияют на качество жизни населения региона и наоборот. Так, например, до сих пор прослеживается связь с решениями Правительства РФ в ходе экономических реформ по поводу заработной платы работников, которая является основным источником дохода большинства занятого населения. В ходе реформирования экономики роль зарплаты в доходах населения систематически понижалась, происходил все ускоряющийся перелив доходов от работников наемного труда к собственникам. Этому в значительной части способствовала политика ценообразования органов власти РФ. Был взят курс на подъем уровня цен на энергоносители, электроэнергию, железнодорожные тарифы, тарифы ЖКХ до уровня мировых цен. При этом Правительство РФ в полном согласии с нарождающимися российскими предпринимателями сделало все возможное, чтобы снизить цену труда, стоимость рабочей силы. В итоге реальная заработная плата упала в 3,4 раза. Она потеряла и стимулирующую, и воспроизводственную функции и выглядит сейчас как «пособие по труду».

В ретроспективе в 1990 г. 75,3 % от всех доходов населения в Челябинской области составляла оплата труда и 24,7 % — общественные фонды потребления (доходов от собственности не было). А в 1998 году доля заработной платы снизилась до 47,6 %, а фонда потребления (трансфертов) — упала до 16,1 %. В то же время появилась, быстро вырос доход от собственности, предпринимательской деятельности, он достиг в 1998 году 36,6 %. Это несколько лучшее положение, чем в России — доля заработной платы упала до 33 %. Однако сложившееся положение с доходами в Челябинской области в тот период никак не соответствовало рыночной экономике. В странах с социальной рыночной экономикой доля зарплаты в доходах населения составляла в тот период (тенденция сохраняется и сейчас), 60–70 %, а доход от собственности — 15–20 %. Иначе говоря, доход от труда превосходит доход от капитала в 3–4 раза. В Челябинской области доход от капитала догоняет доход от труда и быстро возрастает. Что произошло в структуре денежных доходов населения в предшествующий период? По данным Росстата доля заработной платы как в целом по РФ, так и по Челябинской области увеличивалась и в 2020 г. составила 57,5 % и 59,7 % соответственно, однако эта динамика не стабильна. Доходы от собственности и предпринимательской деятельности достигли в 2020 г. 10,4 %.

Из структуры доходов населения области за весь период исследования (с 1990 по 2020 гг.) можно сделать весьма важный вывод: экономика области продолжает движение не в сторону социальной экономики, характерной для развитых стран мира, а в прямо противоположном направлении — к монополистическому капитализму.

Таким образом, из приведенного примера видно, что есть связь между фактором «зароботная плата», относящимся к качеству трудовой жизни

и фактором качества жизни «доходы населения». Различия и связи между КЖН и КТЖ занятого населения прослеживаются в установленных минимальном размере оплаты труда (далее по тексту — МРОТ), прожиточном минимуме трудоспособного населения и размере средней заработной платы, представленных в таблице 1. Прожиточный минимум и МРОТ являются инструментами государственного регулирования оплаты труда в РФ и оказывают влияние на качество трудовой жизни занятого населения.

Таблица 1
Table 1

Различия и связи между минимальным размером оплаты труда, прожиточным минимумом трудоспособного населения и средней заработной платой за 2010–2022 гг.
Differences and links between the minimum wage, the subsistence level of the working population and the average wage for 2010–2022

Годы	Минимальный размер оплаты труда в РФ, руб./мес. ¹	Прожиточный минимум трудоспособного населения в Челябинской области, руб./мес.	Средняя заработная плата на одного работника в Челябинской области, руб./мес.
2022	13890	12957	41216,0
2021	12792	12247	42368,0
2020	12130	12056	39348,5
2019	11280	10777	37433,4
2018	11163	10002	35218,9
2017	7800	9581	32253,1
2016	7500	9616	30941,3
2015	5965	9661	29642,2
2014	5554	8511	27682,5
2013	5205	7424	25650,5
2012	4611	6608	22500,5
2011	4611	6292	20015,0
2010	4330	5277	17370,2

Источник: составлено автором.

Из данных таблицы 1 видно, что с 2018 г. существует положительная динамика приближения минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму. Изменение основных социальных гарантий: МРОТ и прожиточного минимума трудоспособного населения — оказывают непосредственное влияние на размер тарифной ставки 1-го разряда работников организаций, в том числе в бюджетной сфере². Так, в 2022 г. минималь-

ная месячная тарифная ставка 1-го разряда работника бюджетной сферы равна минимальному размеру оплаты труда в размере 13 890 руб. Минимальные месячные тарифные ставки 1-го разряда работников организаций жилищно-коммунального хозяйства, установленные в отраслевом соглашении, приведены в таблице 2 (фрагмент).

Размеры минимальных месячных тарифных ставок 1-го разряда показывают, что при росте потребительских цен, с учетом региональной дифференциации в год от 4 до 20 %, заработная плата продолжает выглядеть как «пособие по труду». С точки зрения реализации трудового потенциала, работники теряют экономический

¹ Минимальный размер оплаты труда (подготовлено экспертами компании «Гарант»). URL: <https://base.garant.ru/10180093/#friends> (дата обращения 15.09.2021).

² Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2022 год (утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 23 декабря

2021 г., протокол № 11) // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403247111/#review> (дата обращения 15.09.2021).

Таблица 2
Table 2

**Минимальная месячная тарифная ставка рабочих 1-го разряда на 01.01.2022 г., на 01.01.2023 г. организаций жилищно-коммунального хозяйства, руб.
The minimum monthly wage rate for workers of the 1st category as of 01.01.2022, as of 01.01.2023 organizations of housing and communal services, rub.**

Организации жилищно-коммунального хозяйства	Минимальная месячная тарифная ставка рабочих 1-го разряда на 01.01.2022 г.	Минимальная месячная тарифная ставка рабочих 1-го разряда на 01.01.2023 г. ¹
1. Организации коммунального водоснабжения и водоотведения	12153	12639
2. Мусороперерабатывающие и мусоросжигательные заводы, мусороперегрузочные станции, полигоны захоронения твердых бытовых отходов	11285	11736
3. Организации по механизированной уборке, озеленению, санитарной очистке и благоустройству муниципальных образований	10851	11285
4. Организации гостиничного хозяйства	10415	10832

Источник: совместное письмо Общероссийского профессионального союза работников жизнеобеспечения и Общероссийского отраслевого объединения работодателей сферы жизнеобеспечения².

интерес к профессиональному росту, повышению квалификации, так как межразрядная дифференциация не значительна, а стимулирующие выплаты зависят от экономических возможностей организации.

Проследить полноту социально-экономических различий и связей между уровнем КЖН и КТЖ занятого населения можно в оценке этих явлений. Эволюция оценки качества жизни населения и качества трудовой жизни занятого населения продолжается и становится более сложной с переходом на цифровые технологии, которые стремительно меняют жизнедеятельность людей, как в периоде трудовой жизни, так и в нерабочее время. Например, в оценку качества жизни населения включают показатели, входящие в индекс I-DESI (связь, человеческий капитал, использование сети Интернет, внедрение цифровых технологий в бизнесе и цифровые услуги для населения) и др.; в качество трудовой жизни занятого населения включают показатели оценки цифровой грамотности персонала, цифровую зрелость организации, доступность и др.

¹ С учетом индексации на 4 % минимальной месячной тарифной ставки рабочих 1-го разряда по организациям жилищно-коммунального хозяйства на 2023 г.

² Совместное письмо Общероссийского профессионального союза работников жизнеобеспечения и Общероссийского отраслевого объединения работодателей сферы жизнеобеспечения. URL: <http://www.rstno.ru/files/2022/%D0%9E%D0%B1%20%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%A4%D0%9E%D0%A2.pdf> (дата обращения 15.09.2021).

Для того чтобы оценки уровня КЖН и КТЖ соответствовали принципам достоверности и обоснованности, авторы используют различные методики оценки, которые включают объективный и субъективный подходы, что в целом дает комплексную оценку. Для расчета оценки берутся различные показатели, их количество варьируется от 5 до 500. Многие авторы методик оценки в расчете учитывают те показатели, которые соответствуют решению поставленных задач в исследовании [6; 20; 22].

Полноту различий и связей между явлениями позволит увидеть сравнительная характеристика некоторых подходов к определению показателей оценки КЖН и КТЖ. Из анализа подходов можно заметить, что в группах показателей оценки как качества жизни населения, так и качества трудовой жизни наблюдается несовпадение мнений авторов, поскольку отсутствует единое методологическое положение по этому вопросу.

В. А. Суровнева в своем исследовании определила взаимосвязь трудового потенциала и качества жизни населения. По ее мнению, «одним из основных показателей, характеризующих трудовой потенциал региона, является удельный вес трудоспособного населения в общей численности населения» [25]. Однако если рассматривать элементы трудового потенциала, то показатель «удельный вес трудоспособного населения в общей численности населения» не является основным показателем, по которому можно дать характеристику трудового потенциала региона.

Полноту различий и связей между КЖН и КТЖ можно проследить с помощью сравнительного

анализа указанных категорий, проведенного А. А. Дамбовской «по следующим параметрам: тип категории, уровень распространения, объект исследования, оценочный подход, уровень исследования, типовые составляющие, информационная основа исследования» [14]. Из анализа сравнительной характеристики можно отметить, что данные категории разные по всем параметрам, кроме параметров: информационная основа, оценочный подход. Из характеристики параметров категории «качество жизни населения» становится очевидным, что она шире и включает не только жизнь во внерабочее время, но и трудовую жизнь занятого населения. Объектом исследования качества жизни населения является население, проживающее на территории муниципалитета, области, региона и т. д. В самом объекте в населении выделяют ту ее часть, которая является экономически активной, трудоспособной, что прокладывает связь к объекту качества трудовой жизни занятого населения — персоналу организаций. В период экономической неопределенности, связанной с санкционными мерами, наиболее четко прослеживается полнота социально-экономических различий и связей между КЖН и КТЖ. Рост цен на жизненно необходимые продукты питания и услуги приводит к еще большему обнищанию занятого населения. Особенно это отражается на той группе занятого населения, которая в большей степени удовлетворяет свои потребности с помощью импортных товаров, в меньшей степени — на той группе, которая использует продукты отечественного производства. От работодателей, создающих качество трудовой жизни, и мер поддержки государства зависит занятость в организациях, которые попадают под санкции. Снижение занятости и рост безработицы приводит к потере человеческого капитала, падению бюджетных поступлений в регионах, где находятся организации, попавшие под санкции.

В основе полноты социально-экономических различий и связей между КЖН и КТЖ находится динамика и значимость линейных и нелинейных зависимостей, которые могут быть постоянными и переменными. Так, обеспечение и удовлетворение потребности в качественном и количественном составе человеческих ресурсов организаций зависит от распределения трудоспособного населения по регионам, различий региональных рынков труда. От образования, здравоохранения, транспортной доступности, среды проживания зависит формирование трудового потенциала организаций. На трудовые отношения влияют со-

циально-трудовые отношения, складывающиеся в отраслевом разрезе, регионах, в стране в целом.

Выводы

В проведенном исследовании была предпринята попытка определить социально-экономические, организационные различия и связи между явлениями «качество жизни населения» и «качество трудовой жизни занятого населения» для преодоления методологической путаницы между ними. В рамках экономической теории чаще всего исследуются вопросы, связанные с уровнем и качеством жизни населения. Вопросам качества трудовой жизни занятого населения и развития трудового потенциала уделяется недостаточно внимания. В связи с этим многие теоретические вопросы, как качества жизни населения, так и качества трудовой жизни, в российской экономической науке остаются дискуссионными. Достаточно отметить, что до сих пор не установились общепринятые определения понятий «качество трудовой жизни», «качество жизни населения». Уже по этой причине позиции многих ученых существенно расходятся. Рассматривая подходы к классификации факторов, влияющих на КЖН и КТЖ занятого населения, показатели их оценки, можно выделить главный недостаток, который заключается во фрагментарном изучении отдельных аспектов явлений вне системы и вне эволюции концепции. Применение предложенного методологического положения позволило определить такие различия и связи между КЖН и КТЖ, как МРОТ, прожиточный минимум, минимальная тарифная ставка 1-го разряда работника. Изменения, которые происходят в КЖН и КТЖ под воздействием развития информационного общества, не однозначны и меняют отношение к труду и удовлетворенность им, являющиеся главными составляющими КЖН и КТЖ.

Авторская позиция после проведенного исследования заключается в следующем:

1. КЖН и КТЖ представляют собой два разных сложных многомерных явления, которые имеют свои факторы, показатели оценки.
2. В КЖН включается КТЖ как один из компонентов наряду с уровнем жизни населения, инфраструктурой образования, здравоохранения, качеством окружающей среды и др.
3. КТЖ относится к трудовым отношениям организаций, а КЖН характеризует социально-трудовую сферу, рынок труда и занятость.

Однако есть мнение, что качество трудовой жизни, как и качество жизни населения, целесообразно рассматривать как систему понятий,

находящихся во взаимосвязи. Разработка системы понятий КЖН и КТЖ возможна с помощью применения методики анализа экономических явлений, предложенной В. Н. Белкиным.

Дальнейшие исследования этого вопроса видятся в следующих направлениях:

— проведение исследований с применением системного подхода по обоснованию полноты социально-экономических и организационных различий и связей между КЖН и КТЖ с представлением статистических данных и расчетов;

— определение качества жизни населения как среды формирования не только трудового потенциала, но и качества трудовой жизни;

— изучение и применение в исследованиях зарубежного опыта по полноте различий и связей между КЖН и КТЖ;

— определение структуры линейных и нелинейных связей, благоприятных и неблагоприятных последствий между КЖН и КТЖ для снижения неопределенности и непредсказуемости и др.

Список источников

1. Campbell A., Converse Ph., Rodgers W. L. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations and Satisfaction. New York : Russell Sage Foundation, 1979. 573 p.
2. Puertas R., Marti L. Guaita-Martinez J. M. Innovation, lifestyle, policy and socioeconomic factors: An analysis of European quality of life. Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 160. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120209>
3. Goerlich F. J., Reig E. Quality of life ranking of Spanish cities: A non-compensatory approach Cities. 2021. Vol. 109. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102979>
4. Biagia B., Ladub M. G., Meleddub M. Urban Quality of Life and Capabilities: An Experimental Study Ecological Economics. 2018. № 150. P. 137–152. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.011>
5. Pupavac D., Delibasic M., Pupavac J., Streimikis J. “Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries”, Montenegrin Journal of Economics 2020. Vol. 16, № 4. P. 7–15. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>
6. Айвазян С. А., Афанасьев М. Ю., Кудров А. В. Интегральный индикатор качества условий жизни // Цифровая экономика. 2019. № 1 (5). С. 43–46. <https://doi.org/10.34706/DE-2019-01-05>
7. Аузан А. А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал НЭА. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
8. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А. Пути повышения качества трудовой жизни // Челябинский гуманитарий. 2015. № 2 (31). С. 28–41
9. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М. : Дело, 1994. 346 с.
10. Бобков В. Н., Гулюгина А. А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. 2012. № 2. С. 170–178.
11. Биктимирова З. З. Качество жизни: теоретические подходы и методы измерения. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006. 201 с.
12. Буткалюк В. А. Качество трудовой жизни как составляющая качества жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 138–151.
13. Дамбовская А. А. Диагностика качества трудовой жизни персонала организации как элемента корпоративной социальной политики : автореферат дис. ... канд. экон. наук. Омск. 2012. 26 с.
14. Егоршин А. П. Мотивация трудовой деятельности : учебное пособие. Н. Новгород : Вузовская книга, 2012. 227 с.
15. Злобин Б. К. Социально-экономические проблемы повышения качества продукции. М., 1977. 127 с.
16. Зонова О. В. Качество трудовой жизни Российской Федерации: измерение и оценка : автореферат канд. ... экон. наук. Томск, 2016. 28 с.
17. Ильмендеева О. В. Составляющие качества трудовой жизни. М., 2010. 192 с.
18. Козлова О. А., Гладкова Т. В., Макарова М. Н., Тухтарова Е. Х. Методический подход к измерению качества жизни населения региона // Экономика региона. 2015. № 2. С. 182–193. URL: <https://doi.org/10.17059/2015-2-15>
19. Легчилина Е. Ю. Методология оценки качества трудовой жизни и социально-трудовых отношений // Фундаментальные исследования. 2018. № 7. С. 105–110.

20. Алферова М. Н., Бабинцев В. П., Панкратова Е. В. О возможном подходе к разработке региональной концепции и программы улучшения качества жизни населения // Вестник ИГЭУ. 2009. № 1. С. 31–37.
21. Полкова Т. В. Опыт оценки качества трудовой жизни населения регионов // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. Т. 1. С. 250–253.
22. Потуданская В. Ф., Шайкин Д. Н. Качество жизни и качество трудовой жизни как среда формирования трудового потенциала // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 25 (190). С. 33–38.
23. Пруденский Г. А. Время и труд. М. : Мысль, 2005. 124 с.
24. Суровнева В. А. Взаимосвязь трудового потенциала и качества жизни в регионе как основа управления персоналом // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4 (34). С. 126–130.
25. Филюков И. А. Генезис научных идей о качестве жизни населения: отечественные и зарубежные подходы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 3 (11). С. 50–59.
26. Хекман Дж., Саттл Дж. Ллойд. Трудовые ресурсы как социально-экономическая категория и объект управления ; пер с англ. М. : ИНФРА-М, 2012. 127 с.
27. Цыганков В. А. Качество трудовой жизни в России: экономическая природа, механизм формирования : автореферат дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. 49 с.

References

1. Campbell A, Converse Ph, Rodgers WL. The Quality of American Life: Perceptions, Evaluations and Satisfaction. New York, Russell. Sage Foundation; 1979. 573 p.
2. Puertas R, Marti L, Guaita-Martinez JM. Innovation, lifestyle, policy and socioeconomic factors: An analysis of European quality of life. Technological Forecasting and Social Change. 2020;160. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120209>
3. Goerlich FJ, Reig E. Quality of life ranking of Spanish cities: A non-compensatory approach. Economics. Cities. 2021;(109). <https://doi.org/10.1016/j.cities.2020.102979>
4. Biagia B, Ladub MG, Meleddub M. Urban Quality of Life and Capabilities: An Experimental Study Ecological. Economics. 2018;(150):137–152. <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2018.04.011>
5. Pupavac D, Delibasic M, Pupavac J, Streimikis J. Interdependence of Quality of Life and Happiness of the Population in Southeast European Countries. Montenegrin Journal of Economics. 2020;16(4):7–15. <https://doi.org/10.14254/1800-5845/2020.16-4.1>
6. Aivazyana SA, Afanasiev MYu, Kudrov AV. Integral indicator of the quality of living conditions. *Cifrovaya ekonomika = Digital Economy*. 2019;1(5):43–46. (In Russ.).
7. Auzan AA. On the possibility of transition to an economic strategy based on the specifics of human capital in Russia. *Zhurnal NEA = Journal NEA*. 2015;(2(26):243–248. (In Russ.).
8. Belkin VN, Belkina NA, Antonova OA. Ways to improve the quality of working life. *Chelyabinskiy gumanitarniy = Chelyabinsk Humanitarian*. 2015;2(31):28–41. (In Russ.).
9. Blaug M. Economic thought in retrospect. Moscow, Delo; 1994. 346 p. (In Russ.).
10. Bobkov VN, Gulyugina AA. Inequality in the quality and standard of living of the population of regions. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2012;(2):170–178. (In Russ.).
11. Biktimirova ZZ. Quality of life: theoretical approaches and measurement methods. Yekaterinburg; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006. 201 p. (In Russ.).
12. Butkalyuk VA. The quality of working life as a component of the quality of life. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing = Sociology: theory, methods, marketing*. 2010;(4):138–151 (In Russ.).
13. Dambovskaaya AA. Diagnostics of the quality of working life of the organization's personnel as an element of corporate social policy: abstract of thesis of the candidate of economic sciences. Omsk; 2012. 26 p. (In Russ.).
14. Egorshin AP. Motivation of labor activity: training manual. Nizhny Novgorod, University Book; 2012. 227 p. (In Russ.).
15. Zlobin BK. Socio-economic problems of improving the quality of products. Moscow; 1977. 127 p. (In Russ.).
16. Zonova OV. The quality of working life in the Russian Federation: measurement and evaluation: abstract of thesis of the candidate of economic sciences. Tomsk; 2016. 28 p. (In Russ.).

17. Ilmendeeva OV. Components of the quality of working life. Moscow; 2010. 192 p. (In Russ.).
18. Kozlova OA, Gladkova TV, Makarova MN, Tukhtarova EK. Methodological approach to measuring the quality of life of the population of the region. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2015;(2):182–193. (In Russ.).
19. Legchilina EYu. Methodology for assessing the quality of working life and social and labor relations. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2018;(7):105–110. (In Russ.).
20. On a possible approach to the development of a regional concept and a program to improve the quality of life of the population. A comprehensive methodology for assessing the quality of life in the region. *Vestnik IGEU = Bulletin of the ISPU*. 2009;(1):31–37. (In Russ.).
21. Polkova TV. Experience in assessing the quality of the working life of the population of the regions. In: *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchestv, institutov i territoriy"* = International Scientific and Practical Conference "Strategies for the development of social communities, institutions and territories" (April 23–24, 2015, Yekaterinburg). Yekaterinburg, Ural University Publishing House; 2015. Pp. 250–253. (In Russ.).
22. Potudanskaya VF, Shaykin DN. Quality of life and quality of working life as an environment for the formation of labor potential. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic analysis: theory and practice*. 2010;(25(190)):33–38. (In Russ.).
23. Prudensky GA. Time and labor. Moscow, Thought; 2005. 124 p.
24. Surovneva VA. The relationship of labor potential and quality of life in the region as the basis of personnel management. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014;(4(34)):126–130. (In Russ.).
25. Filyukov IA. Genesis of scientific ideas about the quality of life of the population: domestic and foreign approaches. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki = News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences*. 2009;(3(11)):50–59. (In Russ.).
26. Heckman J. Labor resources as a socio-economic category and object of management. Moscow, INFRA-M; 2012. 127 p. (In Russ.).
27. Tsygankov VA. Quality of working life in Russia: economic nature, formation mechanism: abstract of thesis of the Doctor of economic sciences. Moscow; 2007. 49 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О. А. Антонова — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the author

O. A. Antonova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 03.04.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта
интересов.

The author declares no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 42–51.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):42-51. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10605

ЭКОСИСТЕМНЫЙ БАЗИС МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Артём Аркадьевич Саламатов

Челябинский государственный университет; Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

Аннотация. Современный кризис обозначил необходимость пересмотра политики экономического роста и глобализации в сторону поиска новых устойчивых моделей развития внутренних территорий, способных противостоять внешним шокам и угрозам. Для достижения этой цели требуется как реализовать стратегии устойчивого развития, так и оценить полученные результаты в направлении устойчивого развития. Под устойчивым развитием региона подразумевается улучшение качества жизни его жителей посредством социального и технологического развития без ущерба для экологического потенциала региона. Целью данного исследования является разработка на основе экосистемного подхода методического инструментария оценки качества жизни населения региона как ключевой характеристики устойчивости развития региональных экосистем. На фоне уже проведенных исследований экосистем мы акцентируем внимание на конкретном подходе к управлению, эффективном с точки зрения устойчивого управления территориальными экосистемами, и предлагаем комплексную методику, позволяющую последовательно оценивать качество жизни населения как индикатор устойчивости региональной экосистемы. В соответствии с требованиями экосистемного подхода принципиальной становится проблема согласования разнонаправленных, а зачастую и взаимоисключающих, социальных, экологических и экономических потребностей и интересов на уровне отдельного человека, трудового коллектива и общества в целом.

Ключевые слова: качество жизни населения, экосистемный подход, методика оценки качества жизни, устойчивое развитие региона, социо-эколого-экономические потребности

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-29-07209.

Для цитирования: Саламатов А. А. Экосистемный базис методического инструментария оценки качества жизни населения региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 42–51. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10605

Original article

ECOSYSTEM BASIS OF METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REGION

Artem A. Salamatov

Chelyabinsk State University; Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, salamatov79@mail.ru, ORCID 0000-0002-3070-9753

Abstract. The current crisis has indicated the need to revise the policy of economic growth and globalization in the direction of finding new sustainable models for the development of internal territories that can withstand external

shocks and threats. To achieve this goal, it is required both to implement sustainable development strategies and to evaluate the results achieved in the direction of sustainable development. The sustainable development of the region means the improvement of the quality of life of its inhabitants through social and technological development without compromising the ecological potential of the region. The purpose of this study is to develop, based on the ecosystem approach, methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region as a key characteristic of the sustainability of the development of regional ecosystems. Against the background of ecosystem studies already conducted, we focus on a specific approach to management that is effective from the point of view of sustainable management of territorial ecosystems, and we propose a comprehensive methodology that allows us to consistently assess the quality of life of the population as an indicator of the sustainability of a regional ecosystem. In accordance with the requirements of the ecosystem approach, the problem of harmonizing multidirectional, and often mutually exclusive, social, environmental and economic needs and interests at the level of an individual, a work collective and society as a whole becomes fundamental.

Keywords: quality of life of the population, ecosystem approach, methodology for assessing the quality of life, sustainable development of the region, socio-ecological and economic needs

Acknowledgments: the reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-29-07209.

For citation: Salamatov AA. Ecosystem basis of methodological tools for assessing the quality of life of the population of the region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):42-51. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10605

Введение

Вызовы, связанные с пандемией, экономическим кризисом и обострением социального напряжения в обществе, — это стремительно нарастающие дисбалансы в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации, сдерживающие ее региональное и пространственное развитие. В конечном счете это угрожает национальной и экономической безопасности страны. Стало очевидным, что каждая страна должна опираться на собственный потенциал, используя ресурсы, имеющиеся на внутренней территории (природные, трудовые, интеллектуальные и т. д.), и стремиться, прежде всего, к поддержанию устойчивого развития. Это обуславливает необходимость серьезной модернизации как федеральной, так и региональной политики, а именно поиска новых устойчивых моделей территориального развития. Эта проблема особенно актуальна для такой пространственно протяженной страны, как Россия, чьи регионы значительно отличаются друг от друга по своим географическим, природно-ресурсным, демографическим, культурно-историческим, этническим и другим факторам.

Одной из наиболее актуальных обсуждаемых организационно-экономических моделей социально-экономического развития являются экосистемные модели (Л. Гамидуллаева [14; 29], Ю. Лапыгин [29], С. Проскурнин [23], Т. Толстых [29], Н. Шмелева [29], Е. Autio [7], С. Cennamo [17], A. Gawer [17], O. Granstrand [16], M. Holgersson [16], M. G. Jacobides [17], G. B. Kleiner [19], L. Thomas [7]). По сути, речь

идет о новом подходе к пространственному территориальному развитию, когда единицей анализа является не отрасль, предприятие или регион, а территориальная экосистема (например, на базе областного города), позволяющая максимально использовать имеющийся потенциал (природный, человеческий, научно-технический и т. д.) данной территории. Экосистемные потоки связывают города, центры промышленного производства, с отдаленными районами (местными сообществами), которые являются неотъемлемой частью современной национальной экономики. Таким образом, можно сказать, что устойчивые территориальные экосистемы способствуют развитию местных сообществ и в конечном счете обеспечивают сбалансированное пространственное развитие всей страны.

Экосистема является инновационным пространством, в котором важнейшим фактором развития является взаимодействие сообществ различного уровня, выполняющих разные функции и преследующих разные цели в зависимости от их потребностей. Сообщество сообществ, в силу своих интересов, призвано постоянно генерировать предложения по совершенствованию хозяйственной деятельности для достижения более высокого качества жизни населения региона, представляющего собой сумму качества жизни каждого отдельного индивида и определяемого, прежде всего, степенью удовлетворенности потребностей.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологический базис экосистемного подхода в экономических исследованиях,

в том числе применительно к оценке эффективности функционирования социально-экономических систем, представлен: системной парадигмой [(методология теории систем, системный анализ (генетический, морфологический, структурный, функциональный), системный инжиниринг, системное управление, системная динамика)] (И. М. Голова [1], Л. И. Ушвицкий и др. [5], М. Rothchild [24]); концепцией устойчивого развития (изучение взаимосвязи между экономической, социальной и экологической компонентами) (J. Boyer [9], R. Jovovich et al. [18]); методологией эволюционной и институциональной экономической теории (исследование процессов социо-эколого-экономического развития с учетом характеристик институциональной среды и ее динамики) (G. B. Kleiner [19]); методологией холистического, сетевого, кластерного и платформенного подходов (изучение взаимосвязи и взаимовлияния акторов внутри экосистемы) (Д. С. Гордеева [25], А. А. Саламатов и др. [25; 26]).

Множество показателей, оценивающих качество жизни населения, подразделяются на два типа. К первому типу относятся объективные количественные оценки, отражающие традиционные параметры хозяйственной деятельности, измеряемые путем статистических наблюдений в физических единицах. Второй тип показателей — удовлетворенность населения, — отражающий субъективную оценку населением общественного эффекта от принятия управленческих решений и их реализации органами власти. Такая оценка хотя и субъективна, но позволяет реалистично оценивать степень удовлетворенности принятыми решениями. Именно такой подход позволяет получить ряд новых практических результатов, которые на деле способствуют снижению уровня напряженности при согласовании стратегических интересов, тем самым повышая социо-эколого-экономическую сбалансированность развития территориальной системы.

Расчет агрегированного показателя качества жизни населения региона проводится на основе субъективной и объективной оценок в три последовательных этапа: формируется система показателей; производится нормирование значений всех показателей; определяется значение индекса.

Расчет агрегированных показателей (индекса, объективного и субъективного субиндексов) осуществляется по формуле средней арифметической и средней геометрической [2]. Обеспечение сопоставимости данных, выраженных в разных

единицах измерения, осуществляется в результате нормирования значений показателей, которое производится в регионально-временном разрезе:

$$x_j = \frac{X_i - X_{i \min}}{X_{i \max} - X_{i \min}}, \quad (1)$$

где x_j — нормированное значение i -го показателя для любого региона страны в определенный год;

$x_{i \max}$, $x_{i \min}$ — соответственно, наибольшее и наименьшее значения i -го показателя среди всех регионов страны за исследуемый период времени.

Объективный субиндекс качества жизни населения региона рассчитывается по методике, основанной на получении средневзвешенной оценки обобщенного показателя путем последовательной оценки входящих в него единичных показателей:

$$O_y = \frac{\sum_{i=1}^n x_j}{n}, \quad (2)$$

где O_y — объективный субиндекс качества жизни населения;

x_j — нормированное значение i -го объективного показателя для любого региона в определенный год;

n — количество показателей.

Субъективный субиндекс качества жизни населения региона рассчитывается на основе массива данных о степени удовлетворения основных социо-эколого-экономических потребностей жителей региона. Обобщенный показатель определяется по показателям степени удовлетворения социо-эколого-экономических потребностей:

$$C_y = \frac{\sum_{i=1}^n x_j}{n}, \quad (3)$$

где C_y — субъективный субиндекс качества жизни населения;

x_j — нормированное значение i -го субъективного показателя для любого региона в определенный год;

n — количество показателей.

Агрегированная оценка качества жизни населения региона представлена как среднее геометрическое объективной и субъективной оценок:

$$Q_{O_y C_y} = \sqrt{O_y \cdot C_y}. \quad (4)$$

В итоге по данным региональной статистики производится оценка качества жизни населения определенного региона. Результаты такой оценки в зависимости от задач исследования могут быть представлены в виде рейтинга региональных экосистем по качеству жизни населения

с возможной их кластеризацией и разработкой соответствующих рекомендаций по эффективному управлению качеством жизни населения.

Результаты

В последние годы концепция экосистем стала популярной наряду с растущими научными исследованиями в этой области. Мы согласны с авторами, критикующими непоследовательное использование и расплывчатые формулировки термина «экосистема» в научных исследованиях [10]. Часто происходит подмена понятий: экосистема представлена кластерными образованиями (сетевыми рабочими инновационными экосистемами особого класса) или моделью тройной спирали, основанной на партнерстве университет — бизнес — государство [13].

Согласно K. Bruns et al. [11], метафора «экосистема» отражает тенденцию в научных исследованиях к описанию известного феномена агломерации территорий (городские, региональные, национальные экосистемы) и отраслей (сельское хозяйство, химическая промышленность, обрабатывающая промышленность, средства массовой информации, финансовые экосистемы), ассоциированных групп фирм (бизнес-экосистемы, предпринимательские экосистемы) или видов деятельности (услуги, инновации, цифровые экосистемы). В результате сегодня мы имеем «бизнес-экосистемы» [21], «инновационные экосистемы» [6], «цифровые экосистемы» [27], «университетские экосистемы» [20] и «финансовые экосистемы» [15].

Инновационная экосистема состоит из группы локальных акторов и динамичных процессов, которые вместе создают решения для различных проблем [22]. Инновации, как правило, внедряются на определенной территории, что демонстрирует важность специфических локальных условий и физической близости акторов в процессе инноваций. Кроме того, чувство общности и принадлежности важно для местных субъектов, которые связывают свой успех с успехом местного или регионального сообщества. Сама территория, часто являясь региональным или административным центром, объединяет там акторов вокруг исторической базы знаний, постепенно привлекая других акторов, идеи, инвестиции извне [12].

В концептуализации региональной экосистемы рассматриваются три основных теоретических подхода к инновационным экосистемам, которые присутствуют в научной литературе: платформенный подход или цифровые экосисте-

мы, региональные экосистемы и промышленные экосистемы [9].

Платформенный подход подчеркивает роль цифровых платформ в инновационном развитии [28]. В соответствии с этим подходом экосистема представляет собой открытый интервал между сотрудничающими и взаимодействующими субъектами, который был разработан вокруг ядра (ключевой компании). Эта экосистема формируется вокруг многосторонней платформы, которая позволяет субъектам и заинтересованным сторонам генерировать инновации и создает благоприятную среду для внедрения и продвижения инновационных продуктов и услуг. Таким образом, цифровые платформы способствуют сложному и динамичному взаимодействию, взаимодополняемости и автоматизированным транзакциям между субъектами (клиентами, разработчиками, пользователями и поставщиками).

Региональный экосистемный подход подчеркивает территориальное или региональное измерение в динамике инновационного процесса. При этом подчеркивается центральная роль географической близости и взаимодействия отдельных акторов и институтов в динамизации инновационных процессов. Такой подход предполагает уделение особого внимания формальным и неформальным отношениям и динамике институционального развития.

Подход индустриальных экосистем подробно изучен и представлен в исследованиях Т. Толстых, Н. Шмелевой и др. [29].

Экосистемный подход в научных изысканиях предполагает рассмотрение объекта исследования в качестве экосистемы, во всем многообразии образующих его элементов, взаимосвязей между ними и элементами внешней среды, выполняемых им функций, протекающих в нем процессов, а также потоков ресурсов, продуктов, отходов и т. д. [21; 24]

Экосистема — это объединение независимых акторов, основанное на принципах самоорганизации и саморазвития для достижения своих внутренних целей, которые соответствуют требованиям и потребностям общества. Акторы объединены в экосистемы в соответствии со своими функциональными целевыми интересами, образуя многочисленные отраслевые, предпринимательские, инновационные, деловые и другие экосистемы. Функциональные экосистемы образуют единую экосистему территории, пересекаясь и взаимно дополняя друг друга [29].

Иерархия экосистем
Hierarchy of ecosystems

Экосистема территории является частью национальной экосистемы и включает в себя целый комплекс экосистем микроуровня. Оценка устойчивого развития территории возможна через оценку устойчивости ее экосистемы, которая, в свою очередь, зависит от устойчивости составляющих ее экосистем (акторы могут быть участниками в нескольких экосистемах одновременно). Множество акторов и множество видов взаимодействий между ними и с внешней средой объективно обуславливают высокий уровень сложности и нелинейный характер развития экономических экосистем, на что указывают в своих работах Н. Ю. Анисимова [3], И. М. Голова [1], М. Н. Деньщик [5], Н. А. Симченко [3], А. А. Тер-Григорьянц [5], Л. И. Ушвицкий [5] и другие авторы. Основной целью экономических экосистем является удовлетворение социо-эколого-экономических потребностей и обеспечение собственного долгосрочного устойчивого и сбалансированного функционирования.

Современная региональная экосистема в условиях технологической и цифровой трансформации — это пространство, в котором организация, содержание и реализация процессов хозяйственной деятельности осуществляется за счет деятельности заинтересованных и взаимодействующих между собой сообществ — правомерных участников социально-экономических процессов.

В соответствии с требованиями экосистемного подхода принципиальной становится проблема согласования разнонаправленных, а зачастую и взаимоисключающих, социальных, экологических и экономических потребностей и интересов на уровне отдельного человека, трудового коллектива и общества в целом [4].

Качество жизни населения региона представляется как сумма качества жизни каждого отдельного индивида и определяется, прежде всего, степенью удовлетворенности потребностей. Многообразие личных потребностей людей разделяются на физиологические, социальные и духовные. Данная классификация прямо следует из триединой биологической, социальной и духовной природы человека. Потребности разных индивидов могут существенно отличаться, в том числе, может быть разное соотношение между физиологическими, социальными и духовными потребностями. Но во всех случаях потребности носят объективный характер, хотя и имеют индивидуальную форму проявления.

Социальные потребности исходят от необходимости индивида быть в обществе, взаимодействовать с определенным кругом людей. Так возникает потребность в самоутверждении, в общении, в образовании, в занятии политикой, наукой, искусством или другой творческой деятельностью. Социальные потребности проявляются и при удовлетворении физиологических потребностей. Более того, прием пищи, ношение одежды и другие способы удовлетворения таких потребностей могут быть в большей степени связаны с удовлетворением социальных, а не физиологических потребностей. Так, посещение роскошного ресторана или приобретение «элитного» жилья и т. п. скорее связано с удовлетворением социальных, нежели физиологических потребностей. Это обусловлено тем, что любой человек — субъект определенных социальных отношений, которые во многом определяют его социальные потребности.

Представленная нами система потребностей и интересов позволяет определить роль и место каждого субъекта в системном удовлетворении

индивидуальных, коллективных, общественных потребностей человека, коллективов хозяйствующих субъектов, населения регионов, персонифи-

цирует их обязанности в реализации единой общегосударственной социальной политики в Российской Федерации (табл.).

Социо-эколого-экономические потребности и показатели качества жизни населения в региональной экосистеме
Socio-ecological and economic needs and indicators of the quality of life of the population in the regional ecosystem

Виды потребностей	Уровни потребностей	Выражение потребности	Система объективных показателей качества жизни населения региона	Система субъективных показателей качества жизни населения региона
Экологические	Человек	Чистая и здоровая окружающая природная среда, экологичность товаров	Улавливание загрязняющих атмосферу веществ от стационарных источников на душу населения. Утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления	Удовлетворенность собственным здоровьем
	Производство	Расширение масштабов потребления природных благ для развития производства	Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Энергоемкость ВРП	Удовлетворенность утилизацией отходов производства и потребления
	Общество	Сохранение природных благ для использования их как в настоящем, так и в будущем	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных и передвижных источников на душу населения. Удельный вес организаций, осуществляющих экологические инновации, в общем числе организаций	Удовлетворенность экологической ситуацией в регионе
Экономические	Человек	Удовлетворение потребности в экономических благах	Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума. Индекс потребительских цен	Удовлетворенность уровнем материальной обеспеченности
	Производство	Развитие и совершенствование производства	Объем основных фондов отраслей экономики на душу населения. Производительность труда. Доля инвестиций в основной капитал в ВРП	Удовлетворенность условиями труда
	Общество	Экономический рост	Объем ВРП на душу населения. Численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума	Удовлетворенность благоустройством территории проживания
Социальные	Человек	Удовлетворение потребности в определенном социальном положении	Уровень зарегистрированной безработицы. Обеспечение безопасности жизнедеятельности. Доступность цифровых услуг	Удовлетворенность работой правоохранительных органов. Удовлетворенность качеством цифровых сервисов
	Производство	Сохранение качественных характеристик рабочей силы	Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП. Удельный вес организаций, использующих цифровые технологии, в общем числе организаций	Удовлетворенность востребованностью приобретенных компетенций
	Общество	Безопасное и устойчивое развитие	Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет. Уровень развития отраслей социальной инфраструктуры (обеспеченность ДОУ, выпуск специалистов вузами и ПОО, обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями, обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом)	Удовлетворенность качеством социальной инфраструктуры

Обсуждение

Развитие регионов обычно определяется как комплексное развитие (социальное, экономическое, экологическое, технологическое и культурное) на определенной территории. Развитие региона должно быть направлено на поддержание определенного уровня жизни и повышение качества жизни за счет эффективного использования экономических, социальных и природных компонентов территории. Региональное развитие в современных условиях находится на критическом этапе, когда многочисленные кризисы и внешние шоки (политические, финансовые, энергетические, продовольственные, эпидемиологические) требуют пересмотра существующей экономической парадигмы в сторону усиления акцента на сферах занятости, социального прогресса, качества жизни и улучшения окружающей среды. Таким образом, устойчивость региона — это процесс, предлагаемый для улучшения качества жизни людей в условиях глобальной окружающей среды [18; 25; 26].

Термин «устойчивость» определяется в различных трактовках, но на практике он имеет трехмерную природу — экономическую, социальную и экологическую. Наиболее признанным в определении исследований в области устойчивого развития является определение, предложенное Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию: «развитие, отвечающее потребностям настоящего времени и обуславливающее способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [30], что в полной мере отражает и согласуется с целями управления качеством жизни населения.

Любую систему можно рассматривать как единство равновесия (устойчивости) и изменения (развития). Каждая система стремится сохранить свою стабильность. Это возможно только тогда, когда сумма потенциалов системы превышает сумму внешних и внутренних угроз. То есть для того, чтобы обеспечить устойчивое развитие системы, необходимо развитие потенциала. В данном исследовании мы продемонстрировали, что использование экосистемного базиса для адекватной текущим вызовам оценки качества жизни населения региона может способствовать принятию соответствующих решений для эффективного управления этим процессом и увеличения человеческого капитала.

Также, на наш взгляд, необходимо учитывать, что территориальная экосистема представляет собой сложную социально-экономическую си-

стему, устойчивость которой вполне обоснованно в настоящее время ассоциируется с понятием социальной энтропии. По мнению К. D. Bailey [8], развитие социально-экономических систем характеризуется неустойчивостью и неравновесным состоянием как постоянной флуктуацией между организацией и дезорганизацией.

Экосистемы в силу своих особенностей триединой структуры создаются в том числе на принципах самоорганизации. Процесс формирования экосистемы — это ответ экономических акторов на внешние вызовы, выступающие в роли хаоса. Именно хаос для сложных систем, которыми являются экосистемы, обеспечивает их открытость, выступает стимулом для развития. Отрицательная энтропия характеризует развитие экосистемы и ее открытость. Чем больше энтропия, тем легче структура системы, и тем более неустойчива система с точки зрения внешних воздействий (флуктуаций). Стабильность энтропии присутствует, если порядок и организация внутри системы уравновешивают беспорядок и дезорганизацию взаимодействий между акторами, и именно такую систему можно назвать устойчивой. Каждая экосистема стремится к энтропийному равновесию. Чем сложнее структура экосистемы, тем она больше и тем менее предсказуемо ее поведение. Таким образом, устойчивость экосистемы обеспечивается разнообразием и сложностью взаимоотношений и потребностей участников, входящих в ее состав.

Выводы

Результаты исследования вносят вклад в решение научной и практической проблемы устойчивого и сбалансированного социо-эколого-экономического развития регионов в части изучения адекватных методов и инструментов оценки качества жизни населения региона. С теоретической точки зрения исследование актуализирует проблемы внедрения стратегических рамок, способных идентифицировать стратегии устойчивого территориального развития. С практической точки зрения в исследовании предлагается подход к разработке методического инструментария оценки качества жизни населения, эффективный с точки зрения устойчивого управления территориальными экосистемами. Определение актуальных ключевых показателей оценки качества жизни населения нацелено на помощь региональным органам управления в оценке текущих возможностей территории экосистемы для поддержания экосистемного равновесия в условиях нестабильной экономической динамики под воздействием внешних и внутренних неблагоприятных факторов.

Список источников

1. Голова И. М. Экосистемный подход к управлению инновационными процессами в российских регионах // Экономика региона. 2021. Т. 17. Вып. 4. С. 1346–1360.
2. Сергеева Ю. В. Управление качеством жизни населения региона на основе его оценки и прогнозирования (на примере Нижегородской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Н. Новгород, 2008. 24 с.
3. Симченко Н. А., Анисимова Н. Ю. Экосистема цифровых производственно-трудовых отношений: теоретико-методологическое обоснование // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 61–66.
4. Рябинина Н. П., Саламатов А. А. Эколого-экономическое образование: содержательный и процессуальный аспекты : монография. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 377 с.
5. Ушвицкий Л. И., Тер-Григорьянц А. А., Деньщик М. Н. Формирование концептуальной основы экосистемного подхода к развитию социально-экономических систем // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2021. № 3 (84). С. 142–154.
6. Adner R., Kapoor R. Value creation in innovation ecosystems: How the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations // Strategic Management Journal. 2010. № 31. P. 306–333.
7. Autio E., Thomas L. Innovation ecosystems // In the Oxford Handbook of Innovation Management. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 204–288.
8. Bailey K. D. Social Entropy theory. New York: State University of New York Press, 1990.
9. Boyer J. Toward an Evolutionary and Sustainability Perspective of the Innovation Ecosystem: Revisiting the Panarchy Model // Sustainability. 2020. № 12. P. 3232.
10. Brown R., Mason C. Looking inside the spiky bits: A critical review and conceptualisation of entrepreneurial ecosystems // Small Business Economics. 2017. № 49. P. 11–30.
11. Bruns K., Bosma N., Sanders M., Schramm M. Searching for the existence of entrepreneurial ecosystems: A regional cross-section growth regression approach // Small Business Economics. 2017. № 49. P. 31–54.
12. Campbell S. Green cities, growing cities, just cities? Urban planning and the contradictions of sustainable development // Journal of the American Planning Association. 1996. № 62. P. 297–312.
13. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: From National Systems and “mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations // Research Policy. 2000. № 29. P. 109–123.
14. Gamidullaeva L. Towards Combining the Innovation Ecosystem Concept with Intermediary Approach to Regional Innovation Development // International Journal of Economics and Business Administration. 2018. Vol. VI. P. 39–53.
15. Ghio N., Guerini M., Lamastra-Rossi C. The creation of high-tech ventures in entrepreneurial ecosystems: Exploring the interactions among university knowledge, cooperative banks, and individual attitudes // Small Business Economics. 2017. № 52. P. 523–543.
16. Granstrand O., Holgersson M. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition // Technovation. 2020. № 90-91. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2019.102098>
17. Jacobides M. G., Cennamo C., Gawer A. Towards a theory of ecosystems // Strategic Management Journal. 2018. № 39. P. 2255–2276.
18. Jovovic R., Draskovic M., Delibasic M., Jovovic M. The concept of sustainable regional development — Institutional aspects, policies and prospects // Journal of International Students. 2017. № 10. P. 255–266.
19. Kleiner G. B. Ecosystem economy: Step into the future // Economic Revival of Russia. 2019. № 1 (59). P. 40–45.
20. Meoli M., Paleari S., Vismara S. The governance of universities and the establishment of academic spinoff // Small Business Economics. 2017. № 52. P. 485–504.
21. Moore J. F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. New York : HarperCollins, 1996. P. 297.
22. Oksanen K., Hautamäki A. Transforming regions into innovation ecosystems: A model for renewing local industrial structures // the Innovation Journal. The Public Sector Innovation Journal. 2014. № 19. P. 1–16.
23. Proskurnin S. D. Creation of self-organized innovative ecosystems in zones of special territorial development // Regional Economics and Management. 2017. № 4. P. 5206. URL: <https://eee-region.ru/article/5206/> (дата обращения 10.04.2022).

24. Rothschild M. Bionomics: economy as ecosystem. New York: Henry Holt and Company, 1990. 423 p.
25. Ryabchuk P., Salamatov A., Gordeeva D., Gnatyshina E. et al. // International Journal of Supply Chain Management. 2018. Vol. 7. № 6. P. 634–643.
26. Salamatov A., Maltsev Yu., Pavlov N. Region innovative development in the Russian economy technological transformation: ecosystem approach // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 258. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125812004>
27. Sussan F., Acs Z. J. The digital entrepreneurial ecosystem // Small Business Economics. 2017. № 49. P. 55–73.
28. Tiwana A. Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy. Burlington : Morgan Kaufman Publishers, 2013.
29. Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N., Lapygin Y. Regional Development in Russia: An Ecosystem Approach to Territorial Sustainability Assessment // Sustainability. 2020. № 12. P. 6424.
30. WCED (World Commission on Environment and Development). Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future. New York : United Nations: Lake Success, 1987. URL: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (дата обращения 10.04.2022).

References

1. Golova IM. Ecosystem approach to managing innovation processes in Russian regions. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2021;17(4):1346–1360. (In Russ.).
2. Sergeeva YuV. Management of the quality of life of the population of the region based on its assessment and forecasting (on the example of the Nizhny Novgorod region): abstract of thesis of the candidate of economic sciences. N. Novgorod; 2008. 24 p. (In Russ.).
3. Simchenko NA, Anisimova NYu. Ecosystem of digital production and labor relations: theoretical and methodological justification. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2021;(5(159):61–66. (In Russ.).
4. Ryabinina NP, Salamatov AA. Ecological and economic education: content and procedural aspects: monograph. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Pedagogical University Publishing house; 2013. 377 p. (In Russ.).
5. Ushvitsky LI, Ter-Grigoryants AA, Denshchik MN Formation of the conceptual basis of the ecosystem approach to the development of socio-economic systems. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the North Caucasus Federal University*. 2021;(3(84):142–154. (In Russ.).
6. Adner R, Kapoor R. Value creation in innovation ecosystems: How the structure of technological interdependence affects firm performance in new technology generations. *Strategic Management Journal*. 2010;(31):306–333.
7. Autio E, Thomas L. Innovation ecosystems. In the Oxford Handbook of Innovation Management. Oxford, Oxford University Press; 2014. Pp. 204–288.
8. Bailey KD. Social Entropy theory. New York, State University of New York Press; 1990.
9. Boyer J. Toward an Evolutionary and Sustainability Perspective of the Innovation Ecosystem: Revisiting the Panarchy Model. *Sustainability*. 2020;(12):3232.
10. Brown R, Mason C. Looking inside the spiky bits: A critical review and conceptualisation of entrepreneurial ecosystems. *Small Business Economics*. 2017;(49):11–30.
11. Bruns K, Bosma N, Sanders M, Schramm M. Searching for the existence of entrepreneurial ecosystems: A regional cross-section growth regression approach. *Small Business Economics*. 2017;(49):31–54.
12. Campbell S. Green cities, growing cities, just cities? Urban planning and the contradictions of sustainable development. *Journal of the American Planning Association*. 1996;(62):297–312.
13. Etzkowitz H, Leydesdorff L. The dynamics of innovation: From National Systems and “mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government relations. *Research Policy*. 2000;(29):109–123.
14. Gamidullaeva L. Towards Combining the Innovation Ecosystem Concept with Intermediary Approach to Regional Innovation Development. *International Journal of Economics and Business Administration*. 2018;VI:39–53.
15. Ghio N, Guerini M, Lamastra-Rossi C. The creation of high-tech ventures in entrepreneurial ecosystems: Exploring the interactions among university knowledge, cooperative banks, and individual attitudes. *Small Business Economics*. 2017;(52):523–543.

16. Granstrand O, Holgersson M. Innovation ecosystems: A conceptual review and a new definition. *Tech-novation*. 2020;90-91. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2019.102098>
17. Jacobides MG, Cennamo C, Gawer A. Towards a theory of ecosystems. *Strategic Management Journal*. 2018;(39):2255–2276.
18. Jovovic R, Draskovic M, Delibasic M, Jovovic M. The concept of sustainable regional development — Institutional aspects, policies and prospects. *Journal of International Students*. 2017;(10):255–266.
19. Kleiner GB. Ecosystem economy: Step into the future. *Economic Revival of Russia*. 2019;(1(59):40–45.
20. Meoli M, Palarì S, Vismara S. The governance of universities and the establishment of academic spin-off. *Small Business Economics*. 2017;(52):485–504.
21. Moore JF. *The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems*. New York, HarperCollins; 1996. 297 p.
22. Oksanen K, Hautamäki A. Transforming regions into innovation ecosystems: A model for renewing local industrial structures. *The Innovation Journal. The Public Sector Innovation Journal*. 2014;(19):1–16.
23. Proskurnin SD. Creation of self-organized innovative ecosystems in zones of special territorial development. *Regional Economics and Management*. 2017;(4):5206. Available from: <https://eee-region.ru/article/5206/> (date of circulation 10.04.2022).
24. Rothschild M. *Bionomics: economy as ecosystem*. New York, Henry Holt and Company; 1990. 423 p.
25. Ryabchuk P, Salamatov A, Gordeeva D, Gnatyshina E et al. Eco-Economic Security of the Region: Expanding the Management System for Assessing the State of Development. *International Journal of Supply Chain Management*. 2018; 7(6):634–643.
26. Salamatov A, Maltsev Yu, Pavlov N. Region innovative development in the Russian economy technological transformation: ecosystem approach. *E3S Web of Conferences*. 2021;258. Available from: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125812004>
27. Sussan F, Acs ZJ. The digital entrepreneurial ecosystem. *Small Business Economics*. 2017;(49):55–73.
28. Tiwana A. *Platform Ecosystems: Aligning Architecture, Governance, and Strategy*. Burlington, Morgan Kaufman Publishers; 2013.
29. Tolstykh T, Gamidullaeva L, Shmeleva N, Lapygin Y. Regional Development in Russia: An Ecosystem Approach to Territorial Sustainability Assessment. *Sustainability*. 2020;(12):6424.
30. WCED (World Commission on Environment and Development). *Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future*. New York, United Nations: Lake Success; 1987. Available from: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf> (date of circulation 10.04.2022).

Информация об авторе

А. А. Саламатов — доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития (Челябинский государственный университет); ведущий научный сотрудник.

Information about the author

A. A. Salamatov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, head of Department of economic theory and regional development (Chelyabinsk State University); leading researcher.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта
интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10606

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ПРАКТИК

Ирина Валерьевна Герсонская

Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецк, Россия, g3071971@ya.ru, ORCID 0000-0003-1099-0477

Аннотация. В статье анализируются модели государственного сектора экономики, существующие в мировой практике, и выявляются особенности функционирования госсектора в России. Рассматриваются роль и значение государственного сектора на современном этапе развития. Обоснована необходимость его функционирования в условиях смешанной экономики. Аргументируется важность государственного регулирования такой системы. Рассмотрены основные взаимосвязи, существующие между госсектором экономики, населением и бизнесом. Автор представляет организационную структуру государственного сектора и ее основные элементы. Исследуются направления деятельности госсектора экономики в европейских странах, государствах Северной Америки, азиатского региона и в России. Перечислены социально-экономические проблемы в развитии российского общества и причины низкой эффективности госсектора. Обосновывается необходимость осуществления трансформации в российском государственном секторе.

Ключевые слова: национальная экономика, государственный сектор, экономический рост, общественное развитие, качество жизни населения, общественные блага, государственное регулирование

Для цитирования: Герсонская И. В. Государственный сектор российской экономики в контексте мировых практик // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 52–61. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10606

Original article

PUBLIC SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF WORLD PRACTICES

Irina V. Gersonskaya

Lipetsk branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russia, g3071971@ya.ru, ORCID 0000-0003-1099-0477

Abstract. The article analyzes the models of the public sector of the economy that exist in world practice, and identifies the features of the functioning of the public sector in Russia. The role and importance of the public sector at the present stage of development are considered. The necessity of its functioning in a mixed economy is substantiated. The importance of state regulation of such a system is argued. The main interrelations existing between the public sector of the economy, the population and business are considered. The author presents the organizational structure of the public sector and its main elements. The directions of activity of the public sector of the economy in European countries, the states of North America, the Asian region and in Russia are investigated. The socio-economic problems in the development of Russian society and the reasons for the low efficiency of the public sector are listed. The necessity of transformation in the Russian public sector is substantiated.

Keywords: national economy, public sector, economic growth, social development, quality of life of the population, public goods, state regulation

For citation: Gersonskaya IV. Public sector of the Russian economy in the context of world practices. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):52-61. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10606

Введение

Любая развитая современная социально-экономическая система характеризуется экономикой гибридного или комбинированного типа, то есть функционирует на стыке командно-административной и рыночной экономик, имеет в своем составе государственный сектор, который является основным экономическим регулятором национальной экономики, а также предпринимательский сектор и домохозяйства. Такая система является смешанной, в которой все элементы играют важную роль в обществе и тесно взаимодействуют между собой в процессе рыночных отношений. Социально-экономической системе страны свойственны устойчивые взаимосвязи и взаимовыгодные отношения, возникающие в процессе ее функционирования между всеми элементами системы — населением, бизнесом и госсектором. И как отметил Н. С. Волостнов, «существование государственного сектора... в странах с развитой рыночной экономикой — исторический... факт» [6, с. 269]. В современных условиях такой сектор обеспечивает механизм функционирования любой экономической системы, является важным регулятором социально-экономических процессов, протекающих в общественной жизни, а также устойчивого общественного развития.

Государственный сектор экономики представляет собой ключевой, необходимый структурный компонент всей социально-экономической системы страны, а его деятельность базируется на государственной собственности. Сущность госсектора носит двоякий характер. С одной стороны, государство может выступать как субъект экономического регулирования, а с другой — как собственник различных видов имущества, финансовых ресурсов и национальных фондов. В состав государственного сектора входит комплекс экономических субъектов, осуществляющих разнообразные виды деятельности, — управленческих и социальных, а также ведущих предпринимательство. Государственный сектор, выступая основным регулятором социально-экономической системы, позиционирует себя не только как собственника и крупного инвестора, а также как производителя общественных благ и потребителя конечных товаров, работ или услуг. Стоит отметить, что кроме вышеперечисленных особенностей государственный сектор позволяет обеспечить нормальные общие условия функционирования не только системы национальной экономики страны, но и общества в целом. Исходя из факторов оказываемого воздействия на отдель-

ные явления, перед госсектором стоит ряд задач, основными из которых являются:

1. Обеспечение и усиление контроля со стороны государства над социально-экономическими процессами, протекающими в обществе.
2. Устойчивый экономический рост, стабилизация и достижение сбалансированного увеличения социально-экономических показателей.
3. Поддержка и стимулирование предпринимательского сектора национальной экономики, предоставление социальных трансфертов.
4. Решение наиболее важных общественных проблем, в том числе касающихся обеспечения максимальной занятости населения, снижения бедности и уменьшения степени социального напряжения в стране.
5. Обеспечение внешнеэкономического равновесия и усиление конкурентоспособности государства на международной арене.

Перечисленные для государственного сектора задачи отражают интересы не только предпринимательского сектора и домохозяйств, но и затрагивают интересы всей национальной экономики в целом. Госсектор осуществляет важные функции, направленные на устойчивое социально-экономическое развитие и обеспечение предпосылок для инклюзивного роста в стране. Для более эффективной реализации поставленных перед госсектором задач, ему присуща своя определенная структура, которая включает в себя государственные органы власти и управления различного уровня совместно с подведомственными им учреждениями и институциональные единицы. При этом в его составе можно выделить сектор государственного управления, бюджетный сектор, который обеспечивает выполнение основных социальных функций государства, а также сектор государственных компаний, организаций и предприятий, осуществляющих производство необходимых товаров и услуг. В целом госсектор во многом способствует качественному удовлетворению необходимых потребностей общества, выполнению государственных социальных обязательств перед населением и является драйвером инновационного развития системы национальной экономики. Поэтому трудно переоценить роль и значение такого сектора для всей социально-экономической системы любого государства. Данные обстоятельства и обуславливают актуальность научного исследования. Цель статьи — анализ моделей государственного сектора национальной экономики, существующих в мировой практике в современных условиях

развития, и выявление особенностей функционирования российского госсектора.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования были использованы общенаучные методы познания, такие как наблюдение и диалектическая логика, анализ и синтез, а также познание объективной действительности, приемы обобщения и сравнения, системного исследования явлений и процессов.

Проблемы функционирования госсектора на современном этапе социально-экономического развития исследовали А. Е. Абрамов, Е. В. Балацкий, В. И. Бархатов, А. М. Волков, Н. С. Волостнов, П. С. Звягинцев, М. М. Ковалев, О. В. Кожеева, М. В. Курбатова, В. В. Курченков, О. С. Макаренко, Д. А. Плетнев, А. Д. Радыгин, А. М. Чернопятов и др.

Результаты исследования и их обсуждение

На формирование государственных структур и функционирование госсектора в любой стране мирового сообщества накладывают отпечаток ее политические, социально-экономические и национальные особенности. Поэтому в экономической теории выделяют несколько моделей государственного сектора экономики, основными из которых являются западноевропейская, североамериканская и азиатская, поэтому рассмотрим особенности функционирования каждой из них:

1. Для западноевропейской модели характерно существенное присутствие государства в экономике и значительные масштабы госсектора (Франция, Германия, Швеция, Италия, Австрия и др.). Эти страны имеют развитые социальные институты, а государственные компании осуществляют хозяйственную деятельность в разных сферах национальной экономики. На сегодняшний день в Еврозоне самые масштабные по своим размерам государственные сектора экономики, а также довольно значительные по стоимости активов государственных компаний находятся, как отметил М. М. Ковалев, «...во Франции... Норвегии... по числу занятых в госсекторе лидирует Франция...» [11, с. 10]. Интересы государства сосредоточены в приоритетных отраслях экономики. В частности, многие компании с государственным участием «...в Италии... контролируют металлургию... электротехническую... судостроительную промышленность... Франции... электроэнергетику... автомобилестроение... химическую промышленность...» [11, с. 10]. Европейским странам присущ высокий уровень бюджетных расходов, связанных с финансированием госсектора, а также значительные государствен-

ные капитальные вложения в национальную экономику. При этом государственными компаниями, по мнению Н. С. Волостнова, «...осуществляется... 1/6 (Германия, Великобритания)... 1/3 (Франция)... 1/2 (Австрия)... капиталовложений...» [6, с. 269].

Для стран Еврозоны характерен довольно высокий уровень налогообложения как предпринимательского сектора национальной экономики, так и физических лиц. Государственные расходы отражают значительные объемы конечного потребления в госсекторе экономики, а также социальных трансфертов для населения. Например, в Германии такой сектор невелик, и размеры государственной собственности не очень внушительны, но в соответствии с принятой доктриной «государства всеобщего благосостояния» для выполнения основных государственных социальных гарантий перед населением и дальнейшего развития общественных услуг, правительство этой страны реализует довольно жесткую фискальную политику, поскольку в ВВП, по оценке В. Б. Белова, «...доля налогов и социальных сборов... 37,6 %» [7, с. 27].

В Швеции посредством государственного сектора экономики также происходит аккумуляция через налоги и перераспределение через систему государственных расходов довольно значительной величины национального дохода на реализацию социально-экономических целей. Это проявляется, по мнению А. М. Волкова, «...в максимальном росте производства частного сектора и... перераспределении... прибылей... через... государственный сектор для повышения жизненного уровня народа...» [5, с. 7]. Правительство страны делает акцент на институционализацию системы госсектора, прежде всего, в области регулирования государственных расходов и развитию общественной инфраструктуры, а также гибкость государственной антикризисной политики. В частности, государственное социальное страхование распространено на «...все население Швеции... внимание уделяется... занятости... профессиональному обучению» [5, с. 8]. Швеция имеет самый большой государственный сектор с точки зрения доли налогов, то есть очень большая часть от общего потребления страны определяется решениями правительства. Посредством государственных институтов аккумулируется и перераспределяется на социальноэкономические назначения существенная доля полученных государственных доходов.

Если рассматривать финансовые структуры государственного сектора экономики стран

Евросоюза, то, как утверждает М. М. Ковалев, «...в Италии... «Банк ди Рома» принадлежит государству... в Швеции... «Нордбанкен» является государственным» [11, с. 11]. Также в Германии есть государственные сберкассы и «земельные» государственные банки, а во Франции госсектор контролирует ряд крупнейших кредитных учреждений и страховых компаний. Правительство этих государств поддерживает и институты развития. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в других экономически развитых европейских странах.

Таким образом, мы считаем, что западноевропейская модель характеризуется довольно значительным государственным сектором в составе национальной экономики, поскольку на его долю, утверждает О. В. Кожевина, «...приходится 30–40 % объема промышленного производства в Центральной и Восточной Европе» [12, с. 2027]. Такой модели свойственны сравнительно высокие бюджетные расходы государства по финансированию государственного сектора и выплате социальных трансфертов домохозяйствам. Правительство большинства европейских стран разрабатывает социальные программы. При этом в такой модели прослеживается четкая грань между государственным и предпринимательским секторами национальной экономики, а также происходит активное государственное регулирование деятельности всех экономических субъектов. Западноевропейская модель имеет довольно высокий уровень эффективности государственной деятельности.

2. Североамериканская модель государственного сектора национальной экономики нашла свое широкое распространение в странах Северной Америки, а именно в США и Канаде. Однако такой модели характерен, как считает О. С. Макаренко, «...низкоэффективный, незначительный по объему и малофинансируемый государственный сектор...» [15, с. 70]. В этих странах преобладает частный бизнес. При этом границы социально-экономических интересов американского государственного сектора экономики намного уже, чем в канадском.

Канада также имеет незначительный по масштабам своей деятельности государственный сектор национальной экономики. Но правительство Канады проводит более социально ориентированную политику, направленную на поддержание не только нуждающихся и самых незащищенных слоев населения, но и поддержку среднего класса, для которого в последнее время была, по мнению экспертов, «...снижена налоговая на-

грузка... увеличены социальные выплаты... детям и пенсионерам, повышены гранты... для студентов... объемы финансирования образования... медицинского обслуживания...» [2, с. 19]. Государственный сектор в Канаде контролирует электроэнергетику, коммунальное хозяйство и транспортную инфраструктуру, добывающие и обрабатывающие компании, а также «...осуществляет общее регулирование экономики...» [2, с. 29]. При этом государственная экономическая политика в Канаде менее либеральная, чем в США. В Канаде к государственной собственности относятся большая часть лесов и земель, тогда как в США, считают ученые, только «...около 1/3 земли находится в собственности федерального правительства» [6, с. 269].

Также структура государственного бюджета в североамериканской модели имеет свою специфику и характерные особенности. Например, в доходной части бюджета США в налоговых поступлениях больше доля прямых налогов, тогда как западноевропейская модель госсектора характеризуется более широким применением системы косвенного налогообложения. При этом для госсектора США характерны невысокий уровень государственных расходов в ВВП, а также строгий учет и контроль расходов со стороны правительственных структур.

Таким образом, нами установлено, что североамериканская модель характеризуется незначительными размерами государственной деятельности и невысокой эффективностью своего функционирования. В системе национальной экономики США и Канады преобладает предпринимательский сектор и рыночные отношения. Но, несмотря на указанные обстоятельства, в этих странах установлена четкая и явно выраженная граница между госсектором и предпринимательскими структурами, а также осуществляется государственное регулирование экономики и предоставляется значительная финансовая поддержка инновационным отраслям экономики. Правительство США придерживается принципа «примимистого финансирования» и строго государственного контроля за бюджетными расходами, что негативно сказывается на социальной политике в стране, так как государственные гарантии предоставляются только малоимущим слоям населения. Проводимая государственная политика в Канаде включает самые разнообразные меры поддержки и ориентирована на более широкие социальные слои, осуществляется финансовая помощь не только бедным, но и среднему классу.

3. Для азиатской модели характерно отсутствие явных границ между государственным и частным секторами экономики (Япония, Республика Корея и др.). В этом случае, как утверждает О. С. Макаренко, «...интересы государства и бизнеса тесно связаны между собой... что приводит к формированию частно-государственного сектора...» [15, с. 70–71]. Поэтому во многих азиатских странах формально такой сектор системы национальной экономики считается частным (коммерческим), но фактически является государственным. Результатом практической реализации азиатской модели являются в целом незначительные масштабы государственного сектора экономики и его деятельности. В частности, в ведении государственного сектора экономики Японии в основном находятся общественный транспорт, образовательные учреждения и научные институты, организации здравоохранения, а также строительные компании, возводящие для государства жилье, автодороги и порты, компании по сбору и переработке отходов и др.

Наиболее крупный по масштабам государственный сектор присутствует в национальной экономике Южной Кореи. В этой стране, по оценке М. М. Ковалева, «...стоимость госкомпаний около 180 млрд долл...» [11, с. 9]. При этом объекты государственной собственности в Южной Корее имеются в электроэнергетике, электронике, металлургии, химической промышленности, транспортной инфраструктуре, морском промысле, использовании гидроресурсов и мелиорации и др. Эксперты утверждают, что правительство продолжает «...либерализовать экономику... особое внимание... уделялось налоговой реформе, приватизации, содействию развития человеческого капитала...» [17, с. 6]. Также снижено влияние государственного сектора на процессы, протекающие в системе национальной экономики, за счет сокращения аппарата государственного управления, приватизации государственных компаний, отмены излишних административных ограничений для частного бизнеса, ориентирования госсектора на потребителя и роста его конкурентоспособности, усиления действия принципов рыночных отношений. Правительство сосредотачивает усилия на реализации инновационной и инвестиционной политики, дальнейшем увеличении прогрессивных технологических разработок и научных исследований, а также на привлечении в страну иностранных инвестиций, которые остаются одним из основных факторов роста национальной экономики.

В современных условиях развития государственная экономическая политика Южной Кореи во многом «...характеризуется стремлением правительства к... осуществлению приватизации государственных банков и общей либерализации экономики...» [17, с. 10], но результат ее реализации характеризуется дефицитом государственного бюджета и существенным увеличением государственного долга. При этом государство не стремится проводить активную социальную политику, «...объем государственных расходов на социальное обеспечение один из наиболее низких..., но... заработные платы в стране одни из самых высоких в мире...» [17, с. 15]. В этом случае часть социальных расходов правительство перекладывает на субъекты частного бизнеса, которые предоставляют своим работникам различные льготы и социальные гарантии, поэтому для Южной Кореи «...характерен относительно невысокий уровень социального неравенства...» [17, с. 16].

Таким образом, нами установлено, что для азиатской модели характерна незначительная величина госсектора. При этом границы между государственным и предпринимательским сектором довольно расплывчаты, так как оба сектора национальной экономики имеют общие интересы и осуществляют совместную деятельность по росту конкурентоспособности. Государственные расходы на национальную экономику внушительны, а социальные гарантии минимальны.

Рассмотрим особенности китайской модели государственного сектора экономики. В Китае государство озабочено прежде всего гармонизацией интересов всех участников хозяйственной деятельности, производственных отношений и общества в целом. Современный Китай имеет внушительный по масштабам своего функционирования и видам деятельности государственный сектор экономики, так как во время перехода на «рельсы» рыночной экономики Правительство страны не стало, утверждает Го Линь, «...ликвидировать свой госсектор... частные предприятия создавались заново...» [9, с. 23]. В этот период в Китае массово были приватизированы только малые, а также некоторые средние государственные компании. Крупные предприятия остались в составе госсектора национальной экономики. Правительством Китая была введена система управления государственными компаниями на основе действия принципов рыночных отношений и механизмов государственного регулирования экономики. Существенно был ослаблен государственный контроль, а распределение

доходов происходит более демократично. Но госсектор производит, по оценке Го Линь, «...более 63 % ВВП... составляет 80 % налогов... бюджет... обеспечивает до 90 % занятости...» [9, с. 26], что во многом и является залогом успеха национальной экономики страны. При этом система государственного регулирования и «...способность авторитарного государства к мобилизации и принуждению гарантирует стабильность системы, повышая свою легитимность на основе успешного функционирования экономики» [18, с. 504]. Данные факторы делают госсектор Китая не похожим на все другие рассмотренные нами модели. При этом, несмотря на высокую эффективность деятельности государственного сектора, направленной на устойчивый рост национальной экономики, социальная составляющая государственной политики малозначительна. Поэтому мы считаем, что государственный сектор Китая также целесообразно рассматривать как отдельный тип модели экономики.

Российский госсектор имеет свои характерные особенности и специфические национальные черты, которые делают его не похожим ни на одну из рассмотренных нами моделей. При этом «исторически государство в России на протяжении всего периода своего существования являлось крупным субъектом хозяйствования с высокой долей государственной собственности» [14, с. 41]. Но экономические преобразования конца XX века и приватизация важнейших отраслей национальной экономики привели к утрате государственным сектором ведущих позиций. В этот период размеры госсектора в России были незначительными, финансирование — минимальным, а результаты его деятельности оказались неудовлетворительными. При этом такой сектор российской экономики, как отметили Е. В. Балацкий и В. А. Конышев, «был сформирован по... остаточному принципу... представляет собой нечто, что... не успели приватизировать» [3, с. 22]. Однако, как считают многие отечественные экономисты, в нашей стране в настоящее время «...около 30 % промышленного производства осуществляют предприятия с государственным участием, и около 50 % ВВП производится в государственном секторе экономики...» [12, с. 2027].

В России государственный сектор представляет собой подсистему в составе национальной экономики, характеризующуюся совокупностью предприятий, учреждений и организаций различных отраслей, которые являются полностью или частично собственностью государства, а также

управляются со стороны государственных органов власти. В настоящее время к такому сектору экономики относятся все государственные компании и предприятия, а также бюджетные учреждения и различные государственные организации, которые занимаются производством общественных благ и регулированием социально-экономических процессов. При этом под федеральное управление попадают оборонно-промышленный комплекс страны и космический сектор, добыча и переработка природных ресурсов, особенно их стратегических видов, а также энергетический комплекс, авиастроение и судостроение, производство машин, отрасли транспортной инфраструктуры, связи, почты и телекоммуникаций. Региональные структуры ответственны за производство общественных благ для населения, проживающего на территории субъекта РФ и развитие общественной инфраструктуры. Поэтому в современной России госсектор «...играет очень важную роль и на него приходится определенная доля экономики» [10, с. 111].

Российский госсектор выполняет функцию регулятора рыночной экономики, способствует инновационным процессам в стране, призван удовлетворять общественные потребности и обеспечивать социальную защиту населения. При этом госсектор выполняет стимулирующую и контролирующие функции, а также создает предпосылки устойчивого экономического роста как на государственном, так и на региональном уровне. Для развития России важное значение имеет государственная социально-экономическая политика, которая, по мнению отечественных ученых и экспертов, «...представляет собой некий национальный план долгосрочного экономического развития государства, целью которого является обеспечение перманентного экономического развития в долгосрочной перспективе» [1, с. 23]. Несмотря на то, что государство выступает и как производитель, и как потребитель благ и услуг, оно обладает определенными инструментами воздействия на экономическую систему, то есть методами государственного регулирования экономики.

В последние годы произошло большое расширение функционала госсектора российской экономики в усилении обороноспособности страны, информационной и экологической безопасности, решения вопросов импортозамещения, и прежде всего, по продовольственным товарам. В современных условиях он является драйвером устойчивого функционирования системы национальной

экономики и способствует экономическому росту, а также создает предпосылки для динамичного социально развития и содействует преодолению кризисных явлений, которые возникают в системе национальной экономики. Важными для российского государственного сектора на современном этапе являются формирование человеческого капитала, расширение инновационных процессов и научно-технических изменений во всех отраслях экономики, а также «...сохранение и преумножение национального богатства страны... обеспечение устойчивого экономического роста» [8, с. 101].

Но в России накопилось множество социально-экономических и экологических проблем, требующих незамедлительного их разрешения как в общегосударственном масштабе, так и на региональном уровне. К обострившимся проблемам последних лет относятся замедление темпов роста национальной экономики, ускорение инфляционных процессов, замедление инновационно-технологических процессов, уменьшение компаний малого и среднего предпринимательства, рост убыточных или мало доходных предприятий, определенные трудности с созданием и развитием собственного бизнеса. При этом, как утверждает Д. А. Плетнев, «...только треть всех быстрорастущих компаний имеют предпринимательскую природу, остальные аффилированы или с крупными компаниями, или с государством...» [16, с. 136]. Также в стране наблюдается снижение количества рабочих мест и рост безработицы, устойчивое падение реальных доходов населения и снижение качественного уровня его жизни, обострение социально-демографических проблем. Помимо обострившихся общественных проблем, как отмечает В. И. Бархатов, «происходящие трансформации сопровождались падением производства, проблемами на финансовом рынке, снижением эффективности использования всех видов ресурсов» [4, с. 39]. При этом реальный сектор экономики России характеризуется низким уровнем конкурентоспособности и производительности труда, неспособностью обновления изношенного производственного капитала и недостаточностью высокотехнологичных производств. Наблюдаются негативные явления в самом госсекторе России, а именно: в системе здравоохранения, науке и образовании, культуре, социальной сфере и экологии, не высока доходность многих государственных предприятий и не велика эффективность множества имущественных объектов.

Обсуждение

В процессе исследования нами установлено, что для каждой модели госсектора характерны свои особые национальные черты и специфика функционирования. Каждая страна имеет этапы исторического развития, традиционные особенности хозяйствования и политико-экономическую обстановку. Поэтому различия в моделях определяются соотношением государственной и частной собственности, механизмами регулирования экономики и приоритетами государственной политики. Однако любая из исследованных нами моделей имеет свои достоинства и недостатки.

В частности, западноевропейская модель в целом характеризуется довольно развитым госсектором и носит явно выраженный «социальный характер», но ее практическая реализация привела в последнее время к возникновению серьезных экономических проблем вследствие роста государственных расходов на проведение общественных мероприятий и выполнение обязательств перед населением. Поэтому мы соглашались с мнением В. Б. Белова о том, что «...социальное государство все больше отягощает экономику... демонстрирует неспособность... создавать эффективные... условия в трансформирующихся демографических... экономических обстоятельствах» [7, с. 33].

Приведем другой пример. В соответствии с североамериканской моделью, государственный сектор малозначителен и не проявляет предпринимательскую активность. В этом случае, с одной стороны, возникают положительные моменты для расширения границ частного сектора, но с другой стороны, правительство упускает возможность получения дополнительных доходов на пополнение государственной казны, тогда как действие принципа «прижимистого финансирования» может привести к обострению всех социально-экономических проблем и существенному нарастанию социальной напряженности в обществе.

Китайская модель, наоборот, имеет значительный интерес государства в национальной экономике, но при этом мало внимания уделяет решению насущных, острых социальных проблем. Практически аналогичная картина прослеживается и в российской модели, в которой государственный сектор сосредотачивает основные усилия только в стратегически важных отраслях национальной экономики, а социальная политика носит явно формальный признак и фактически не оказывает существенного влияния на повышение

общественного благосостояния. При этом основные проблемы объективного характера, по нашему мнению, связаны со спецификой деятельности государственного сектора экономики в России, который в первую очередь, призван обеспечивать качественное выполнение общественных потребностей. Многие объекты, находящиеся в государственной или региональной собственности, являются или убыточными, или малорентабельными вследствие ряда субъективных причин, а именно низкого уровня управления и довольно частого проявления халатности со стороны российских чиновников. Эти обстоятельства свидетельствуют о необходимости осуществления процессов трансформации в государственном секторе экономики. В этом случае целесообразно внедрять передовые практики государственного управления и повысить степень социальной ответственности со стороны государства, что не только приведет к увеличению общественного благосостояния и повышению качества жизни населения, но и будет во-многом способствовать росту эффективности российского госсектора.

Выводы

Таким образом, на основе анализа моделей государственного сектора экономики, существующих в мировой практике, мы установили, что такой сектор в любой стране представляет собой специфическую социально-экономическую систему, а системный характер национальной экономики позволяет не только проследить происходящие в обществе взаимосвязанные экономические процессы, но и лучше понять динамику их развития в обществе, что является актуальным и в процессе оптимизации существующей модели госсектора. Также нами выявлены особенности российского госсектора и основные проблемные моменты в процессе его функционирования на современном этапе. Основной целью государственного сектора экономики является создание собственной имущественной базы для удовлетворения общественных потребностей, а также государственное регулирование экономики. Государственный сектор в процессе своего функционирования оказывает существенное воздействие на отдельные социально-экономические процессы

и явления, происходящие в системе национальной экономики. Также такой сектор значительно влияет на уровень и качество жизни населения страны и общее развитие современного общества в целом, а большинство организаций госсектора выполняют социальные функции. Однако, по мнению экспертов, «анализ показывает, что практически во всех странах государственный сектор представляет собой неоднородные производственные образования» [19, с. 139], что порождает и вызывает определенные проблемы в процессе его функционирования и во многом снижает эффективность его деятельности. Однако, несмотря на это обстоятельство, госсектор является необходимым и важным элементом социально-экономической системы национальной экономики, а также общества в целом. Многие авторы считают, что «...по своей сути государственный сектор противоречит основополагающим принципам рыночной экономики, в то же время он служит повышению эффективности национального хозяйства в целом» [13, с. 9]. Такой сектор производит общественные блага, осуществляет государственное регулирование и содействует росту национального богатства страны. Для обеспечения устойчивости всей социально-экономической системы государство формирует более целесообразную инфраструктуру отраслей национальной экономики, а также поддерживает сбалансированность макроэкономических пропорций. В смешанной экономике наблюдается общемировая тенденция к расширению границ, масштабов деятельности государственного сектора вследствие довольно неэффективной, с общественных позиций, системы экономики свободного рынка. Во всех экономически развитых странах имеется рост государственных расходов в социальной сфере в силу незаинтересованности частного бизнеса в их осуществлении. Поэтому в условиях функционирования смешанной экономики государственной сектор должен, в первую очередь, выступать гарантом соблюдения общественных интересов, но, в то же время, обладать существенным экономическим влиянием на развитие социально-экономической системы любой страны мирового сообщества.

Список источников

1. Абрамов А. Е., Аксенов И. В., Радыгин А. Д., Чернова М. И. Современные подходы к измерению государственного сектора: методология и эмпирика // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 2. С. 28–47.
2. Аналитический обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Канады за 2016 год. Оттава : Торговое представительство РФ в Канаде, 2017. 71 с.

3. Балацкий Е. В., Конышев В. А. Российская модель государственного сектора экономики : монография. М. : Экономика, 2005. 390 с.
4. Бархатов В. И. Тренды развития социально-экономических систем регионов (центр — периферия) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 35–52.
5. Волков А. М. Швеция: социально-экономическая модель : справочник. М. : Мысль, 1991. 188 с.
6. Волостнов Н. С. Государственный сектор в рыночной экономике России: сущность и функции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). С. 269–273.
7. Германия. 2018 : монография / В. Б. Белов и др. ; отв. ред. В. Б. Белов. М. : Институт Европы РАН, 2019. 126 с.
8. Герсонская И. В. Государственный сектор национальной экономики: теория и методология : монография. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2021. 164 с.
9. Го Линь. Этапы эволюции государственного сектора экономики Китая // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2015. № 11. С. 23–27.
10. Звягинцев П. С. Государственная собственность как драйвер развития инновационной экономики России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 3. С. 111–128.
11. Ковалев М. М. Управление государственным сектором экономики : монография. Минск : Изд. центр БГУ, 2018. 250 с.
12. Кожевина О. В. Зарубежная практика использования организационных моделей управления эффективностью в государственном секторе экономики // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (9). С. 2027–2031.
13. Курбатова М. В., Каган Е. С., Вшивкова А. А. Оценка масштабов государственного сектора регионов РФ и их взаимосвязи с уровнем экономического развития // Вопросы регулирования экономики. 2016. Т. 7, № 3. С. 6–19.
14. Курченков В. В., Макаренко О. С. Эволюция развития государственного сектора экономики: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22, № 2. С. 40–49.
15. Макаренко О. С. Корпоративная модель государственного сектора российской экономики: тенденции и закономерности развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. № 1 (38). С. 68–75.
16. Плетнев Д. А. Трудная судьба российских быстрорастущих компаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 132–139.
17. Республика Корея: успехи и проблемы развития: Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики / авт. кол. под рук. Л. Григорьева. М. : Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019. 19 с.
18. Социальная политика в России и Китае : монография / отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : Новый хронограф, 2016. 528 с.
19. Чернопяттов А. М., Ахметов Л. А., Джураев Д. М. Государственный сектор в экономике Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2018. № 4. С. 138–145.

References

1. Abramov AE, Aksenov IV, Radygin AD, Chernova MI. Modern approaches to measuring the public sector: methodology and empirics. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2018;(13(2):28–47. (In Russ.).
2. Analytical review of the state of the economy and the main directions of Canada's foreign economic activity for 2016. Ottawa, Trade Representation of the Russian Federation in Canada; 2017. 71 p. (In Russ.).
3. Balatsky EV, Konyshev VA. The Russian model of the public sector of the economy. Moscow, Economics; 2005. 390 p. (In Russ.).
4. Barkhatov VI. Trends in the development of socio-economic systems of regions (center — periphery). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458):35–52. (In Russ.).
5. Volkov AM. Sweden: socio-economic model. Moscow, Thought; 1991. 188 p. (In Russ.).
6. Volostnov NS. The public sector in the market economy of Russia: the essence and functions. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*. 2012;(3(1):269–273. (In Russ.).

7. Germany. 2018. Moscow, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2019. 126 p. (In Russ.).
8. Gersonskaya IV. The public sector of the national economy: theory and methodology. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS; 2021. 164 p. (In Russ.).
9. Guo Lin. Stages of evolution of the public sector of the Chinese economy. *Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya* = *Infrastructure sectors of the economy: problems and prospects of development*. 2015;(11):23–27. (In Russ.).
10. Zvyagintsev PS. State ownership as a driver of the development of the innovative economy of Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* = *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(3):111–128. (In Russ.).
11. Kovalev MM. Management of the public sector of the economy. Minsk, Publishing House of the BSU; 2018. 250 p. (In Russ.).
12. Kozhevina OV. Foreign practice of using organizational performance management models in the public sector of the economy. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Fundamental Research*. 2014;(11(9)):2027–2031. (In Russ.).
13. Kurbatova MV, Kagan ES, Vshivkova AA. Assessment of the scale of the public sector of the regions of the Russian Federation and their relationship with the level of economic development. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki* = *Issues of economic regulation*. 2016;(7(3)):6–19. (In Russ.).
14. Kurchenkov VV, Makarenko OS. Evolution of the development of the public sector of the economy: domestic and foreign experience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* = *Bulletin of Volgograd State University. Economy*. 2020;(22(2)):40–49. (In Russ.).
15. Makarenko OS. Corporate model of the public sector of the Russian economy: trends and patterns of development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya* = *Bulletin of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*. 2017;(1(38)):68–75. (In Russ.).
16. Pletnev DA. The difficult fate of Russian fast-growing companies. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(3(425)):132–139. (In Russ.).
17. Republic of Korea: successes and problems of development: Bulletin on current trends in the world economy. Moscow, Analytical Center under the Government of the Russian Federation; 2019. 19 p. (In Russ.).
18. Social policy in Russia and China. Moscow, New Chronograph; 2016. 528 p. (In Russ.).
19. Chernopyatov AM, Akhmetov LA, Juraev DM. The public sector in the economy of the Russian Federation. *Fundamental'nye issledovaniya* = *Fundamental research*. 2018;(4):138–145. (In Russ.).

Информация об авторе

И. В. Герсонская — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов.

Information about the author

I. V. Gersonskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.14+339.13

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10607

КРЕАТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПРИНЦИП УСПЕШНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ В РЕГИОНЕ

Дарья Николаевна Боровинская^{1✉}, Мария Александровна Залевская²,
Максим Андреевич Морданов³

¹ Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

^{2,3} Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

¹ sweetharddk@mail.ru, ORCID 0000-0002-5041-7176

² zalevskaya@gmail.com, ORCID 0000-0002-8206-1696

³ Mordanov_ma@surgu.ru, ORCID 0000-0001-8359-7620

Аннотация. Проблемам развития и управления территориями посвящено значительное число работ отечественных и зарубежных авторов, специализирующихся в различных областях научного знания. Исследования по данной тематике становятся объективно востребованными и всё более социально значимыми, что обусловлено и объясняется наличием социально-экономических показателей, характеризующих степень развития регионов. Цель исследования — характеристика и оценка направлений формирования брендинга территорий как эффективного механизма, обеспечивающего их благополучное развитие, в основе которого лежит принцип креативного и концептуального мышления. Авторами обоснована необходимость и значимость брендинга территорий и выявлены ключевые принципы его развития на примере ХМАО — Югры. В ходе исследования определены направления и инструменты формирования положительного образа региона в целях повышения его узнаваемости, усиления его местной, региональной и глобальной позиций. Исследование имеет практическое значение для разработки стратегии в области брендинга территорий с учетом географических и социально-экономических условий.

Ключевые слова: брендинг, креативность, креативные индустрии, экономика, культура, региональное развитие

Для цитирования: Боровинская Д. Н., Залевская М. А., Морданов М. А. Креативность как ключевой принцип успешного брендинга в регионе // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 62–73. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10607

Original article

CREATIVITY AS A KEY PRINCIPLE OF SUCCESSFUL BRANDING IN THE REGION

Daria N. Borovinskaya¹, Maria A. Zalevskaya², Maxim A. Mordanov³

¹ Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

^{2,3} Surgut State University, Surgut, Russia

¹ sweetharddk@mail.ru, ORCID 0000-0002-5041-7176

² zalevskaya@gmail.com, 0000-0002-8206-1696

³ Mordanov_ma@surgu.ru, ORCID 0000-0001-8359-7620

Abstract. A significant number of works of domestic and foreign authors, specializing in various fields of scientific knowledge, are devoted to the problems of development and management of territories. Studies on this topic are becoming objectively demanded and increasingly socially important, which is due and explained by the presence of socio-economic indicators characterizing the degree of development of the regions. The aim of the research is to characterize and assess the directions of formation of branding of territories as an effective mechanism that ensures

their prosperous development, based on the principle of creative and conceptual thinking. The authors have determined the necessity and importance of territorial branding and identified the key principles of its development on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra. The study identifies the directions and tools to form a positive image of the region in order to increase its recognizability, strengthen its local, regional and global positions. The study has practical value for the development of a strategy in the field of branding of territories, taking into account geographical and socio-economic conditions.

Keywords: branding, creativity, creative industries, economy, culture, regional development

For citation: Borovinskaya D. N., Zalevskaya M. A., Mordanov M. A. Creativity as a key principle of successful branding in the region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):62-73. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10607

Введение

Долгосрочное и эффективное социально-экономическое развитие регионов является одной из важных стратегических задач функционирования государства, реализация которой во многом определяется соответствующей духу времени системой менеджмента.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием региональных социальных и экономических систем, где ключевая роль отводится технологиям маркетинга, формирующим позитивное восприятие территории, обусловленное её уникальным культурным кодом.

В свою очередь, социально-культурная среда территорий представляет собой систему взаимосвязанных элементов, составляющих в сумме ценность для комплексного регионального развития. А именно:

- сохранение существующего культурного наследия и формирование нового;
- возможность организации эффективного взаимодействия между государством (в лице представителей политических институтов и органов власти), социальными группами и образовательной средой;
- создание надлежащих условий функционирования современных экономических систем (экономика знаний, экономика услуг) и развития человеческого капитала;
- создание комфортной среды проживания на определенной территории.

Отметим, что благоприятная социально-культурная среда оказывает значимое влияние на развитие региональных социальных и экономических систем. В свою очередь, уровень её совершенствования способствует решению следующих социокультурных проблем:

- повышение привлекательности региона в целях развития культурного туризма;
- развитие регионов с устойчивым спадом экономической активности и значительным снижением уровня жизни населения;

- создание рабочих мест;
- увеличение экспортных товаров и услуг;
- реализация инструментов для развития компетенций специалистов.

Цель данного исследования заключается в характеристике и оценке направлений формирования брендинга территорий как эффективного механизма, обеспечивающего их благополучное развитие. А в его основе лежит принцип креативного и концептуального мышления.

В качестве же необходимого инструмента эффективного регионального управления выделим чёткое построение и регулирование процессов, которые обеспечивают комплексное развитие региона; при этом целесообразным здесь является рассмотрение определенной территории (например, города или региона) как основы человеческой деятельности, способом определения особенностей жизнедеятельности личности, направлений профессиональной деятельности, а также уровня жизни в целом.

Материалы и методы исследования

Анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по вопросам брендинга и продвижения регионов показывает: в них достаточно глубоко и содержательно рассмотрены теоретико-методологические аспекты предмета. Однако вопросы прикладного характера — а это возможности реализации ключевых принципов и технологий, тесно связанных с креативностью на примере конкретных территорий, — требуют проведения постоянных и системных исследований.

Отдельный опыт изучения креативности и её роль в экономическом развитии городов представлены в исследованиях М. Б. Форлео и Г. Бенедетто [12], которые рассматривают отношения между городским и сельским пространством. Тогда как Д. Пауэр и Т. Нильсен [14] выделяют ключевые признаки приоритетных секторов в отношении креативных индустрий. Отдельные вопросы брендинга в системе маркетинга территорий раскрываются в исследованиях О. Ф. Беленко [1],

И. А. Матюк [4]. А возможности туристско-рекреационного брендинга территорий на примере Уральского федерального округа выявляет Д. В. Чумакова [9].

Значимость развития социально-культурной среды обуславливает определение методологии и общие механизмы инструментов совершенствования территорий. Они должны соответствовать не только современным реалиям рыночных отношений, но и ключевым направлениям развития культуры и социальной сферы. Закономерным, а, главное, экономически целесообразным является то, что культурные ресурсы (например, объекты архитектуры, произведения искусства, фильмы, музыка) могут быть использованы в качестве инструментов эффективной экономической деятельности хозяйствующих субъектов и развития социально активной, конкурентоспособной творческой личности. В связи с этим требует акцента формирование определенной среды в целях развития элементов творческой деятельности и создания экономической и культурной ценности создаваемых благ [2]. Это к вопросу об их востребованности.

Достижение означенной цели исследования осуществлялось на основе применения общенаучных методов в рамках анализа и синтеза, а также посредством теоретического анализа научных трудов ученых, чья сфера интересов имеет непосредственное отношение к вопросам регионального развития. Здесь же — формирование бренда территорий как эффективного инструмента создания благоприятных условий функционирования территорий и ведения предпринимательской деятельности в творческой сфере. Более того, исследование состояния и развития социально-культурной среды региона тесно связано с реализацией метода картирования креативных индустрий определенной территории.

В результате исследования авторами выявлены ключевые принципы развития брендинга территории на примере ХМАО — Югры. В ходе исследования определены направления и инструменты формирования положительного образа региона в целях повышения его узнаваемости, усилении его местной, региональной и глобальной позиций. Исследование имеет практическое значение для разработки стратегии в области брендинга территорий с учетом географических и социально-экономических условий.

Брендинг территорий как инструмент регионального развития

За последние годы возросло значение культурной экономики и креативных индустрий. По мнению за-

рубежных исследователей, именно динамика экономических показателей арт-сектора является движущим фактором экономического роста регионов [13].

Безусловно, понятие «креативные индустрии» относится не только к области культуры в строгом смысле, но и к производственному процессу творческих товаров и услуг как ядру системы культурных и экономических элементов. В рамках российских реалий развития креативных индустрий и условий формирования новых экономических систем большое значение имеет исследовательский этап, который связан с определением принципов успешного развития регионов, формированием и определением содержания, выявлением особенностей и практической значимости картирования, анализом и систематизацией культурных ресурсов.

Перейдем к рассмотрению технологии культурного планирования и картирования — элементам создания условий и инфраструктуры социально-культурной среды.

Филип Котлер, американский экономист и один из ведущих экспертов по маркетингу, неоднократно подчеркивал, что понятие «бренд» упоминаются не только в отношении определенных потребительских товаров и услуг, но и при характеристике деятельности организаций, индивидов, рассмотрении концепций и особенностей региональных условий [3]. Брендинг территории представляет собой набор характеристик города или региона: начиная от логотипов и товарных знаков представителей бизнес-сферы, до гораздо более сложных составляющих — маркетинговой деятельности, качества инфраструктуры, уникальности места, которая формируется природными и культурными ресурсами, товарами и услугами местных производителей. Кроме того, бренд территорий можно рассматривать как совокупность уникальных качеств, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики территории, широко известные, получившие общественное признание [4]. Несмотря на то, что брендинг территории — сравнительно молодое направление деятельности для российских субъектов, значимость обозначенной деятельности достаточно высока. В настоящее время разработка инструментов и направлений формирования положительного образа территории представляет собой одну из приоритетных проблем экономического, социального и политического развития региона [7].

Эффективный брендинг способствует повышению привлекательности территорий и, следовательно, их конкурентоспособности в различных

областях. Регионы с четким, достоверным и привлекательным видением развития имеют лучшие перспективы совершенствования. Необходимость создания сильного бренда территорий обусловлена рядом задач:

- повышение узнаваемости региона и увеличение его влияния как внутри страны, так и за ее пределами;
- создание условий для привлечения населения в целях социально-экономического регионального развития;
- повышение объема инвестиций для развития региона;
- выстраивание партнерских отношений с международными, федеральными структурами, иными регионами и территориями;
- создание условий для привлечения туристов, студентов и специалистов для повышения уровня доходов региона.

Формирование бренда территории осуществляется в условиях проведения региональным сообществом работы по поиску и системному использованию своих конкурентных преимуществ в целях соответствия спросу на них со стороны населения, а также гостей региона.

Ключевая цель брендинга региона — формирование положительного общественного представления об определенной территории. Таким образом, территориальный брендинг можно рассматривать не как простой инструмент маркетинга, комплекс мероприятий по формированию конкурентной идентичности и репутации субъекта, а как эффективную систему взаимосвязанных компонентов региональной политики, направленную на улучшение социально-экономической сферы.

В настоящее время уделяется повышенное внимание территориальному брендингу и маркетингу, в основе данного процесса положена идея объединения интересов представителей органов как государственной власти, так и местного самоуправления, представителей бизнес-сообщества, СМИ, НКО и граждан [6].

Маркетинговый подход для управления развитием и продвижением территории используется как эффективный инструмент достижения ключевых показателей социально-экономического развития территории. Для раскрытия потенциала региона и увеличения его кадрового ресурса необходимо выстроить эффективные взаимоотношения между субъектами и потребителями товаров и услуг (особенно с учетом региональных особенностей), создать положительный территориальный бренд [1].

Регионы с разнообразной экономической базой развития и высоким творческим потенциалом относятся к креативному сектору как к одному из эффективных инструментов. В частности, специалисты, деятельность которых осуществляется в условиях реструктуризации экономики, рассматривают креативность как важный элемент формирования положительного образа. При этом характеризуемая способность деятельности человека выступает как элемент стратегии бренда и используется в регионах, чей творческий потенциал находится на недостаточно высоком уровне. Данное положение доказывает значимость ожиданий, связанных с формированием и развитием концепции региона, эффективность показателей, которых определяется динамикой в арт-секторе, а именно количеством креативного продукта или услуг. Данная концепция региона также используется в качестве фундамента для изучения взаимосвязей между брендингом субъектов и планированием регионального развития. Комплексное планирование развития региона через создание креативных продуктов и услуг включает в себя в том числе и поддержку совершенствования его бренда.

В современной конкурентной среде функционирования территорий эффективный брендинг способствует повышению их привлекательности в социальной, экономической, культурной сферах.

На национальном уровне для укрепления креативных индустрий необходимо создание инструментов развития территорий, в том числе и в маркетинговом направлении, а также проведение политики поддержки местной экономики и взаимоотношений между государством и частным сектором [10].

В целях получения выгоды в ходе использования различных ресурсов и товаров необходимо ассоциирование регионов как мест сосредоточения ресурсов, производства, обмена и потребления товаров, реализации проектов. Регионы с четким, достоверным и привлекательным видением развития имеют лучшие перспективы, поскольку они более эффективно привлекают потребителей, туристов и инвесторов.

В современных исследованиях отсутствует однозначное определение не только понятие «бренд», но и «бренд территории». Первое из них имеет непосредственное отношение к понятиям «торговая марка» и «товарный знак». Бренд того или иного товара создаёт добавленную ценность для потребителя, но при этом не обеспечивает юридической защиты авторских прав его автора. В гражданском законодательстве Российской

Федерации содержатся определения «товарный знак», «знак обслуживания», но термин «бренд» нормативно не закреплён¹. Согласно решению Арбитражного апелляционного суда города Москвы, бренд является маркетинговым инструментом продвижения товаров на рынке. Использование данного понятия в договорах, соглашениях и поручениях не влечет за собой необходимость наличия специального свидетельства, выдаваемого на товарный знак². Бренд региона (территории), в свою очередь, является инструментом реализации стратегии развития территории, в том числе в области туризма³.

Брендинг территорий — относительно новое научное понятие, но вместе с тем за период его появления и использования сформировался значительный теоретический материал. Одновременно с этим ученые и представители политической, культурной, экономической сфер расходятся в выделении единых ключевых признаков, связанных с брендингом территорий [9].

¹Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения 18.02.2022); Об утверждении Методических рекомендаций по оформлению многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг с использованием единого фирменного стиля «Мои Документы»: приказ Минэкономразвития России от 29.09.2016 № 612 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_254906/ (дата обращения 18.02.2022).

²Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2009 № А40-90240/2008 // Карточка арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/33c606c5-a4b8-47ea-a68e-d82afd10f0a4> (дата обращения 23.01.2022).

³Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года: закон Тюменской области от 24.03.2020 № 23 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW026;n=153311#0KTfaCTHtIKru0kd2> (дата обращения 26.01.2022); О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года: постановление Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24.06.2021 № 478 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/8900202106290006> (дата обращения 26.01.2022); О Концепции развития территориального маркетинга и брендинга в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре до 2025 года: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.10.2018 № 539-рп // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550212003/titles> (дата обращения 23.01.2022).

Все более популярными становятся исследования, посвященные бренду места, его значению для локального развития, в том числе и процессу создания положительного образа при развитии креативных индустрий. Брендированный регион — это сложная система, развитие которой определяется взаимодействием следующих компонентов:

- развитый креативный сектор (экономическая сфера);
- динамичное креативное сообщество (социальная среда);
- разработанные и реализуемые механизмы поддержки креативной сферы (политическая сфера) [11; 13].

Отечественные и зарубежные ученые проводят масштабные исследования креативных регионов и брендинга мест. При этом крупные и хорошо развитые территории представляют особый интерес как места расположения и естественной концентрации креативных отраслей.

Помимо понятия «бренд» в исследованиях, связанных в том числе с региональным развитием, выделяется и широко используется термин брендинг. Например, под данным понятием понимается комплексная программа, которая направлена на позиционирование территорий и повышение их потребительской ценности. Цель брендинга заключается в обеспечении узнаваемости бренда региона и его присутствия в информационном пространстве.

Как отмечают И. Ю. Пономарева и Т. А. Танкиева, кандидаты технических наук, доценты кафедры туризма и индустрии гостеприимства Тульского государственного университета, в условиях глобализации брендинг рассматривается в качестве эффективного маркетингового инструмента, который позволяет дифференцировать территории на различных рынках, создать положительный имидж региона, повысить информированность потенциальных потребителей о товарах и услугах [8].

В настоящее время брендинг территории выступает в качестве дополнительного инструмента повышения конкурентоспособности территории на рынке. Все больше стран и регионов целенаправленно занимаются продвижением своих территорий и формированием собственного бренда [6].

Бренд Югры: инструменты формирования и значимость для регионального развития

Главный бренд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, одного из субъектов России, — югорский колорит. Как отмечают эксперты, именно в этом направлении стоит развивать

экономику Югры. Северный регион обладает богатой культурой и историей, а местные ремесленники умело воплощают традиционное искусство в бизнес-проекты. С целью развития формирования брендинга автономного округа принято распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.10.2018 № 539-рп «О Концепции развития территориального маркетинга и брендинга в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре до 2025 года» (далее — Концепция). Цель обозначенного документа — создать условия для формирования и внедрения системы брендинга в Югре, позиционирования региона на внутреннем, национальном и международном уровнях. Концепция направлена на объединение взаимодействия органов государственной власти округа, представителей бизнес-сообщества, средств массовой информации, некоммерческих организаций, граждан Югры в целях улучшения условий проживания как в каждом муниципальном образовании автономного округа, так в субъекте в целом¹.

Уникальность региона в том, что он представляет собой исконное место проживания и традиционной деятельности коренных малочисленных народов Севера: ханты, манси и ненцев. И это, несомненно, сильная сторона при брендинге обозначенной территории. Для успешного социально-экономического развития региона важно грамотное позиционирование его как внутри страны, так и за ее пределами.

Актуальность и значимость создания бренда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры обусловлена реализацией следующих задач:

- повышения привлекательности Югры для жителей, туристов, инвесторов и улучшения позиции округа на внутреннем национальном и международном уровнях;
- продвижения отраслей, связанных с производством товаров и услуг под маркой «Сделано в Югре», социального и коммерческого туризма в целях создания новых рабочих мест;
- активизации деятельности в области пространственного развития территорий, урбанистики, дизайна, архитектуры, народных промыслов и ремесел, культуры и искусства, экспо-индустрии и др.

В настоящее время проводится большая работа по оценке влияния креативных индустрий на развитие государства в целом и регионов в частности.

¹ О Концепции развития территориального маркетинга и брендинга в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре до 2025 года...

Главный вывод из этих оценок — это то, что креативные индустрии представляют собой один из динамично развивающихся секторов экономики, который обладает большим потенциалом для роста.

В автономном округе на регулярной основе проходят мероприятия всероссийского и международного уровня, например, Международный молодежный научно-практический форум «Нефтяная столица», Международный творческий фестиваль «АРТ-ПРОСТРАНСТВО — ВАРТА», Международный Югорский лыжный марафон «Ugra Ski», Международный экологический форум «61 параллель», международный IT-форум с участием стран БРИКС и ШОС, Открытый шахматный Интернет-турнир и иные².

Грантовая поддержка организаций, работающих в сфере территориального маркетинга и брендинга, является эффективным инструментом поддержки бизнес-среды, а также дополнительной возможностью для реализации проектов в сфере пространственного развития, урбанистики, креативной экономики и развития информационного общества. Ожидаемый результат новой инициативы Правительства округа — формирование бренда Югры как стратегически важного, современного и в то же время уникального в историческом и этническом отношении региона России.

Отмечено активное развитие в Югре обозначенного нового направления предпринимательства. Наталья Комарова, губернатор, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в 2020 году подписала соглашение с Фондом содействия социальному развитию «Инносоциум»³. Документ

² Перечень международных мероприятий, запланированных к проведению в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре в 2021 году // Департамент общественных и внешних связей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://depos.admhmao.ru/vneshnie-svyazi/mezhdunarodnyemeropriyatiya/6198999/perechen-mezhdunarodnykh-meropriyatiy-zaplanirovannykh-k-provedeniyu-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom> (дата обращения 23.01.2022).

³ О Соглашении о сотрудничестве между Правительством Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, федеральным государственным бюджетным учреждением «Центр поддержки молодых творческих инициатив» и Фондом содействия социальному развитию «Инносоциум»: распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.06.2020 № 338-рп // Электронный фонд правовых и нормативных технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570813260> (дата обращения 23.01.2022).

является фундаментом для создания экосистемы креативного предпринимательства, развития народных художественных промыслов и ремесел, брендирования продукции местных производителей. Кроме того, предусмотрено вовлечение в креативное предпринимательство значительного числа жителей региона, международных экспертов и инвесторов.

В апреле 2021 года на международной промышленной выставке «Иннопром» был представлен инвестиционный бренд Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (рис. 1).

Рис. 1. Инвестиционный бренд региона «Ugra Open For / Югра открыта для»

Источник: URL: <https://fondugra.ru/news/13555/>

Fig. 1. Investment brand of the region “Ugra Open For”
Source: URL: <https://fondugra.ru/news/13555/>

Был создан уникальный для российского рынка продукт — инвестиционный бренд региона, который стал связующим элементов для институтов развития бизнеса и органов власти, влияющих на инвестиционный климат и политику Ханты-Мансийского автономного округа. При этом реализована смена фокуса внимания — уход от стереотипных образов, связанных с Югрой: в айдентике нет этнических символов и элементов природы.

Логотип бренда Югры состоит из двух частей — знака и слогана бренда: «Ugra Open For» («Югра открыта для»). Ключевая цель разработки логотипа бренда — отражение названия региона и при этом легкое восприятие как на русском, так и на английском языке в силу представления Югры с этой айдентикой и на международных мероприятиях. Бренд позволит консолидировать все меры поддержки инвестиционной деятельности, объединив работу органов исполнительной власти и институтов развития Югры по привлечению инвесторов в сферах промышленности, образования, здравоохранения, ЖКХ, экологии, туризма. Слоган специально разработан так, чтобы его можно было использовать на разных площадках и с разными целями. Например, для оформления спортивного мероприятия к слога-

ну можно добавить слово «спорт», чтобы получилось «Ugra Open For Sport» («Югра открыта для спорта»). Знаковая часть логотипа — это коллаж из букв «U» и «O», которые вместе образуют букву «Ю» — первую в названии региона.

Основными цветами в айдентике стали зелёный и голубой, традиционные для округа. В похожей палитре оформлен новый герб Югры, который внесли в геральдический регистр России в феврале 2021 года. Также брендбуком логотипа предусмотрено использование дополнительных цветов: жёлтого, синего, красного, зелёного, что позволяет дизайнерам выделять разные направления развития региона, а именно образование, культуру, науку, бизнес и спорт¹.

Инвестиционный бренд Югры — дополнительный системный инструмент привлечения в регион потенциальных инвесторов и укрепления отношений с существующими инвесторами.

По итогам изучения этнических региональных особенностей автономного округа определены сильные стороны бренда Югры, способствующие повышению репутации и узнаваемости региона в России и за рубежом.

В частности, в округе реализована возможность ознакомиться с различными югорскими деликатесами в ресторанах и кафе, в том числе в

Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске и Когалыме. Разнообразие животного и растительного мира способствовало формированию различных гастрономических брендов под маркой «Сделано в Югре»². Отметим, что роль экономики пищевой и гастрономической промышленности, туризма стала важным элементом местного или регионального развития [12]. Несмотря на важность и интерес к обозначенному направлению со стороны различных ученых, определена необходимость дальнейшего изучения: в одних исследованиях влияние географических особенностей территорий признается минимальным, в других — рассматривается как стратегия продвижения и сохранения местной идентичности [15].

Кроме того, в округе созданы условия для участия в различных колоритных этнических мероприятиях. В частности, в 2017 году Ханты-Мансийск, столица Югры, получил звание «Новогодняя столица России». Каждый год организована работа единственной в России «Резиденции

¹ В Югре утвержден инвестиционный бренд // Фонд развития Югры. — URL: <https://fondugra.ru/news/13555/> (дата обращения 17.01.2022).

² Десять причин посетить Югру. URL: <https://10reasons.visitugra.ru/> (Дата обращения 15.01.2022).

Елки», открывается Чумовая улица, в рамках которой можно посетить чумы, стать участником катаний на собачьих и оленьих упряжках. Предусмотрено катание на горных или беговых лыжах, сноубордах, снегоходах или прогулки по лесу и посещение бассейна с теплой минеральной водой под открытым небом.

Также местные жители и туристы могут принять участие в праздниках народов Севера: День оленевода, Вороний день, День обласа — яркие события с местным колоритом. Познакомиться с культурой коренных малочисленных народов Севера: хантами и манси, их традициями и образом жизни можно не только в современных музеях Ханты-Мансийска, Нижневартовска, Сургутского района, но и на настоящих колоритных этностойбищах. На подобных культурных площадках можно научиться запрягать оленя и управлять нартами, попробовать блюда традиционной кухни северных народов. Например, в стойбище Лук-Яун Сургутского района можно познакомиться с особенностями условий проживания хантыйских семей, изучить жилище, хозяйственные постройки и дом охотника. Погрузиться в культуру и быт коренных народов можно в стойбище «Ампутинское» (в 27 километрах от национального села Варьёган Нижневартовского района)¹. Созданы все условия для приема туристов независимо от времени года: организованы летние, межсезонные и зимние лагеря.

Проведение мероприятий с этническими особенностями региона способствуют не только развитию культурной сферы и отраслей креативных индустрий, но привлечению инвестиций в округ, туристов не только из других субъектов Российской Федерации, но и из зарубежья, наращению объема производства товаров и услуг местных производителей, увеличению доли экспортной продукции.

Отметим, что в ходе реализации проекта «Креативные индустрии Югры» (в период с 2020 по 2024 годы) предполагается формирование в автономном округе экосистемы поддержки и развития креативных индустрий². Обозначенная система будет направлена на создание необходи-

мых условий для реализации креативных проектов, в том числе коммерциализации креативных продуктов.

Ключевыми звеньями экосистемы станут арт-резиденции в Нягани и Сургуте, Ханты-Мансийске и Нижневартовске. Сформированные арт-пространства будут оказывать поддержку субъектам креативных индустрий на всех стадиях жизненного цикла, создаваемая инфраструктура способствует росту количества субъектов креативных индустрий в Югре и повысит объем производимой продукции творческой сферы. Реализация сформированного календарного плана регионального проекта позволит достичь к концу 2024 года вклада креативных индустрий в ВРП Югры не менее 0,5 %³. Кроме того, важным показателем является численность обученных навыкам креативного и предпринимательского мышления на базе образовательных организаций и арт-резиденций региона (не менее 5000 человек к концу 2024 года). Обозначенные инвестиции направлены на развитие человеческого капитала и креативных навыков, формирование нового взгляда на творчество, а также создание творческих объединений и креативных кластеров.

Согласно отчету Департамента экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, доля креативных индустрий в ВРП субъекта составляет порядка 0,6 % (около 40 млрд рублей). В творческой сфере осуществляют трудовую деятельность свыше 13,5 тыс. жителей (около 2 % от общей численности всех работающих в округе)⁴.

Картирование как инструмент формирования бренда региона

Для оценки потенциала креативных индустрий, формирования стратегий их развития и поддержки применяется технология по построению модели существующих связей и стоимостных цепочек, основанная на статистике и социологических исследованиях. Эта технология называется картированием (англ. — mapping — нанесение на карту, отображение).

Указанная деятельность представляет собой набор исследовательских методов, процедур и технических решений, связанных с систематизацией

¹ Десять причин посетить Югру...

² Паспорт приоритетного проекта «Развитие креативных индустрий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» («Креативные индустрии Югры») // Департамент экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/informatsiya-dlya-subektov-kreativnykh-industriy> (дата обращения 11.01.2022).

³ Паспорт приоритетного проекта «Развитие креативных индустрий в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» («Креативные индустрии Югры»)...

⁴ Около 2 % работающего населения ХМАО занято в креативных индустриях // ТАСС. Новости в России и мире. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13031855> (дата обращения 23.01.2022).

ния все больше осознают, какую пользу может принести хорошо продуманный брендинг места регионам. Эффективное использование инструментов формирования положительного образа места может изменить его восприятие, создать общее видение будущего сообщества, обеспечить последовательное представление, повысить его местную, региональную и глобальную позицию, исключить неблагоприятные стереотипы, связанные с территорией, и сделать её более привлекательной.

В регионах, где осуществляется трансформация экономической сферы, креативный сектор представляется важным компонентом происходящих изменений. Представители политической сферы прилагают много усилий для привлечения креативного капитала, который, однако, имеет разный масштаб и не всегда может быть основой для идентификации территории роста динамики экономических показателей через создание и реализацию массового креативного продукта. Отрасли креативных индустрий рассматриваются в качестве перспективного решения для многих регионов, развитие которых осуществляется в условиях структурного экономического кризиса. Эта популярность влияет на растущий интерес к соблюдению принципа креативного и концептуального мышления в части брендинга.

Заключение

Развитие креативных индустрий в регионе способствует, с одной стороны, сохранению тра-

диционной культуры, а с другой — активному внедрению инноваций, повышающих социально-экономическую эффективность их продукции и, как следствие, наращению объемов производства. Уровень развития отраслей креативных индустрий рассматривается как важный показатель оценки качества жизни и определяет направления совершенствования экономических и социальных особенностей региона.

Независимо от уровня развития творческого потенциала того или иного региона креативность является необходимым и актуальным элементом стратегий брендинга, позволяющим стимулировать социальное и экономическое развитие. В то же время она рассматривается как эффективный инструмент, представляющий собой механизм экономического роста.

Брендинг места стал одним из самых актуальных направлений исследований российских и зарубежных ученых и представителей бизнес-сферы. Это объясняется, в частности, его важностью для создания сравнительных преимуществ регионов. Растущий интерес властей к сознательному созданию бренда места может быть обусловлен тем, что органы самоуправления все больше осознают пользу от хорошо продуманного брендинга места. Эффективные инструменты формирования положительного образа региона являются значимыми компонентами повышения его местной, региональной и глобальной позиций, исключения различных неблагоприятных стереотипов.

Список источников

1. Беленко О. Ф. Брендинг в системе маркетинга территорий // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 3 (101). С. 90–95.
2. Боровинская Д. Н. Экономические и культурные основания креативности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 47–53.
3. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент: Анализ, планирование, внедрение, контроль ; пер. с англ. 9-е изд. СПб. : Питер Ком, 1998. 887 с.
4. Матюк И. А. Брендинг территории. Необходимо ли разрабатывать бренд территории? // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 3 (8). С. 66–68.
5. Никифорова С. В. Технология картирования в культурных индустриях // Основные проблемы общественных наук : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, 10 октября 2015 г., Волгоград/ Волгоград : Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 51–55.
6. Пенкина Н. В. Брендинг территории как инструмент продвижения в туризме: опыт Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Дискуссия. 2020. № 2 (99). С. 40–48.
7. Позднякова Ж. С. Проблемы и перспективы брендинга территории // Управление в современных системах. 2019. № 1 (21). С. 22–30.
8. Пономарева И. Ю. Брендинг территорий с участием стейкхолдеров // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 3 (90). С. 97–114.

9. Чумакова Д. В. Туристско-рекреационный брендинг территорий УрФО (на примере Тюменской и Курганской областей) // Бренд-менеджмент пространств : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 мая 2021 г., Тюмень. Тюмень, 2021. С. 207–214.
10. Report European Creative Industries Summit. Brussels, 2015. 33 p. URL: <https://ecbnetwork.eu/wp-content/uploads/2015/09/ECIS-2015-Brussels.pdf> (дата обращения 23.01.2022).
11. Florida R., Knudsen B., Stolarick K. The University and the Creative Economy. December 2006. URL: [https://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/Araya %20& %20Peters %20- %20Chapter %203.pdf](https://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/Araya%20&%20Peters%20-%20Chapter%203.pdf) (дата обращения 23.01.2022).
12. Forleo M. B., Benedetto G. Creative Cities of Gastronomy: Towards relationship between city and countryside // International Journal of Gastronomy and Food Science. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1878450X20301244> (дата обращения 11.01.2022).
13. Mellander C., Florida R. The Creative Class or Human Capital? Explaining regional development in Sweden // Research Papers in Economics. 2007. URL: [http://creativeclass.com/rfcgdb/articles/The _ Creative _ Class_or_Human_Capital.pdf](http://creativeclass.com/rfcgdb/articles/The_Creative_Class_or_Human_Capital.pdf) (дата обращения 26.01.2022).
14. Power D., Nielsen T. Priority sector report: creative and cultural industries. 2010. URL: [https://ddooss.org/informes/Creative _ Cultural _ industries.pdf](https://ddooss.org/informes/Creative_Cultural_industries.pdf) (дата обращения 01.02.2022).
15. Rachão S. A., Breda Z., Fernandes C., Joukes V. Food tourism and regional development: A systematic literature review // European Journal of Tourism Research, 2019. № 21. Pp. 33–49.

References

1. Belenko OF. Branding in the system of marketing of territories. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Bulletin of Khabarovsk State University of Economics and Law*. 2019;(3(101):90–95. (In Russ.).
2. Borovinskaya DN. Economic and cultural foundations of creativity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik (Herald) of Tomsk State University*. 2014;(388):47–53. (In Russ.).
3. Kotler F. Marketing management: Analysis, planning, implementation, control. 9th ed. St. Petersburg, Peter Com; 1998. 887 p.
4. Matyuk IA. Branding of the territory. Is it necessary to develop a territory brand? *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy = Business education in the knowledge economy*. 2017;3 (8):66–68. (In Russ.).
5. Nikiforova SV. Mapping technology in cultural industries. Main problems of social sciences. In: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Osnovnyye problemy obshchestvennykh nauk” = International Scientific and Practical Conference “Main problems of social sciences” (October 10, 2015, Volgograd): collection of scientific papers. Volgograd, Innovation center for the development of education and science; 2015. Pp. 51–55. (In Russ.).
6. Penkina NV. Branding of the territory as a tool for promotion in tourism: experience of Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra. *Diskussii = Discussion*. 2020;(2(99):40–48. (In Russ.).
7. Pozdnyakova JS. Problems and prospects of territory branding. *Upravlenie v sovremennykh sistemah = Management in modern systems*. 2019;(1(21):22–30. (In Russ.).
8. Ponomareva IYu. Branding of territories with the participation of stakeholders. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*. 2020;14(3(90): 97–114. (In Russ.).
9. Chumakova DV. Tourist and recreational branding of the Ural Federal District territories (on the example of Tyumen and Kurgan regions). In: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Brend-menedzhment prostranstv” = All-Russian Scientific and Practical Conference “Brand-management of spaces” (May 20–21, Tyumen): Collection of articles. Tyumen; 2021. Pp. 207–214. (In Russ.).
10. Report European Creative Industries Summit. Brussels; 2015. 33 p. Available from: <https://ecbnetwork.eu/wp-content/uploads/2015/09/ECIS-2015-Brussels.pdf> (In Russ.).
11. Florida R, Knudsen B, Stolarick K. The University and the Creative Economy. December 2006. Available from: [https://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/Araya %20& %20Peters %20- %20Chapter %203.pdf](https://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/Araya%20&%20Peters%20-%20Chapter%203.pdf) (In Russ.).
12. Forleo MB, Benedetto G. Creative Cities of Gastronomy: Towards relationship between city and countryside. *International Journal of Gastronomy and Food Science*. 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1878450X20301244> (In Russ.).

13. Mellander C, Florida R. The Creative Class or Human Capital? Explaining regional development in Sweden. *Research Papers in Economics*. 2007. Available from: http://creativeclass.com/rfcgdb/articles/The_Creative_Class_or_Human_Capital.pdf
14. Power D, Nielsen T. Priority sector report: creative and cultural industries. 2010. Available from: https://ddooss.org/informes/Creative_Cultural_industries.pdf
15. Rachão SA, Breda Z, Fernandes C, Joukes V. Food tourism and regional development: A systematic literature review. *European Journal of Tourism Research*. 2019;(21):33–49.

Информация об авторах

Д. Н. Боровинская — доктор философских наук, доцент.

М. А. Залевская — кандидат экономических наук, доцент.

М. А. Морданов — аспирант, преподаватель.

Information about the authors

D. N. Borovinskaya — Doctor in Philosophy, Associate professor.

M. A. Zalevskaya — Candidate of Economics, Associate Professor.

M. A. Mordanov — Postgraduate student, Lecturer.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10608

О ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УРОВНЮ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. В статье автор ставит цель определить, усиливается или ослабевает внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований Челябинской области по уровню заработной платы. Оценка глубины дифференциации проведена по 39 муниципалитетам Челябинской области. Тренды построены за период 2008–2020 гг. Автором предложена методика, позволяющая как оценить уровень внутрирегиональной дифференциации по показателю «номинальная начисленная заработная плата» в статике, так и провести анализ глубины дифференциации в динамике. Предложены две модификации в отношении размаха вариации, коэффициентов дифференциации и коэффициентов осцилляции. Найдены муниципалитеты, демонстрирующие статистические «выбросы» выборки. Показан тренд нисходящей дифференциации. Об этом свидетельствуют все относительные коэффициенты предлагаемой методики: коэффициенты дифференциации, осцилляции и вариации. Автором также определены некоторые особенности дифференциации. Дифференциация муниципальных образований — лидеров, входящих в первую децильную группу, выше дифференциации муниципальных образований-аутсайдеров, входящих в последнюю децильную группу.

Ключевые слова: внутрирегиональная дифференциация, оценка уровня внутрирегиональной дифференциации, долгосрочные тренды, номинальная начисленная заработная плата, муниципальные образования.

Для цитирования: Бенц Д. С. О внутрирегиональной дифференциации Челябинской области по уровню заработной платы // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 74–85. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10608

Analytical article

ON THE INTRA-REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE CHELYABINSK REGION IN TERMS OF WAGES

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. The author sets a goal to determine whether the intra-regional differentiation of municipalities of the Chelyabinsk region in terms of wages has been strengthening or weakening over the past 14 years. The depth of differentiation was assessed in 39 municipalities of the Chelyabinsk region. Trends were built for the period 2008–2020. The author proposed the methodology that allows assessing the level of intra-regional differentiation by the “nominal accrued salary” indicator in static, as well as analyzing the depth of differentiation in dynamics. The method includes indicators: variation range, differentiation coefficient, oscillation coefficient, coefficient of variation. Two modifications are proposed with respect to variation range, differentiation coefficients and oscillation coefficients. The author identified municipalities demonstrating the statistical “outliers” of the sample. The author showed downward differentiation trend. This is evidenced by all the relative coefficients of the proposed method. The author also identified some features of differentiation. The differentiation of leading municipalities is higher than the differentiation of outsider municipalities.

Keywords: intra-regional differentiation, assessment of the intra-regional differentiation level, long-term trends, nominal accrued wages, municipalities.

For citation: Benz D. On the intra-regional differentiation of the Chelyabinsk region in terms of wages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):74-85. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10608

Постановка проблемы

Высокий уровень бедности, глубокая дифференциация как по секторам экономики, так и по территориям — это все те факторы, которые, имея отношение к социальной сфере, тормозят не только социальное развитие, но и экономический рост.

О необходимости повышения доходов, снижения бедности и неравенства говорят В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, Н. В. Бобков [1]. Авторы заявляют о высоком уровне неравенства (оцененного по индексу Джини), характерном для российской экономики, в сравнении с такими странами, как: США, Бразилия, Индия, Германия, Чили, Сингапур, Великобритания, Швейцария, Канада, Китай, Австралия, Япония. Авторы отмечают высокую дифференциацию и по секторам экономики, указывая на разрыв в уровне заработных плат в 3,5 раза (по состоянию на 2018 год). Если же говорить о разрыве в потребительских расходах, то соотношение первой и десятой децильных групп составило и вовсе 9,8 раза.

Стадийность субурбанизационных процессов в России и за рубежом различна. Россия находится на стадии активного вовлечения в процессы субурбанизации. Для нашей страны характерно недостаточное количество муниципальных образований сверхагломерационного типа — конурбаций. Процессы пространственного развития не ограничиваются межрегиональным развитием. Необходимо изучать процессы пространственного развития, протекающие и на территории муниципальных образований [2].

Важно понимать, что пространственное развитие сельских территорий может иметь свои закономерности развития. Сельская периферия должна рассматриваться как сложная территориальная подсистема [3; 4].

Не ставя знака равенства между понятиями «неравномерность» и «дифференциация», Е. С. Губанова и В. С. Клещ выделили стадии неравномерности, отнесли к таковым дифференциацию, асимметрию, поляризацию. С точки зрения оценки глубины неравномерности дифференциацию отнесли к «первоначальным диспропорциям», асимметрию — к «нарастающим», поляризацию — к «итоговым» [5].

Многие авторы исследуют различия в уровне заработных плат в различных срезах: межстрановом, межрегиональном, внутрирегиональном.

Так, Л. А. Мигранова, говоря о несколькократных различиях как минимальной, так и средней заработной платы в России и странах Европы, указывает на опережение темпов роста реальной заработной платы в России в сравнении с темпами экономического роста и роста производительности труда [6].

Уровень заработной платы сельских поселений составляет порядка 70 % от городского уровня [7]. Учитывая факт занятости большого удельного веса населения муниципальных образований в сфере сельского хозяйства, важно понимать, что уровень заработной платы в сельском хозяйстве вовсе составляет порядка 50 % от среднероссийского значения [8].

Р. И. Капелюшников заявляет об объективных сложностях измерений возможных неравенств, ввиду чего из публикации в публикацию переходят материалы с неоправданными преувеличениями относительно существующих неравенств. Потому нужно быть крайне аккуратными при оценке сложившихся различий [9]. Показатели, при помощи которых часто оценивают глубину неравенства (рыночные доходы, располагаемые доходы, расходы, накопления и т. д.), крайне неоднородны. И более того, текущее неравенство не означает неравенства в долгосрочной перспективе, или же в простой динамике.

Автор продолжает серию исследований, посвященных проблемам дифференциации территорий [10]. Вопросы внутрирегиональной дифференциации являются не менее актуальными, нежели вопросы межрегиональных различий. Однако автор данной рукописи не претендует на оценку внутрирегионального неравенства Челябинской области. Исследование носит лишь обзорный характер. Задача исследования вполне проста — показать читателю, как в статике, так и в динамике, различия в уровне заработных плат муниципальных образований Челябинской области.

Р. И. Капелюшников заявляет о том, что одним из самых объективных и теоретически обоснованных показателей является различие в потреблении. Если же отталкиваться от поступаемых доходов, то таковой показатель не является объективным ввиду существования различной склонности к сбережению — это раз, и два — ввиду различной склонности к кредитованию [9]. Для дальнейшего более глубокого анализа

внутрирегионального неравенства необходимо учесть два этих фактора. Но на данном этапе будем придерживаться гипотезы о небольших различиях как в отношении склонности к накоплению, так и к заимствованию среди населения различных муниципальных образований исследуемой области. И есть определенная вероятность, что данная предпосылка вполне имеет право на существование — так как различия в Челябинской области в отношении двух указанных величин, вероятнее всего, имеют не локационный характер, а сегментированы по уровню доходов. Но, безусловно, гипотеза требует отдельного подтверждения.

Н. И. Климова изучает вопросы различий сбережений населения, причем именно во внутрирегиональном аспекте. Исследуя процессы сбережения населения Республики Башкортостан, автор увязывает таковые с принадлежностью муниципального образования к определенной стадии жизненного цикла [11]. Однако ввиду дотационности многих муниципальных образований действуют выравнивающие процессы, которые нивелируют различия.

Балльную оценку экономико-пространственного развития муниципальных районов Челябинской области провели Е. Б. Дворядкина, Е. А. Белоусова [12]. Авторы заключили, что экономико-пространственное развитие Челябинской области является менее эффективным в сравнении с аналогичным развитием Свердловской области.

Степень фрагментации и поляризации социально-экономического пространства Челябинской и Свердловской областей попала в поле зрения и других авторов. Т. Г. Нефёдова и А. И. Трейвиш [13]. Говоря о роли промышленной специализации многих муниципальных образований исследуемых регионов, авторы пришли к выводу о важности крупных сырьевых предприятий, ставших «локомотивом» экономик соседних территорий. В случае их отсутствия деградация сельских поселений была бы значительно выше.

Исследуя поляризацию пространственной структуры региона, Е. Н. Кадышев, И. В. Петрова, Н. А. Рашепкина, Д. С. Федяева определили два типа зонирования и формирования микроагломераций: «взаимодополнение» и «союз равных» [14]. Одновременно с этим заявили о том, что моногорода могут сосредотачивать потенциал экономического развития. Челябинская область является одним из лидеров по количеству моногородов среди всех российских регионов. Однако вопрос о моногородах как точках роста в этом регионе является спорным.

Методы и материалы

Автор продолжает придерживаться модели оценки, предложенной ранее [10], согласно которой термином «индикаторы» называем показатели, оценивающие уровень территориальных различий (в контексте данного исследования это внутрирегиональные различия), а термином «показатели» называем те величины, которые участвуют в расчетах этих индикаторов. В текущем исследовании ограничимся единственным показателем — «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа / муниципального района». Единицы измерения — рубли. Источником статистических данных выступает Первое независимое рейтинговое агентство — Информационно-аналитической системы FIRA PRO¹.

Методика оценки уровня внутрирегиональной дифференциации приведена на рисунке 1.

Каждый индикатор, приведенный на рисунке 1, оценен по выборке за период с 2008 по 2020 гг. Выбор временного периода обусловлен доступностью данных, приведенных на платформе Информационно-аналитической системы FIRA PRO.

В левой части рисунка 1 приведены относительные индикаторы. В правой части рисунка — абсолютные. Пять коэффициентов, приведенных в левой части рисунка 1, а также размах вариации характеризуют глубину дифференциации. Пять абсолютных индикаторов, приведенных в правой нижней части рисунка, позволяют провести сравнительный анализ тенденций.

В Челябинскую область входит 16 городских округов и 27 муниципальных районов. К крупным городам относятся г. Челябинск и г. Магнитогорск. К городам с низкой численностью населения — г. Карабаш и пос. Локомотивный. На территории области находятся три закрытых автономных территориальных образования (ЗАТО) — Озёрский, Снежинский, Трёхгорный. Из 43 муниципальных образований статистические данные доступны по 39. Поэтому автором из выборки исключены три ЗАТО и пос. Локомотивный. Если говорить о разбиении выборки на децильные группы, то на каждую группу приходится примерно по четыре муниципальных образования. Поэтому в группу лидеров и в группу аутсайдеров будем определять по четыре наблюдения. В 80 % срединной выборки автор включает муниципальные образования с номерами 4–36, включая 4-е и 36-е значения.

¹ URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#region>

где X_i – значение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа / муниципального района, руб.;

$X_{\text{ср}}$ – среднее значение показателя выборки;

$X_{\max}$ – максимальное значение показателя выборки;

$X_{\min}$ – минимальное значение показателя выборки;

МО – муниципальное образование.

Рис. 1. Методика оценки уровня внутрирегиональной дифференциации (разработано автором)

Fig. 1. Methodology for assessing the level of intra-regional differentiation (developed by the author)

Результаты исследования

За исследуемый период группа лидеров практически не меняется. Сюда вошли Пластовский муниципальный район, г. Магнитогорск, г. Челябинск, Сосновский муниципальный район. В последний дециль, в группу аутсайдеров, попали Кусинский, Троицкий, Уйский районы.

Магнитогорск и Челябинск являются крупнейшими индустриальными центрами области, а потому влияние крупных предприятий нового демидовского тренда этих городов на уровень заработных плат нельзя не учитывать [15].

Дифференциация внутри лидеров за весь рассматриваемый период несколько выше, чем внутри аутсайдеров. В 2019 и 2020 гг. средняя заработная плата в Пластовском муниципальном районе составила 122,27 тыс. руб. и 113,62 тыс.руб. соответственно, что резко увеличило разрыв внутри МО-лидеров.

С одной стороны, перечень МО-лидеров, как и перечень МО-аутсайдеров почти статичен. С другой стороны, если говорить о динамике заработных плат, то МО-аутсайдеры демонстрируют более высокий долгосрочный рост (рис. 2).

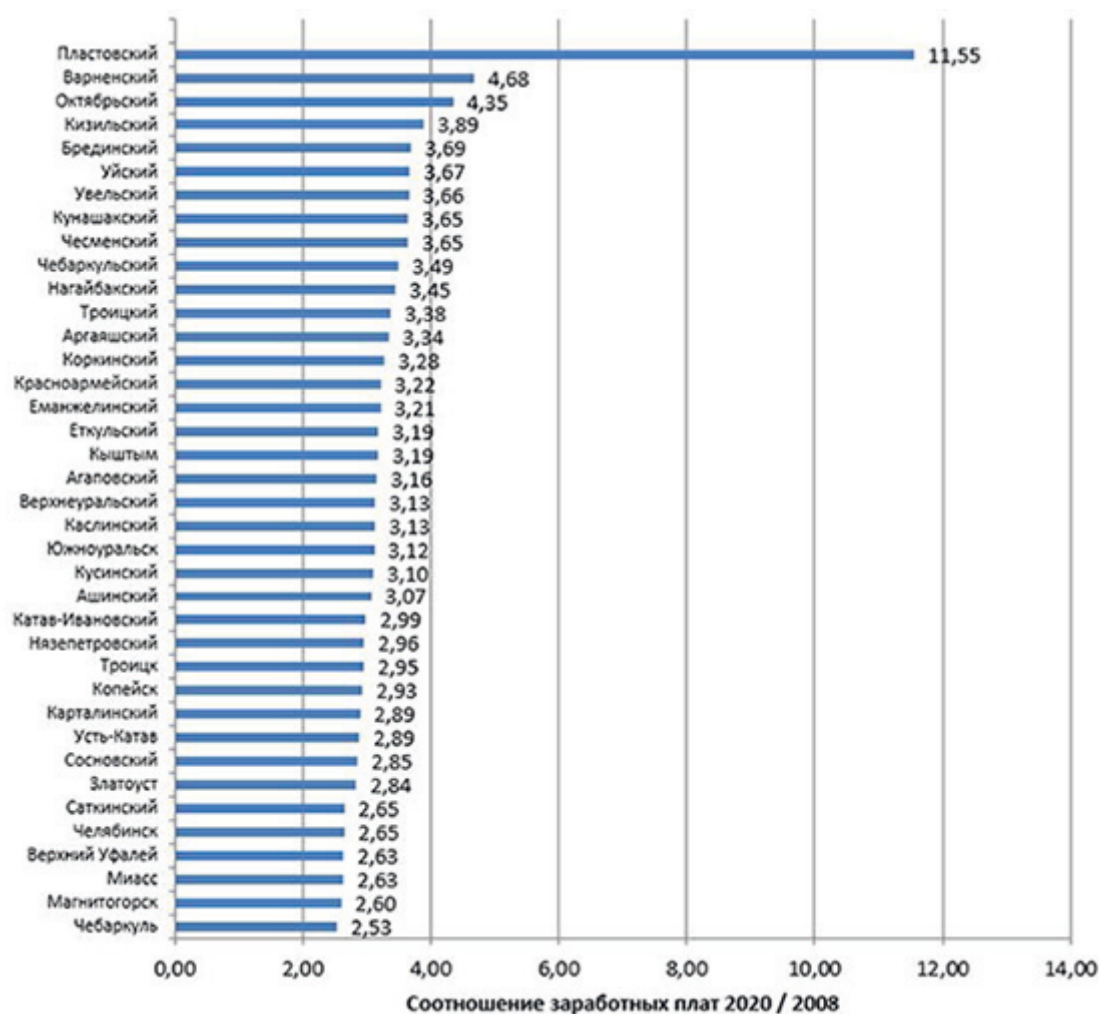

Рис. 2. Соотношение значений заработной платы 2020 г. к 2008 г.

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 2. The ratio of wages in 2020 to 2008

Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

На рисунке 3 приведена динамика средних значений заработной платы по всей выборке и по срединной выборке. Совпадение линий вплоть до 2018 г. означает, что выборка по всей генеральной совокупности и выборка, исключая крайние децильные группы, одинаково однородны. В 2019 и 2020 гг. статистическим «вы-

бросом» становятся значения заработной платы Пластовского района, которые в эти годы существенно выше не то, что среднего значения по всей генеральной совокупности, но даже среднего значения группы-лидеров.

Для понимания размаха крайних децильных групп обратимся к рисункам 4 и 5.

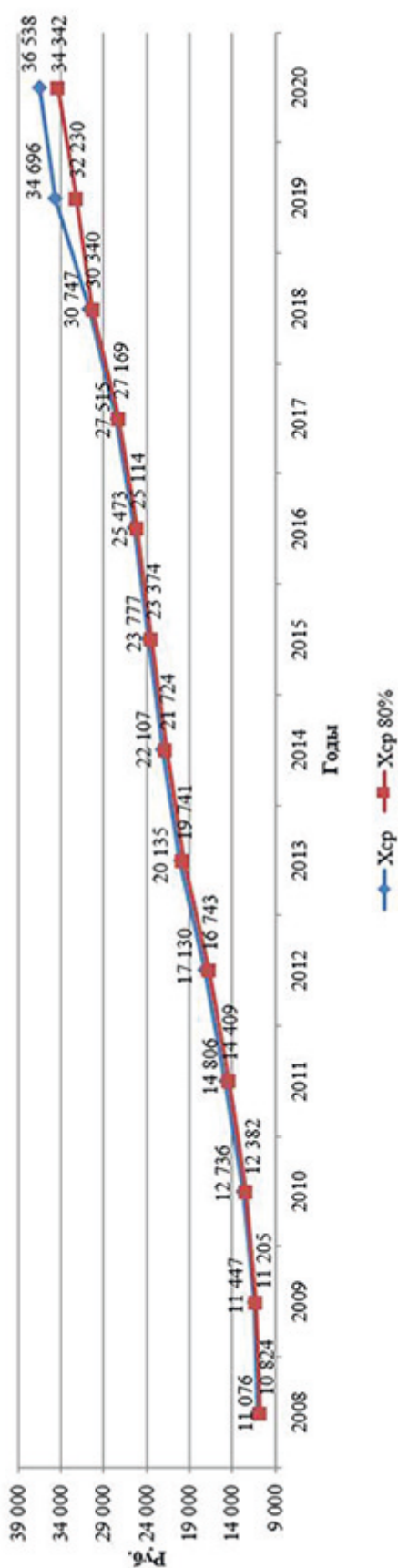

Рис. 3. Динамика средних значений заработной платы муниципальных образований Челябинской области по всей выборке и по средней выборке

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO
 Fig. 3. Dynamics of the average salaries of the municipalities of the Chelyabinsk region for the entire sample and for the median sample
 Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

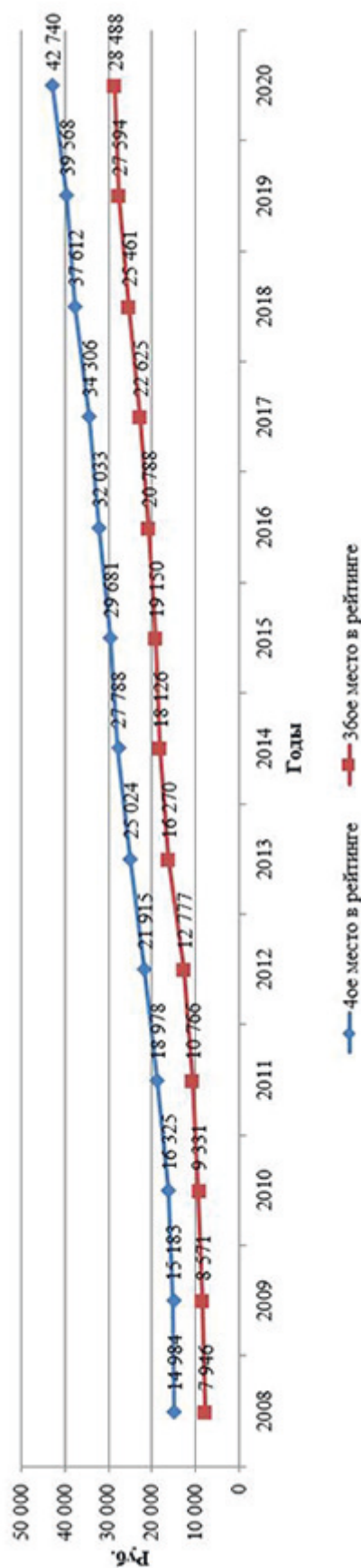

Рис. 4. Динамика минимального значения среди 10 % МО-лидеров (4-е место в рейтинге) и максимального значения среди 10 % МО-аутсайдеров (36-е место в рейтинге) заработной платы

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO
 Fig. 4. Dynamics of the minimum value among 10% of MO-leaders (4th place in the ranking) and the maximum value among 10% of MO-outsiders (36th place in the ranking) of wages
 Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

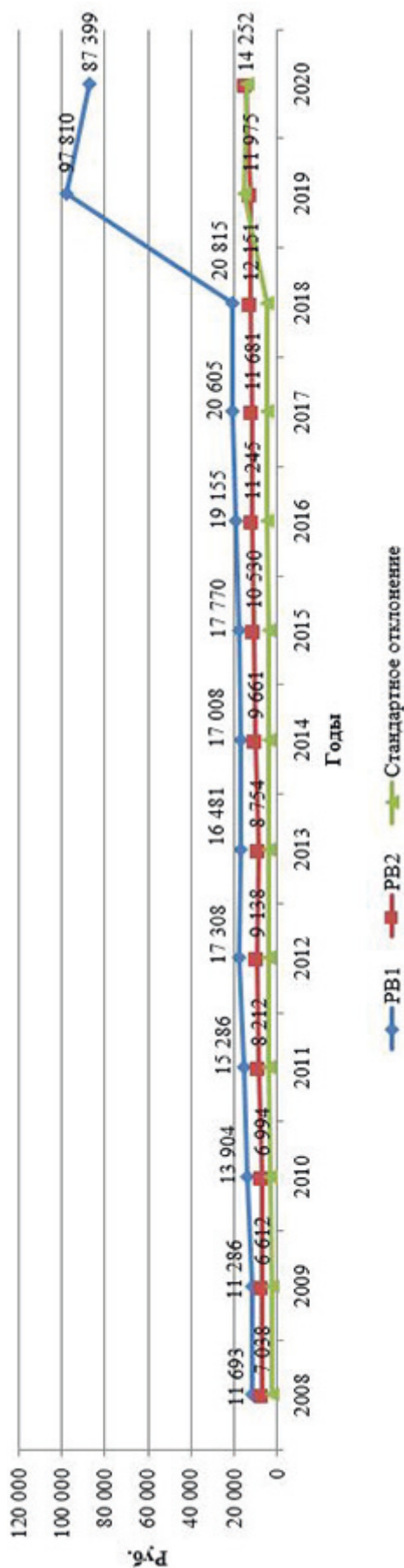

Рис. 5. Динамика размаха вариации и стандартного отклонения заработной платы муниципальных Челябинской области

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 5. Dynamics of the range of variation and standard deviation of wages of the municipalities of the Chelyabinsk region

Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

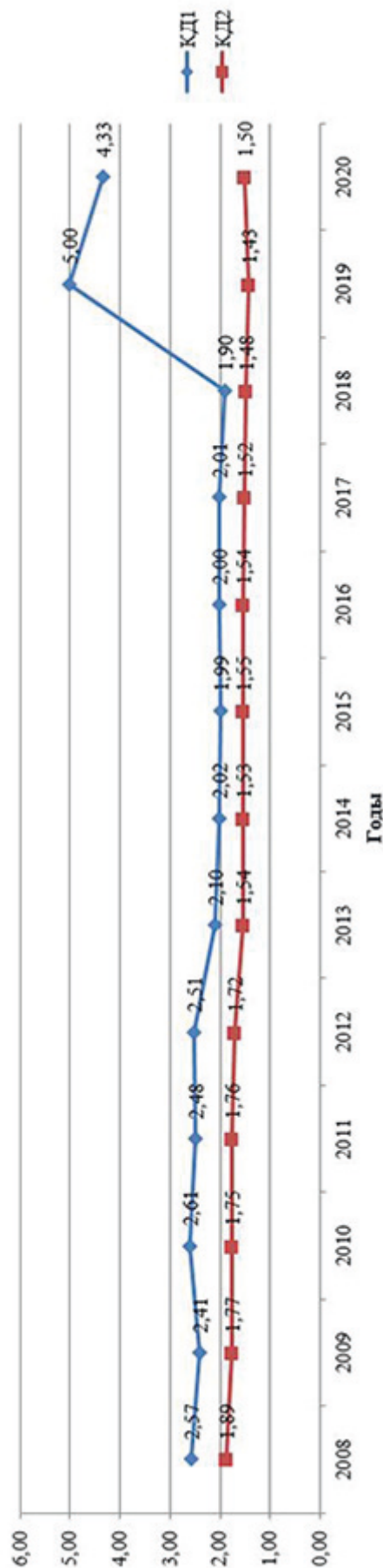

Рис. 6. Динамика коэффициентов дифференциации заработной платы муниципальных Челябинской области

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 6. Dynamics of wage differentiation coefficients of the municipalities of the Chelyabinsk region

Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

На рисунке 4 видно, что расстояние между двумя графиками постепенно возрастает, что говорит о росте размаха вариации (PB_2). Динамика PB_2 показана на рисунке 5. Иными словами, дифференциация заработных плат с учетом децильного подхода (исключения лидеров и аутсайдеров из анализа) в абсолютном выражении возрастает. Но если бы темпы роста заработных плат МО-лидеров и МО-аутсайдеров за рассматриваемые 13 лет были бы одинаковыми, то значение размаха вариации PB_2 росло бы куда более существенно. По факту значение X_{36} возросло за период 2008–2020 гг. в 3,59 раза, в то время как значение X_4 возросло лишь в 2,85 раза. Об этом и свидетельствует рисунок 2. Фактически такие тенденции свидетельствуют об относительном ослаблении дифференциации, несмотря на ее рост в абсолютном выражении.

Учитывая, что стандартное отклонение в определенном смысле нивелирует статистические «выбросы», его динамика не имеет явных всплесков (рис. 5).

Если обратиться к коэффициентам дифференциации, то до 2018 г. тренды как KD_1 , так и KD_2 имеют нисходящий характер. Этим и можно доказать фактическое ослабление дифференциации. В долгосрочной перспективе глубина дифференциации сокращается на 20 % (значение KD_2 в 2020 г. составило 1,5 раза против 1,89 раза в 2008 году). KD_1 , напротив, возрос — причем на солидную величину — почти на 69 %. Однако такой рост опять же объясняется большими значениями заработной платы Пластовского района в 2019 и 2020 гг. Если сопоставлять 2018 и 2008 гг. по значению KD_1 , то и здесь налицо сокращение глубины дифференциации (значение KD_1 в 2018 г. составило 1,9 раза против 2,57 раза в 2008 г.).

Коэффициент осциляции представляет собой отношение размаха вариации к среднему значению по выборке. Коэффициент осциляции $KO1$ рассчитан автором как отношение размаха вариации по всей генеральной совокупности к среднему арифметическому всей выборки. Коэффициент осциляции $KO2$ рассчитан в соответствии с децильным подходом, это соотношение размаха вариации между «худшим» лидером (X_4) и «лучшим» аутсайдером (X_{36}) к среднему значению этой же выборки — выборки, не учитывающей по три крайних значения генеральной совокупности.

Из рисунка 7 мы видим нисходящий тренд за период с 2010 по 2018 гг. — как для $KO1$, так и для $KO2$. Это говорит о том, что дифференциация, оцененная в абсолютном выражении (числе-

тель: размах вариации), нарастает меньшим темпом, нежели растет средняя величина заработных плат (знаменатель). За рассматриваемый период (2008–2020 гг.) среднее значение заработной платы по всей выборке выросло в 3,3 раза, по выборке за вычетом крайних децильных групп (80 % срединной выборки) — в 3,17 раза. При этом размах вариации по генеральной совокупности вырос в 7,47 раза, по срединной выборке — в 2,03 раза. Если опять же исключить из генеральной выборки влияние значений Пластовского муниципального района, то налицо стабильно нисходящий тренд коэффициентов осциляции — как $KO1$, так и $KO2$.

Динамика значений коэффициента вариации приведено на рисунке 8. Коэффициент вариации представляет собой отношение стандартного отклонения к среднему значению выборки. Стандартное отклонение, в свою очередь, равно сумме отклонений в абсолютном выражении значений выборки от среднего значения. С 2010 по 2018 гг. тренд является опять же нисходящим. На рисунке 7 приведена динамика коэффициента вариации, рассчитанного по всей выборке — без учета децильного подхода. Поэтому в 2019 и 2020 гг. мы наблюдаем существенный рост коэффициента (из-за статистических «выбросов» МО-лидера). Если же показать динамику KB , рассчитанного по версии децильного подхода, то тренд, начиная с 2010 г. станет стабильно снижающимся. Коэффициент вариации (назовем его $KB2$) в этом случае будет падать с 0,17 в 2010 г. до 0,11 в 2020 г. Это говорит о том, что сумма отклонений значений заработной платы каждого муниципального образования от среднего значения растет медленнее, нежели растет среднее значение заработной платы. В этом смысле коэффициент вариации, пожалуй, один из самых объективных.

Заключение

Проведя оценку внутрирегиональной дифференциации Челябинской области по показателю «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа / муниципального района», можно сделать следующие выводы. Во-первых, в целом за последние 14 лет сформировался однозначный тренд — нисходящий. Все рассчитанные коэффициенты — относительные индикаторы: коэффициенты дифференциации, осциляции и вариации — свидетельствуют об ослаблении дифференциации. Если оценивать глубину дифференциации согласно децильному подходу, то здесь

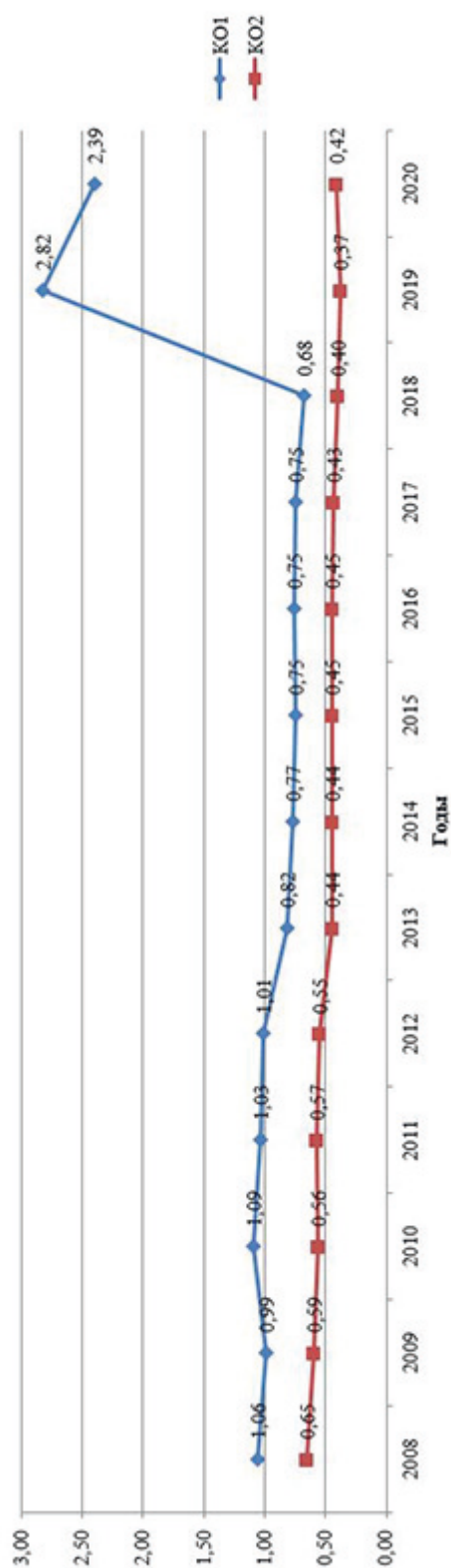

Рис. 7. Динамика коэффициентов осцилляции заработной платы муниципальных районов Челябинской области

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 7. Dynamics of wage oscillation coefficients of the municipalities of the Chelyabinsk region

Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

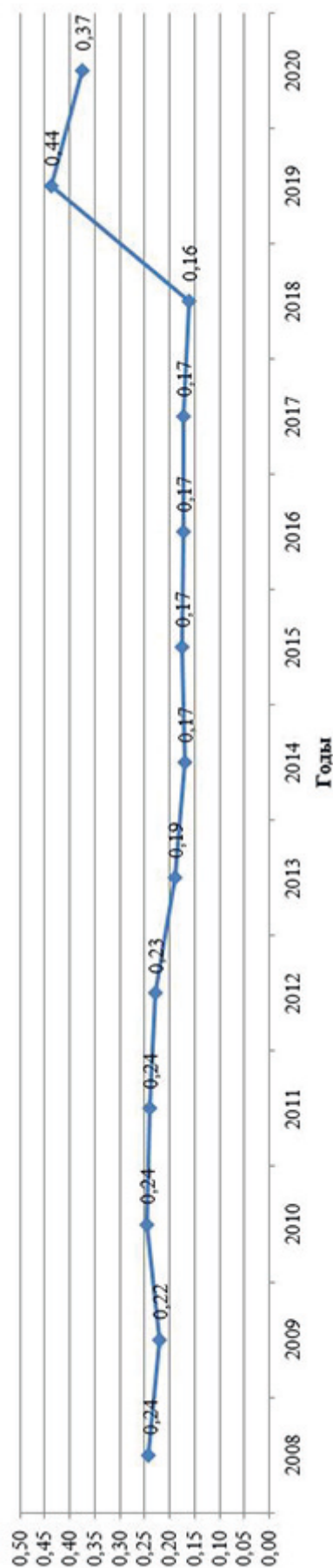

Рис. 8. Динамика коэффициента вариации заработной платы муниципальных районов Челябинской области

Источник: рассчитано автором по данным FIRA PRO

Fig. 8. Dynamics of the wage variation coefficient of the municipalities of the Chelyabinsk region

Source: Calculated by the author using FIRA PRO data

все три коэффициента (КД2, КО2, КВ2) имеют однозначно снижающиеся значения. В течение периода 2008–2020 гг. нет даже циклов. Если же придерживаться полной выборки, то до 2010 г. дифференциация нарастает, а далее до 2018 г. падает.

Во-вторых, дифференциация муниципальных образований — лидеров выше дифференциации муниципальных образований-аутсайдеров. Соотношение заработной платы «лучшего» аутсайдера к аналогичному значению «худшего» аутсайдера за весь исследуемый период в среднем составляет 1,087. Иными словами, заработная плата в муниципальном образовании — «лучшем» аутсайдере (четвертое место с конца рейтинга) на 8,7 % выше заработной платы, характерной для муниципалитета-аутсайдера (последнее место в рейтинге). Но уровень дифференциации среди аутсайдеров не стабилен и не имеет ярко выраженного тренда. Минимальное соотношение наблюдалось в 2011 году и составило 4,25 %, максимальное — в 2019 году (12,82 %).

Среднее же значение аналогичных соотношений среди муниципалитетов-лидеров за тот же период составило 1,5 раза. Это значение обусловлено большой дифференциацией в 2019 г.

(3,09 раза) и 2020 г. (2,66 раза). Если же исключить эти два года из выборки, среднее значение соотношений заработной платы МО-«лучшего» лидера (первое место в рейтинге) и МО-«худшего» лидера (четвертое место в рейтинге) составит 1,26 раза, что тем не менее, выше сложившихся различий между аутсайдерами. Если в отношении дифференциации среди аутсайдеров явных циклов нет — то в отношении лидеров можно проследить некую цикличность: до 2010 г. соотношение нарастает, далее до 2018 г. стабильно снижается.

В статье автор провел исследование, посвященное оценке дифференциации муниципальных образований по уровню заработной платы. Важно понимать, что автор не ставит знака равенства между дифференциацией территорий в широком смысле и дифференциацией территорий по уровню заработной платы. Заработная плата, являясь отражением оценки труда, выступает лишь одним из показателей получаемых доходов. А посему, чтобы заявлять о сокращающихся различиях между территориями Челябинской области, безусловно, следует оценить различия и по иным показателям (располагаемых доходов, объемов потребления, возможностями сбережений и заимствований).

Список источников

1. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Бобков Н. В. Актуальность разработки национальной программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Т. 16, № 2. С. 9–24.
2. Окрепилов В. В., Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Свириденко М. В. Процессы урбанизации в контексте закономерностей пространственного развития муниципальных образований, находящихся в зоне влияния крупных мегаполисов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 4. С. 42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3.
3. Троцкий А. Я., Мищенко И. В., Мищенко О. А. Пространственное развитие сельской периферии: методология и основные результаты исследования // *Региональная экономика: теория и практика*. 2014. № 45 (372). С. 2–16.
4. Троцкий А. Я. Пространственные исследования в работах российских регионалистов: нарративный обзор // *Экономика. Профессия. Бизнес*. 2021. № 3. С. 125–132.
5. Губанова Е. С., Клещ В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10, № 1. С. 58–75.
6. Мигранова Л. А. Заработная плата в России и в мире: сравнительный анализ // *Народонаселение*. 2018. Т. 21, № 3. С. 52–67.
7. Петрина О. А., Стадолин М. Е. К вопросу об устойчивом развитии сельских территорий // *Муниципальная академия*. 2021. № 3. С. 164–172.
8. Бондаренко Л. В. Развитие сельских территорий России: оценки, мнения, ожидания // *Социологические исследования*. 2016. № 3 (383). С. 76–82.
9. Капелюшников Р. И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*. 2017. № 4. С. 117–139.
10. Бенц Д. С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации // *Вестник ЧелГУ*. 2022. № 4 (462). С. 56–72.

11. Климова Н. И. Оценка процессов сбережения населения в контексте стадияльной идентификации муниципальных образований // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 173–177.
12. Дворядкина Е. Б., Белоусова Е. А. Тенденции развития муниципальных районов в национальном экономическом пространстве // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 87–105. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.5.
13. Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Среднеуральский меридиан: поляризация пространства старопромышленных регионов // Известия Русского географического общества. 2020. Т. 152, № 5. С. 3–25. DOI: 10.31857/S0869607120050055
14. Кадышев Е. Н., Петрова И. В., Ращепкина Н. А., Федяева Д. С. О полицентричности пространственной и территориальной структуры региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 8 (383). С. 15–26.
15. Гордеев С. С. Точки роста и новый тренд индустриального развития Урала // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 74–82.

References

1. Bobkov VN, Odintsova EV, Bobkov NV. The relevance of developing a national program to increase incomes, reduce poverty and inequality. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of regions of Russia*. 2020;16(2):9–24. (In Russ).
2. Okrepilov VV, Kuznetsov SV, Mezhevich NM, Sviridenko MV. Urbanization processes in the context of spatial development patterns of municipalities in the zone of influence of megacities. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(4):42–52. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.3. (In Russ).
3. Trotskovskii AY, Mishchenko IV, Mishchenko OA. Spatial development of rural periphery: methodology and main research results. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: theory and practice*. 2014;(45(372):2–16. (In Russ).
4. Trotskovsky AY. Spatial research in the works of Russian regionalists: a narrative review. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2021;(3):125–132. (In Russ).
5. Gubanova ES, Kleshch VS. Methodological aspects of the analysis of the level of uneven socio-economic development of regions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;10(1):58–75. (In Russ).
6. Migranova LA. Wages in Russia and in the world: a comparative analysis. *Narodonaseleniye = Population*. 2018;21(3):52–67. (In Russ).
7. Petrina OA, Stadolin ME. On the issue of sustainable development of rural areas. *Munitsipal'naya akademiya = Municipal Academy*. 2021;(3):164–172. (In Russ).
8. Bondarenko LV. Development of rural areas in Russia: assessments, opinions, expectations. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2016;(3(383):76–82. (In Russ).
9. Kapelyushnikov RI. Inequality: how not to primitivize the problem. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2017;(4):117–139. (In Russ).
10. Benz DS. Long-Term Trends of Interregional Differentiation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye nauki = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):56–71. (In Russ).
11. Klimova NI. Estimation of processes of saving population in the context of stadial identification of municipalities. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2017;6(3(20):173–177. (In Russ).
12. Dvoryadkina EB, Belousova EA. Trends of the Development of Municipal Regions in the National Economic Space. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(1):87–105. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.5. (In Russ).
13. Nefedova TG, Treivish AI. Middle Urals Meridian: Space Polarization in the Old Industrial Region. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = News of the Russian Geographical Society*. 2020;152(5):3–25. DOI: 10.31857/S0869607120050055. (In Russ).

14. Kadyshchev EN, Petrova IV, Rashchepkina NA, Fedyaeva DS. On the polycentricity of the spatial and territorial structure of the region. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: theory and Practice*. 2015;(8(383)):15-26. (In Russ.).

15. Gordeev SS. Growth points and new trend of industrial development of Ural. *Socium i vlast = Society and Power*. 2017;(5(67)):74–82. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 339.137

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10609

ПОДДЕРЖКА НЕЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПКАХ (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Ольга Николаевна Митрофанова

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия, olga-mitrof@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7540-3347

Аннотация. В статье анализируется поддержка неценовой конкуренции в государственных и муниципальных закупках на примере субъектов Центрального федерального округа. Актуализируется проведение такой процедуры, как открытый конкурс, так как именно она позволяет не только осуществить государственную и муниципальную закупку с лучшими условиями для исполнения государственного или муниципального контракта, но и осуществить поддержку неценовой конкуренции. Автор выражает надежду, что начатая цифровизация государственных и муниципальных закупок послужит активной поддержкой неценовой конкуренции. Статья будет интересна специалистам, чья сфера интересов касается поддержки неценовой конкуренции, а также государственных и муниципальных закупок.

Ключевые слова: открытый конкурс, неценовая конкуренция, электронная форма, контрактная система, закупка товаров, закупка, оценка заявок, поддержка конкуренции

Для цитирования: Митрофанова О. Н. Поддержка неценовой конкуренции в государственных и муниципальных закупках (на примере Центрального федерального округа) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 86–93. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10609

Original article

SUPPORT OF NON-PRICE COMPETITION IN STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT (ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT)

Olga N. Mitrofanova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia, olga-mitrof@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7540-3347

Abstract. The article analyzes the support of non-price competition in state and municipal procurement on the example of the subjects of the Central Federal District. The implementation of such an open tender procedure is being updated, because it allows not only to carry out state and municipal procurement with the best conditions for the execution of a state or municipal contract, but also to support non-price competition. The authors express the hope that the initiated digitalization of state and municipal procurement will serve as an active support for non-price competition. The article will be of interest to specialists whose sphere of interest concerns the support of non-price competition, as well as state and municipal procurement.

Keywords: open tender, non-price competition, electronic form, contract system, procurement of goods, procurement, evaluation of applications, competition support

For citation: Mitrofanova ON. Support of non-price competition in state and municipal procurement (on the example of the Central Federal District). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):86-93. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10609

Введение

Государственные и муниципальные закупки играют значительную роль при выполнении го-

© Митрофанова О. Н., 2022

сударственных функций, а также способствуют развитию социально-экономическому развитию систем. Контрактная система направлена на удовлетворение потребностей общества,

осуществление наиболее значимых национальных проектов, а также развитие социально-экономических систем [9].

В Российской Федерации поддержка конкуренции закреплена в Основном законе государства, а именно в ст. 8 «...гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности»¹. Также: «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию»² [7; 10].

Понятие конкуренции также закреплено в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ: «Конкуренция — соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»³ [10].

Согласно принципу обеспечения конкуренции, отраженному в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ст. 8) «конкуренция... должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок в целях выявления лучших условий поставок товаров, выполнения работ, оказания услуг»⁴. Также в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ: «запрещается совершение... любых действий, которые приводят к ограничению конкуренции, в частности к необоснованному ограничению числа участников закупок»⁵ [10].

¹ Конституция Российской Федерации [(принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками)] // СПС Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10103000/paragraph/25045:0> (дата обращения: 24.02.2022)

² Там же.

³ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12148517/paragraph/218205:0> (дата обращения 24.02.2022).

⁴ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70353464/paragraph/385:0> (дата обращения 04.02.2022).

⁵ Там же.

Многие исследователи, такие как А. А. Воронов, К. Гусько [2], М. В. Орлова [11], И. А. Голиков [5], Н. К. Савельева [15], Е. Ю. Алексейчева, О. Н. Лагода [1], Е. В. Саклакова [16], М. В. Петрищев [14] посвятили свое время изучению вопроса неценовой конкуренции.

М. В. Орлова определяет неценовую конкуренцию как «...метод конкурентной борьбы, в основу которого положено не ценовое превосходство над конкурентами, а совершенствование потребительских свойств товара. Основным принципом неценовой конкуренции — создание существенных различий с аналогичным товаром конкурентов» [11].

М. В. Петрищев не разделяет ценовую и неценовую конкуренцию на два вида, а отмечает, что «...это два аспекта одной и той же внутрирыночной конкуренции» [14].

Вопросами неценовой конкуренции именно в государственных закупках занимались Н. В. Парфенюк [12], М. В. Шмелева [19], Я. С. Тимченко [18], И. П. Гладилина, А. А. Ариончик [4], Н. А. Сигатова [17], И. Н. Кропачева, И. В. Югова [6]. Так, Я. С. Тимченко заявляет, что «неценовая конкуренция — достаточно сложное явление, требующее от заказчиков глубоких профессиональных компетенций, позволяющих контролировать процесс закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд с позиций современного стратегического анализа, контроля качества и т. д.» [18], и с этим мнением нельзя не согласиться.

Актуальность исследования неценовой конкуренции в государственных и муниципальных закупках заключается в том, что именно процедуры неценовой конкуренции позволяют осуществить государственную и муниципальную закупку с лучшими условиями для исполнения государственного или муниципального контракта.

Цель исследования заключается в рассмотрении поддержки неценовой конкуренции в рамках государственного заказа в субъектах Центрального федерального округа (ЦФО) Российской Федерации.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на общенаучной методологии, которая предусматривает использование системного подхода и общенаучных методов познания, в частности анализа нормативно-правовых источников и статистических данных.

Материалами исследования послужили статистические данные (2015–2021 гг.) о проведении

процедур открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме в субъектах Центрального федерального округа (ЦФО) Российской Федерации, за исключением субъектов — г. Москва и Московская область, т. к. данные по этим субъектам могут искажать данные в целом по ЦФО.

Исследование проводилось на основе данных, представленных в Единой информационной системе в сфере закупок в открытом доступе с помощью экономико-статистических методов.

Результаты исследования и их обсуждение

Для эффективного развития неценовой конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок предусмотрена такая конкурентная процедура, как открытый конкурс [3; 8; 10]. Детализировано рассмотрим формулировку такой конкурентной процедуры, как открытый конкурс: именно она является наиболее распространенной.

Согласно Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» победителем в конкурсе «признается участник закупки, предложивший лучшие условия исполнения контракта»¹. Целью данной процедуры является поддержка именно неценовой конкуренции, т. к. в других конкурентных процедурах (аукцион, запрос котировок), предусмотренных контрактной системой, победителем признается участник «...предложивший наиболее низкую цену контракта...»² [10].

Для оценки поступивших заявок заказчик в конкурсной документации устанавливает критерии оценки, предусмотренные ст. 32 № 44-ФЗ, но не только цену контракта, а также критерии, позволяющие определить лучшие условия для исполнения контракта (например, расходы на эксплуатацию и ремонт товаров, использование результатов работ; качественные, функциональные и экологические характеристики объекта закупки; квалификация поставщика, деловая репутация).

Порядок оценки заявок, окончательных предложений участников закупки, в том числе предельные величины значимости каждого критерия, устанавливается Правительством Россий-

ской Федерации. В Положении об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденном постановлением Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 «Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» и вступившем в силу с 01.01.2022 г., установлены предельные величины значимости критериев оценки заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, прописаны особенности применения каждого критерия, установлена балльная шкала оценки³.

Применение таких критериев, как: характеристики объекта закупки, квалификация участников закупки, наличие опыта работы, деловой репутации, специалистов и иных работников определенного уровня квалификации — в торгах позволяет поддерживать неценовую конкуренцию, т. к. именно они позволяют выявить лучшие условия исполнения контракта. Процедура, поддерживающая неценовую конкуренцию, предусматривает победу предложения с лучшими условиями, а не с самой низкой ценой [10].

В проведенном ранее автором исследовании сделан вывод о том, что открытый конкурс в электронной форме и установление заказчиком «нестоимостных» критериев позволили «уберечь» закупки от определенных рисков. Критикуя резкое снижение начальной (максимальной) цены контракта, авторы исходят из того, что цена была сформирована заказчиком с учетом федерального законодательства, особенностей рынка и является обоснованной [10].

До вступления в силу 44-ФЗ в системе государственного и муниципального заказа всегда

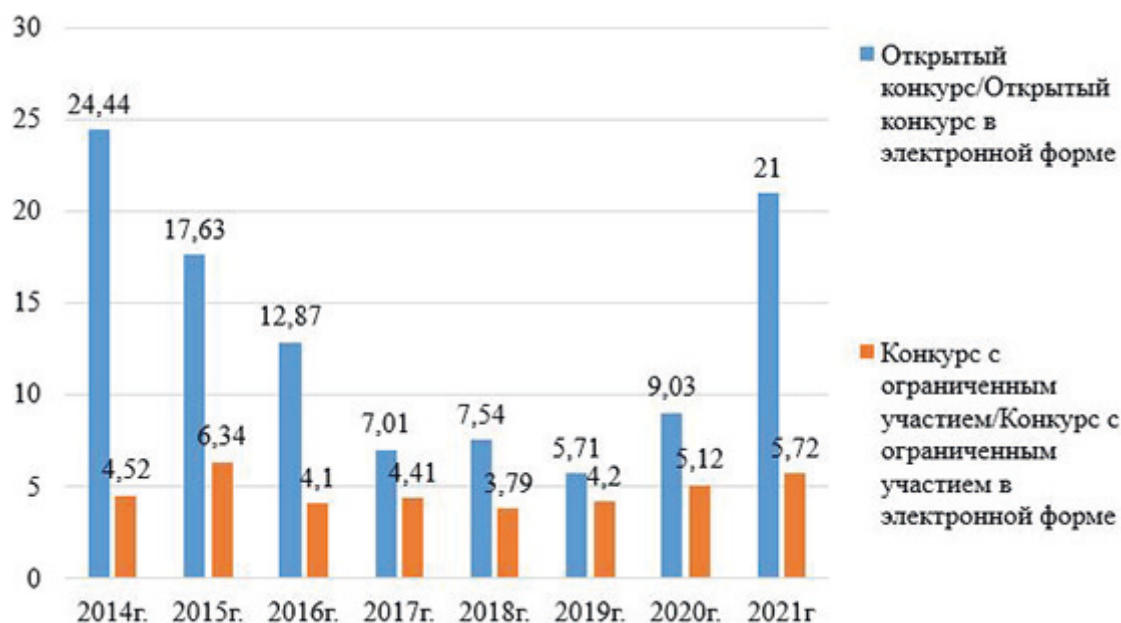
¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ...

² Там же.

³ Об оценке заявок на участие в закупке товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, внесении изменений в пункт 4 постановления Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2021 г. № 2369 и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31.12.2021 № 2604 // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403237669/> (дата обращения: 24.02.2022).

существовала такая процедура, как конкурс [13]. Впоследствии появились разновидности открытого конкурса, а именно конкурс с ограниченным участием и двухэтапный конкурс (по сути это был тот же открытый конкурс, но со своими особенностями). Конкурс с ограниченным участием довольно успешно был освоен государственными и муниципаль-

ными заказчиками, в то же время двухэтапный конкурс не стал популярной конкурентной процедурой в силу сложности и достаточной продолжительности. Данные о доле от общего объема контрактов по всем способам контрактов, заключенных по результатам процедур, поддерживающих неценовую конкуренцию, представлены на рисунке.

Данные о доле конкурентных процедур, поддерживающих неценовую конкуренцию за 2014–2021 гг. в РФ, %¹

Data on the share of competitive procedures supporting non-price competition for 2014–2021 in Russia, %

Представленные данные о доле конкурентных процедур, поддерживающих неценовую конкуренцию, позволяют проследить динамику поддержки неценовой конкуренции в Российской Федерации за последние 8 лет в рамках государственного и муниципального заказа.

После вступления в силу поправок в 44-ФЗ о переводе конкурентных процедур в электронную форму, доля процедуры «открытый конкурс в электронной форме» значительно увеличилась по сравнению с прошлыми периодами. Несмотря на то, что согласно нововведениям с 1 января 2019 г. электронные конкурентные процедуры для всех заказчиков стали обязательными [20], рост доли открытого конкурса в электронной форме начал увеличиваться лишь в 2021 г., в 2020 г. этот рост был не таким значительным.

Доля проведения конкурса с ограниченным участием / конкурса с ограниченным участием в электронной форме на протяжении всего периода исследования (2014–2021 гг.) практически всегда оставалась на одном уровне (увеличение на 1,2 % этого показателя за весь период исследования).

Рассматривая долю заключенных контрактов по результатам открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме от общего объема контрактов по всем способам закупки в ЦФО за 2015–2021 гг., следует отметить рост данной процедуры только в 2021 г.

В основном в субъектах ЦФО в период 2017–2019 гг. наблюдался спад объемов размещенных средств в государственном и муниципальном заказе посредством открытого конкурса.

Лидерами по поддержке неценовой конкуренции в регионах в 2020 г. стали Тамбовская и Воронежская области. В 2021 г. в ТОП-5 вошли

¹ Составлено авторами на основе данных Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/aggregate-feedback.html>

Тамбовская, Курская, Орловская, Тверская и Ярославская области (табл. 1).

Изучая опыт поддержки неценовой конкуренции в ЦФО в рамках государственного заказа, необходимо детально остановиться не только на

объеме денежных средств, размещенных посредством проведения открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме, но и проанализировать количество подобных процедур в субъектах ЦФО (табл. 2).

Таблица 1

Table 1

Доля заключенных контрактов по результатам открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме, % от общего объема контрактов по всем способам по ЦФО за 2015–2021 гг.

The share of contracts concluded based on the results of an open tender / open tender in electronic form, % of the total volume of contracts by all methods in the Central Federal District for 2015–2021

ЦФО (за исключением г. Москвы и Московской области)	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Ивановская область	14,02	2,85	1,64	4,38	2,06	7,49	16,9
Липецкая область	9,65	5,82	2,67	2,22	0,33	2,32	3,8
Орловская область	11,25	5,57	2,41	1,69	0,18	4,04	32,25
Тульская область		2,02	1,59	3,49	0,77	1,1	9,21
Белгородская область	18,36	5,62	0,36	0,32	1,25	0,58	2,35
Владимирская область	14,69	6,67		2,16	1,72	4,52	14,23
Калужская область	42,1	17,95	4,01	3,8	1,28	4,79	17,5
Курская область	1,96	1,1	0,41	0,79	3,96	11,71	35,08
Тамбовская область	12,09	18,63	2,29	3,72	1,9	47,92	40,56
Брянская область	1,89	2,16	0,19	0,45	0,35	3,02	1,57
Ярославская область	3,33	2,74		1,27	1,08	3,77	24,53
Рязанская область	2,93	6,06	0,88	1,86	2,31	5,43	24,22
Смоленская область	21,17	3,19	2,47	2,6	2,68	1,84	12,38
Воронежская область	13,25	6,72	2,82	2,99	1,39	21,25	23,72
Костромская область	6,96	4,48	11,79	4,04	3,14	7,45	9,9
Тверская область	3,54	2,47	0,8	1,61	1,74	2,87	27,79

Источник: составлено авторами на основе данных Единой информационной системы в сфере закупок / (<http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/aggregate-feedback.html>)

Таблица 2

Table 2

Доля заключенных контрактов по результатам открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме, % от общего количества контрактов по всем способам по ЦФО за 2015–2021 гг.

The share of contracts concluded based on the results of an open tender / open tender in electronic form, % of the total number of contracts by all methods in the Central Federal District for 2015–2021

ЦФО (за исключением г. Москвы и Московской области)	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Ивановская область	1,72	0,88	0,74	0,65		0,56	0,68
Липецкая область	0,55	0,44	0,44	0,46	0,3	0,42	0,46
Орловская область			0,5	0,56	0,26	0,36	0,78
Тульская область	0,4	0,52	0,32	0,28		0,3	0,36
Белгородская область	0,57	0,59	0,19	0,25		0,45	0,41
Владимирская область	1,16	0,87	0,74	0,61			0,41
Калужская область	0,64	0,59	0,66	0,62	0,62	1,21	1,39

ЦФО (за исключением г. Москвы и Московской области)	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Курская область	0,22	0,18	0,32	0,37	0,56	0,93	2,1
Тамбовская область	0,82	0,66	0,67	1,26	1,02	0,77	2,03
Брянская область	0,38	0,17	0,11	0,2	0,15	0,19	0,12
Ярославская область	0,43	0,43	0,43	0,55	0,48	0,4	0,58
Рязанская область	0,55	0,48	0,44	0,45	0,45	0,45	0,68
Смоленская область	0,52	0,54	0,8	0,47	0,12	0,44	0,52
Воронежская область	0,67	0,66	0,57	0,57		0,67	0,88
Костромская область	0,68	0,69	0,76	0,91	0,7	0,75	0,98
Тверская область	0,5	0,56	0,47	0,52		0,34	0,67

Источник: составлено авторами на основе данных Единой информационной системы в сфере закупок / (<http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/aggregate-feedback.html>).

Среди субъектов ЦФО, проводивших процедуры открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме, следует отметить такие регионы, как Ивановская, Владимирская, Калужская, Тамбовская, Воронежская и Костромская области. На протяжении шести лет Брянская область остается на последнем месте по количеству проведенных процедур открытого конкурса / открытого конкурса в электронной форме. Подобное игнорирование поддержки неценовой конкуренции наблюдается в разных субъектах ЦФО, но не такой долгий период. За последние два года наблюдается увеличение доли заключенных контрактов по результатам процедур поддерживающих неценовую конкуренцию, прежде всего это связано с нормативно-правовым регулированием проведения открытого конкурса, а именно осуществления процедуры в электронном виде. Подобные изменения упростили проведение столь сложной процедуры для заказчика, что в свою очередь послужило увеличением самих конкурсов.

Выводы

Новшества в сфере государственных и муниципальных закупок в сфере поддержки нецено-

вой конкуренции находят положительный отклик среди заказчиков в субъектах ЦФО. Более широкое распространение такой процедуры, как открытый конкурс в электронной форме, позволит осуществлять не только поддержку неценовой конкуренции в государственных и муниципальных закупках, но и обеспечить закупку товаров, работ и услуг с наилучшими потребительскими характеристиками.

Для поддержки неценовой конкуренции от государственных и муниципальных заказчиков потребуются наличие профессиональных компетенций. Именно эти постулаты закреплены в принципах контрактной системы [принцип обеспечения конкуренции (ст. 8 44-ФЗ) и принцип профессионализма заказчика (ст. 9 44-ФЗ)].

Увеличение количества открытых конкурсов в электронной форме, несомненно, будет способствовать поддержанию неценовой конкуренции в системе государственных и муниципальных закупок. Автор выражает надежду, что начатая цифровизация государственных и муниципальных закупок послужит активной поддержкой неценовой конкуренции.

Список источников

1. Алексейчева Е. Ю., Лагода О. Н. Неценовая конкуренция на рынке потребительских товаров // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2017. № 3 (13). С. 75–84.
2. Воронов А. А., Гусько К. Формы и методы неценовой конкуренции в современных условиях хозяйствования // Маркетинг. 2005. № 3 (82). С. 17–21.
3. Генералова Т. В. Открытый конкурс в электронной форме как один из конкурентных способов определения поставщика // Научный Лидер. 2021. № 35 (37). С. 22–26.
4. Гладилина И. П., Ариончик А. А. Управление закупками на основе развития конкуренции // Евразийский юридический журнал. 2016. № 11 (102). С. 102–104.
5. Голиков И. А. Особенности содержания понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность» // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 10. С. 1251–1264.

6. Кропачева И. Н., Югова И. В. Влияние неценовой конкуренции на эффективность контрактной системы // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4-1 (69). С. 364–369.
7. Кураков Л. П. Экономика и право: большой толковый словарь-справочник. М. : Вуз и шк., 2003 (Чебоксары: РГУП ИПК Чувашия). 866 с.
8. Митрофанова О. Н. Анализ эффективности государственных и муниципальных закупок на региональном уровне (на примере Липецкой области) // Modern Science. 2020. № 1-1. С. 70–76.
9. Митрофанова О. Н. Государственные и муниципальные закупки как фактор развития социально-экономической системы региона // Теоретико-методологическое и практическое развитие социально-экономических систем : коллективная монография. Липецк : Липецкий государственный технический университет, 2021. С. 20–27.
10. Митрофанова О. Н. О важности неценовой конкуренции в системе государственных и муниципальных закупок // Вектор экономики. 2021. № 2 (56). С. 20. DOI 10.51691/2500-3666_2021_2_3. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/2/regionaleconomy/Mitrofanova.pdf>.
11. Орлова М. В. Модели неценовой конкуренции в современной экономике // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2014. № 3 (11). С. 62–65.
12. Парфенюк Н. В. Законодательство о контрактной системе в соприкосновении с принципом добросовестности // Ex iure. 2019. № 4. С. 76–87. DOI 10.17072/2619-0648-2019-4-76-87.
13. Пестикова Т. А. Правовое регулирование контрактной системы как элемента экономической системы государства // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 484–487.
14. Петрищев М. В. Ценовая и неценовая стороны рыночной конкуренции // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 16 (231). С. 24–31.
15. Савельева Н. К. Методология управления формами и методами ценовой и неценовой конкуренции // Финансы и кредит. 2014. № 10 (586). С. 36–41.
16. Саклакова Е. В. Неценовая конкуренция как феномен современного рынка // Вестник СевКавГТИ. 2015. № 4 (23). С. 41–47.
17. Сигатова Н. А. Принцип обеспечения конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1-1 (66). С. 625–628.
18. Тимченко Я. С. Проблемы и особенности неценовой конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 28. С. 426–431.
19. Шмелева М. В. Принцип конкуренции в государственных закупках // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2018. № 1. С. 86–91.
20. Шмелева М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 36–42. DOI 10.17803/1994-1471.2019.109.12.036-042.

References

1. Alekseicheva EYu, Lagoda ON. Non-price competition in the consumer goods market. *Vestnik MGPU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Economics*. 2017;(3):75–84. (In Russ.).
2. Voronov AA, Gusko K. Forms and methods of non-price competition in modern economic conditions. *Marketing = Marketing*. 2005;(3):17–21. (In Russ.).
3. Generalova TV. Open competition in electronic form as one of the competitive ways to determine a supplier. *Nauchnyj Lider = Scientific Leader*. 2021;(35):22–26. (In Russ.).
4. Gladilina IP, Arionchik AA. Procurement management based on the development of competition. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*. 2016;(11):102–104. (In Russ.).
5. Golikov IA. Features of the content of the concepts “competition” and “competitiveness”. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian entrepreneurship*. 2016;17(10):1251–1264. (In Russ.).
6. Kropacheva IN, Yugova IV. The impact of non-price competition on the effectiveness of the contract system. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2016;(4-1(69)):364–369. (In Russ.).
7. Kurakov LP. Economics and Law: a large explanatory dictionary. Moscow, University and School; 2003. 866 p. (In Russ.).
8. Mitrofanova ON. Analysis of the effectiveness of state and municipal procurement at the regional level (on the example of the Lipetsk region). *Modern Science*. 2020;(1-1):70–76. (In Russ.).

9. Mitrofanova ON. State and municipal procurement as a factor in the development of the socio-economic system of the region. In: Theoretical, methodological and practical development of socio-economic systems: a collective monograph. Lipetsk, Lipetsk State Technical University; 2021. Pp. 20–27.
10. Mitrofanova ON. On the importance of non-price competition in the system of state and municipal procurement. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*. 2021;(2):20. DOI 10.51691/2500-3666_2021_2_3. Available from: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2021/2/regionaleconomy/Mitrofanova.pdf> (In Russ.).
11. Orlova MV. Models of non-price competition in the modern economy. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2014;(3):62–65. (In Russ.).
12. Parfenyuk NV. Legislation on the contract system in contact with the principle of good faith. *Ex jure*. 2019;(4):76–87. DOI 10.17072/2619-0648-2019-4-76-87. (In Russ.).
13. Pestikova TA. Legal regulation of the contract system as an element of the economic system of the state. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State-legal research*. 2020;(3):484–487. (In Russ.).
14. Petrishchev MV. Price and non-price sides of market competition. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011;(16(231):24–31.
15. Savelyeva NK. Methodology of management of forms and methods of price and non-price competition. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2014;(10):36–41. (In Russ.).
16. Saklakova EV. Non-price competition as a phenomenon of the modern market. *Vestnik SevKavGTI = Bulletin of SevKavGTI*. 2015;(4):41–47. (In Russ.).
17. Sigatova NA. The principle of ensuring competition in the field of state and municipal procurement. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2016;(1):625–628. (In Russ.).
18. Timchenko YaS. Problems and features of non-price competition in the field of state and municipal procurement. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. The science. Education*. 2021;(28):426–431. (In Russ.).
19. Shmeleva MV. The principle of competition in public procurement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo = Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law*. 2018;(1):86–91. (In Russ.).
20. Shmeleva MV. Digital technologies in state and municipal procurement: the future or reality. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian Law*. 2019;(12):36–42. DOI 10.17803/1994-1471.2019.109.12.036-042. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Н. Митрофанова — старший преподаватель кафедры государственного, муниципального управления и бизнес-технологий.

Information about the author

O. N. Mitrofanova — Senior Lecturer of the Department of State, Municipal Management and Business Technologies.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 15.03.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.1 + 338.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10610

ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Михаил Александрович Панов

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, panov_ma@usue.ru

Аннотация. Статья освещает актуальную в сегодняшних реалиях проблему роста национальной экономики Российской Федерации и отдельных ее регионов. На основе анализа исследований ученых-экономистов формируется понятийный аппарат для рассмотрения данной проблемы. Автором рассматривается теория циклов в деловой деятельности страны и ее регионов, на основании чего делается вывод о предкризисном состоянии экономики на сегодняшний день. В ходе написания статьи были изучены меры, предпринимаемые государством для обеспечения выхода из стагнации и развития экономики, после чего полученные данные были сопоставлены с результатами исследований ведущих отечественных ученых-экономистов. Также в отдельном разделе рассматриваются перспективы национальной экономики при текущей экономической политике государства. На основании проведенного исследования автор делает вывод о необходимости инвестирования не только в инновации в промышленности и производстве, но и в основной и человеческий капиталы, а также о положительных изменениях в экономической политике государства и перспективах развития отдельных отраслей и регионов страны.

Ключевые слова: экономический рост; экономические циклы; региональная экономика; перспективы; инвестиции; инновации

Для цитирования: Панов М. А. Перспективы роста национальной и региональной экономики в условиях кризиса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 94–105. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10610

Review

PROSPECTS FOR THE GROWTH OF THE NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY IN A CRISIS

Mikhail A. Panov

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, panov_ma@usue.ru

Annotation. The article highlights the actual problem of the growth of the national economy of the Russian Federation and its individual regions in today's realities. Based on the analysis of the research of economists, a conceptual apparatus is being formed to consider this problem. The author considers the theory of cycles in the business activity of the country and its regions, on the basis of which a conclusion is made about the pre-crisis state of the economy today. In the course of writing the article, the measures taken by the state to ensure an exit from stagnation and economic development were studied, after which the data obtained were compared with the research results of leading domestic economists. Also, a separate section discusses the prospects of the national economy under the current economic policy of the state. Based on the conducted research, the author concludes that it is necessary to invest not only in innovations in industry and production, but also in fixed and human capital, as well as positive changes in the economic policy of the state and the prospects for the development of individual industries and regions of the country.

Keywords: economic growth; economic cycles; regional economy; prospects; investments; innovations.

For citation: Panov MA. Prospects for the growth of the National and Regional Economy in a crisis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):94-105. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10610

Введение

В последние годы проблема экономического роста является одной из самых обсуждаемых не только в научном сообществе, но и в обществе в целом. Несомненно, людей волнует их будущее и будущее новых поколений, и каждый человек хочет стабильности и уверенности в завтрашнем дне для себя и своих детей. За первые десятилетия XXI века глобальная экономика не один раз испытывала сильные потрясения. Не стал исключением и 2020 год, который был достаточно «бедным» на рост экономики не только в Российской Федерации, но и в мире. В первую очередь, конечно же, это связано с так называемой «пандемической реальностью», которая оказала очень большое влияние на рост мировой экономики в целом. Однако сейчас мировая экономика, и в частности экономика России, стоят на пороге нового кризиса, и необходимо оценить перспективы и потенциал роста национальной экономики во время этого сложного, «шокового» периода.

Целью данной статьи является формирование понятийного аппарата для оценки факторов экономического роста, а также рассмотрение региональной экономики с точки зрения научного подхода, основанного на изучении исследований ведущих ученых-экономистов и аналитиков. Также рассматривается циклическая теория экономического роста, на основании которой строится вывод о дальнейших перспективах роста национальной и региональной экономики.

Отдельный раздел посвящен рассмотрению Указа Президента РФ от 2 марта 2022 г., который, по мнению автора, может стать достаточно мощным толчком для развития отечественной IT-отрасли и послужить сильным стимулирующим фактором для роста экономики отдельных отраслей промышленности, а вместе с ними и регионов и национальной экономики.

Определение понятия «экономический рост»

Глобальная экономическая система — достаточно сложный и тонкий механизм, на работу которого оказывают влияние множество различных факторов. Эти факторы могут привести как к развитию, росту экономики, так и к ее стагнации. Теория экономического роста и развития была описана Йозефом Шумпетером в его фундаментальном труде «Теория экономического развития», который впервые был опубликован в 1911 г. Шумпетер в своем труде определяет экономический рост как «эндогенный процесс, основанный на количественном изменении показателей

производства товаров и услуг, а также потребительских благ» [25, с. 127].

Прежде всего, экономический рост — это основная задача любого государства и конечная цель развития любой экономики. Также экономический рост позволяет прогнозировать перспективы развития общества в государстве.

Хоть понятие «экономический рост» и связано с большим числом различных аспектов, в первую очередь оно означает рост объемов производства в стране или отдельном ее регионе.

В итоге, любое из толкований понятия «экономический рост» можно обобщить в виде трех моделей:

- 1) модель постепенного и непрерывного роста, которая проявляется в течение коротких временных интервалов;
- 2) модель экономического роста, которая определяет динамику, включает в себя циклы спада и подъема;
- 3) модель неравномерного роста, описывающая поведение экономики при внедрении инноваций.

Факторы экономического роста

Факторами экономического роста называют некоторые силы (или их совокупности), которые влияют на качественные или количественные показатели роста. При анализе факторов важно выделить основные причины роста. Среди многообразия источников, посвященных анализу факторов экономического роста, выделяется работа Д. Асемоглу [2018].

Д. Асемоглу в своей работе определяет четыре гипотезы, которые влияют на темпы экономического роста: гипотеза случайного везения, географическая гипотеза, культурная гипотеза и институциональная гипотеза. В условиях России и конкретно Уральского региона наиболее значимыми являются последние три группы факторов.

Географическая гипотеза базируется на наличии природных ресурсов, способных стимулировать индустриализацию экономики. Это играет значительную роль в размещении промышленных предприятий (в том числе и уральских) на ранних этапах индустриализации.

Культурная гипотеза рассматривает понятия «вера», «ценности» и «предпочтения», которые влияют на поведение индивидуумов. Данные факторы оказали заметное воздействие на развитие заводской и горнодобывающей промышленности в Уральском регионе, формирование так называемой «горнозаводской цивилизации», где основной вид хозяйствования — индустриальная деятельность.

Под институциональной гипотезой понимается система норм, правил и законов. Эти факторы, в отличие от остальных, формируются в результате общественного выбора. Поэтому для достижения лучших результатов институциональные факторы могут (а в некоторых случаях и должны) быть пересмотрены и реформированы.

Несмотря на многообразие точек зрения, экономисты различных научных направлений сходятся во мнении, что для достижения необходимых темпов экономического роста нужно задействовать несколько различных фундаментальных факторов. К примеру, стимулировать проведение НИОКР, а также цифровой трансформации экономики. Другим примером может служить предложение увеличения производственных мощностей и повышения квалификации работников, что позволит прийти к новой индустриализации, которая, в свою очередь, будет сопровождаться ускоренным ростом экономики.

Темпы экономического роста в России и мире

Одним из основных элементов продуманной экономической политики государства и стратегического планирования на различных уровнях является выбор темпов экономического роста. Российские ученые в своих исследованиях анализируют экономическое развитие России с диаметрально противоположных позиций: с одной стороны, быстрый рост ВВП России в среднесрочной перспективе в диапазоне 3-5 %, с другой — невозможность быстрого роста экономики в обозримом будущем.

За последнее десятилетие наблюдаются самые быстрые темпы роста мировой экономики — около 4 % в год. Согласно оценкам МВФ, средний рост 37 крупнейших экономик мира находится на уровне 3,3 % в год.

При этом рост ВВП России в 2017 г. вырос всего на 1,5 %, что более чем в два раза ниже среднемирового уровня. Российская экономика находилась в состоянии стагнации, а состояние на конец февраля 2022 г. можно оценивать как кризисное. С этой точки зрения стоит рассматривать развитие экономики России как циклический процесс.

Циклические процессы в экономике

В современной экономике сущность циклических процессов до сих пор является темой для дискуссий. Элвин Хансен в своем исследовании признал, что происхождение циклических колебаний в экономике до сих пор остается неразрешимой загадкой [24].

Исследование циклических процессов в России затрудняется недостатком выверенной ста-

тистической информации. Так, в распоряжении экономистов, работающих на информационно-аналитических материалах европейских стран (Германии, Франции, Великобритании) и США, находятся массивы данных за многие годы — десятилетия и даже столетия. В то же время в России, а тем более в ее регионах, из-за изменчивости институтов экономисты могут располагать более или менее устойчивыми данными меньше чем за 20 лет.

Теория экономической цикличности или теория конъюнктуры исследует причины, которые приводят к изменению колебаний экономики во времени. Основным инструментом исследования, как и в теории экономического роста, являются макроэкономические показатели — факторы.

Цикл в экономике — это временной интервал, состоящий из периодов роста и спада. Понятие «экономический цикл» подробно было рассмотрено в исследовании А. Бернса и У. Митчелла [29].

Экономический цикл — это последовательность сменяющих друг друга фаз. Эти фазы постоянно повторяются, но с разными временными интервалами. Каждая фаза цикла характеризуется определенными количественными и качественными особенностями.

В экономическом цикле чаще всего выделяют четыре фазы: кризис (спад), депрессия, оживление, подъем (рис. 1).

Исходным пунктом каждого цикла является фаза кризиса. Она служит отправной точкой для всех последующих фаз. Под длиной экономического цикла понимается период времени от начала одного кризиса до начала другого.

В своих трудах А. А. Богданов отмечает, что под кризисом «подразумевается завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер борьбы: до кризиса борьба еще идет, положение является неопределенным; момент кризиса есть конец этой неопределенности» [8]. Согласно Богданову, кризис означает «нарушение непрерывности», которое приводит к снижению производства, а в редких случаях — и к потере производственных сил.

Однако стоит понимать, что как макроэкономическое явление, кризис означает отнюдь не гибель экономики, а становится началом нового цикла экономической динамики. Здесь будет уместна цитата из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса: «Кризис всегда образует исходный пункт для новых крупных вложений капитала... Кризис в той или иной степени создает новую материальную основу для следующего цикла» [18, с. 208]. Именно

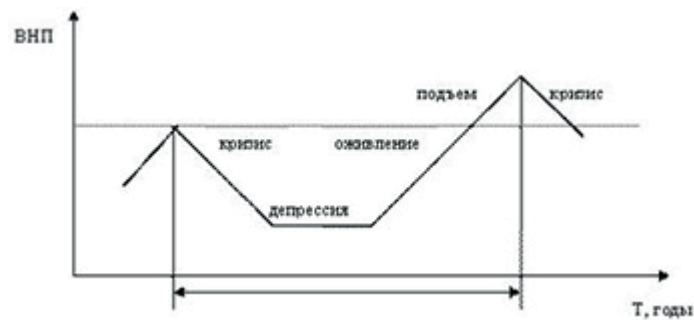

Рис. 1. Фазы экономического цикла [23]

Fig. 1. Stages of economic cycles [23]

периодическое повторение кризиса и придает экономике циклический характер.

Клемант Жюгляр в своем исследовании [33] доказал периодичность кризисов, однако последующие исследования (М. И. Туган-Барановский [22], Ж. Лескюр [17], Е. С. Варга [10], G. Haberler [31], А. Ф. Яковлев [28]) не раскрыли эту теорию. В первую очередь, это связано с тем, что в разные эпохи кризисы имели разные скорости, ритмы и амплитуды развития. Однако было отмечено, что практически все острые кризисы связаны с резкими социальными и политическими сдвигами в жизни общества.

В период с 1992 по 2022 гг. в России произошли три экономических кризиса, каждый из которых сопровождался крупными девальвациями рубля.

В первую очередь от кризисов страдают отрасли, отличающиеся высокой концентрацией производства, а также выпускающие товары длительного пользования. Это связано с тем, что основной тип кризиса при рыночной экономике — это кризис перепроизводства, при котором предложение во много раз превышает спрос на товары и услуги.

При этом кризисы являются драйвером для массового внедрения новых технологий, которые способны вывести экономику из кризиса. Кризис — неизбежный этап в существовании экономики, который призван выполнять три главные функции: разрушительную (устранение устаревших систем), созидательную (открытие путей для новых систем) и наследственную (обогащение наследственного ядра социальной системы) [27, с. 38].

Для изучения регионального аспекта деловой активности будут важными следующие тезисы, представленные Ю. В. Яковцом: «Циклы в смежных, тесно связанных пространствах обычно в большей или меньшей степени резонируют, синхронизируются... Поэтому изучение географии циклов необходимо как по вертикали, так

и по горизонтали в рамках целостной, неравномерно меняющейся системы» [26, с. 21].

Экономика России на сегодняшний день

Ученые сходятся во мнении, что экономика РФ на данный момент находится в состоянии затянувшейся стагнации, а в свете недавних мировых событий наблюдается отрицательная динамика. А. Г. Аганбегян [1; 2] определяет в качестве фундаментальных драйверов экономического роста инвестиции в основной и человеческий капитал. По этому показателю Россия проигрывает целому ряду стран. Так, в Китае данный показатель равен 67 %, во многих развивающихся странах — 65 %, в большинстве развитых — 55 %, в то время как в России — всего 34 %. Исследователь также акцентирует внимание на сокращении инвестиций в сферы образования и здравоохранения. Р. Э. Лукас [34] и П. М. Ромер [36] еще в конце прошлого столетия доказали то, насколько большую значимость для экономического роста играют человеческий капитал и знания.

Для роста экономики РФ первоочередной задачей является преодоление стагнации. Уже сейчас можно сказать о том, что грядущий кризис может стать серьезным фундаментом для роста национальной экономики, однако для этого необходимы серьезные инвестиции в основной и человеческий капитал. Так, за последние годы падение реальных доходов граждан привело к сокращению платежеспособного спроса. Это, в свою очередь, привело к падению спроса на недвижимость и падению объемов ввода жилья. Еще одним важным фактором для роста экономики России, и, в первую очередь, ее регионов, является рост производительности труда. Причем дело здесь не столько в наращивании темпов роста, сколько в преодолении отставания от других стран [14].

Исследователи видят выход в реформировании системы налогообложения. Так, А. Г. Аганбегян [1] негативно оценивает профицит государственного бюджета. По его мнению, государство

может допустить дефицит бюджета на уровне 2–3 % ВВП, что способствует поднятию уровня доходов населения, что также приведет к росту экономики — фактор платежеспособного спроса еще никогда не ставился под сомнение в научном экономическом сообществе. Помимо этого, дефицит бюджета сопровождается эмиссией долгосрочных ценных бумаг, что позволит сделать российский рынок ценных бумаг менее спекулятивным.

Существенное влияние на рост экономики оказывают затраты на технологические инновации, однако в регионах России объемы таких затрат крайне малы, из-за чего практически не сказываются на динамике экономики. На данный момент доля инвестиций в России составляет порядка 8 %, что значительно меньше западных показателей на 40–50 %. Исследователи А. Д. Некипелов, В. В. Ивантер, С. Ю. Глазьев считают, что достаточно большую часть золотовалютных резервов (по меньшей мере, 200 млрд руб) можно направить на технологическое обновление производств, что позволит не только в перспективе повысить прибыль предприятия, но и увеличить использование производственных мощностей [35]. Сейчас производственные мощности, по данным аналитиков, загружены на 75–80 %, а в некоторых секторах промышленности и вовсе на 65 %. При этом не задействуются и человеческие ресурсы — более четверти населения занято низкоквалифицированным трудом, а пятая часть населения страны трудоустроена на неполный рабочий день. Все это существенно снижает прибыль предприятий, которая и без того облагается налогами. А именно прибыль предприятий выступает одним из основных драйверов роста производства во всех отраслях промышленности.

Еще одной причиной медленного роста темпов производства является высокая ключевая ставка ЦБ РФ [11; 12], которая зачастую превышает рентабельность многих производств, особенно среднего и малого бизнеса. Для увеличения темпов роста производства нужно выходить на путь новой индустриализации, что отмечается сразу в нескольких публикациях российских экономистов [9; 12]. Ученые РАН [2; 12] считают, что добиться роста экономики можно за счет увеличения инвестиций в освоение новых технологий. Стоит отметить, что именно рост внутренних инвестиций стал ключевым фактором роста множества западных экономик, что описано в работах [30; 32]. Также стоит принять во внимание и так называемые «производительные»

расходы, к которым относятся расходы на образование, спорт, здравоохранение, транспорт и дорожную инфраструктуру. Эти расходы имеют наибольшую отдачу в виде экономического роста, что доказано в исследовании А. Л. Кудрина и А. Ю. Кнобеля [15].

Экономика регионов России

Ранее в статье были рассмотрены темпы роста российской экономики по сравнению с мировой экономикой в целом. Очевидно, что «догнать» лидеров в кратчайшие сроки не представляется возможным. В этом заключается особенность текущей научно-технологической революции — главной задачей страны и ее регионов становится поиск новых ниш, которые может занять российская экономика.

С уверенностью можно сказать, что Россия и ее регионы имеют достаточно конкурентных преимуществ, чтобы занять эти сферы экономики. В предыдущем разделе были рассмотрены способы, которые могут повлиять на экономику страны в целом, однако и в рамках региональной экономики существует множество вариантов развития. Так, каждому региону нужно найти способ увеличения темпов экономического роста. Одним из таких способов может стать создание региональных «регуляторных гильотин», которые могут пересмотреть требования к предпринимательству, многие из которых сформированы на основании устаревших ГОСТов прошлого века.

Региональная экономика как наука достаточно подробно рассматривается во множестве трудов и публикаций (Friedmann, 1973; Hoover, 1948, 1971; Isard, 1956, 1969; Myrdal, 1957; Perroux 1961; Siebert, 1969), которые затрагивают многие аспекты данного направления экономики. В современной России региональная экономика формируется как наука, изучающая различные факторы регионального развития с целью повышения эффективности производства, а следовательно, и роста экономики региона, которая, несомненно, приведет к росту национальной экономики в целом. К таким факторам относятся: территориальная организация производственных мощностей, темпы развития народного хозяйства, распределение населения по территории региона, региональная производственная инфраструктура.

Размещение производственных сил в советское время всегда было сферой государственного воздействия. Однако после распада единого народно-хозяйственного комплекса законодательное территориальное устройство страны отсутствовало. Это привело к тому, что многие регионы России,

в первую очередь автономные республики и области, стали повышать свой правовой статус, в результате чего обрели особые политические полномочия.

Свердловскую область данный процесс не обошел стороной — она стала одним из первых регионов, повысившим свой статус, который был закреплён Свердловским областным Советом народных депутатов в Конституции Уральской Республики 27 октября 1993 г. [3].

Однако данный акт был расценен как сепаратизм, и 9 ноября 1993 г. Президентом РФ Борисом Николаевичем Ельциным был издан Указ о прекращении деятельности Свердловского областного Совета народных депутатов.

Еще в середине 90-х гг. прошлого века стали появляться публикации, посвященные анализу региональной экономики (Романова, 1994), выявлению видов экономической деятельности в регионах, определению параметров производства товаров и услуг. Тогда же были созданы правовые нормы по формированию органов власти в регионах и муниципалитетах, была определена роль и специфика регионов в различных отраслях общероссийской экономической политики — финансовой, инвестиционной, научно-технической, социальной и внешнеэкономической. Осуществление экономической реформы на региональном уровне стало возможно благодаря разграничению компетенций между центром и регионами. Это привело к появлению различных исследований и публикаций в области формирования региональных рынков труда, капитала и товаров, в сфере развития малого и среднего предпринимательства.

Идеология постиндустриального общества, укрепившаяся после разрушения основ материального производства и неразберихи в политическом обществе, стала причиной заметного усиления социального блока региональной экономики.

Социальная ориентация экономики особо сильно проявляется в исследованиях, посвященных социальным различиям в регионах (особенно в регионах с повышенной социальной опасностью), а также в публикациях, посвященных выявлению уровня и качества жизни населения в регионах разных типов.

В региональной экономике как науке в последнее время очень активно рассматриваются вопросы развития новых видов экономической деятельности, организации систем инноваций и инвестиционного финансирования, проблемы рационального использования факторов развития региона

(как материальных, так и нематериальных), затрагиваются проблемы муниципальной экономики, перспективы развития новых социально-экономических систем и новой региональной экономической политики. Также в методологическую базу региональной экономики внедряются понятия классической динамики, описывающей экономические процессы языком экономических циклов. Для России, отличающейся многообразием вариаций динамики составляющих ее регионов, крайне важным является выявление сложной внутренней временной структуры процессов формирования регионов (циклы, этапы, фазы, волны). Без понимания этой структуры невозможно сформировать представление о динамике национальной экономики в целом.

Помимо прочего, за последние годы все большую значимость стала приобретать производственная, транспортная, социальная, энергетическая и рыночная инфраструктура в регионах. Связано это с переходом на новые технологические уклады и тотальной цифровизацией. Активное внедрение новых технологий изменяет складывавшиеся годами производственные отношения на всех уровнях иерархии, способствует формированию новых типов взаимодействия между субъектами экономики.

Стоит упомянуть и социально-экономическую политику регионов, которая занимает отдельную нишу в исследованиях региональной экономики. Из-за специфики различных регионов в их пространстве могут возникать разного рода экономические и социальные проблемы, связанные, в первую очередь, с системой местного самоуправления. Для предотвращения и разрешения этих проблем необходимо выявление закономерностей и особенностей организации региональных экономических структур.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что основным признаком любого исследования региональной экономики является территориальность, так как именно территория (занимаемое регионом пространство) со всей совокупностью различных условий и факторов оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на формирование, функционирование и динамику объектов, которые осваивают эту территорию.

Экономика Уральского региона

В состав Уральского макрорегиона входят восемь субъектов Российской Федерации: Курганская, Оренбургская, Тюменская, Челябинская, Свердловская области, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика и Пермский край.

Все регионы Урала имеют между собой некие сходства, особенно сильно это заметно в оценках доли валового регионального продукта в общероссийском значении. Значительно выделяется из общей картины только Тюменская область, которая на протяжении всего времени существования Уральского экономического макрорегиона удерживает лидирующие значения по показателям ВРП (валового регионального продукта) за счет сырья, добываемого в автономных округах, входящих в ее состав.

Все вышеперечисленные регионы имеют индустриальный характер, так как в них наиболее сильное влияние (и большую эластичность) оказывает темп роста промышленного производства. Исключением является лишь Курганская область, которую В. И. Бархатов, Д. А. Плетнёв, Ю. Ш. Капкаев относят к отсталым регионам (депрессивные регионы) группы «периферия 2», то есть не имеющие потенциала для развития [6]. Остальные регионы, кроме Свердловской и Тюменской областей, исследователи относят к группе «периферия 1», то есть регионы с явным потенциалом для развития и роста экономики. Свердловская область, в свою очередь, по данной классификации относится к группе «центр», то есть не является депрессивным регионом. Отдельного внимания заслуживает Тюменская область, которая, из-за включенных в ее состав автономных округов, демонстрирует достаточно нетипичное поведение, не поддающееся классификации, предложенной в публикации [6].

Исходя из индустриального характера указанных регионов, стоит обратить внимание на призывы ученых-экономистов о переходе к модернизации экономики и смещении приоритетов в сторону индустриального пути развития [9; 16; 19–21; 37].

Крайне детальное исследование аспектов экономического роста данных регионов было произведено в публикациях [5; 7]. Целью данных исследований обозначено выявление факторов экономического роста уральских регионов и России в целом. Исходные данные взяты из опубликованных Росстатом показателей. В ходе исследований было выявлено однозначное влияние темпов роста промышленного производства, а также роста среднедушевых доходов населения на экономический рост регионов. Однако, несмотря на явную динамику исследуемых регионов, также заметен и тот факт, что экономический рост каждого региона является достаточно ограниченным. Согласно данному исследованию, во всех регионах прослеживается явная нехватка квалифици-

рованных кадров либо же низкая интенсивность задействованных трудовых ресурсов. Ряд регионов (например, Тюменская область) показывают наибольшую отдачу при инвестициях в основной капитал. И конечно, не стоит упускать тот факт, что средний доход на душу населения однозначно имеет положительное влияние на экономический рост — не только для регионов, но и для экономики России в целом.

Перспективы российской экономики

Произошедшие в мире за первые месяцы 2022 г. события, несомненно, уже сейчас оказывают значительное влияние на мировую экономику в целом и экономику России в частности. К новым экономическим санкциям и ограничениям стоит добавить и то, что многие аналитики называют «пандемической реальностью» — то есть снижение численности рабочей силы, падение рождаемости и падение платежеспособного спроса у населения. Всё это оказывает существенное влияние на и без того медленные темпы роста национальной экономики.

Безусловно, блокировка валютных резервов и многочисленные ограничения на торговлю с иностранными компаниями сильно ударили по экономике России. Центральный Банк РФ был вынужден поднять ключевую ставку до 20 %, что имеет очень большое значение. Исходя из этого очевидно, что меры, предложенные в статье ранее, по снижению ключевой ставки и установлению дефицита государственного бюджета на уровне 2–3 %, не представляются возможными. Закрытие биржи и резкое падение котировок ценных бумаг и рост валюты достаточно сильно сказываются на рынке ценных бумаг, который является достаточно мощным инструментом для привлечения инвестиций в основной капитал.

Уход из России множества зарубежных компаний приводит не только к простою производственных мощностей, но и к повышению уровня безработицы среди населения, который и так был достаточно высоким после пандемии 2020 г.

Однако, несмотря на все ограничения и наложенные санкции (включая и блокировку валютных резервов, и отключение ряда банков от платежной системы SWIFT), Правительство Российской Федерации уже сейчас принимает меры для поддержания экономики и дальнейшего развития. Очевидно, что в сложившейся ситуации (стагнация экономики) необходимо пересмотреть фискальную политику, о чем говорил В. В. Ивантер [13], так как в текущих условиях расходования государственных средств на национальные

проекты невозможно добиться роста экономики и задействовать весь ее потенциал. Сегодня, когда бизнес не готов инвестировать в развитие промышленности и обновление производств, которые многие из аналитиков считают технологически отсталыми, стимулировать инвестиционную активность должно государство. Как было упомянуто выше, в России сейчас наблюдается кризис перепроизводства, когда потребительский спрос остается нереализованным, что препятствует полной загрузке производственных мощностей. Накопленные золотовалютные резервы, оставшиеся в распоряжении государства, следует направить на модернизацию производств и инвестиции в основной капитал.

Одним из способов инвестирования в основной и человеческий капитал будет и снижение налогообложения производств, тем более с ключевой ставкой в 20 %. Большая часть производств в России имеет гораздо меньшую рентабельность, что может привести не только к сокращению рабочих мест с целью экономии прибыли, но и к банкротству.

В качестве такой меры может послужить Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». Данный указ вводит ряд мер, которые направлены на способствование ускоренному развитию отрасли ИТ в лице списка аккредитованных организаций. В список этих мер входит: выделение бюджетных ассигнований на осуществление грантовой поддержки перспективных разработок; выделение средств на улучшение жилищных условий работников аккредитованных организаций и повышение уровня их заработной платы; предоставление аккредитованным организациям льготных кредитов по ставке, не превышающей 3 процентов; установление для аккредитованных организаций налоговой ставки по налогу на прибыль организаций в размере 0 процентов до 31 декабря 2024 г.; упрощение порядка проведения закупок критически важных отечественных разработок, а также стимулирование таких закупок; предоставление отсрочки от призыва на военную службу гражданам Российской Федерации, работающим в аккредитованных организациях.

Наиболее значимыми, по мнению автора, являются меры по предоставлению льготных кредитов и освобождению от налогов организаций, а также меры, направленные на улучшение условий работников аккредитованных организаций.

Освобождение от уплаты налогов позволит повысить рентабельность многих производств, что способствует их укреплению на рынке и развитию отрасли. Также это приведет к повышению заработных плат сотрудников, для которых, помимо прочего, будет действовать льготная ставка по ипотечным кредитам. Это, в свою очередь, повысит спрос на недвижимость среди работников ИТ-компаний, что также повлияет и на рынок недвижимости, спрос на котором сильно упал с начала 2020 г. Грантовые выплаты являются тем самым способом государственного инвестирования в производства, о котором говорилось ранее в статье. Важность инвестиций в основной и человеческий капитал была неоднократно доказана в различных исследованиях, и также подробно изучена в предыдущих разделах данной статьи. А рост доходов на душу населения положительно скажется на динамике не только отдельных регионов, в которых расположены организации, входящие в список аккредитованных ИТ-компаний, но и на экономике Российской Федерации в целом.

Другим достаточно важным фактором является и предоставление права на отсрочку для граждан, работающих в аккредитованных организациях. Это приведет к повышению квалификации работников, так как множество молодых специалистов будет заинтересовано в работе в аккредитованных организациях, в список которых входят и крупные российские компании. Это позволит в некоторой мере снизить уровень безработицы и увеличить количество и качество рабочей силы в отрасли информационных технологий. Дополнительной стимулирующей мерой, несомненно, станут льготное ипотечное кредитование и более конкурентная заработная плата.

Стоит также принять во внимание и многочисленный уход зарубежных компаний с российского рынка. В первую очередь, это скажется на производствах, которые потребляли иностранное сырье и приобретали зарубежные средства для производства продуктов и услуг. Отсутствие иностранных поставщиков значительно повысит спрос на внутреннем национальном рынке, что также способствует положительной динамике экономики — с увеличением спроса необходимо будет задействовать больше производственных мощностей, а значит, и нанимать больше квалифицированных кадров, что также является хоть и косвенной, но инвестицией в основной и человеческий капиталы. С ростом спроса будет повышаться и качество предложения, так как отечественным производителям нужно будет

удерживать покупателя, а значит, необходимо предложить качественную замену товарам ушедших зарубежных производителей. А это снова ведет к инвестициям в человеческий капитал, ведь для производства более качественного товара нужна более квалифицированная рабочая сила.

Вместе с тем национализация производственных мощностей ушедших с рынка компаний позволит увеличить количество производственных мощностей, принадлежащих отечественным производителям и государству. Однако для работы на зарубежном оборудовании потребуются кадры, что опять приводит нас к необходимости инвестиций в человеческий капитал.

Интересная ситуация происходит и с рынком электроники и программного обеспечения. В условиях, когда российский рынок является персонной нон-грата для западных производителей ПО и электроники, Указ Президента РФ от 2 марта 2022 г. и принимаемые в соответствии с ним меры могут не только позволить российской ИТ-отрасли адаптироваться под текущую ситуацию, но и даже догнать лидеров мировых экономик в этих отраслях — США и Японию.

Еще одним достаточно важным фактором, влияющим на рост экономики, является рост инфляции в стране. На фоне стагнации и снижения ростов экономики темпы инфляции сдерживались только повышением ключевой ставки, что также не раз подвергалось критике со стороны ученых [2; 12]. В текущих же реалиях, когда отечественный рынок покинули многие зарубежные производители, будет создана достаточно конкурентная среда, что благоприятно скажется не только на ценообразовании (а значит, и на повышении платежеспособного спроса), но и на снижении темпов инфляции.

Заключение

Результаты рассмотренных в данной статье исследований только подтверждают выводы, сделанные учеными-экономистами, которые акцентируют внимание на причинах, приведших к стагнации: падение платежеспособного спроса населения, падение рождаемости, нехватка квалифицированной рабочей силы, сокращений инвестиций в основной капитал. Некоторые относят сюда и не-

правильную фискальную политику государства, при которой расходы правительства направлены на непроизводительные статьи (армия, полиция и прочие силовые структуры), в то время как имеющие гораздо большую отдачу в виде экономического роста расходы на спорт, образование, здравоохранение, транспорт и дорожную инфраструктуру значительно меньше [15].

Экономические условия в настоящее время можно охарактеризовать как кризисные. Однако государством уже принимаются шаги, направленные на поддержание экономики и развитие отдельных ее отраслей. Более того, некоторые из принимаемых государством мер полностью совпадают с тем, о чем в своих исследованиях писали отечественные экономисты [11; 12], — снижение налогообложения для производств, что значительно повысит их рентабельность.

Принятые меры также направлены и на инвестиции в человеческий капитал — повышение количества квалифицированных кадров на рынке труда, что положительно скажется не только на ИТ-отрасли, но и в целом на экономике страны.

Несмотря на то, что многие зарубежные производители покинули российский рынок, вполне возможен исход, когда увеличение спроса на отечественную электронику и инструменты для производства товаров и услуг (станки, различные аппараты и техника) приведет к росту качественного предложения, которое будет сформировано за счет увеличения квалифицированных кадров и задействования полного потенциала производственных мощностей, что можно назвать полноценной национальной научно-технической революцией.

Не так много времени прошло после «пандемического шока» в экономике страны и ее регионов, и сейчас Россия сталкивается еще с одним «шокирующим» периодом, который, согласно циклической модели развития экономики, может стать началом нового цикла и послужит достаточным стимулом для развития региональной и национальной экономики. Именно такие «шоковые» ситуации помогают раскрыть потенциал регионов, который невозможно проявить в период стагнации.

Список источников

1. Аганбегян А. Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2019. № 1 (172). С. 3–15.
2. Аганбегян А. Г. Как возобновить социально-экономический рост в России? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222, № 2. С. 164–182. DOI: 10.38197/20722060-2020-222-2-164-182.

3. Азанов Г. Г. Уральская республика: игра амбиций или необходимость. Екатеринбург : Уральский кадровый центр, 1994. 68 с.
4. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста. Кн. 1 ; пер. с англ. М. : Дело, 2018. 928 с
5. Бархатов В. И., Бенц Д. С. Промышленные рынки Уральского региона: экономический рост в условиях «новой нормальности» // Управленец. 2019. Т. 10, № 3. С. 83–93. DOI: 10.29141/22185003-2019-10-3-8.
6. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65–83. DOI: 10.22394/1996-05222019-5-65-83.
7. Бенц Д. С. Моделирование факторов экономического роста регионов Урала и РФ // Journal of New Economy, 2020. Т. 21, № 3. С. 112–131. DOI: 10.29141/26585081-2020-21-3-6.
8. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. М. : Финансы, 2003. 496 с.
9. Бодрунов С. Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. 2019. Т. 10, № 5. С. 2–8. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-1.
10. Варга Е. С. Мировые экономические кризисы 1848–1935 гг. Т. 1. М. : ОГИЗ, 1937. 807 с.
11. Глазьев С. Ю. Потенциальные возможности роста российской экономики и денежно-кредитная политика Банка России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 5. С. 30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2.
12. Глазьев С. Ю. О приведении макроэкономической политики в соответствие с целями развития страны, поставленными президентом России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 221, № 1. С. 69–78.
13. Ивантер В. В. Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. 2019. № 7. С. 5–11
14. Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-5-25.
15. Кудрин А. Л., Кнобель А. Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста // Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-10-5-26
16. Лаврикова Ю. Г., Акбердина В. В., Суворова А. В. Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития индустриальных регионов // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 4. С. 1022–1035. DOI: 10.17059/2019-4-5
17. Лескюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. СПб. : Общественная польза, 1908. 559 с.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 24. М. : Госполитиздат, 1961. 627 с.
19. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. 2017. Т. 12, № 3. С. 714–725. DOI: 10.17059/2016-3-9.
20. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 3. С. 684–696. DOI: 10.17059/2017-3-4.
21. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона // Управленец. 2017. № 2 (66). С. 2–11.
22. Туган-Барановский М. И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М. : РОССПЭН, 1997. 576 с.
23. Фролова Т. А. Экономическая теория: конспект лекций. Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2009. 42 с.
24. Хансен Э. Г. Экономические циклы и национальный доход: пер. с англ. М. : Иностранная литература, 1959. 644 с.
25. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. 864 с.
26. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М. : Наука, 1999. 448 с.
27. Яковец Ю. В. Школа русского циклизма: единая теория циклов, кризисов и инноваций // Проблемы теории и практики управления. 2016.— № 6. С. 36–40.
28. Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М. : Госполитиздат, 1955. 404 с.
29. Burns A. F., Mitchell W. C. Measuring Business Cycles. New York : National Bureau of Economic Research, 1946. 41 p
30. Domar E. D. Expansion and employment // The American Economic Review. 1947. Vol. 37. № 1. P. 34–55.

31. Haberler G. Prosperity and depression: A theoretical analysis of cyclical movements. Geneva: League of Nations, 1937. 524 p.
32. Harrod R. Mr. Keynes and traditional theory // *Econometrica*. 1937. № 5. P. 74–86.
33. Juglar, C. Des crises commerciales et de leur retour périodique (1862). Lyon : ENS Éditions, 2014. URL: <http://books.openedition.org/enseditions/1382>.
34. Lucas R. E. Jr. On the mechanics of economic development // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. P. 3–42.
35. Nekipelov A. D., Ivanter V. V., Glazyev S. Yu. Priorities of long-term socio-economic development // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2013. Vol. 6 (30). P. 14–25.
36. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth. // *The Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. № 5. P. 1002–1037.
37. Tatarkin A., Andreyeva Y., Ratner A. Imperatives of current economic development: world trends and Russian reality // *Social Sciences*. 2017. Vol. 45, № 4. P. 3–12.

References

1. Aganbegyan AG. On urgent measures to resume socio-economic growth. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2019;(1(172);3–15. (In Russ.).
2. Aganbegyan AG. How to resume socio-economic growth in Russia? *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020; 222(2):164–182. DOI: 10.38197/20722060-2020-222-2-164-182. (In Russ.).
3. Azanov GG. Ural Republic: the game of ambition or necessity. Yekaterinburg, Ural Personnel Center; 1994. 68 p. (In Russ.)
4. Asemoglu D. Introduction to the theory of modern economic growth. Book 1. Moscow, Delo; 2018. 928 p. (In Russ.)
5. Barkhatov VI, Benz DS. Industrial markets of the Ural region: economic growth in the conditions of “new normality”. *Upravlenec = Manager*. 2019;10 (3):83–93. DOI: 10.29141/22185003-2019-10-3-8. (In Russ.).
6. Barkhatov VI, Pletnev DA, Kapkaev Yu Sh. Centers and periphery of the Urals and the Volga region in the conditions of “new normality”. *Socium i vlast' = Society and Power*. 2019; (5(79):65–83. DOI: 10.22394/1996-05222019-5-65-83. (In Russ.).
7. Benz DS. Modeling factors of economic growth in the Urals and the Russian Federation. *Journal of New Economy*. 2020;21(3):112–131. DOI: 10.29141/26585081-2020-21-3-6. (In Russ.).
8. Bogdanov AA. Tectology: general organizational science. Moscow, Finance; 2003. 496 p. (In Russ.).
9. Bodrunov SD. Reindustrialization in the conditions of a new technological revolution: the road to the future. *Upravlenec = Manager*. 2019;10(5):2–8. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-1. (In Russ.).
10. Varga ES. World economic crises of 1848–1935. Vol. 1. Moscow, OGIZ; 1937. 807 p. (In Russ.).
11. Glazyev SYu. Potential growth opportunities of the Russian economy and monetary policy of the Bank of Russia. *Ekonomicheskie isocial'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: Facts, trends, forecast*. 2018;11(5):30–48. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.2. (In Russ.).
12. Glazyev SYu. On bringing macroeconomic policy in line with the country's development goals set by the President of Russia. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;221(1):69–78. (In Russ.).
13. Ivanter VV. Possibilities of accelerating the pace of economic growth in Russia. *Obshchestvo i ekonomika = Society and Economics*. 2019;(7):5–11. (In Russ.).
14. Idrisov GI, Knyaginina VN, Kudrin AL, Rozhkova ES. New Technological Revolution: Challenges and opportunities for Russia. *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 2018;(4):5–25. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-4-5-25. (In Russ.).
15. Kudrin AL, Knobel AYu. Budget policy as a source of economic growth. *Voprosy ekonomiki = Voprosy ekonomiki*. 2017;(10):5–26. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-10-5-26. (In Russ.).
16. Lavrikova YuG, Akberdina VV, Suvorova AV. Coordination of priorities of scientific and technological and spatial development of industrial regions. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2019;15(4):1022–1035. DOI: 10.17059/2019-4-5 (In Russ.).
17. Lescure J. General and periodic industrial crises. St. Petersburg, Public benefit; 1908. 559 p. (In Russ.).

18. Marx K, Engels F. Collected works. Vol. 24. Moscow, Gospolitizdat; 1961. 627 p. (In Russ.).
19. Silin YaP, Animitsa EG, Novikova NV. "New normality" in the Russian economy: regional specifics. *Ekonomika regiona = Economics of the Region*. 2017;12(3):714–725. DOI: 10.17059/2016-3-9. (In Russ.)
20. Silin YaP, Animitsa EG, Novikova NV. Regional aspects of new industrialization. *Ekonomika regiona = Economics of the Region*. 2017;13(3):684–696. DOI: 10.17059/2017-3-4. (In Russ.).
21. Silin YaP, Animitsa EG, Novikova NV. Trends in the development of the economic space of the Ural macroregion. *Upravlenec = Manager*. 2017;(2(66):2–11. (In Russ.).
22. Tugan-Baranovsky MI. Favorites. Periodic industrial crises. The history of English crises. General theory of crises. Moscow, ROSSPAN; 1997. 576 p. (In Russ.).
23. Frolova TA. Economic theory: lecture notes. Taganrog, TTI SFU; 2009. 42 p. (In Russ.).
24. Hansen EG. Economic cycles and national income: translated from English. Moscow, Foreign literature; 1959. 644 p. (In Russ.).
25. Schumpeter JA. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow, Eksmo; 2007. 864 p. (In Russ.).
26. Yakovets YuV. Cycles. Crises. Forecasts. Moscow, Nauka; 1999. 448 p. (In Russ.).
27. Yakovets YuV. School of Russian cyclism: a unified theory of cycles, crises and innovations. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of theory and practice of management*, 2016;(6):36–40. (In Russ.).
28. Yakovlev AF. Economic crises in Russia. Moscow, Gospolitizdat; 1955. 404 p. (In Russ.).
29. Burns AF., Mitchell WC. Measuring Business Cycles. New. York, National Bureau of Economic Research; 1946. 41 p.
30. Domar ED. Expansion and employment. *The American Economic Review*. 1947;37(1):34–55.
31. Haberler G. Prosperity and depression: A theoretical analysis of cyclical movements. Geneva, League of Nations; 1937. 524 p.
32. Harrod R. Mr. Keynes and traditional theory. *Econometrica*. 1937;(5): 74–86.
33. Juglar C. Des crises commerciales et de leur retour périodique (1862). Lyon, ENS Éditions; 2014. Available from: <http://books.openedition.org/enseditions/1382>
34. Lucas RE. Jr. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*. 1988;22:3–42.
35. Nekipelov AD, Ivanter VV, Glazyev SYu. Priorities of long-term socio-economic development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2013;6(30):14–25.
36. Romer PM. Increasing returns and long-run growth. *The Journal of Political Economy*. 1986;94(5):1002–1037.
37. Tatarkin A, Andreyeva Y, Ratner A. Imperatives of current economic development: world trends and Russian reality. *Social Sciences*. 2017;45(4):3–12.

Информация об авторе

М. А. Панов — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и статистики.

Information about the author

M. A. Panov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information Technology and Statistics.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 16.03.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.5

doi: 10.47475/1994–2796–2022–10611

РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К НОРМИРОВАНИЮ И ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАТРАТ НА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ГИДРОМЕЛИОРАТИВНЫХ СИСТЕМ

Геннадий Владимирович Ольгаренко¹, Валентин Николаевич Краснощеков²,
Денис Геннадьевич Ольгаренко³, Олеся Юрьевна Гришаева⁴✉

^{1,2,3,4} Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», Коломна, Россия

¹ olgarenko@mail.ru, ORCID 0000-0003-1225-3147

² krasnoshekov@mail.ru, ORCID 0000-0003-2265-370X

³ dolgar2003@gmail.com, ORCID 0000-0002-3245-8089

⁴ zelen_go@mail.ru, ORCID 0000-0002-7116-7954

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что эффективность работы гидромелиоративных систем зависит от организации системы ремонтно-эксплуатационных работ, направленных на обеспечение их надежности и эколого-экономической эффективности. Нормативные показатели затрат на эксплуатацию систем необходимы для оценки эффективности использования бюджетных средств, выделяемых на обслуживание мелиоративных объектов федеральной собственности РФ. Новизна исследования заключается в актуализации и разработке новой научно-методической и нормативно-технической базы расчетов и планирования стоимости работ. Предложены методические подходы к нормированию затрат на ремонтно-эксплуатационные работы и критерий оценки эколого-экономической эффективности затрат. Применение нормативов обеспечит надлежащие условия эксплуатации, необходимые для достижения максимально возможного срока службы гидромелиоративных систем без реконструкции и комплексного капитального ремонта, увеличит сроки межремонтных периодов, сделает возможным переход к нормативному обслуживанию мелиоративных систем в АПК РФ, будет способствовать решению вопросов обеспечения продовольственной и экологической безопасности субъектов РФ.

Ключевые слова: гидромелиорация, ремонтно-эксплуатационные работы, экологическое состояние мелиорируемых земель, зоны и системы орошения и осушения, нормативы эксплуатационных расходов

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Минсельхоза России в рамках государственного контракта с ФГБНУ ВНИИ «Радуга» на 2021 г.

Для цитирования: Ольгаренко Г. В., Краснощеков В. Н., Ольгаренко Д. Г., Гришаева О. Ю. Развитие методических подходов к нормированию и оценке эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 106–116. doi: 10.47475/1994–2796–2022–10611

Original article

DEVELOPMENT OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO RATIONING AND EVALUATION OF THE COST EFFECTIVENESS OF THE OPERATION OF HYDRAULIC RECLAMATION SYSTEMS

Gennady V. Olgarenko¹, Valentin N. Krasnoshekov², Denis G. Olgarenko³,
Olesya Yu. Grishaeva⁴✉

^{1,2,3,4} All-Russian Research Institute of Irrigation and Agricultural Water Supply Systems „Raduga“, Kolomna, Russia

¹ olgarenko@mail.ru, ORCID 0000-0003-1225-3147

² krasnoshekov@mail.ru, ORCID 0000-0003-2265-370X

³ dolgar2003@gmail.com, ORCID 0000-0002-3245-8089

⁴ zelen_go@mail.ru, ORCID 0000-0002-7116-7954

© Ольгаренко Г. В., Краснощеков В. Н., Ольгаренко Д. Г., Гришаева О. Ю., 2022

Abstract. The relevance of the study is due to the fact that the efficiency of hydro-reclamation systems depends on the organization of a system of repair and maintenance works aimed at ensuring their reliability and ecological and economic efficiency. Normative indicators of the cost of operating systems are necessary to assess the effectiveness of the use of budgetary funds allocated for the maintenance of reclamation facilities of federal property of the Russian Federation. The novelty of the research lies in the actualization and development of a new scientific, methodological, regulatory and technical basis for calculations and planning the cost of work. Methodological approaches to rationing the costs of repair and maintenance work and a criterion for assessing the environmental and economic efficiency of costs are proposed. The application of standards will ensure the proper operating conditions necessary to achieve the maximum possible service life of hydraulic reclamation systems without reconstruction and comprehensive overhaul, will increase the time between repair periods, will make it possible to switch to regulatory maintenance of reclamation systems in the agro-industrial complex of the Russian Federation, will contribute to solving issues of ensuring food and environmental safety of the subjects of the Russian Federation.

Keywords: hydro-reclamation, repair and maintenance works, ecological condition of reclaimed lands, irrigation and drainage zones and systems, operating cost standards

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Ministry of Agriculture of Russia under the State Contract with the Federal State Budgetary Research Institute "Raduga" for 2021.

For citation: Olgarenko GV, Krasnoshchekov VN, Olgarenko DG, Grishaeva OYu. Development of methodological approaches to Rationing and evaluation of the cost effectiveness of the operation of hydraulic reclamation Systems. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):106-116. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10611

Введение

Исследования [1; 18] показали, что интенсивная хозяйственная деятельность человека привела к снижению природно-ресурсного потенциала территорий и качественным изменениям в окружающей человека природной среде (нарушена пространственная и функциональная структура природных систем, снижено биологическое разнообразие растительного и животного мира, ухудшилось качество водных и земельных ресурсов, снижены эколого-экономическая устойчивость техно-природных систем и качество жизни человека и др.).

Мелиоративные мероприятия как сильный природообразующий фактор могут приводить как к положительным (воспроизводство плодородия почв, увеличение урожая сельскохозяйственных культур, и т. д.), так и к отрицательным экологическим и социальным (водная и ветровая эрозия, засоление и осолонцевание, сработка запасов гумуса, снижение природного и экономического плодородия почв, дефицит элементов минерального питания, техногенное загрязнение почв, подтопление территорий, переуплотнение почв и т. д.) последствиям при неправильном регулировании мелиоративных режимов мелиорируемых земель. Все это указывает на необходимость предотвращения ущерба природно-хозяйственным системам от мелиорации, что требует учета экологических факторов при оценке эффективности бюджетных ресурсов на эксплуатацию мелиоративных систем федеральной собственности.

Реализация стратегии улучшения состояния всех компонентов природной среды, воспроизводства возобновляемых природных ресурсов и устойчивого развития мелиоративного комплекса России невозможно без решения вопросов повышения технического уровня мелиоративных систем и разработки нормативно-методической базы, применение которой позволит объективно оценить эффективность использования бюджетных ресурсов, выделяемых на эксплуатацию мелиоративных систем федеральной собственности. В связи с этим научный и практический интерес представляет решение следующих задач:

- 1) разработка методических подходов к формированию нормативных затрат на работы по подготовке гидромелиоративных систем к эксплуатации;
- 2) разработка методики оценки эколого-экономической эффективности использования бюджетных ресурсов на эксплуатацию гидромелиоративных систем с учетом экологических и социально-экономических факторов.

При решении данных вопросов авторы исходили из того, что главная цель мелиорации земель сельскохозяйственного назначения заключается в обеспечение эффективного государственного управления их состоянием за счет регулирования природных и хозяйственных процессов.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования были использованы: системный подход, методы теоретического и практического анализа, разработки и систематизация информационно-аналитических материалов,

логический и ситуационный анализ, методы статистического анализа, методы обработки и обобщения результатов.

Для достижения поставленных целей в исследовании была проанализирована деятельность мелиоративных организаций по проведению экс-

плуатационных работ и ремонта мелиоративных объектов на территории России, в связи с чем было изучено 4060 ед. отчетных данных эксплуатирующих организаций мелиорации и 2402 мелиоративных объекта федеральной собственности РФ (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Количество проанализированных материалов и мелиоративных объектов в ходе исследования
The number of analyzed materials and reclamation facilities during the study

№ п/п	Вид рассмотренных данных	Количество документов и объектов, ед.
1	Акт обследования технического состояния мелиоративного объекта	1043
2	Дефектная ведомость на ремонтно-эксплуатационные работы	1458
3	Локальный сметный расчет на ремонтно-эксплуатационные работы	1238
4	Технический паспорт мелиоративной системы	321
5	Всего рассмотрено отчетных данных	4060
6	Всего проанализировано мелиоративных объектов	2402

Источник: составлено авторами по данным ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» [13].

В процессе исследования также были рассмотрены научные взгляды на вопрос оценки эффективности использования бюджетных ресурсов.

В рамках исследования авторами были разработаны методики расчета нормативных затрат на ремонтно-эксплуатационные работы для разных классов технического состояния мелиоративных систем государственной собственности; предложен инструмент оценки эффективности государственных субсидий на содержание и подготовку к эксплуатации гидротехнических сооружений и систем в мелиоративной отрасли АПК РФ.

Результаты исследования и их обсуждение.
Нормирование затрат на ремонтно-эксплуатационные работы на государственных мелиоративных системах РФ

Анализ нормативно-методических документов в области мелиорации земель и сельскохозяйственного водоснабжения показал, что основная их часть была разработана в период 1970–1990 гг. После 1990 г. нормативно-методическая база практически не перерабатывалась, несмотря на выход в свет различных правовых и нормативных актов и научных достижений. Повысилась значимость разработки методического подхода к определению нормативных затрат на эксплуатацию мелиоративных систем.

Анализ технических процессов мелиоративной деятельности выявил, что основой формирования стоимости ремонтно-эксплуатационных работ на федеральных мелиоративных системах является планируемый на объектах мелиорации

объем работ и процедуры технических процессов их выполнения. Мелиоративные системы подлежат периодическому техническому обследованию, результаты которых оформляются актами осмотра технического состояния и ведомостями дефектов сооружения. В ходе исследования было изучено 1043 ед. актов обследования технического состояния мелиоративных объектов и 1458 ед. дефектных ведомостей на ремонтно-эксплуатационные работы на мелиоративных объектах.

В результате исследования авторами были разработаны следующие подходы к определению нормативных затрат на ремонтно-эксплуатационные работы на мелиоративных объектах с учетом класса их технического состояния.

1. Базисно-индексный подход, в основу которого положен расчет нормативных затрат на основе индексации стоимости работ, проведенных в прошлые временные периоды. Базисно-индексный подход целесообразно применять для мелиоративных систем, техническое состояние которых характеризуется 1-м классом, так как эта группа мелиоративных объектов ближе к нормативному состоянию по своим технико-эксплуатационным параметрам.

Базисно-индексный подход включает следующие этапы.

- 1) оценка технического состояния гидромелиоративных систем;
- 2) оценка потребности гидромелиоративных систем в ремонтно-эксплуатационных работах;

3) индексация стоимости ремонтно-эксплуатационных работ прошлого периода с применением индексов из писем Минстроя России «О рекомендуемой величине индексов изменения сметной стоимости строительства», которые определяются на рас-

$$ЗЭр^{мс} = (ЗСШб^{мс} + ЗССб^{мс} + ЗТОб^{мс} + ЗТРб^{мс}) \times ИИС, \quad (1)$$

где: $ЗЭр^{мс}$ — затраты на эксплуатацию и ремонт мелиоративных систем организации на расчетный период.

$ЗСШб^{мс}$ — затраты базового периода на содержание штата управлений и участков;

$ЗССб^{мс}$ — затраты базового периода на содержание и уход мелиоративных систем;

$ЗТОб^{мс}$ — затраты базового периода на техническое обслуживание мелиоративных систем;

$ЗТРб^{мс}$ — затраты базового периода на текущий ремонт мелиоративных систем;

$ИИС$ — индекс изменения стоимости работ базового и расчетного периодов.

4) формирование удельных нормативных затрат на 1 тыс. га площади обслуживаемых земель и на 1 руб. стоимости основных мелиоративных фондов организаций мелиорации.

При нормировании затрат на ремонтно-эксплуатационные работы на основе системы индексации в общей стоимости работ должны быть учтены:

а) стоимость материальных ресурсов, включая сырье, готовые материалы, полуфабрикаты, горюче-смазочные материалы, энергию всех видов, производственные услуги;

б) расходы на оплату труда, включая отчисления на заработную плату штата работающих управлений и их участков;

в) расходы на содержание мелиоративных объектов;

г) расходы на ликвидацию стихийных бедствий, на защитные, регулировочные и противошумовые работы;

д) расходы на проектные, научные и пуско-наладочные работы;

е) накладные расходы организаций мелиорации.

2. Подход, в основу которого положен механизм определения нормативных затрат на основе анализа изменения технического состояния мелиоративных систем и фактически осуществленных затрат на их ремонт и эксплуатацию за предыдущие периоды работы, применимый к мелиоративным объектам 2 и 3 класса.

Второй подход включает следующие этапы.

1) определение за предыдущий временной период (5–10 лет) фактических объемов и стоимости ремонтно-эксплуатационных работ по

четный временной период и дифференцированы по регионам и субъектам РФ. Индексы Минстроя формируются в соответствии с Методикой расчета¹.

Нормативные затраты на эксплуатацию и ремонт мелиоративных систем на расчетный период:

подготовке мелиоративных систем к сезону эксплуатации;

2) анализ фактических объемов и затрат на работы позволяет определить коэффициенты удельных объемов и удельных затрат на проведение ремонтно-эксплуатационных работ с учетом их структуры.

Удельные объемы работ по мелиоративным объектам рассчитываются следующим образом:

$$УО_{РЭРфакт} = О_{РЭРфакт} / S_{МЗфакт}, \quad (2)$$

где: $УО_{РЭРфакт}$ — удельный объем фактических ремонтно-эксплуатационных работ;

$О_{РЭРфакт}$ — фактический объем ремонтно-эксплуатационных работ;

$S_{МЗфакт}$ — площади земель, на которых фактически проведена мелиорация, тыс. га.

Удельные затраты РЭР по мелиоративным объектам на единицу объемов РЭР:

$$УЗ_{РЭРфакт} = З_{РЭРфакт} / О_{РЭРфакт}, \quad (3)$$

где: $УЗ_{РЭРфакт}$ — удельные затраты фактических ремонтно-эксплуатационных работ, тыс. руб.

$З_{РЭРфакт}$ — фактические затраты на ремонтно-эксплуатационные работы, тыс. руб.

$О_{РЭРфакт}$ — фактический объем ремонтно-эксплуатационных работ.

Единицы измерения объемов ремонтно-эксплуатационных работ зависят от их вида: земляные работы и работы по очистке каналов — тыс. куб. м; ремонт трубопроводов — км; ремонт насосных станций и гидротехнических сооружений — ед. и т. п.;

3) анализ изменения технико-эксплуатационного состояния мелиоративной системы и удельного объема ремонтно-эксплуатационных работ к началу расчетного периода с учетом прогноза на расчетный срок и определение коэффициента учета изменения технико-эксплуатационных параметров мелиоративной

¹ Об утверждении Методики расчета индексов изменения сметной стоимости строительства: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 5.07.2019 № 326/пр // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/560537611> (дата обращения 03.03.2022).

системы, что отражает объем и сложность ремонтно-эксплуатационных работ — $K_{тэс}$;

4) определение нормативных объемов ремонтно-эксплуатационных работ и нормативных затрат на них на расчетный период по следующим формулам:

$$НОРЭР_{план} = УОРЭР_{факт} \times K_{тэс} \times S_{МЗ_{план}}, \quad (4)$$

где: $НОРЭР_{план}$ — нормативный объем планируемых ремонтно-эксплуатационных работ;

$УОРЭР_{факт}$ — удельный объем фактических ремонтно-эксплуатационных работ;

$K_{тэс}$ — коэффициент учета изменения технико-эксплуатационных параметров мелиоративной системы;

$S_{МЗ_{факт}}$ — площади земель, на которых планируется проведение мелиоративных мероприятий.

$$НЗРЭР_{план} = УЗРЭР_{факт} \times НОРЭР_{план}, \quad (5)$$

где: $НЗРЭР_{план}$ — нормативный объем планируемых ремонтно-эксплуатационных работ.

$УЗРЭР_{факт}$ — удельные затраты фактических ремонтно-эксплуатационных работ.

$НОРЭР_{план}$ — нормативный объем планируемых ремонтно-эксплуатационных работ;

5) формирование сводной таблицы с планируемыми объемами и затратами на ремонтно-эксплуатационные работы на расчетный период.

Для мелиоративных систем 4-го класса технического состояния предполагается проведение реконструкции, технического перевооружения или замены на новые мелиоративные объекты, и ремонтно-эксплуатационные работы не планируются.

Анализ объемов и стоимости ремонтно-эксплуатационных работ по подготовке гидромелиоративных систем к сезону эксплуатации в зонах орошения и осушения РФ

В ходе статистической обработки отчетных материалов мелиоративных организаций за 2015–2019 гг. и проведения расчетов были определены объемы ремонтно-эксплуатационных работ по их видам и рассчитаны удельные стоимости проведения земляных работ, работ по очистке мелиоративных каналов и ремонтам трубопроводов, работ по ремонтам насосных станций и ремонтам гидротехнических сооружений для обеспечения нормативной деятельности государственных мелиоративных объектов (табл. 2).

Таблица 2

Table 2

Объемы и удельная стоимость ремонтно-эксплуатационных работ на системах орошения и осушения ФГБУ «Управление «Мелиоводхоз» за 2015–2019 гг. Volumes and unit cost of repair and maintenance work on irrigation and drainage systems of the Federal State Budgetary Institution “Meliovodkhoz Administration” for 2015–2019

	Виды ремонтно-эксплуатационных работ						
Период	Земляные работы						Удельная стоимость фактических земляных работ, тыс. руб. /тыс. куб. м
	Объем, тыс. куб. м		Итого фактические затраты на земляные работы, тыс. руб				
	План	Факт					
На системах орошения Всего	4040,30		5221,87		339587		65,03
На системах осушения Всего	15638,83		15639,44		1191513,16		76,19
Период	Очистка каналов						
	Объем, тыс. куб.м		Общая протяженность очищенных каналов, км		Затраты, тыс. руб	Удельная стоимость фактических работ по очистке каналов, тыс.руб./км	Кoeffициент сложности фактических работ по очистке каналов, тыс.куб.м./км
	План	Факт	План	Факт			
На системах орошения Всего	3569	4867	7659	8029	446604	91,75	55,62
На системах осушения Всего	15435	15434	31519	31518	1180907	76,51	37,47

	Виды ремонтно-эксплуатационных работ						
Период	Ремонт гидротехнических сооружений						
	Ремонт, ед.		Объем бетонных работ, тыс. куб. м.		Затраты, тыс. руб.	Удельная стоимость работ, тыс. руб. /ед.	
	План	Факт	План	Факт			
На системах орошения	6191	6005	115,93	129,02	281825	46,93	
Всего							
На системах осушения	1012	1021	13,86	13,86	607486	594,99	
Всего							
Период	Ремонт насосных станций						
	Ремонт, ед.		Общая установленная мощность отремонтированных насосных станций, кВт		Затраты, тыс. руб.	Удельная стоимость фактических ремонтных работ	
	План	Факт	План	Факт		Тыс. руб. / ед	Тыс. руб. / кВт
На системах орошения	1023	1023	1509632	1509345	337154	330	0,22
Всего							
На системах осушения	26	41	9418	16486	944754	23043	57,31
Всего							
Период	Ремонт трубопроводов						
	Всего отремонтировано, км				Затраты, тыс. руб.	Удельная стоимость фактических ремонтных работ, тыс. руб. /км	
	план		факт				
Всего	388,87		361,33		43006	119,02	

Источник: рассчитано авторами по данным ФГБУ «Управления «Мелиоводхоз» [13].

Обобщение имеющихся материалов и численные эксперименты, выполненные в ходе исследования, позволили разработать нормативы затрат на ремонтно-эксплуатационные работы по мелиоративным объектам и обосновать удельные значения нормативов затрат на 1 га площади мелиорируемых земель по субъектам РФ, а также в до-

лях от стоимости основных мелиоративных фондов эксплуатирующих организаций мелиорации.

На рисунках 1 и 2 представлены соотношения уровней полученных нормативных затрат на ремонтно-эксплуатационные работы по мелиоративным системам орошения и осушения в зависимости от класса их технического состояния.

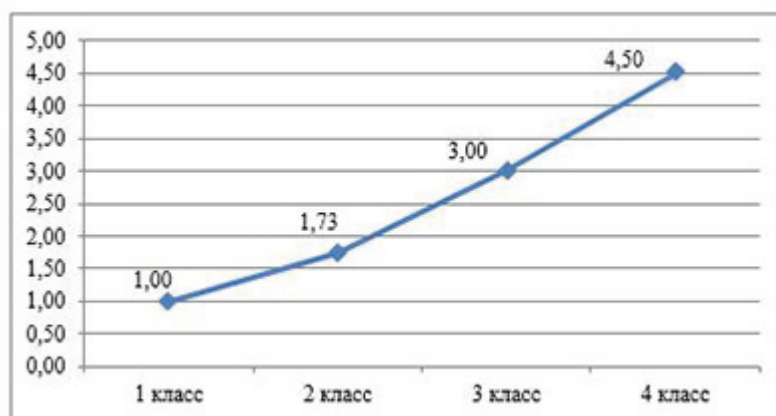

Рис. 1. Уровень нормативных затрат на ремонтно-эксплуатационные работы по мелиоративным системам орошения в зависимости от класса их технического состояния, в долях от стоимости основных мелиоративных фондов (составлено авторами [13])
Fig. 1. The level of standard costs for repair and maintenance work on reclamation irrigation systems, depending on the class of their technical condition, in shares of the cost of the main reclamation funds (compiled by the authors [13])

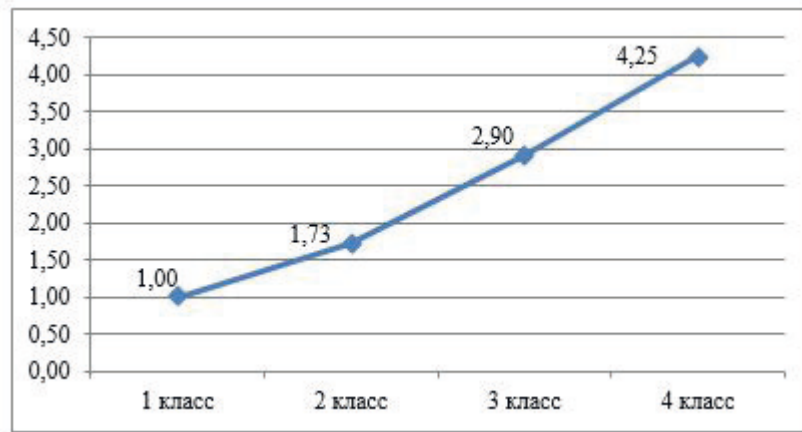

Рис. 2. Уровень нормативных затрат на ремонтно-эксплуатационные работы по мелиоративным системам осушения в зависимости от класса их технического состояния, в долях от стоимости основных мелиоративных фондов (составлено авторами [13])
 Fig. 2. The level of standard costs for repair and maintenance work on reclamation drainage systems, depending on the class of their technical condition, in shares of the cost of the main reclamation funds (compiled by the authors [13])

Данные показывают, что рост коэффициентов уровней затрат на мелиоративные объекты пропорционален накоплению ими величины износа, и, как следствие, увеличению объемов и сложности ремонтно-эксплуатационных работ, что отражается ростом уровня класса их технико-эксплуатационного состояния.

Анализ методических подходов к оценке эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем

Вопросами оценки эффективности затрат бюджета занимались: М. П. Афанасьев [2], Н. Н. Беланова [3], А. В. Бусарова [4], Е. Ю. Валова [5], М. А. Гусев [6], К. Л. Зверев [7], Д. А. Камилов [8], А. В. Комарова [9], Т. И. Либерман [10], В. Л. Никифоров, О. И. Алюков, О. Г. Горшков [11], М. П. Придачук [12], А. Г. Терехов, Р. М. Тихонов, В. В. Серебрянников [14], В. Б. Христенко [15], Е. Ф. Целищева [16], М. Скривен [19], Бюро управления и бюджета США как разработчики метода PART (Program assessment rating tool), широко апробированного в разных странах мира, включая РФ [17].

В результате анализа выявлено отсутствие единого подхода к оценке эффективности использования бюджетных средств на обслуживание и техническое содержание мелиоративных систем, что является ключевой проблемой и не позволяет объективно оценить эффективность затрат, выявить причины ее изменений и разработать комплекс мероприятий, направленных на обеспечение устойчивого функционирования мелиоративного комплекса РФ.

Результаты исследования показали, что существующие подходы к оценке экономической

эффективности использования бюджетных средств на содержание и эксплуатацию гидромелиоративных объектов федеральной собственности учитывают в основном только экономические и социальные факторы и при этом не уделяют должного внимания учету экологических факторов. Они существенным образом искажают реальную картину получения значимых для государства и общества в целом эффектов от осуществления бюджетных расходов, не позволяют принимать обоснованные решения о дальнейших направлениях оптимизации бюджетных расходов и повышения отдачи от них в виде социально значимых эффектов для общества, не отвечают требованиям современной концепции природопользования, основной целью которой является комплексное решение экологических и социально-экономических вопросов, и требуют дальнейшего развития.

Критерий оценки эколого-экономической эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем

Авторами предлагается использовать в качестве основного критерия оценки эколого-экономической эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем показатель, характеризующий отношение прироста величины мультипликативного эффекта от мелиорации земель в сельском хозяйстве, сформированного за счет деятельности мелиоративных организаций, к объему государственных субсидий на содержание и эксплуатацию гидромелиоративной системы федеральной собственности. Формула расчета основного критерия оценки эколого-

экономической эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем:

$$РФГБУ = \Delta ЭФГБУ / VФГБУ, \quad (6)$$

где: РФГБУ — показатель оценки эколого-экономической эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, включая меры по предотвращению чрезвычайных ситуаций, руб./руб.

$\Delta ЭФГБУ$ — прирост величины мультипликативного эффекта от мелиорации сельскохозяйственных земель, сформированного за счет деятельности ФГБУ, руб.

$VФГБУ$ — объем государственных субсидий на содержание и эксплуатацию гидромелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, руб.

$\Delta ЭФГБУ$ формируется за счет:

- прироста доли налоговых поступлений в бюджеты всех уровней от сельхозтоваропроизводителей, производящих продукцию на мелиорируемых землях, отнесенная на результаты деятельности ФГБУ, руб.

- налоговых поступлений в бюджеты всех уровней от ФГБУ, руб.

- прироста доли прибыли, полученной за счет мелиорации земель и отнесенной на результаты деятельности ФГБУ, руб.

- доли предотвращенного экологического ущерба от улучшения использования мелиорированных земель и повышения качества жизни населения за счет мелиорации, руб.

- мультипликативных эффектов в смежных сферах агропромышленного комплекса и сопряженных сферах экономики за счет повышения продуктивности земель сельскохозяйственного назначения, руб.

Заключение

Развитие негативных процессов в состоянии земельного фонда вызвано многими причинами, основными среди которых являются: нарушение закономерностей взаимодействия в системе «человек — природа» как единого объекта управления; отсутствие ретроспективного анализа причин ухудшения состояния компонентов природной среды; несовершенство правовой базы и нормативно-методической документации в области охраны окружающей среды и природопользования; слабое экологическое воспитание и образование и др. Наряду с этими причинами существенную роль в развитии эколого-экономических проблем в сельском хозяйстве (низкий уро-

вень рентабельности производства сельскохозяйственной продукции на мелиорируемых землях, неудовлетворительная система земледелия, низкое техническое состояние мелиоративных систем, высокая водоемкость сельскохозяйственной продукции, изменение биологического и геологического круговоротов в мелиорируемых агроландшафтах и др.) играет отсутствие механизма оценки экономической эффективности затрат на эксплуатацию мелиоративных систем и объектов федеральной собственности РФ.

В основе создания новой нормативно-методической документации, в соответствии с современным законодательством Российской Федерации, должны содержаться эксплуатационные характеристики объектов регулирования, обеспечивающие сохранение окружающей природной среды. Применительно к мелиорации земель объектами технического регулирования являются мелиоративные системы, предназначенные для предотвращения деградационных процессов, повышения продуктивности земель, плодородия почв, биологического разнообразия и экологической устойчивости агроландшафтов. Достижение этих целей невозможно без дальнейшего развития существующих подходов к нормированию и оценке эколого-экономической эффективности использования бюджетных ресурсов на эксплуатацию мелиоративных систем.

Внедрение в практику хозяйствования нового подхода к оценке эколого-экономической эффективности затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, включая меры по предотвращению чрезвычайных ситуаций, позволит федеральным государственным учреждениям по мелиорации земель и сельскохозяйственному водоснабжению Департамента мелиорации, земельной политики и госсобственности Минсельхоза России повысить эффективность использования бюджетных средств, выделяемых Минсельхозом России, будет способствовать решению вопросов обеспечения продовольственной и экологической безопасности РФ, а именно: повышению экономической эффективности сельскохозяйственного производства, предотвращению деградационных почвенных процессов, увеличению экономического плодородия почв, снижению антропогенной нагрузки на окружающую среду, увеличению биоразнообразия и улучшению экологического состояния мелиорируемого агроландшафта.

Результаты исследования предназначены для применения органами государственной власти

и муниципального управления, органами управления агропромышленным комплексом, государственными эксплуатирующими организациями

и научными учреждениями в области мелиорации, сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Список источников

1. Айдаров И. П. Проблемы природопользования и природообустройства в России и пути их решения : монография. М. : МГУП, 2010. 94 с.
2. Афанасьев М. П. и др. Программный бюджет : учебное пособие. М. : Магистр, 2012. 381 с.
3. Беланова Н. Н. Оценка эффективности государственных программ: ключевые индикаторы и показатели // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 487–502.
4. Бусарова А. В. Некоторые элементы бюджетного процесса, необходимые для внедрения методов бюджетирования, ориентированного на результат // Центр исследования бюджетных отношений. URL: <http://www.rb-centre.ru/> (дата обращения: 15.03.2022).
5. Валова Е. Ю. Определение эффективности расходов бюджета: проблемы и пути решения // Альманах современной науки и образования. 2010. № 7 (38). С. 156–159.
6. Гусев М. А. Сравнение методик оценки эффективности государственных программ в субъектах Российской Федерации // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации : сб. трудов Международной конференции. Крым, 2016. С. 355–360.
7. Зверев К. Л. Совершенствование процесса управления государственными программами субъектов Российской Федерации (муниципальными программами) путем разработки единой методики оценки эффективности их реализации // Вестник современных исследований. 2018. № 5.4 (220). С. 152–154.
8. Камилов Д. А. Оценка эффективности бюджетных социальных расходов // Теория и история экономики, государства и права. 2011. № 4. С. 25–27.
9. Комарова А. В. Использование опыта Южной Кореи для совершенствования методик оценки эффективности реализации государственных целевых программ // Перспективы науки. 2014. № 10 (61). С. 114–117.
10. Либерман Т. И. Теоретические подходы к обоснованию эффективной системы бюджетных расходов // Финансовые исследования. 2016. № 4. С. 57–59.
11. Никифоров В. Л., Алюков О. И., Горшков О. Г. и др. Муниципальное управление: бюджет, активы, ЖКХ : учебно-методическое пособие. М. : РНЦГМУ, 2002. 205 с.
12. Придачук М. П. Методы экономического анализа затрат на получение бюджетных услуг // Финансы. 2006. № 5. С. 36–39.
13. Разработка методики определения нормативных объемов работ и затрат на эксплуатацию гидромелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений, включая меры по предотвращению чрезвычайных ситуаций : отчет о НИР (заключ.) НИОКТР № АААА-А19-119111990127-8; ИКРБС № 221111500156-1 / Гос. контракт № 184/20-ГК от 16.10.2019 г. (Минсельхоз России) / ФГБНУ ВНИИ «Радуга»; рук. Г. В. Ольгаренко; исполн.: В. Н. Краснощеков, О. Ю. Гришаева и др. Коломна, 2021. 737 с.
14. Терехов А. Г., Тихонов Р. М., Серебрянников В. В. Аудит эффективности проектов, программ, изобретений и открытий. М. : Экономика, 2008. 366 с.
15. Христенко В. Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. М. : Дело, 2002. 608 с.
16. Целищева Е. Ф. Анализ эффективности бюджетных расходов муниципальных учреждений // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 14 (200). С. 40–44.
17. Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance, John B. Gilmour, OECD Journal on Budgeting. 2007. Vol. 7, № 1.
18. Olgarenko G. V., Bulgakov V. I., Kapustina T. A. Sustainable Development of Reclamation in Russia on the Basis of Increasing the Technical Level and Improving the Ecological State of the Reclamation Complex // International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure (ISSDRI 2021) : Proceedings, Yekaterinburg — Russian Federation, March 14–15, 2021. P. 65–72.
19. Scriven M. The logic of evaluation. CA: Edgepress. Ru.scribd.com. URL: <https://ru.scribd.com/document/91344246/Logic-of-Evaluation-Scriven>

References

1. Aydarov IP. Issues of environmental management and engineering in Russia and ways of their solution: monograph. Moscow, MGUP Publ.; 2010. 94 p. (In Russ).
2. Afanas'yev MP. et al. Programme Budget. A study guide. Moscow, Magistr Publ.; 2012. 381 p. (In Russ).
3. Belanova NN. Evaluation of the effectiveness of government programs: key indicators and indicators. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2020;10(3):487–502. (In Russ).
4. Busarova AV. Some elements of budget process needed for implementation of the performance based budgeting guidelines. The Center for the Study of Budgetary Relations. Available at: <http://www.rb-centre.ru/>. (accessed 15.03.2022). (In Russ).
5. Valova YeYu. Determining the effectiveness of budget expenditures: problems and solutions. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*. 2020;7(38):156–159. (In Russ).
6. Gusev MA. Comparison of methods for evaluating the effectiveness of state programs in the subjects of the Russian Federation. In: Mezhdunarodnaya konferenciya “Metodologiya ustojchivogo ekonomicheskogo razvitiya v usloviyah novej industrializacii” = The International Conference “Methodology of sustainable economic development in the conditions of new industrialization”: Proceedings. Crimea; 2016. Pp. 355–360. (In Russ).
7. Zverev KL. Improving the process of managing state programs of the subjects of the Russian Federation (municipal programs) by developing a unified methodology for evaluating the effectiveness of their implementation. *Vestnik sovremennyh issledovanij = Bulletin of Modern Research*. 2018;5.4(220):152–154. (In Russ).
8. Kamilov DA. Assessment of the effectiveness of budgetary social expenditures. *Teoriya i istoriya ekonomiki, gosudarstva i prava = Theory and history of economics, State and Law*. 2011;4):25–27. (In Russ).
9. Komarova AV. Using the experience of South Korea to improve the methods of evaluating the effectiveness of the implementation of state targeted programs. *Perspektivy nauki = Prospects of science*. 2014;10(61):114–117. (In Russ).
10. Liberman TI. The oretical approaches to substantiating an effective system of budget expenditures. *Finansovye issledovaniya = Financial research*. 2016;4):57–59. (In Russ).
11. Nikiforov VL, Alyukov OI, Gorshkov OG et al. Municipal management; budget, assets, housing and communal services: a teaching manual. Moscow, RNTSGMU Publ.; 2002. 205 p. (In Russ).
12. Pridachuk MP. Methods of economic analysis of the costs of obtaining budget services. *Finansy = Finance*. 2006;5):36–39. (In Russ).
13. Ol'garenko GV, Krasnoshchekov VN, Grishayeva OYu et al. Development of the methodology of determining the normative quantities and costs of the hydro reclamation and individual hydraulic structures maintenance, including measures for emergency prevention: a final research report; zaklyuchitel'nyy NIO-KTR [final R&D] No. AAAA-A19-119111990127-8; IKRBS no. 221111500156-1 / Gov. contract No. 184/20-GK dated 16.10.2019 (Ministry of Agriculture of the Russian Federation). FGBNU VNII “Raduga”. Kolomna; 2021. 737 p. (In Russ).
14. Terekhov AG, Tikhonov RM, Serebryannikov VV. Audit of the projects, programs, inventions, and discoveries effectiveness. Moscow, Economy Publ.; 2008. 366 p. (In Russ).
15. Khristenko VB. Inter-budgetary relations and management of regional finances: experience, issues, trends. Moscow, Delo Publ.; 2002. 608 p. (In Russ).
16. Tselishcheva YeF. Analysis of the effectiveness of budget expenditures of municipal institutions *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2014;14 (200):40–44.
17. Gilmour JB. Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance. *OECD Journal on Budgeting*. 2007;7(1).
18. Ol'garenko GV, Bulgakov VI, Kapustina TA. Sustainable Development of Reclamation in Russia on the Basis of Increasing the Technical Level and Improving the Ecological State of the Reclamation Complex. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure (ISSDRI). Yekaterinburg — Russian Federation, March 14–15, 2021. Pp. 65–72.
19. Scriven M. The logic of evaluation. CA: Edgepress. Available from: <https://ru.scribd.com/document/91344246/Logic-of-Evaluation-Scriven> (date of circulation 15.03.2022).

Информация об авторах

Г. В. Ольгаренко — доктор сельскохозяйственных наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник.

В. Н. Краснощеков — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник.

Д. Г. Ольгаренко — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

О. Ю. Гришаева — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the authors

G. V. Olgarenko — Doctor of Agricultural Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Chief Researcher.

V. N. Krasnoshchekov — Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher.

D. G. Olgarenko — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

O. Y. Grishaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 30.03.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10612

ОЦЕНКА РИСКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Абдулазим Ахмедович Абдурахманов

Дагестанский гуманитарный институт (филиал) «Академия труда и социальных отношений», г. Буйнакск, Россия,
abdula0770@mail.ru

Аннотация. Проблема оценки рисков в условиях рыночной неопределенности является важной составной частью анализа условий формирования туристического кластера в регионе. Целью статьи является комплексная оценка рисков, характерных для туристической отрасли Республики Дагестан и являющихся препятствием формированию эффективного туристического кластера. Объект исследования — региональный туристический комплекс и риски, влияющие на его функционирование. Предметом исследования являются отношения, связанные с формированием и развитием туризма в регионе. Делается вывод о том, что наиболее существенными для регионального туристического комплекса являются риски из групп финансово-экономических, инфраструктурных и рисков цифровизации. Наименьшее влияние оказывают социальные, экологические и природные риски.

Ключевые слова: кластер, регион, туризм, риски, оценка, вероятность.

Для цитирования: Абдурахманов А. А. Оценка рисков формирования туристического кластера в Республике Дагестан // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 117–125. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10612

Original article

ASSESSMENT OF THE RISKS OF FORMING A TOURISM CLUSTER IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Abdulazim A. Abdurakhmanov

Dagestan Humanitarian Institute (branch) "Academy of Labor and Social Relations", Buinaksk, Russia, abdula0770@mail.ru

Abstract. The problem of risk assessment under conditions of market uncertainty is an important part of the analysis of the conditions for the formation of a tourism cluster in the region. The purpose of the article is a comprehensive assessment of the risks specific to the tourism industry of the Republic of Dagestan, which are an obstacle to the formation of an effective tourism cluster. The object of the study is the risks that affect the functioning of the tourist complex in the region. The subject of the study is the relationship associated with the formation and development of tourism in the region. It is concluded that the most significant risks for the regional tourism complex are risks from the groups of financial, economic, infrastructural and digitalization risks. Social, environmental and natural risks have the least impact.

Keywords: cluster, region, tourism, risks, assessment, probability

For citation: Abdurakhmanov AA. Assessment of the risks of forming a tourism cluster in the Republic of Dagestan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):117-125. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10612

Введение

Рассуждая о барьерах развития туристического кластера региона необходимо принимать во внимание следующее. Во-первых, проблемы формирования туристического кластера неизбежно включают в себя проблемы и риски существования туристской отрасли в целом.

© Абдурахманов А. А., 20221

Во-вторых, проблемы, с которыми сталкивается туристическая отрасль республики, не являются чем-то специфическим и присущим только ей, отличным от других регионов нашей страны. Здесь имеются в виду проблемы инфраструктурного обеспечения, несовершенства законодательной базы, неудовлетворительное качество и уровень жизни населения и т. д. Определенная

региональная специфика может выражаться в особенностях менталитета и вопросах безопасности.

В-третьих, проблемы и риски формирования туристического кластера можно подразделить на: антропогенные и природные.

В условиях глобализации мир представляет собой единое пространство, составляющие элементы которого взаимосвязаны, тем более это касается такой отрасли, как туризм, который предполагает пространственные перемещения людей. Это означает, что даже глобальные факторы, которые не касаются напрямую Дагестана как региона, вполне могут воздействовать положительно либо отрицательно на развитие его туристической отрасли. Также необходимо учитывать то, что риски могут иметь и положительные последствия и открывать новые возможности для развития отрасли.

Цель статьи — комплексная оценка рисков, характерных для туристической отрасли Республики Дагестан, являющихся препятствием формированию эффективного туристического кластера в регионе.

Материалы и методы исследования

Проблеме исследования рисков и барьеров эффективного функционирования туристской отрасли, в том числе реализовавшихся в результате пандемии COVID 19, посвящено достаточное количество научных работ. В частности данной проблематикой занимаются такие исследователи как: В. Н. Едренова, А. О. Овчаров, Е. В. Зобова, Л. А. Яковлева, Ю. Ю. Косенкова, В. В. Лавров, Г. В. Прибыткова, Г. М. Кулахметова, Ж. К. Нурмуханбетова, Н. Б. Кушева и др. [1–16].

В работах таких авторов, как: В. Н. Едренова, А. О. Овчаров, Е. В. Зобова, Л. А. Яковлева, Ю. Ю. Косенкова, М. С. Оборин обозначены риски отрасли, приведены их подробные классификации, включая страховые риски, представлены методы и механизмы управления рисками туризма [1; 3; 4; 6; 7; 9–13].

Важным при исследовании рисков туризма является определение региональной составляющей, поскольку туризм — это отрасль, во многом зависящая от региональных особенностей, как природных, так и социально-экономических. В то же время туризм, обладая мультипликативным эффектом, может значительно повлиять на развитие региона. Этому аспекту проблемы посвящены работы Н. В. Хавановой, С. К. Бокарева, А. А. Бахвалова, Ю. И. Дрейзис, Е. В. Видищевой, А. С. Копырина и др. [3; 4; 15].

Актуальными на сегодняшний день являются анализ и оценка реализовавшихся рисков отрасли в результате пандемии COVID-19, что уже нашло отражение во многих тематических исследованиях, в частности, у Н. Б. Кушевой, А. Б. Жеруковой, З. Ю. Теновой, З. А. Макоевой, Г. А. Гомилевской, Д. В. Соломонюк и др. [2; 5; 8; 14; 16].

Исследования Г. В. Прибытковой и В. В. Лаврова посвящены оценке рисков туристической отрасли [9; 13].

За основу измерения в представленном исследовании была взята методика расчета рисков, разработанная Инвестиционно-финансовой группой и Российской финансовой корпорацией, указанная в научной работе Г. В. Прибытковой [13]. В этой методике риски делятся по характеру воздействия на простые и сложные. При этом сложные риски являются объединением простых рисков, каждое из которых, в свою очередь, исследуется отдельно. Задачами, решаемыми в ходе количественного анализа рисков, являются: составление исчерпывающего перечня рисков; определение удельного веса каждого простого риска по всей их совокупности; оценка вероятности наступления событий, относящихся к каждому простому риску; определение балльной оценки по всем рискам проекта [13].

В работе Г. В. Прибытковой данная методика была применена к условиям функционирования предприятий производственной сферы. В процессе оценки рисков формирования туристического кластера в Республике Дагестан в методику были внесены изменения, исходя из следующих условий. Во-первых, некорректно считать всех опрошенных в ходе оценки респондентов экспертами. В частности, представители туристических фирм, производят оценку, исходя из собственного производственного опыта, а это обуславливает сильную дифференциацию ответов. Во-вторых, респондентам не предоставлялась возможность согласовывать ответы, по которым наблюдалась сильная дифференциация, поскольку ставились цели оценить реальную обстановку и изучить мнение каждого респондента. В-третьих, в связи с вышеперечисленным не проводилась оценка непротиворечивости ответов респондентов. По нашему мнению, это не повлияло на правдивость результатов опроса. Методика оценки рисков по отношению к туристской отрасли была также применена в работе В. В. Лаврова [9].

Результаты исследования и их обсуждение
Оценка рисков формирования туристического кластера состоит из нескольких этапов:

1) определение перечня сложных и простых рисков, возникающих при функционировании туристических фирм;

2) определение удельного веса простых рисков во всех группах;

3) оценка вероятности наступления рискового события;

4) вычисление итогового балла каждого простого риска в каждой группе.

1-й этап. Определение перечня сложных и простых рисков, возникающих при функционировании туристических фирм

На данном этапе происходит выделение основных групп сложных и простых рисков, характерных для туристической отрасли Республики Дагестан. Список формируется на основе изучения научной литературы, посвященной проблемам функционирования туристических предприятий, изучения и анализа развития социально-экономической сферы региона, а также туристической отрасли республики (табл.3) [1–16]. Поскольку иногда простые риски могут входить в разные

группы, для упрощения риски были объединены в большие группы. Например, конфликт культур и несовершенство российского законодательства, которые являются институциональными рисками, были отнесены в другие, более крупные группы. Конфликт культур — в социальную группу, несовершенство российского законодательства — в политико-правовые риски.

2-й этап. Определение удельного веса простого риска во всей совокупности

Введем обозначения:

S_i — простой риск; n — общее число рисков, следовательно, $i = 1, 2, \dots, n$; k — число групп приоритетов, если простые риски разделяются по степени значимости, причем, $k < n$; P_i — группа приоритета, то есть, $P_i = 1, 2, \dots, k$; W_i — вес каждого простого риска по группам приоритета, $W_i > 0$, $\sum_{i=1}^n W_i = 1$; M_i — число простых рисков, входящих в приоритетную группу.

Первым делом, устанавливается приоритетность каждой группы рисков по степени важности (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Приоритетность групп рисков Prioritization of risk groups

Вид риска	Приоритет
Природные риски	8
Политико-правовые риски	5
Социальные риски	7
Финансово-экономические риски	2
Инфраструктурные риски	1
Информационные риски и проблемы цифровизации	3
Экологические риски	6
Отраслевые риски, возникшие в результате пандемии COVID 19	4

Для расчетов необходимо знать, во сколько раз первый приоритет важнее последнего, то есть:

$$\frac{W_1}{W_k} = f, \frac{W_1}{W_8} = 8.$$

Затем вычисляются веса группы с наименьшим приоритетом по формуле:

$$W_k = \frac{2}{k \cdot (f + 1)}.$$

Для того чтобы расчеты были признаны корректными, необходимо, чтобы количество рисков в каждой группе приоритетов было одинаковым. В нашем случае наблюдается существенная разница: от 10 рисков в финансово-экономической группе, до 1 — в природной. Поэтому делается поправка веса каждой группы приори-

тетов на число простых рисков в данной группе по формуле:

$$W_i^0 = \frac{W_i \cdot M_i}{I},$$

где W_i^0 — вес i -той группы приоритетов после поправки на число рисков в данной группе;

M_i — число рисков в каждой приоритетной группе;

$\bar{M}$ — среднее количество рисков всего.

Полученные веса в связи с погрешностями вычислений подлежат корректировке по формуле:

$$W_i^1 = \frac{W_i^0}{\sum_{i=1}^k W_i^0}.$$

Результаты расчетов оформляются в таблицу 2.

Таблица 2

Table 2

Результаты расчетов весов каждой группы риска
The results of calculating the weights of each risk group

Группы приоритетов	Всего		
	Расчетные веса W_i	Промежуточные веса W_i^0	Откорректированные веса W_i^1
Природные риски	0,028	0,006	0,005
Политико-правовые риски	0,112	1,149	0,129
Социальные риски	0,056	0,075	0,065
Финансово-экономические риски	0,196	0,436	0,379
Инфраструктурные риски	0,224	0,249	0,216
Информационные риски и проблемы цифровизации	0,168	0,075	0,065
Экологические риски	0,084	0,037	0,032
Отраслевые риски, в результате пандемии COVID 19	0,14	0,124	0,109

Таким образом, наибольшие веса имеют: финансово-экономические риски (0,379), инфраструктурные риски (0,216), политико-правовые риски (0,129) и отраслевые риски, связанные с пандемией COVID 19 (0,109).

Все простые риски внутри одной и той же приоритетной группы могут иметь различные веса. В данном случае, приоритеты по рискам не устанавливаются, то есть:

$$W_i = \frac{1}{n}$$

Результаты расчетов приведены в таблице 3.

3-й этап. Оценка вероятности наступления рискового события

Для оценки вероятности наступления событий, относящихся к каждому простому риску, приглашаются эксперты, хорошо знакомые с изучаемым вопросом. В данном случае расчеты производились для представителей крупных туристических фирм Дагестана, которые занимаются внутренним туризмом. Большинство из них (7 фирм) являются туроператорами. В Республике действуют представительства крупных туристических

компаний России, таких, как: «Pegas Touristik», «Coral Travel», «Tez Tour» и др., однако, поскольку они ориентированы на выездной туризм, их, а также местные агентства, занимающиеся отправкой туристов за рубеж, не учитывали.

Респондентам предлагалось оценить вероятность наступления рисков, руководствуясь следующей системой оценок: 0 — риск рассматривается как несущественный; 25 — риск, скорее всего не реализуется; 50 — средняя вероятность наступления риска; 75 — риск, скорее всего, реализуется; 100 — риск наверняка реализуется. Результаты оценки приведены в таблице 3.

4-й этап: Вычисление итогового балла каждого простого риска в каждой группе

Заключительный этап предполагает определение итогового балла по каждому простому риску в каждой группе, который находят по формуле:

$$R = \sum_{i=1}^n W_i \cdot V_i,$$

где: V_i — средняя вероятность наступления риска. Результаты заносятся в таблицу 3.

Таблица 3

Table 3

Результаты оценки рисков туристской отрасли Республики Дагестан
The results of the risk assessment of the tourism industry of the Republic of Dagestan

Риски	Вероятность V_i	Веса W_i	Балл $W_i \cdot V_i$
<i>Природные риски</i>			
риск возникновения стихийных бедствий	52,5	0,005	0,2625
<i>Политико-правовые риски</i>			
политическая нестабильность в регионе	32,5	0,0215	0,6988

Продолжение таблицы 3
Table 3 (continued)

Риски	Вероятность V_i	Весы W_i	Балл $W_i \cdot V_i$
трудности с оформлением и получением виз для иностранных граждан с целью приезда в регион	40	0,0215	0,86
несовершенство российского законодательства в сфере регулирования туристической деятельности и гостиничного бизнеса (в том числе регулирующего отношения перехода турфирм в цифровое пространство)	30	0,0215	0,645
высокий уровень коррупции в регионе	42,5	0,0215	0,9138
бюрократизм в сфере управления, контроля и власти	47,5	0,0215	1,0213
сложности в регулировании земельно-имущественных отношений на территории республики	50	0,0215	1,075
<i>Социальные риски</i>			
низкий уровень жизни населения, что ограничивает возможности туристических расходов	40	0,011	0,44
угроза жизни и здоровью туристов во время путешествия, невозможность обеспечения безопасности туристов	15	0,011	0,165
ухудшение психологического климата, отсутствие интереса к путешествиям у большого количества населения из-за социальных проблем	5	0,011	0,055
отсутствие информации о возможных видах туристских путешествий для групп населения с низким доходом в условиях кризиса	22,5	0,011	0,2475
невозможность «доступного туризма» большинства туристических направлений республики (для лиц с ограниченными возможностями)	77,5	0,011	0,8525
конфликт культур (местное население и туристы), ксенофобия (нетерпимость к чужому)	7,5	0,011	0,0825
<i>Финансово-экономические риски</i>			
несоответствие качества и цены предоставляемых туристских услуг	25	0,0379	0,9475
отсутствие финансовой возможности у субъектов туристской отрасли республики повышать качество услуг	50	0,0379	1,895
дефицит квалифицированных кадров в сфере туризма	47,5	0,0379	1,8
отсутствие/недостаточность государственной поддержки при реализации туристических проектов, в том числе в сфере малого бизнеса	55	0,0379	2,0846
снижение оплаты труда сотрудников предприятий сферы туризма из-за отсутствия возможностей осуществления туристской деятельности	42,5	0,0379	1,6107
высокие расходы и низкие доходы туристических фирм, вследствие невозможности повышения цены (из-за высокой конкуренции, неплатежеспособности туристов, падения спроса, неоригинальности туристических направлений и т. д.)	52,5	0,0379	1,9898
высокая конкуренция среди субъектов туристской отрасли республики	52,5	0,0379	1,9898
непривлекательность туристического сектора республики для инвесторов	55	0,0379	2,0845
отсутствие в регионе возможности повышения квалификации и получения дополнительного образования для специалистов в области туризма	42,5	0,0379	1,6108
низкое качество регионального управления сферы туризма в республике	35	0,0379	1,3265

Окончание таблицы 3
Table 3 (end)

Риски	Вероятность V_i	Весы W_i	Балл $W_i \cdot V_i$
<i>Инфраструктурные риски</i>			
в регионе плохо развита транспортная инфраструктура (плохие дороги, отсутствие дорог, плохое асфальтовое покрытие, сильная изношенность транспортных средств, в том числе, общественного транспорта, низкий уровень технической надежности и безопасности пассажирского транспорта в республике и т. д.)	80	0,0432	3,456
высокая доля транспортных расходов в структуре туристических расходов	57,5	0,0432	2,484
удаленность от транспортных маршрутов и труднодоступность достопримечательностей республики для туристов	45	0,0432	1,944
отсутствие в регионе (не только столице) современной системы индустрии развлечений и отдыха (кинотеатры, театры, спортивные клубы, парки, аквапарки, ночные клубы, спортивные и оздоровительные центры, роллердромы, катки и пр.)	52,5	0,0432	2,268
плохо развита структура гостиничного рынка (коллективных средств размещения) и гостиничных услуг	45	0,0432	1,944
<i>Информационные риски и проблемы цифровизации</i>			
отсутствие финансовых возможностей у большинства предприятий туристской индустрии региона на внедрение современных инновационных технологий	62,5	0,0325	2,0313
слабая представленность субъектов региональной туристской отрасли на большинстве цифровых платформ (туристической направленности, информационного характера, покупки и реализации туристических путевок, организации ночевки, питания, проезда и т. п.)	55	0,0325	1,7875
<i>Экологические риски</i>			
загрязнение туристических объектов, как следствие — снижение их привлекательности для туристов	67,5	0,016	1,08
загрязнение туристических объектов — как следствие рост недовольства среди числа местных жителей	60	0,016	0,96
<i>Отраслевые риски, возникшие в результате пандемии COVID 19</i>			
снижение прибыли туристских фирм вследствие простоя из-за эпидемии COVID-19	57,5	0,0273	1,5698
закрытие границ, запрет на выезд из региона из-за эпидемии COVID-19, отсутствие QR-кодов у лиц, желающих совершать туристические поездки	60	0,0273	1,638
ухудшение здоровья населения из-за эпидемии COVID-19, как следствие сокращение числа лиц, совершающих туристические поездки	52,5	0,0273	1,4333
недостаточность государственной поддержки субъектов туристской деятельности (в том числе малых форм бизнеса) в период пандемии и падения спроса на туристические услуги	67,5	0,0273	1,8428

Риски, которые получили наибольшее количество баллов — это риски из группы финансово-экономических, инфраструктурных и рисков

цифровизации (табл. 4). Подобные выводы являются закономерными в соответствии с уровнем социально-экономического развития республики

и туристской отрасли в частности. Не проблемными для развития туристического кластера, являются социальные, экологические и природные риски. В тоже время, надо учитывать тот факт,

что, как правило, проблемы экологии и сохранения окружающей среды — это та область, ответственность за которую экономические субъекты традиционно перекладывают на государство.

Таблица 4
Table 4

Риски, получившие наибольшее и наименьшее количество баллов
Risks with the highest and lowest scores

Риски, получившие наибольшие баллы	Балл	Риски, получившие наименьшие баллы	Балл
В регионе плохо развита транспортная инфраструктура	3,456	Ухудшение психологического климата, отсутствие интереса к путешествиям у большого количества населения из-за социальных проблем	0,055
Высокая доля транспортных расходов в структуре туристических расходов	2,484	Конфликт культур (местное население и туристы), ксенофобия (нетерпимость к чужому)	0,0825
Отсутствие в регионе (не столица) современной системы индустрии развлечений и отдыха	2,268	Загрязнение туристических объектов — как следствие рост недовольства среди числа местных жителей	0,96
Отсутствие/недостаточность государственной поддержки при реализации туристических проектов, в том числе в сфере малого бизнеса	2,0846	Угроза жизни и здоровью туристов во время путешествия, невозможность обеспечения безопасности туристов	0,165
Непривлекательность туристического сектора республики для инвесторов	2,0845	Отсутствие информации о возможных видах туристских путешествий для групп населения с низким доходом в условиях кризиса	0,2475
Отсутствие финансовых возможностей у большинства предприятий туристской индустрии региона на внедрение современных инновационных технологий	2,0313	Риск возникновения стихийных бедствий	0,2625

Основными препятствиями развития отрасли в регионе являются: низкий уровень развития транспортной инфраструктуры и инфраструктуры развлечений; высокая доля транспортных расходов в структуре расходов туристических фирм; недостаточность государственной поддержки и непривлекательность туристической отрасли республики для инвесторов; отсутствие финансовых возможностей у большинства предприятий туристской индустрии региона на внедрение современных инновационных технологий.

Что касается рисков, которые набрали самые низкие баллы, то, во-первых, необходимо учитывать особенность методики, которая заключается в том, что эксперты могут оценить высоко вероятность наступления риска, однако риск может попасть в группу с низким приоритетом, а значит, его балл окажется невысоким. Это затронуло, например, такой риск, как невозможность «доступного туризма» большинства туристических направлений республики. Актуальность респондентами была оценена высоко, однако приоритет социальной группы невысокий, поэтому риски

получили низкие баллы. Благоприятными для республики являются низкие рейтинги у таких рисков, как конфликт культур (местное население и туристы), ксенофобия и угроза жизни и здоровью туристов во время путешествия, невозможность обеспечения безопасности туристов.

Отдельно можно отметить низкую позицию у риска стихийных бедствий. Учитывая тот факт, что данный риск является неуправляемым, и его приоритет самый низкий по отношению к другим группам, он попал в группу несущественных для отрасли. В то же время, риск возникновения стихийных бедствий оценивается респондентами высоко и признается его значимость для отрасли.

Заключение

Формирование в Дагестане туристического кластера имеет под собой объективную основу, выражающуюся в наличии высокого туристского потенциала республики, желания экономических субъектов и стремления региональных властей. В то же время, необходимо учитывать факт наличия ограничений, которые носят форму рисков.

В результате исследования было определено, что наиболее существенными для туристической отрасли республики являются такие риски, как: низкий уровень развития транспортной инфраструктуры и инфраструктуры развлечений, высокая доля транспортных расходов в структуре расходов тури-

стических фирм, недостаточность государственной поддержки и непривлекательность туристической отрасли республики для инвесторов, отсутствие финансовых возможностей у большинства предприятий туристской индустрии региона на внедрение современных инновационных технологий.

Список источников

1. Бессонова Г. Б. Страхование рисков в туристической индустрии: национальный и зарубежный опыт // Информационная безопасность регионов. 2015. № 4 (21). С. 119–124.
2. Гомилевская Г. А., Соломонюк Д. В. Диверсификация туристской деятельности в условиях неопределенности внешней среды, связанной с эпидемией COVID-19 // Территория новых возможностей. 2021. № 1. С. 80–92.
3. Дрейзис Ю. И., Видищева Е. В., Копырин А. С. Анализ рисков в стратегии устойчивого развития туристских рекреационных территорий // Вестник Академии знаний. 2020. № 4 (39). С. 180–187.
4. Едренова В. Н., Овчаров А. О. Проблемы развития регионального туризма в контексте влияния экономических рисков // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 21. С. 92–99.
5. Жерукова А. Б., Тенова З. Ю., Макоева З. А. Особенности построения стратегии развития российского самостоятельного выездного туризма в условиях хронической пандемии // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 5 (31). С. 122–126.
6. Зобова Е. В., Яковлева Л. А., Косенкова Ю. Ю. Специфика рисков в туризме в Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 62–69.
7. Кулахметова Г. А., Нурмухамбетова Ж. К. Понятие, классификация и методы снижения факторов риска в сфере туризма // Научный журнал. 2020. № 8 (53). С. 24–27.
8. Кущева Н. Б. Индустрия гостеприимства в постковидный период: новая реальность, новые правила // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 2 (56). С. 79–83.
9. Лавров В. В. Анализ влияния рисков на развитие туризма в Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2021. № 2. С. 13–23.
10. Мисихина С. Г. Российский туризм: достижения, проблемы, меры поддержки при пандемии коронавируса // Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». URL: <https://dcenter.hse.ru/> (дата обращения 08.01.2022).
11. Оборин М. С. Тенденции антикризисного управления в сфере туризма // Сервис+. 2021. № 3. С. 3–11.
12. Овчаров А. О. Влияние экономических рисков на развитие туризма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2009. № 4. С. 74–89.
13. Прибыткова Г. В. Анализ и оценка рисков предприятий производственной сферы в процессе инвестиционного проектирования // Вестник МГТУ. 2005. № 2. С. 300–305.
14. Тарасов В. И., Ивойлова И. В. Экономическое и социальное воздействие COVID-19 на туристическую отрасль // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-3. С. 118–123.
15. Хаванова Н. В., Бокарев С. К., Бахвалов А. А. Туризм как особый вид экономической деятельности и его влияние на развитие региона // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2021. № 2. С. 81–94.
16. Цаболова О. Р., Чудновский А. Д., Жукова М. А. и др. Новые тенденции развития индустрии гостеприимства // Инновации и инвестиции. 2022. № 3. С. 254–259.

References

1. Bessonova GB. Risk insurance in the tourism industry: national and foreign experience. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov = Information security of regions*. 2015;(4(21)):119–124. (In Russ.).
2. Gomilevskaya GA, Solomonyuk DV. Diversification of tourism activities in the context of the uncertainty of the external environment associated with the COVID-19 epidemic. *Territoriya novykh vozmozhnostey = Territory of new opportunities*. 2021;(1):80–92. (In Russ.).
3. Dreyzis YuI, Vidischeva EV, Kopyrin AS. Risk analysis in the strategy of sustainable development of tourist recreational areas. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(4(39)):180–187. (In Russ.).

4. Edronova VN, Ovcharov AO. Problems of development of regional tourism in the context of the impact of economic risks. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2008;(21):92–99. (In Russ.).
5. Zherukova AB, Tenova ZYu, Makoeva ZA. Features of building a strategy for the development of Russian amateur outbound tourism in a chronic pandemic. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanities Research*. 2020; (5(31):122–126. (In Russ.).
6. Zobova EV, Yakovleva LA, Kosenkova YuYu. Specificity of risks in tourism in the Russian Federation. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Socio-economic phenomena and processes*. 2017;(5):62–69. (In Russ.).
7. Kulakhmetova GA, Nurmukhambetova ZhK. The concept, classification and methods of reducing risk factors in tourism. *Nauchnyy zhurnal = Scientific journal*. 2020;(8(53):24–27. (In Russ.).
8. Kushcheva NB. Hospitality industry in the post-COVID period: new reality, new rules. *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa = Technical and technological problems of service*. 2021; (2(56): 79–83. (In Russ.).
9. Lavrov VV. Analysis of the impact of risks on the development of tourism in the Russian Federation. *Peterburgskiy ekonomicheskii zhurnal = Petersburg Economic Journal*. 2021;(2):13–23. (In Russ.).
10. Misikhina SG. Russian Tourism: Achievements, Problems, Support Measures During the Coronavirus Pandemic. Development Center Institute, Higher School of Economics. Available from: <https://dcenter.hse.ru/> (date of circulation 08.01.2022).
11. Oborin MS. Trends in anti-crisis management in tourism. *Servis+ =Service+*. 2021;(3):3–11. (In Russ.).
12. Ovcharov AO. Influence of economic risks on the development of tourism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika = Bulletin of Moscow University. Series 6. Economy*. 2009; (4): 74–89. (In Russ.).
13. Pribytkova GV. Analysis and risk assessment of industrial enterprises in the process of investment design. *Vestnik MGTU = Bulletin of MSTU*. 2005;(2):300–305. (In Russ.).
14. Tarasov VI, Ivoilova IV. Economic and social impact of COVID-19 on the tourism industry. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2021;(11-3):118–123. (In Russ.).
15. Khavanova NV, Bokarev SK, Bakhvalov AA. Tourism as a special type of economic activity and its impact on the development of the region. *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa = Bulletin of the association of universities of tourism and service*. 2021;(2):81–94. (In Russ.).
16. Tsabolova OR, Chudnovsky AD, Zhukova MA et al. New trends in the development of the hospitality industry. *Innovatsii i investitsii = Innovations and investments*. 2022;(3):254–259. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Абдурахманов — преподаватель кафедры экономики и управления.

Information about the author

A. A. Abdurakhmanov — lecturer of the Department of Economics and management.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 14.01.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Вклад автора: результаты статьи получены авто-
ром лично.
Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

Contribution of the author: the results of the article
were obtained by the author personally.
The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 33.018

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10613

БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Наталья Васильевна Ким

Челябинский государственный университет; Южно-уральский государственный университет, Челябинск, Россия, Kimnv13@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является попытка обосновать неизбежность и правомерность существования формационного подхода в представлении будущего мировой экономики, а также прогнозировать трансформационные тренды в развитии мирового сообщества. В статье общественно-экономическая формация рассматривается как развивающийся социально-производственный организм, имеющий не только особый способ производства, свой тип производственных отношений, особый характер общественной организации труда, но и специфические исторически обусловленные объекты контроля, особую идеологию духовных ценностей. В статье обозначены проблемы перепроизводства материальных благ и кризисных явлений, включая пандемийные в современном мире. Отмечается, что нищета и неравенство в обществе требуют институциональной перестройки, нового взгляда на решение социальных проблем и общественного выбора. Статья рассматривает общепризнанные ценности человечества в контексте мировоззренческих, философских, культурных и институциональных преобразований. В статье рассматриваются проблемы повышения эффективности глобального управления в мировой экономике на основе перехода к экономике социального капитализма.

Ключевые слова: общественно-экономическая формация, производственные отношения, производительные силы, глобализация, пандемия, социальный капитализм, платежеспособный спрос и предложение, культура, институциональные преобразования

Для цитирования: Ким Н. В. Будущее мировой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 126–130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10613

Original article

THE FUTURE OF THE GLOBAL ECONOMY

Natalia V. Kim

South Ural State University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Kimnv13@yandex.ru

Annotation. The purpose of the article is an attempt to justify the inevitability and legitimacy of the existence of a formational approach in representing the future of the world economy, as well as to predict transformational trends in the development of the world community. In the article, the socio-economic formation is considered as a developing social-production organism, which has not only a special mode of production, its own type of production relations, a special nature of the social organization of labor, but also specific historically determined objects of control, a special ideology of spiritual values. The article outlines the problems of overproduction of material goods and crisis phenomena, including pandemic ones in the modern world. It is noted that poverty and inequality in society require institutional restructuring, a new look at solving social problems and public choice. The article examines the universally recognized values of mankind in the context of worldview, philosophical, cultural and institutional transformations. The article deals with the problems of increasing the efficiency of global governance in the world economy based on the transition to the economy of social capitalism.

Keywords: socio-economic formation, industrial relations, productive forces, globalization, pandemic, social capitalism, solvent supply and demand, culture, institutional transformations.

For citation: Kim NV. The future of the global economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):126–130. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10613

Общественно-экономическая формация как стадия общественной эволюции определяется степенью развития производительных сил и типом экономических производственных отношений. Она приобретает все большее значение и дискуссию у ученых в вопросах справедливого общества будущего. Новые условия экономической реальности требуют более контекстного раскрытия институциональной природы, структурной логики и инструментальной составляющей пандемийной парадигмы развития общества будущего. По существу, вопросы представления об обществе будущего как социальном явлении — это выявление и оценка объективных условий и свойств мировой хозяйственной системы, обладающих разной степенью устойчивости, справедливости, оптимальности и императивности на разных стадиях развития общества, в том числе и условиях кризиса.

На протяжении многих миллионов лет человеческое общество претерпевало свои изменения, как биологического, так и социального характера. Могли меняться эпохи, но в определённых случаях, социальные взаимоотношения между людьми оставались неизменными. Именно поэтому имело место накопление огромного количества опыта в эволюции общественно-экономических формаций.

В соответствии с логикой современного характера экономического развития понятие «общественно-экономическая формация» стало ключевой идеей для объяснения дальнейшего развития и перезагрузки мировой экономики. В этом аспекте, цель данного исследования определить концептуальные «проблемы» в понимании того, что влияет на развитие мирового хозяйства, подвергнувшегося социальным, производственным и ковидным кризисам.

Автором ставятся задачи: выявить и систематизировать существующие подходы к определению понятия «общественно-экономическая формация» с точки зрения новых задач, поставленных нетипичными проблемами в экономике и свойствами кризиса, с которыми столкнулось современное общество; определить группу факторов, решающих проблемы в аспекте обеспечения баланса распределения ресурсов и производимых благ.

На основании существующих в научной литературе определений термина «общественно-экономическая формация» можно увидеть, как эволюционировали общественно-экономические формации, какие из них имеют место быть

в наше время. В мире сложилось несколько определений этого явления.

1. Согласно марксистской позиции общественно-экономическая формация рассматривается как стадия общественной эволюции при определенном уровне развития производительных сил и соответствующем типе экономических производственных отношений [1].

2. Другая точка зрения рассматривает общественно-экономическую формацию как прогрессивную ступень развития человеческого общества, как совокупность всех обществ, явлений в их органичном единстве и взаимодействии на основе данного способа производства материальных благ [2].

3. Существуют ученые, которые считают общественно-экономическую формацию историческим типом общества, организм которого функционирует по законам преобладающих в обществе производственных отношений [3].

Между этими определениями есть нечто общее, а именно словосочетание «производственные отношения», то есть способ получения экономических благ. Но не стоит сильно заикливаться на этом моменте, так как производственные отношения всего лишь дают предпосылки для развития и становления определённого типа общественно-экономической формации, а никак не характеризует её полностью.

Что касается разновидности общественно-экономических формаций, то по объекту контроля выделяют основные пять типов:

1) первобытная — данному типу хозяйства присуще отсутствие частной собственности, классов, государства и эксплуатации, отсутствие контроля;

2) рабовладельческая — хозяйство основано на принудительном труде рабов, объект контроля — тело;

3) феодальная — натуральное мелкотоварное хозяйство, основано на эксплуатации феодалами юридически и экономически зависимых крестьян, объект контроля — земля;

4) капиталистическая — имеет место господство товарно-денежных отношений и промышленного производства, при котором владельцы средств производства эксплуатируют труд наёмных рабочих, объект контроля — капитал;

5) коммунистическая — отсутствие эксплуататорских и эксплуатируемых классов, социальное равенство.

Следует отметить, что практически ни одна общественно-экономическая формация не

существовала в своём чистом теоретическом виде. Всегда улавливались черты других общественно-экономических формаций. Можно констатировать, что самыми актуальными общественно-экономическими формациями являются капиталистическая и коммунистическая. Но так ли это? Как уже отмечено, общественно-экономические формации эволюционируют. Особенно это актуально в наше время, когда процесс глобализации приобрёл быстрый и хаотичный темп.

В современном мире мы имеем так называемое «китайское чудо», при котором сочетаются элементы плановой и рыночной экономик¹.

Исследователи пытаются объяснить этот феномен. Китай достиг значительного роста экономики, используя преимущество отставания в народном хозяйстве. При этом имело место не только обновление промышленности, происходили перемены в социальной и экономической сферах [4].

До пандемийного периода ряд ученых считали экономическую модель Китая, построенную на рыночной экономике с элементами плановой социалистической, достаточно «совершенной».

Однако на рубеже XXI века немецкий экономист Клаус Шваб называет «предрассудками» и «рудиментами» старого капитализма такие категории, как прибыль, право собственности, акционерная форма предприятий и т. п., которые, по его мнению, подлежат уничтожению [5]. Клаус Шваб в своей книге, статьях и выступлениях заявляет сегодня, что полвека назад, в 1971 году, он создал Всемирный экономический форум исключительно для того, чтобы начать готовить «радикальное реформирование капитализма» [5].

По сути, речь идет о посткапитализме, который отменяет частную собственность и много другое.

Нельзя не отметить, что сегодня налицо проблема перепроизводства, и это уникальная черта современности. Если в докапиталистическую эпоху был реальный дефицит экономических благ в силу разных природных стихий, которые вызывали неурожаи, то сегодня в большинстве своем люди умеют бороться с проблемами, а современное человечество больше страдает от избытка экономических благ, чем от недостатка. Парадоксально, но это так: огромное количество людей испытывает страдания от перепроизводства благ. Люди не имеют крова потому, что построено много жилья.

¹ Раскрывая тайну китайской экономики // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/news/50580194.html> (дата обращения: 26.01.2022).

Люди замерзают от холода потому, что было произведено слишком много тепла.

Существующая проблема перепроизводства совсем не означает, что человечество удовлетворило все свои потребности. Это не значит, что произведено благ больше человеческих потребностей. Это означает, что производство благ превышает платежеспособный спрос, вот в чем заключается главный парадокс современности. Проще говоря, экономика попала в замкнутый круг: платежеспособного спроса нет, поэтому предприятия останавливаются, появляются безработные. Это означает отсутствие доходов, а значит еду покупать не на что. В то же время при голодном народе продукты давятся булдозерами или остаются гнить на складах.

В современном мире, к сожалению, перераспределение результатов труда далеко от идеала. Есть очень большое различие в потреблении между странами Центральной Африки и Западной Европы, это совершенно разные уровни жизни. Это совсем не связано с тем, что люди в Центральной Африке плохо работают. «Даже самые трудолюбивые африканцы не стали бы жить как бомжи в Швейцарии», — отмечает эксперт-экономист Александр Дудчак².

Многие компании в мире уже осознали проблему перепроизводства как одну из важнейших проблем современности. Некоторые из компаний создают цикл замкнутого производства (например, компания Adidas предлагает возвращать определенную модель кроссовок после износа производителю на перепроизводство), кто-то останавливает производство³.

В период пандемии многие компании приостановили свои производства, что привело к безработице и еще большему усилению экономического кризиса. Но большинство компаний выбирает другой путь, заключающийся в создании искусственного спроса. Многие компании вкладывают огромные средства в маркетинг, который управляет потребительским поведением, принуждая приобрести новомодный товар⁴.

² Нищета от изобилия, или как кризис перепроизводства делает мир бедным // Рамблер/финансы. URL: <https://finance.rambler.ru> (дата обращения: 26.01.2022).

³ Эффекты пандемии для отраслей и регионов // Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://issek.hse.ru> (дата обращения: 26.01.2022).

⁴ Этот кризис носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности // Организация Объединенных Наций. URL: <https://un.org> (дата обращения: 26.01.2022).

Мир стал слишком материальным, а гедонизм становится нормой в обществе. Если даже сравнить качество современной техники, которая традиционно ранее считалась долгосрочной (в районе 15–20 лет), то сегодня в ней производители закладывают ускоренную утилизацию — не более 5–10 лет, а потом пускают на утиль. Безусловно, нет необходимости менять гаджеты часто, но маркетинг создает моду, спрос и общественное мнение на поддержание своего социального статуса.

Безусловно, у людей должны быть совершенно другие приоритеты. COVID-пауза, предоставила людям возможность задуматься, что является настоящей ценностью [6].

Но это проблема мировоззренческая, философская, и думается мне, институциональная. Решение, по моему мнению, должно основываться на культуре. Именно она влияет на материальный мир. Государственные власти во многих странах пытаются законодательно запретить уничтожать нереализованные продукты питания, и очень хочется надеяться, что человечеством будет найдено решение оптимального распределения хотя бы продуктов, и люди забудут, что такое голод.

Нищета и неравенство требуют перемен, которые необходимо осуществить нашему обществу в виде заключения нового социального договора.

Постковидный кризис носит прежде всего гуманитарный характер, который требует солидарности. И в этом смысле его нельзя рассматривать как обычное несоответствие платежеспособного спроса и предложения; которое вызывает дисбаланс в функционировании общества в целом.

В этом случае уместно говорить о социальном капитализме (социал-капитализме) — новой теории политического и философского направления. Такая форма капитализма является воплощением социально ориентированной рыночной экономики, когда государство управляет макроэкономикой, учитывая социальный аспект¹. Таким образом, социал-капитализм представляет собой путь в новую парадигму «свободного рынка», в которой человек является наивысшей ценностью, она объединяет в себе преимущества рыночной экономики и держит курс на результат социально ориентированного государства. Вместо лишнего смысла удовлетворения системы бесконечного потребления социал-капитализм ориентирован на будущее, перспективу и вектор развития в интересах будущих поколений, в наших собственных интересах².

Список источников

1. Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). М. : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1996. 406 с.
2. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. М. : Советская энциклопедия, 1973–1982.
3. Алексеев А. П. Краткий философский словарь. М. : Проспект, 2004. 492 с.
4. Успехи и проблемы модернизации современного Китая : сборник тезисов докладов участников III Международной научно-практической конференции «Великие экономисты и великие реформы», к 110-летию со дня рождения Дэн Сяопина / под ред. Р. М. Нуреева, С. А. Просекова. М. : Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. 308 с.
5. Катаронов В. Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый разговор против человечества. М. : Книжный мир, 2021. 320 с.
6. Головин М. Ю. Каналы воздействия пандемии COVID-19 на экономику России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 9–23.

References

1. Ilyushechkin VP. Theory of the staged development of society (history and problems). Moscow, Publishing company “Eastern literature” RAS; 1996. 406 p.
2. Zhukov EM (ed.) Soviet Historical Encyclopedia. Moscow, Soviet Encyclopedia; 1973–1982.
3. Alekseev AP. Brief philosophical dictionary. Moscow, Prospekt; 2004. 492 p.

¹ Социал-капитализм — будущее мировой экономики. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/social-kapitalizm-budushee-mirovoiy-ekonomiki-20090930-1212/> (дата обращения: 26.01.2022).

² Третий путь как «социал-капитализм». URL: <https://yablor.ru/blogs/tretiy-put-kak-social-kapitalizm/775871> (дата обращения: 26.01.2022)

4. Uspekhi i problemy modernizatsii sovremennogo Kitaya : III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Velikiye ekonomisty i velikiye reformy», k 110-letiyu so dnya rozhdeniya Den Syaopina Successes and problems of modernization of modern China = III International Scientific and Practical Conference “Great Economists and Great Reforms”, dedicated to the 110th anniversary of the birth of Deng Xiaoping: Collection of abstracts of reports of the participants. Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation; 2014. 308 p.

5. Katasonov VYu. Reading Schwab. Inclusive Capitalism and the Great Reset. An Open Conspiracy Against Humanity. Moscow, Book World; 2021. 320 p.

6. Golovin MYu. Channels of the impact of the COVID-19 pandemic on the Russian economy. *Bulletin of the Institute of Economics* = *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2020;(5):9–23.

Информация об авторе

Н. В. Ким — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

N. V. Kim — Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад автора: результаты статьи получены автором лично.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: The results of the article were obtained by the author personally.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332.14

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10614

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К СБАЛАНСИРОВАННОМУ РЕГИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Александра Анатольевна Егорова¹, Юрий Геннадьевич Мальцев²,
Евгения Сергеевна Банникова³, Дмитрий Юрьевич Двинин⁴

^{1,2,3,4} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

² Brazil.yura@mail.ru, ORCID 0000-0002-3553-9212

³ bann1984@mail.ru, ORCID 0000-0003-3827-2821

⁴ ecologchel@74.ru, ORCID 0000-0002-9451-4445

Аннотация: В статье рассматривается экосистемный подход к сбалансированному развитию региона в период смены технологических укладов. Экосистемный подход представляет регион как динамическую систему, действующими лицами которой являются акторы, охватывающие своей деятельностью все ниши системы и совместной деятельностью формирующие инновации, отношения между акторами, описываемые со-конкурентной моделью. Авторами рассмотрены социальные трансформации, инициированные сменой технологических укладов. Так, отмечены синкретизм и эклектика социального пространства, приводящие к неосознанным изменениям в жизни индивидов. В результате исследования социального пространства авторы приходят к выводу, что на фоне происходящих изменений восприятия пространства и времени возникла угроза создания и навязывания человеку крупными фирмами искусственного пространства с искусственными ценностями с целью получения прибыли. При этом крупные производители способны формировать новые ценности непрерывно, извлекая непрерывную прибыль. Актуальность исследования состоит в необходимости поиска эффективных подходов противодействия вызовам четвертой промышленной революции в социальной, экологической и экономической сферах. Предметом исследования является экосистема региона. Целью исследования является разработка предложений по обеспечению сбалансированности развития региональной экосистемы. Авторы предлагают внедрять технологии пятого и шестого технологического уклада с целью снижения техногенной нагрузки на природные комплексы, что позволит обеспечить превышение техногенной нагрузки на природу, ее ассимиляционного потенциала. Результаты проведенного исследования могут применяться для дальнейших исследований в области экологии, экономики, социологии, межотраслевого баланса, альтернативной энергетики. В качестве области дальнейших исследований авторами рассматривается альтернативная энергетика, так как, используя материально-энергетические потоки биосферы, она фактически не изменяет их, что в итоге ведет к большей сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона, оздоровлению экологической ситуации в регионе в целом.

Ключевые слова: экосистема, регион, хозяйственная деятельность, инновации, альтернативная энергетика, сбалансированное развитие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00287, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

Для цитирования: Егорова А. А., Мальцев Ю. Г., Банникова Е. С., Двинин Д. Ю. Экосистемный подход к сбалансированному региональному развитию // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 131–144. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10614

Original article

ECOSYSTEM APPROACH TO BALANCED REGIONAL DEVELOPMENT

Aleksandra A. Egorova¹, Yury G. Maltsev², Evgeniya S. Bannikova³, Dmitry Yu. Dvinin⁴

^{1,2,3,4} Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia

¹ aleksandra_csu@mail.ru, ORCID 0000-0002-6291-9878

© Егорова А. А., Мальцев Ю. Г., Банникова Е. С., Двинин Д. Ю., 2022

² Brazil.yura@mail.ru, ORCID 0000-0002-3553-9212³ bann1984@mail.ru, ORCID 0000-0003-3827-2821⁴ ecologchel@74.ru, ORCID 0000-0002-9451-4445

Abstract. The article considers the ecosystem approach to the balanced development of the region, in the period of the change of technological modes. The ecosystem approach represents the region as a dynamic system, the actors of which are the actors who cover all the niches of the system with their activities and joint activities form innovations, the relations between the actors are described by a co-competitive model. The authors considered the social transformations initiated by the change of technological modes, so noted the syncretism and eclecticism of social space, leading to unconscious changes in the lives of individuals. As a result of the study of social space, the authors conclude that the ongoing changes in the perception of space and time there is a threat of creation and imposition of artificial space with artificial values by large firms, in order to make a profit, with large producers are able to form new values continuously, making a continuous profit. The relevance of the study lies in the need to find effective approaches to counter the challenges of the fourth industrial revolution in the social, environmental and economic spheres. The subject of the study is the ecosystem of the region. The aim of the study is to develop proposals to ensure the balanced development of the regional ecosystem. The authors propose to introduce technologies of the fifth and sixth technological mode in order to reduce the technogenic load on the natural complexes, which will ensure that the technogenic load on the nature does not exceed its assimilative potential. The results of the study can be used for further research in the field of ecology, economics, sociology, inter-industry balance, and alternative energy. The authors consider alternative energy as an area for further research, since alternative energy, using the material and energy flows of the biosphere, does not actually change them, which eventually leads to a better balance of the socio-ecological and economic system of the region, improving the environmental situation in the region as a whole.

Keywords: ecosystem, region, economic activity, innovation, alternative energy, balanced development

Acknowledgements: This research was supported by Grant No. 22-28-00287 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/22-28-00287/>

For citation: Egorova AA, Maltsev YuG, Bannikova ES, Dvinin DYU. Ecosystem approach to balanced regional development. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464)):131-144. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10614

Введение

На современном этапе развития мировой цивилизации преобладают вызовы, предъявляемые четвертой промышленной революцией, которые изменяют традиционный уклад хозяйствования региона. Для обеспечения сбалансированного развития региона необходимо эффективно противостоять угрозам, возникающим при смене технологических укладов. В настоящее время зарождается шестой технологический уклад и затухает пятый технологический уклад, основными технологиями которого были микроэлектроника и информатика. Основными технологиями зарождающегося шестого технологического уклада являются: нанотехнологии, нейронные сети и искусственный интеллект, когнитивные технологии, социо-гуманитарные технологии, конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий. Зарождающийся шестой технологический уклад позволит преодолеть глубокий упадок социально-экологического развития [4].

Технологические трансформации хозяйственной деятельности региона охватывают сферу производства, управления потоками вещества, энергии и информации и другими комплексами хозяй-

ственной деятельности, характеристики субъектов хозяйственной деятельности трансформируются в сторону увеличения количества нематериальных и интеллектуальных ресурсов, в настоящее время нематериальные активы привлекают инвесторов — это особенность цифровой экономики. Также растет ценность знаний и информации, иерархическая организация сменяется сетевой, именно сети способны быстро адаптироваться в динамичном современном мире [17].

Для эффективного формирования нового технологического уклада необходимо повышение роли региональной власти, как стратегического партнера бизнеса. Внедряемые технологии преобразуют формы взаимодействия хозяйственных субъектов. Взаимодействие субъектов принимает сетевую форму. Инновации формируются и внедряются на всех стадиях производственного цикла, что создает условия для оппортунистического поведения взаимодействующих субъектов и возрастания уровня неопределенности институциональной среды. Подобное поведение является следствием высокого уровня пагубности антропогенного влияния от деятельности хозяйствующих субъектов [5].

Четвертая технологическая революция стала причиной переосмысления основных положений социо-эколого-экономического развития общества. Внимание фокусируется на инвестициях в конкурентоспособность производственных комплексов, менеджмент в этой сфере позволяет рационализировать потоки вещества, энергии и информации, направляемых на расширение производства благ [10].

В докладе ООН «Глобальная экологическая перспектива — 6», представленном в 2016 году, речь идет о сокращении запасов природных ресурсов и биологического разнообразия экосистем, деградации почвы, истощении запасов пресной воды и лесов, загрязнении атмосферы и мирового океана [31].

В связи с этим приобрела популярность «зеленая» экономика, в которой экономический рост включает в себя урон, наносимый биосфере. В различных странах внедряются «зеленые» технологии. Примером тому служат: органическое земледелие, электротранспорт, природоподобное строительство зданий и сооружений и прочее. Инвестиции в «зеленые» технологии, производимые государством в рамках реализации национальных антикризисных программ, составляют 436 млрд долл. США, а их доля, например, в Южной Корее — 80,5 %, Китае — 37,8 %, Франции — 21,2 %. В отечественной практике «зеленая» экономика обсуждается в плане перехода на альтернативные источники энергии, переработки отходов, повышение производительности сельхозпредприятий без ущерба для почвы. Также происходит разработка экономико-правовых механизмов для внедрения «зеленой» экономики в России, с учетом особенностей страны [22].

Сущностью концепции «зеленой» экономики является обеспечение экономического роста за счет инновационных технологий, позволяющих вести производственную деятельность в границах ассимиляционного потенциала биосферы. Основная идея состоит в том, чтобы собирать амортизационные отчисления в виде экологических платежей. У данного подхода существуют недостатки. Первый состоит в том, что производственная деятельность загрязняет не только экосистему отдельной территории, но и распространяет вредные вещества по биосфере в целом. Следовательно, плата, внесенная в бюджет в одном регионе, не компенсирует ущерба природным комплексам в других регионах. Еще одним недостатком является раздельный учет природных ре-

сурсов, в то время как необходим системный учет со всеми взаимосвязями между ними [26].

Например, система учета природных ресурсов должна включать в себя взаимосвязанный учет лесных, почвенных, водных, ландшафтных и других ресурсов. Стоит отметить, что подобные модели созданы и продолжают разрабатываться. Такой моделью является «Material Input Per Service unit» (анализ удельных материальных потоков), в ее основу положен критерий МІ-чисел (Material Input). Данная модель позволяет провести анализ затрат природных ресурсов на единицу произведенного товара [40].

Таким образом, внедрение технологий пятого и шестого укладов изменит структуру производства и, как следствие, систему хозяйственных отношений между субъектами социально-экономической системы. Например, возникнут новые партнерства для координирования хозяйственной деятельности. Новый технологический уклад сформирует условия для повышения качества жизни населения и ведения сбалансированной хозяйственной деятельности.

Материалы и методы исследования

Хозяйственная деятельность региона осуществляется в рыночных условиях и в условиях технологической трансформации, которая радикально изменяет системы управления производством и отношения между индивидуумами. Техническое перевооружение обостряет конкуренцию между отдельными предприятиями, а также может привести к технологической отсталости, что означает снижение конкурентоспособности производимой продукции. Для решения данной проблемы возможно использование экосистемного подхода, основанного на объединении стейкхолдеров, с целью устойчивого развития региона и обеспечения его экономической безопасности.

Хозяйственная деятельность региона основывается на экономической (производственной) деятельности, которая неизбежно использует ресурсы биосферы и в настоящее время превышает ассимиляционный потенциал территории. Соответственно, значение имеет возвращение к сбалансированному развитию, что сделает возможным рост благосостояния населения региона и сформирует основу для преодоления глобального экологического кризиса. Поэтому от технологической трансформации хозяйственной деятельности региона требуется формирование замкнутых технологических циклов, соответствующих биосферным циклам, что позволит вернуться к природному состоянию [6].

Экосистемный подход подразумевает рассмотрение социо-эколого-экономической системы региона как динамично развивающегося социально экономического сообщества, состоящего из акторов (игроков), действующих в различных секторах системы, которые совместно развивают компетенции вокруг инновации, с которой они работают на кооперативной и конкурентной основе. Экосистемный подход позволяет в условиях технологической трансформации экономики поддерживать социо-эколого-экономический баланс региона, развивать культуру и качество жизни населения региона [39].

Инновационная региональная экосистема формируется хозяйствующими субъектами региона на принципах самоорганизации. Под региональной экосистемой мы понимаем открытую сложную систему способную к самоорганизации, состоящую из акторов, объединенных в сети, образующих тем самым безопасную социо-эколого-экономическую систему, в которой обеспечивается обмен веществом, энергией и информацией. Акторы формируют региональную экосистему и играют различные роли на рынке, то есть являются поставщиками, производителями, потребителями, инициаторами, инвесторами, изыскателями. Так как основные технологии и производственные мощности сосредоточены у промышленных предприятий, то они естественным образом являются ядром экосистемы региона, и именно на них приходятся основные технологические вызовы четвертой промышленной революции. Поэтому на их плечи ложится задача нейтрализации угроз экономической безопасности региона [38].

Экосистемные эффекты оцениваются по трем направлениям: социальному — обеспечивающему взвешенные решения и урегулирование конфликтов между акторами; экологическому — способности экосистем выполнять свою функцию; экономическому — характеризующему принятие решений рыночного управления. Экосистемный подход позволяет повысить качество планирования хозяйственной деятельности региона посредством внедрения программ оплаты использованных эко-услуг; корректировки биосферного потенциала данной территории, с целью защиты окружающей среды от техногенных потоков хозяйственной деятельности региона, что необходимо внести в систему национальных счетов государства, и разработать программу государственных эко-услуг для всевозможных потребителей [36].

Характеристикой отечественной экономики является заимствование зарубежных инноваций, технологий, продуктов. Развитие собственной инновационной культуры, культивация ценности предпринимательства как локомотива экономики и реализации новых прорывных идей возможны с использованием экосистемного подхода.

Социально-экономическая экосистема состоит из элементов, находящихся на ограниченной территории земной поверхности. Поэтому экосистемный подход основывается на коммуникации, сетевой организации, платформе, коллаборации («со-конкуренции», «сотворчестве») социально-экономических субъектов, первыми из которых выделяются фирмы как наиболее «концентрированные» субъекты новаторской деятельности, находящиеся практически на всех этапах инновационного цикла, в различных (но не константных) физических границах того или иного региона. Выделив основного актора (но не заявляя о его доминировании), в задачи дальнейшего анализа входит дополнение и визуализация полисубъектной модели инновационной экосистемы региона [35].

Экосистемный подход — это междисциплинарный способ представить региональную инновационную экосистему живым организмом. Акторами региона являются многочисленные коммерческие и некоммерческие организации, домохозяйства, сообщества, органы власти. Органы власти являются главным актором региона, отвечающим за сформированность институциональной среды, условий взаимодействий хозяйствующих субъектов. Научно-исследовательские и образовательные организации являются акторами, ответственными за производство инноваций в долгосрочной перспективе [23; 24].

Экосистема региона характеризуется системой отношений по поводу распределения ресурсов, технологий, информации, опыта, продукции, координации решения совместных задач, которые распределяются между акторами экосистемы. Отсюда возникают внутренние риски экосистемы. Среди них — инвестиционные риски, основанные на упущенной прибыли, возникшей вследствие неполучения прогнозируемого возврата на инвестиции, либо потери капитала. Монополистические риски являются следствием того, что монополист устанавливает высокие цены для других акторов экосистемы. Поведенческие риски основываются на конфликтах между людьми по поводу распределения прав и обязанностей, компетенций между акторами в процессе их объединения в экосистему [7].

Процесс определения акторов, по сути, является реализацией технологии стратегического управления, исследования внешней среды. Единый набор существенных акторов имеет общие границы, схожие институты, каналы коммуникации, принципы развития образуют возможность взаимопроникновения указанных субэкосистем, агрегируют энергию акторов, продуцируя рост синергии социальных и бизнес-усилий лидеров изменений. Данная экосистемная диалектика способствует возрастанию значения социальной ответственности бизнеса и необходимости включения в социальные проекты технологий предпринимательства [29].

Хозяйствующие субъекты, занимающиеся производством в условиях рыночной экономики, обладают определенной свободой в области определения своей траектории стратегического развития, реализации продукции, поисков инвесторов и других решений. Все риски, связанные с управлением, акторы берут на себя. Для рационализации рисков необходимо заниматься повышением экономической безопасности всей сети акторов [13].

В настоящее время осуществляется формирование категориального аппарата и методической базы экосистемной теории. Поэтому важно дать определение экосистемы региона в русле данной концепции. Так, экосистема региона представляет собой социо-эколого-экономическую систему, т. е. определяющуюся сложностью, иерархичностью, способностью к самоорганизации и самовосстановлению, адаптации к внешним воздействиям локализованную часть биосферы, в которой протекает метаболизм, связывающий все ее элементы [12].

Пространственно-временной взгляд на экосистему. Пространство и время, наиболее универсальные характеристики мира, позволяют описать практически любую систему, в том числе систему региона с происходящими в ней процессами становления цифровой экономики. И в самом деле, экосистема региона представляет собой пространство, в котором разворачиваются социально-экономические процессы. Экосистема представляет собой пространство отношений, связей субъектов (элементов) данного пространства. Время служит дополнительной характеристикой, позволяющей измерять скорость происходящих социально-экономических трансформаций. Хронотоп экосистемы региона позволяет определять как наиболее эффективные формы хозяйствования, так и уровень эффективности их взаимодействия внутри системы [21].

Так как цифровые технологии хранят данные на серверах, то доступ к ним могут получить различные организации со всего мира, что создает угрозу для безопасного развития акторов. Технологическая трансформация, изменения в политике, изменения управления процессами производства, ментальности и форсайтов приводят к появлению новых угроз экономической безопасности экосистемы региона. Стоит помнить, о том, что технологии — это не только драйвер развития, но и генератор новых угроз экономической безопасности акторов экосистемы региона. Новые технологические решения трансформируют институциональные отношения, влияют на политические, экологические и правовые процессы. Цифровизация породила новые угрозы и риски для акторов, которых ранее не существовало (например, удаленный контроль над производственными автоматами). Глобальность цифровых технологий сделала данные угрозы общемировыми.

Иерархия уровней оценки структуры экосистемы региона включает в себя отношения между субъектами хозяйственной деятельности, сетевых взаимодействий, институционального взаимодействия, так же можно выделить уровень управляющих воздействий. Такая иерархия сопоставляет стратегии развития управляющих систем и объектов управления в экосистеме региона [14].

Такой подход оценки позволяет выделить и оценить факторы, влияющие на формирование потоков вещества энергии и информации в экосистеме региона, а также является инструментом расчета дисперсионного анализа данных потоков. Определение общественных интересов разных городов может быть проведено при помощи систем умных городов, что является сервисной частью экосистемы региона.

Логика экосистемного подхода говорит о том, что дисбалансы хозяйствования могут быть преодолены путем формирования экосистемы разумного типа использующей технологии полного цикла и замкнутые ресурсные потоки. Эффективность экосистемы региона равна, таким образом, эффективности использования ресурсов. Такой подход оценки эффективности является универсальным для экосистем, в которых протекает технологическая трансформация. Приведем пример: расточительным является использование личного автомобиля менее часа в день. Поэтому разрабатываются сервисы совместного использования автомобилей (Uber). Данный подход в настоящее время имеет тенденцию роста и распространения

на другие сферы деятельности. Внедрение совместного пользования тех или иных вещей требует проведения оценки эффективности использования ресурсов [15].

Однако у совместного использования есть и минусы, внедрение такого подхода сокращает рынки, приводит к массовым увольнениям, снижает государственный контроль. Несмотря на это совместное пользование вещей главная задача рационального развития экосистем, что требует разработки новых форм государственного контроля, а промышленности требуются новые формы адаптации к новым условиям.

Экосистемный подход к экономической безопасности региона имеет следующие преимущества: снижение рисков при достижении синергетических эффектов, это происходит за счет распределения рисков между акторами экосистемы. В экосистеме региона сети акторов формируют новые риски экономической безопасности, состоящие в объединении акторов в сеть для реализации общего проекта.

Инновационная экосистема региона полностью соответствует парадигме четвертой промышленной революции, то есть обладает способностью производить новые товары и услуги для населения без вреда для окружающей среды. Для этого также необходимо производить оценку эффективности потребления ресурсов. Для оценки эффективности использования ресурсов необходимо использовать аппарат цикличной экономики с учетом направленности на экологичность и конкурентной средой для предпринимателей, все выше перечисленное направлено на повышение эффективности использования ресурсов и формирования замкнутых ресурсных циклов.

Этому способствует методика пожизненного обслуживания товара, имеющая значение в экосистемной теории. С позиций теории замкнутых ресурсных циклов оценка производится по следующим пунктам: внешняя среда, включающая в себя интересы населения, институции, внедряемые технологии, измерения дисперсии между используемыми на практике бизнес-моделями и теоретическими постулатами экосистемной теории, а также исследование необходимых изменений [34].

Существование общества как системы обеспечивает информация. Информационные потоки связывают отдельных индивидов в сообщество. В настоящее время для связи членов общества используются технические устройства, осуществляющие хранение и передачу информации меж-

ду членами общества. Традиционная культура общения заменяется общением в социальных сетях. Техника позволяет получать информацию для потребления в любом месте, в любое время. Таким образом, уплотняется социальное время человека, возрастают, ценность времени и его значение. Цифровая форма обмена информацией между членами общества приводит к уходу от абстрактного восприятия перспектив и угроз, но приводит к их замещению конкретными. Причинами данного изменения являются уплотненное социальное время личности и нехватка энергии на осмысление потребляемой информации [9].

В социальном сознании людей происходит процесс абстрактизации и распрямления пространства, следствием которого является размытие на ранних этапах и утрачивание на поздних этапах социальным пространством своей иерархии, конкретики, системности. В то же время происходит объединение физического и виртуального пространства, что приводит к отождествлению традиционного способа коммуникации между людьми с виртуальной коммуникацией. При этом человека все меньше интересует обоснованность и доказуемость получаемой информации, а больше интересует форма подачи, наглядность, доступность, то есть внешние атрибуты. Так как структура социального пространства размыта, то в нем нет и общих для всего общества ценностей, что приводит синкретизму и эклектике социального пространства. Синкретизм и эклектика приводят к неосознанной смене стилей жизни членами общества. Цифровые технологии (в частности, социальные сети), позволяют создавать индивидуальные социальные подпространства, основанные на опыте одного человека.

В современном мире человеку приходится одновременно пребывать сразу в нескольких событиях, поэтому время для него становится полихронным. Время часто измеряют в деньгах, а свободное время, не как время, не занятое деятельностью, а как время для альтернативной деятельности. Например, оно тратится на рутинный поиск информации в интернете, установление новых виртуальных коммуникаций. Человек «убивает» время бессмысленными занятиями, так как не имеет алгоритмов использования свободного времени. Скорость жизни человека в современном мире объективно и субъективно высокая, что повышает ценность времени как экономического ресурса. Время теряет системность наряду с пространством. Время — это характеристика индивида и общества, в котором он находится. Оно ха-

рактеризует принципы развития социальной реальности индивида. Время дробится на небольшие единицы (например, брифинг, доля времени, промежутки), определяющие продолжительность событийного ряда, не нуждающиеся в дополнительном осмыслении, с целью повышения устойчивости общества [25].

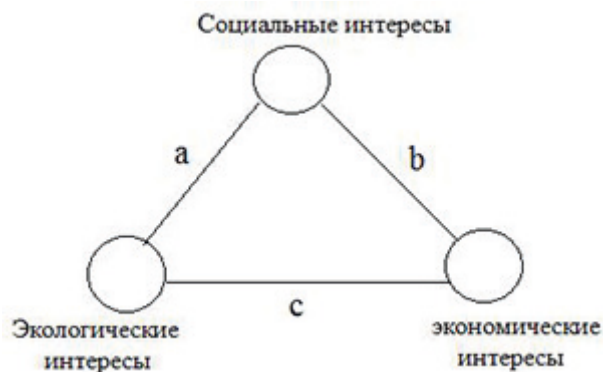
Энергия в современном мире — основной ресурс наряду со временем. Деятельность человека в современном мире направлена на экономию энергии, как правило, за счет минимизации усилий для достижения поставленной цели. Одновременно человек требует, чтобы усилия, приложенные в социальном пространстве, были вознаграждены в скором времени и в конкретных формах. В высшей степени это выражается в том, что даже за альтруизм люди требуют награды. Так как времени современному человеку не хватает, то удовлетворение потребностей приобретает простые формы, поскольку на сложные чувства не хватает времени [30].

В результате происходящих изменений восприятия пространства и времени возникает угроза создания и навязывания человеку крупными фирмами искусственного пространства с искусственными ценностями, с целью получения прибыли, при этом крупные производители способны формировать новые ценности непрерывно, извлекая непрерывную прибыль.

Социо-эколого-экономические интересы основываются на необходимости тех или иных групп удовлетворять свои потребности. Например, удовлетворение экономических потребностей осуществляется за счет экономических благ, производимых обществом из природных ресурсов с применением технологий. Следовательно, сбережение природных ресурсов является экологическим интересом общества, в силу того, что природа — это естественная среда обитания человека как вида. Для осуществления экологических интересов общества используются методы воспроизводства биосферы [1; 33].

Дисбалансы социо-эколого-экономических интересов возникают в тех случаях, когда одни интересы удовлетворяются за счет ущемления других. На практике экономические интересы удовлетворяются за счет экологических интересов. Следовательно, такая система хозяйствования малоэффективна, за счет наличия дисбалансов и несогласованности интересов. Для повышения эффективности хозяйствования необходим механизм сбалансированности социо-эколого-экономических интересов.

Наглядно баланс социо-эколого-экономических интересов можно представить в виде циклической схемы взаимодействия составляющих компонент. Социальные, экологические и экономические интересы общества, связаны между собой, как представлено на рисунке. Равенство взаимосвязей показывает баланс интересов, если связи разной длины, то произошел дисбаланс интересов [8].

Баланс социо-эколого-экономических интересов общества
Balance of socio-ecological and economic interests of society

Таким образом, интересы являются результатом осознания людьми своих потребностей и проявляются посредством системы социальных отношений, участники которых являются движущей силой, определяющей уровень удовлетворения суммы потребностей региона в социо-эколого-экономических благах.

Исследования говорят о готовности хозяйствующих субъектов осуществить переход от ресурсоемких технологий к ресурсосберегающим, направленным на пожизненное обслуживание продукта. Помимо вышеперечисленного, для оценки эффективности можно использовать теорию промышленного симбиоза. Компьютеры ближайшего будущего, используя искусственный интеллект, позволят производить качественный анализ больших баз данных, собранных со всех предприятий мира, что позволяет производить оценку использования ресурсов экосистемы планетарного масштаба. Теория промышленного метаболизма подразумевает, что предприятия образуют симбиотическую систему хозяйствования, подобную биосферному симбиозу. Промышленный симбиоз подразумевает постоянное сотрудничество фирм в форме повышения образования сотрудников; обмена технологиями, ресурсами, методами управления; совместных проектов, общих целей [32; 37].

Достоинством теории промышленного симбиоза является применение искусственного интеллекта для выявления факторов проведения оценки планетарной экосистемы и анализа эффективности использования ресурсов, как вещественных, так и энергетических. Развитие экосистемы усиливается за счет использования цифровых технологий в отраслях, напрямую связанных с их производством, а затем расширяется на все ниши хозяйственной деятельности. Примером тому служит инновационная экосистема Сбербанка. Исследователи из Дании считают, что цифровизация в потенциале может сформировать цифровую экосистему планетарного масштаба, состоящую из метаболизма акторов системы, за счет сокращения транзакционных издержек между различными участниками отношений. То есть выгоды от создания такой системы в основном институциональные [19; 20].

Структура внедрения цифровых технологий включает в себя: комплексные инструменты контроля качества обслуживания (связь клиента и бизнеса); автоматизированное управление производственным оборудованием; удаленное управление производственным оборудованием (оператор удаленно управляет процессами производства); синхронизация, координация, анализ и оптимизация производства предприятия с целью внесения оперативных поправок; сбор и анализ информации о производственных процессах предприятия с целью принятия управленческих решений; управление ресурсами предприятия; автоматизация процессов работы с клиентами, повышения уровня продаж.

Перечисленные выше технологии образуют систему управления предприятием и производственными процессами. Процессы цифровизации не затрагивают фундаментальные основы предприятия, поэтому основная роль цифровизации предприятия состоит в повышении экономической эффективности его деятельности [11; 27].

Цифровая экономика представляет ряд угроз. Безработица. Цифровые технологии вытеснят людей из некоторых профессий. Например, кассиры, таксисты, юристы, занятые стандартными операциями, и прочие будут вытеснены с рынка труда. В целом профессии, не требующие креативного подхода для решения производственных задач, будут заменены роботами.

Те же сложности коснутся управленческого сектора, как отдельного предприятия, региона и государства. Информация о состоянии оборудования, процессах производства, ресурсах пред-

приятия, конъюнктуре рынка и других факторах стекается в единый центр, где автоматически обрабатывается, и на основе анализа искусственный интеллект принимает управленческое решение. Следовательно, управленческий аппарат частично будет замещен искусственным интеллектом. Однако цифровизация создаст и новые профессии. Например, специалист по большим базам данных, разработчик искусственного интеллекта, специалисты по обслуживанию беспилотных транспортных средств и другие.

Таким образом, в будущем люди полностью или частично покинут опасные и однообразные виды деятельности. Поэтому важным становится вопрос о финансовом обеспечении людей, потерявших работу вследствие цифровизации. Массовое сокращение рабочих мест может привести к нарушению работы системы социального обеспечения [3].

Результаты и обсуждение. Предложения по формированию механизма сбалансированного удовлетворения социо-эколого-экономических интересов общества

Механизм, обеспечивающий баланс удовлетворения социо-эколого-экономических интересов, основывается на показателях сбалансированности социо-эколого-экономической системы. Основным индикатором является отношение объема выбросов загрязняющих веществ к ассимиляционной способности природной среды. В настоящий момент времени объем выбросов превышает способность среды к самовосстановлению, что является мировой проблемой.

Решением данной проблемы могут быть следующие предложения.

1. Сокращение нагрузки на природные комплексы от производственной деятельности, транспорта, а также эксплуатации технических устройств, на основе правильной утилизации, увеличения энергоэффективности устройств, использования экологических материалов, использование альтернативных источников энергии.
2. Использование цифровых технологий для развития низкоуглеродной экономики, что позволит снизить объемы выбросов и повысит качество распределения и потребления продуктов во всех отраслях экономики и в обществе.
3. Сокращение потребления энергии и материалов, путем виртуализации некоторых товаров и услуг, например, онлайн-консультации, магазины.
4. Формирование новых моделей поведения людей и синергетических эффектов от взаимодействия индивидов в обществе, различных

структур и органов власти. Цифровые технологии повысят влияние общества на процессы управления [16].

Современные хозяйственные отношения строятся на сети Интернет, который предоставляется телекоммуникационными компаниями, являющимися в настоящее время крупными загрязнителями окружающей среды. Поэтому имеет смысл сформулировать некоторые рекомендации, позволяющие телекоммуникационным компаниям снизить нагрузку на окружающую среду.

1. Осуществить модернизацию сетей беспроводного интернета (5G), что позволит сократить выбросы CO₂ на 70 % с каждого переданного гигабайта информации.

2. Провести оптимизацию систем охлаждения в дата-центрах, путем использования искусственного интеллекта.

3. Использовать альтернативные источники энергии: содействовать переходу корпораций к низкоуглеродным технологиям, совершенствованию процессов производства и управления. Стоит отметить, что альтернативная энергетика не способна решить всех экологических проблем, поэтому использование технологий альтернативной энергетики необходимо использовать адресно, для тех фирм или регионов, где это особенно необходимо.

4. Снизить объем отходов участников сети распределения продукции, при помощи ремонта продукции в сервисных центрах (например, ремонт или утилизация телефонов и другой техники), что позволит снизить нагрузку на природные комплексы. Для стимулирования снижения выбросов углекислого газа телекоммуникационными компаниями можно назначить различные цены на энергию в зависимости от способа ее производства, что подтолкнет телекоммуникационные компании перейти на более чистые источники энергии, например, атомные и гидроэлектростанции [2; 28].

Выводы

Альтернативная энергетика. В настоящее время нет общепринятых оценок возможности развития альтернативных источников энергетики в регионах и снижения антропогенного влияния на биосферу при осуществлении перехода к ним. Однако существуют авторские подходы [7], позволяющие осуществлять оценку социо-эколого-экономической сбалансированности регионов на основе соотношения техногенных потоков с ассимиляционным потенциалом экосистем, в том числе и с учетом увеличения в энергетическом ба-

лансе доли альтернативной энергии. В указанном подходе сбалансированность определяется на основе специального индикатора. Управленческое воздействие на него дает возможность влиять на него в необходимом направлении, в результате изменяя сложившуюся ситуацию. Данный индикатор позволяет определять величину антропогенного влияния на конкретной территории, беря за основу соотношение регионального энергопотребления к ассимиляционному потенциалу экосистем региона, что в итоге и дает возможность выявить их способность нейтрализовать негативную антропогенную деятельность [18]. Поскольку экономика региона оценивается в энергетических величинах, это позволяет одновременно оценить и уровень природоемкости экономики. Указанный подход в полной мере можно считать экосистемным, поскольку в нем в полной мере учитываются природные характеристики региональных ландшафтов: площади, занятые лесами, селитебные и промышленные территории, сельскохозяйственные угодья, реки и озера и др.

Улучшение сложившейся неблагоприятной экологической ситуации в регионе достигается при условии перехода социо-эколого-экономической среды региона к более устойчивой модели функционирования, при которой материально-энергетические потоки хозяйственной деятельности не будут превышать природные материально-энергетические потоки, определяющие уровень ассимиляционного потенциала региона. Решения, направленные на управление региональной хозяйственной системой, нацелены на регулирование потоков вещества, энергии и информации, с целью поддержания баланса между социальной, экономической и экологической компонентами.

Региональная социо-эколого-экономическая система описывается потоками между составляющими ее компонентами, а также внешней и внутренней средой. Следовательно, универсальные показатели баланса системы могут быть выражены через расход энергии, их регуляция позволяет поддерживать баланс между компонентами, что позволяет разработать эффективные системы управления хозяйственной деятельности региона. В экономической науке такое поддержание пропорций называется межотраслевым балансом. При рациональном природопользовании указанный баланс — это предельно допустимый объем хозяйственной деятельности, выраженный в затратах энергии, негативные последствия которой способен нейтрализовать ассимиляционный потенциал природных экосистем региона.

Наибольшее значение для функционирования социо-эколого-экономической системы имеет поддержание пропорций между валовым региональным продуктом (ВРП), выраженным в единицах энергетической мощности, и предельно допустимой энергетической нагрузкой, приходящейся на экосистемы региона. На значение величин ВРП в единицах энергетической мощности в значительной степени влияет электроэнергетический комплекс. Ископаемое топливо существенно определяет уровень формируемых хозяйственной деятельностью негативных материально-энергетических потоков.

Альтернативная энергетика, используя материально-энергетические потоки биосферы, фактически не изменяет их, что в итоге ведет к большей сбалансированности социо-эколого-экономической системы региона, оздоровлению экологической ситуации в регионе в целом. Опираясь на указанный выше индикатор, была осуществлена оценка социо-эколого-экономической сбалансированности региона с учетом прогнозирования развития возобновляемых источников энергии. Исследование позволило выявить, что в настоящее время большинство регионов Уральского федерального округа находятся в несбалансированном состоянии. Индикатор сбалансированности изменяется от 1,81 в Ханты-Мансийском автономном округе, до 15,02 в Челябинской области. В Уральском федеральном округе этот показатель составляет в среднем 1,84 при допустимой величине, равной единице. Такой антропогенный прессинг объясняется присутствием энергоемких отраслей экономики, и деятельностью энергетического комплекса, использующего ископаемое топливо. Осуществленные расчеты позволили предположить: при действующих прогнозных сценариях перехода на возобновляемые источники энергии в Российской Федерации в 2030 году в 3–5 %, неприемлемый уровень несбалансированности практически не изменится. Для обеспечения социо-эколого-экономической сбалансированности регионов УрФО необходи-

мо увеличение доли возобновляемых источников энергии до 46% [7]. Однако далее была выявлена некоторая закономерность: даже полный переход к возобновляемым источникам энергии и достижение сбалансированности по энергетическим показателям техносферы и экосистем региона, может не позволить достичь соблюдения углеродного баланса. Существующие особенности регионального землепользования, деятельность сельского хозяйства, продолжающееся сведение естественных экосистем являются катализаторами антропогенной эмиссии углерода. Для достижения полной сбалансированности, потребуется определить долю экосистем, способных поддерживать углеродный баланс, и стать таким образом экологическим каркасом региона.

Проведенное исследование позволяет поставить задачи дальнейших исследований:

1. Выявление наиболее перспективных источников альтернативной энергии на основе оценки природных условий региона.
2. Формирование возможных сценариев развития альтернативной электроэнергетики в регионе.
3. Научное обоснование нового методического инструментария оценки ассимиляционной емкости региона по предельно допустимой энергетической нагрузке с учетом сохранения углеродного баланса, для прогнозирования изменений в состоянии окружающей среды региона при развитии альтернативной энергетики.
5. Определение территорий ненарушенных экосистем, необходимых для поддержания углеродного баланса в регионе.
4. Выявление новых закономерностей, связанных с повышением уровня устойчивости социо-эколого-экономической среды региона по мере увеличения доли альтернативных источников энергии в энергобалансе.
5. Прогнозирование возможности развития альтернативных источников энергии и снижения негативного воздействия на окружающую среду региона при различных сценариях перехода к альтернативной энергетике.

Список источников

1. Глазьев С. Ю. Мировоззренческие уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.
2. Голова И. М. Теоретические основы инновационного развития территориальных сообществ: современное состояние и направления формирования // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 161–184. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.1>
3. Гончаренко Л. П., Сыбачин С. А. Цифровизация национальной экономики // Вестник университета. 2019. № 8. С. 32–38.

4. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю. Обоснование теоретико-методологической модели оценки устойчивости социо-эколого-экономической среды региона // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 9-1 (63). С. 6–8.
5. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю. Системная самоорганизация сбалансированного развития региональной социо-эколого-экономической системы // *Инновационное развитие экономики*. 2020. № 2 (56). С. 108–116.
6. Даванков А. Ю., Двинин Д. Ю., Дегтярев П. Я., Мальцев Ю. Г. Общенаучные и специфические основы территориальных исследований // *Управление в современных системах*. 2020. № 3 (27). С. 16–22.
7. Двинин Д. Ю., Даванков А. Ю. Влияние уровня развития альтернативной энергетики на сбалансированность регионов Уральского федерального округа // *Экономическая теория*. 2021. Т. 18, № 2. С. 265–276. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.8>
8. Даванков А. Ю., Мальцев Ю. Г., Павлов Н. И. Факторы, формирующие поведенческие особенности территориальной хозяйственной деятельности населения // *Экономика и предпринимательство*. 2021. № 3 (128). С. 516–520.
9. Егле Л. Ю. Локальные культуры в условиях процесса глобализации // *Диалог культур. Глобализация, традиции и толерантность* : сб. ст. Всероссийской научно-практической онлайн-конференции. Кемерово : КемГУКИ : ООО «Юнита», 2009. С. 350–362.
10. Загайный В. В. Природоохранная деятельность предприятия как неодолимое условие социо-эколого-экономического развития общества // *Интернет-журнал Науковедение*. 2014. № 4 (23). С. 61.
11. Истомина Е. А. Оценка трендов цифровизации в промышленности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 12 (422). С. 108–116.
12. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика цифрового века. Цифровой век: шаги эволюции // *Экономика и математические методы*. 2020. Т. 56, № 1. С. 18–33.
13. Клейнер Г. Б. Социально-экономические экосистемы в контексте дуального пространственно-временного анализа // *Экономика и управление: проблемы и решения*. 2018. № 5 (5). С. 5–13.
14. Клейнер Г. Б. Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 2 (64). С. 59–69.
15. Мазелис Л. С., Солодухин К. С., Лавренюк К. И. Нечеткая модель анализа рисков развития социально-экономической системы на основе стейкхолдерского подхода // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2017. Т. 3, № 3. С. 242–260.
16. Перелет Р. А. Экологические аспекты цифровой экономики // *Экономика XXI века*. 2018. № 4. С. 39–45.
17. Попов Е. В., Семячков К. А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // *Экономика региона*. 2018. Т. 14, № 4. С. 1088–1101.
18. Постников Е. А. Оценка экологической устойчивости региона // *Материалы всероссийской конференции молодых ученых по институциональной экономике*. Екатеринбург : Ин-т экон. УрО РАН, 2004. С. 210–212.
19. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции : монография / под ред. А. В. Карпушкиной. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2021. 715 с.
20. Проблемы экономической безопасности: вызовы и опыт в условиях цифровой экономики : монография / под ред. А. В. Карпушкиной. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2019. 462 с.
21. Пряхин Г. Н., Мальцев Ю. Г., Банникова Е. С. Трехфазная модель развития региона в эпоху четвертой промышленной революции // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 10 (123). С. 458–460. DOI: 10.34925/EIP.2020.123.10.084
22. Родионова И. А., Липина С. А. Зеленая экономика в России: модель и прогнозы развития // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-24. С. 5462–5466.
23. Селиверстов Ю. И., Люлюченко М. В. Модель формирования инновационной экосистемы региона // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019. № 10-1. С. 101–106.
24. Серебрякова Н. А., Дорохова Н. В., Исаенко М. И. Механизм формирования региональной инновационной подсистемы // *Вестник ВГУИТ*. 2019. Т. 81. № 3. С. 268–273.
25. Смирнов М. Г., Забелина Е. В., Веденеева Е. В., Честюнина Ю. В. Гипотетическая динамическая типическая модель современного общества // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 9 (419). С. 52–58.
26. Сухорукова С. М., Погорелый А. М. Биосферный подход к теории экономического роста // *Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование*. 2017. № 2. С. 5–19.

27. Тарасов И. В., Попов Н. А. Индустрия 4.0: трансформация производственных фабрик // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018. № 3 (108). С. 38–53.
28. Токарева М. С., Чихун Л. П. Инновационные технологии как направление повышения конкурентоспособности телекоммуникационных компаний // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4-1 (81). С. 812–817.
29. Чернов К. А. Организационные особенности разработки и реализации стратегий социально-экономического развития регионов РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2018. Т. 20. № 4. С. 47–54.
30. Чумаков А. Н., Иосеалини А. Д. Философские проблемы. М. : Университет. кн., 2015. 172 с.
31. Bosch M., Dahl A. Assessment for the pan-European region // United Nations Environment Programme (UNEP). United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), 2016. 250 p.
32. Ciasullo M., Troisi O., Grimaldi M., Leone D. Multi-level governance for sustainable innovation in smart communities: an ecosystems approach // International Entrepreneurship and Manage. 2020. Vol. 16. P. 1167–1195.
33. Fomicheva T. V., Kataeva J. O., Sulyagina V. I. Digitization of the population in Russia: Technologies and levels of interaction // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. № 2. P. 4728–4731.
34. Giovanini A., Bittencourt P., Uriona M. Ecosystem de inovação em plataformas de aplicativos // Revista Brasileira de Inovação. 2020. Vol. 19. P. 1–28.
35. Hein A., Weking J., Schreieck M. Value co-creation practices in business-to-business platform ecosystems // Electronic Markets. 2019. Vol. 29. № 3. P. 503–518.
36. Jacobs S., Dendoncker N., Keune H. Ecosystem Services // Global Issues, Local Practices. Elsevier, 2014. 411 p.
37. Nepelski D., Van Roy V. Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme // The Journal of Technology Transfer. 2021. № 46. P. 792–827.
38. Nolan A., Guellec D. The digitalisation of science, technology and innovation. An overview of key developments and policies // OECD, DSTI- STP. 2019. Vol. 14.
39. Salamatov A., Maltsev Y., Pavlov N. Region innovative development in the Russian economy technological transformation: ecosystem approach // E3S Web of Conferences. 2021. № 258. P. 1–8. DOI: 10.1051/e3sconf/202125812004.
40. Schmidt-Bleek F. The Earth: Natural Resources and Human Intervention (Sustainability Project). London: Haus publishing, 2009. 256 p.

References

1. Glazyev SYu. World economic structures in global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*. 2016;52(2):3–29. (In Russ.).
2. Golova IM. The oretical foundations of innovative development of territorial communities: the current state and directions of formation. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic theory*. 2021;18(2):161–184. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-2.1> (In Russ.).
3. Goncharenko LP, Sybachin SA. Digitalization of the national economy. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2019;(8):32–38. (In Russ.).
4. Davankov AYu, Dvinin DYu. Substantiation of the theoretical and methodological model for assessing the sustainability of the socio-ecological and economic environment of the region. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2017;(9-1(63):6–8. (In Russ.).
5. Davankov AYu, Dvinin DYu. Systemic self-organization of the balanced development of the regional socio-ecological-economic system. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Innovative development of the economy*. 2020;(2(56):108–116. (In Russ.).
6. Davankov AYu, Dvinin DYu, Degtyarev PYa, Maltsev YuG. General scientific and specific foundations of territorial research. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki = Management in modern systems*. 2020;(3(27):16–22. (In Russ.).
7. Dvinin DYu, Davankov AYu. Influence of the level of development of alternative energy on the balance of the regions of the Ural Federal District. *Ekonomicheskaya teoriya = Economic theory*. 2021;18(2):265–276. (In Russ.).
8. Davankov AYu, Maltsev YuG, Pavlov NI. Factors that form the behavioral features of the territorial economic activity of the population. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2021;(3(128):516–520. (In Russ.).

9. Egle LYu. Local cultures in the context of the globalization process. In: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya onlayn-konferentsiya "Dialog kul'tur. Globalizatsiya, traditsii i tolerantnost'" = All-Russian scientific and practical online conference "Dialogue of cultures. Globalization, traditions and tolerance": Collection of articles. Kemerovo, KemGUKI, Unita; 2009. 350–362. (In Russ.).
10. Zagainy VV. Nature protection activity of an enterprise as an irresistible condition for the socio-ecological and economic development of society. *Internet-zhurnal Naukovedenie = Science Internet Journal*. 2014;(4(23):61. (In Russ.).
11. Istomina EA. Otsenka trendov tsifrovizatsii v promyshlennosti. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(12(422):108–116. (In Russ.).
12. Kleiner GB. Intellectual economy of the digital age. Digital Age: Steps of Evolution. *Ekonomika i matematicheskie metody = Economics and Mathematical Methods*. 2020;56(1):18–33. (In Russ.).
13. Kleiner GB. Socio-economic ecosystems in the context of dual spatio-temporal analysis. *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya = Economics and Management: Problems and Solutions*. 2018;(5(5):5–13. (In Russ.).
14. Kleiner GB. System reconstruction of the Russian socio-economic space. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2020;(2(64):59–69. (In Russ.).
15. Mazelis LS, Solodukhin KS, Lavrenyuk KI. Fuzzy risk analysis model for the development of a socio-economic system based on the stakeholder approach. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2017;3(3):242–260. (In Russ.).
16. Perelet RA. Ecological aspects of the digital economy. *Ekonomika XXI veka = Economy of the 21st century*. 2018;(4):39–45. (In Russ.).
17. Popov EV, Semyachkov KA. Problems of economic security of the digital society in the context of globalization. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2018;14(4):1088–1101. (In Russ.).
18. Postnikov EA. Assessment of environmental sustainability of the region. In: Materialy vserossiyskoy konferentsii molodykh uchenykh po institutsional'noy ekonomike = Materials of the All-Russian Conference of Young Scientists on Institutional Economics. Yekaterinburg, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2004. Pp. 210–212. (In Russ.).
19. Karpushkina AV. (ed.) Problems of economic security: new global challenges and trends: monograph. Chelyabinsk, SUSU Publishing Center; 2021. 715 p. (In Russ.).
20. Karpushkina AV. (ed.) Problems of economic security: challenges and experience in the digital economy: monograph. Chelyabinsk, SUSU Publishing Center; 2019. 462 p. (In Russ.).
21. Pryakhin GN, Maltsev YuG, Bannikova ES. Three-phase model of regional development in the era of the fourth industrial revolution. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and Entrepreneurship*. 2020;(10(123):458–460. [https:// DOI: 10.34925/EIP.2020.123.10.084](https://doi.org/10.34925/EIP.2020.123.10.084) (In Russ.).
22. Rodionova IA, Lipina SA. Green Economy in Russia: Model and Development Forecasts. *Fundamentalnie issledovaniya = Fundamental Research*. 2015;(2-24):5462–5466. (In Russ.).
23. Seliverstov YuI, Lyulyuchenko MV. A model for the formation of the region's innovative ecosystem. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019;(10-1):101–106. (In Russ.).
24. Serebryakova NA, Dorohova NV, Isaenko MI. The mechanism of formation of the regional innovation subsystem. *Vestnik VGUIT = Bulletin VGUIT*. 2019;81(3):268–273. (In Russ.).
25. Smirnov MG, Zabelina EV, Vedeneva EV, Chestyunina YuV. Hypothetical dynamic typical model of modern society. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2018;(9(419):52–58. (In Russ.).
26. Sukhorukova SM, Pogorely AM. Biospheric approach to the theory of economic growth. *Koevolutia i noosfera: issledovaniya, analitika, prognozirovaniye = Coevolution and noosphere: research, analytics, forecasting*. 2017;(2):5–19. (In Russ.).
27. Tarasov IV, Popov NA. Industry 4.0: transformation of industrial factories. *Strategicheskie reshenia i risk menegment = Strategic decisions and risk management*. 2018;(3(108):38–53. (In Russ.).
28. Tokareva MS, Chikhun LP. Innovative technologies as a way to increase the competitiveness of telecommunications companies. *Ekonomika i predprinimatelstvo = Economics and Entrepreneurship*. 2017;(4-1(81):812–817. (In Russ.).

29. Chernov KA. Organizational features of the development and implementation of strategies for the socio-economic development of the regions of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria 3. Ekonomika. Ekologia = Bulletin of the Volgograd State University. Series 3. Economics. Ecology*. 2018;20(4):47–54. (In Russ.).
30. Chumakov AN, Iosealini AD. Philosophical problems. Moscow, University book; 2015. 172 p. (In Russ.).
31. Bosch M, Dahl A. Assessment for the pan-European region. United Nations Environment Programme (UNEP). United Nations Economic Commission for Europe (UNECE); 2016. 250 p.
32. Ciasullo M, Troisi O, Grimaldi M, Leone D. Multi-level governance for sustainable innovation in smart communities: an ecosystems approach. *International Entrepreneurship and Manage*. 2016;(16):1167–1195.
33. Fomicheva TV, Kataeva JO, Sulyagina VI. Digitization of the population in Russia: Technologies and levels of interaction. *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019;8(2):4728–4731.
34. Giovanini A, Bittencourt P, Uriona M. Ecosystem de inovação em plataformas de aplicativos. *Revista Brasileira de Inovação*. 2020;19:1–28.
35. Hein A, Weking J, Schrieck M. Value co-creation practices in business-to-business platform ecosystems. *Electronic Markets*. 2019;29(3):503–518.
36. Jacobs S, Dendoncker N, Keune H. Ecosystem Services. Global Issues, Local Practices. Elsevier; 2014. 411 p.
37. Nepelski D, Van Roy V. Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme. *The Journal of Technology Transfer*. 2021;(46):792–827.
38. Nolan A, Guellec D. The digitalisation of science, technology and innovation. An overview of key developments and policies. *OECD, DSTI-STP*. 2019;14.
39. Salamatov A, Maltsev Yu, Pavlov N. Region innovative development in the Russian economy technological transformation: ecosystem approach. *E3S Web of Conferences*. 2021;(258):1–8. DOI: 10.1051/e3s-conf/202125812004.
40. Schmidt-Bleek F. The Earth: Natural Resources and Human Intervention (Sustainability Project). London, Haus publishing; 2009. 256 p.

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, доцент, декан экономического факультета.

Ю. Г. Мальцев — младший научный сотрудник кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии.

Е. С. Банникова — преподаватель-исследователь, соискатель степени кандидата экономических наук.

Д. Ю. Двинин — кандидат экономических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования факультета экологии.

Information about the authors

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Economics.

Yu. G. Maltsev — junior researcher, Department of Geoecology and Environmental Management Faculty of Ecology.

E. S. Bannikova — teacher-researcher, PhD student.

D. Yu. Dvinin — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Geoecology and Environmental Management Faculty of Ecology.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 145–152.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):145-152. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 332; 338; 377

doi: 10.47475/1994–2796–2022–10615

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ В МЕЛИОРАТИВНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Александра Анатольевна Угрюмова¹, Людмила Евгеньевна Паутова²✉

^{1,2} Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», Коломна, Россия

¹ feminaa@mail.ru, ORCID 0000-0002-4549-0117.

² cosidanie35@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8879-0585.

Аннотация. Представлены результаты по проблеме изучения ключевых компетенций цифровой экономики у специалистов мелиоративной отрасли РФ. Актуальность работы связана с необходимостью изучения процессов трансформации национальной экономики в целом и мелиоративной отрасли в частности к цифровым технологиям, обеспечивающим существенное повышение эффективности деятельности организаций в рыночной среде. В качестве научной новизны были сформулированы показатели ключевых компетенций цифровой экономики трудовых ресурсов мелиоративной отрасли РФ, позволяющие конкретизировать наиболее существенные тенденции изменения профессиональных компетенций работников мелиоративной отрасли. Цель исследования заключается в изучении и конкретизации показателей цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли в условиях цифровой трансформации современного социально-экономического развития РФ. В статье были использованы такие методы исследования, как ситуационный и логический анализ. Результаты исследования: идентификация важнейших цифровых компетенций отрасли и выявление наиболее значимых проблем их формирования. Практическая значимость: сформулированные в работе выводы позволили сопоставить выделенные ключевые компетенции цифровой экономики и трудовые функции в профессиональных стандартах отрасли.

Ключевые слова: ключевые компетенции цифровой экономики, профессиональное саморазвитие, трудовые функции.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Минсельхоза России в рамках государственного контракта с ФГБНУ ВНИИ «Радуга» на 2021 г.

Для цитирования: Угрюмова А. А., Паутова Л. Е. Ключевые компетенции в мелиоративной отрасли России в сфере цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 145–152. doi: 10.47475/1994–2796–2022–10615

Original article

KEY COMPETENCIES IN THE RECLAMATION INDUSTRY OF RUSSIA IN THE FIELD OF DIGITAL ECONOMY

Alexandra A. Ugryumova¹, Lyudmila E. Pautova²✉

^{1,2} All-Russian Research Institute of Irrigation and Agricultural Water Supply Systems „Raduga“, Kolomna, Russia,

¹ feminaa@mail.ru, ORCID 0000-0002-4549-0117.

² cosidanie35@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8879-0585.

Abstract. The results on the problem of studying the key competencies of the digital economy from specialists of the reclamation industry of the Russian Federation are presented. The relevance of the work is connected with

the need to study the processes of transformation of the national economy in general and the reclamation industry in particular to digital technologies that provide a significant increase in the efficiency of organizations in the market environment. As a scientific novelty, indicators of the key competencies of the digital economy of the labor resources of the reclamation industry of the Russian Federation were formulated, allowing to specify the most significant trends in the change of professional competencies of workers of the reclamation industry. The purpose of the study is to study and specify the indicators of digital competencies of specialists in the reclamation industry in the context of digital transformation of modern socio-economic development of the Russian Federation. The article used such research methods as situational and logical analysis. Research results: identification of the most important digital competencies of the industry and identification of the most significant problems of their formation. Practical significance: the conclusions formulated in the paper made it possible to compare the identified key competencies of the digital economy and labor functions in the professional standards of the industry.

Keywords: key competencies of the digital economy, professional self-development, labor functions

Acknowledgements: the study was carried out with the financial support of the Ministry of Agriculture of Russia under the State Contract with the Federal State Budgetary Research Institute “Raduga” for 2021.

For citation: Ugryumova A.A., Pautova L.E. Key Competencies in the Reclamation Industry of Russia in the Field of Digital Economy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):145-152. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10615

Введение

В современных условиях перехода к цифровой экономике в мелиоративной отрасли АПК России авторами в нормативно-правовых актах выявлены некоторые направления развития цифровизации сельского хозяйства, которые задают определенные требования к отраслевому рынку труда. К основным, критически важным с точки зрения работодателей, профессиональным компетенциям специалиста относят цифровые навыки. В связи с этим, возможно предположить, что в ближайшем будущем «грядет» масштабная трансформация профессиональных требований к специалистам мелиоративной отрасли на всех уровнях: от получения профессионального образования до программ профессиональной подготовки отраслевых кадров. Развитие современного общества характеризуется разрывами между темпами его цифровизации и уровнем образования (подготовленностью) рабочей силы в цифровой среде. Высокие темпы изменения и увеличения новых знаний приводят к отставанию рабочей силы от требований современной цифровой экономики, а это в свою очередь рождает проблемы, связанные не только с поддержанием эффективности и производительности труда работников, но и с сохранением их рабочих мест. Обновление государственных стандартов на этапе подготовки специалистов с высшим образованием не удовлетворяет скорость изменения цифрового пространства страны и отрасли. В связи с этим речь должна идти о постоянной идентификации и коррекции ключевых компетенций цифровой экономики на этапах дополнительного профессионального образования и профессиональной переподготовки.

Цель исследования заключается в изучении и конкретизации показателей цифровых компетенций специалистов мелиоративной отрасли в условиях цифровой трансформации современного социально-экономического развития РФ.

В проведенном авторами исследовании были поставлены следующие задачи:

- изучить мировой опыт и нормативно-правовую документацию, раскрывающие ключевые компетенции цифровой экономики, выявить специфику формирования отраслевых показателей цифровизации;
- конкретизировать структуру показателей цифровых компетенций для специалистов мелиоративной отрасли РФ;
- проанализировать требования к формированию ключевых компетенций цифровой экономики в нормативно-правовых актах РФ и определить их соответствие с трудовыми функциями, изложенными в профессиональных отраслевых стандартах.

Материалы и методы исследования

Результаты анализа современных исследований по проблеме профессионального саморазвития (А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин [5], Е. Н. Жарина, Н. В. Кузьмина и Л. Е. Паутова [8], А. А. Меденцев, А. В. Черняйкин, А. И. Байкалова [10], I. Korshunova, S. Pinaev, S. Tsaregorodtseva [16], I. Sagdullaev [18]) свидетельствуют об актуализации и необходимости непрерывного развития личности современного специалиста в системе профессиональных отношений на всех этапах его последовательного профессионального становления и взаимодействия. Под профессионально-личностным саморазвитием, согласно

психолого-акмеологическому подходу А. А. Деркача, В. Г. Зазыкина [5] и акмесинегретическому подходу С. Д. Пожарского [2], Е. Н. Жариновой, Н. В. Кузьминой и Л. Е. Паутовой [8], мы понимаем процесс развития личности специалиста, ориентированный на высокий уровень профессионализма и профессиональных достижений, осуществляемый с помощью обучения и саморазвития в процессе профессиональной деятельности и профессиональных взаимодействий.

В настоящем исследовании были использованы методы теоретического и практического анализа вопросов формирования ключевых компетенций цифровой экономики (далее по тексту — ККЦЭ) в мелиорации, разработки и систематизации информационно-аналитических материалов по проблеме цифровизации в мелиорации и развития кадров отрасли, логический и ситуационный анализ по проблеме профессионального саморазвития современного специалиста, методы обработки и обобщения результатов исследования.

Результаты исследования

Нормативно-правовые и теоретические особенности ККЦЭ специалиста мелиоративной отрасли

На современном этапе развития цифровизации в России основополагающим федеральным нормативно-правовым актом по унификации понятий цифровых компетенций является Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта „Кадры для цифровой экономики“ национальной программы „Цифровая экономика Российской Федерации“». В данном акте содержится определение и перечень ключевых компетенций цифровой экономики, которыми должны владеть выпускники системы профессионального образования.

Ключевые компетенции цифровой экономики в указанном документе трактуются как компетенции, которые необходимы для решения человеком поставленной задачи или достижения заданного результата деятельности в условиях глобальной цифровизации общественных и бизнес-процессов.

Анализ «перспективных рынков НТИ» (Национальной технологической инициативы) показывает, что владение цифровыми производственными технологиями потребуются от самых различных направлений профессионального образования, в том числе от тех, которые прежде были связаны с процессом цифровизации только на уровне общепользовательских компьютерных навыков [6].

Таким образом, цифровые компетенции необходимы как для выполнения профессиональных задач, так и для полноценного взаимодействия личности с окружающим миром и решения повседневных задач.

Содержательные характеристики ККЦЭ, согласно Приказу¹, задают некоторые направления профессионально-личностного становления специалиста в любой сфере деятельности. Однако применительно к конкретной отрасли профессиональной деятельности указанные компетенции не определены по качественным и количественным показателям и значимости их сформированности на каждом уровне профессионального развития специалиста. В силу данного обстоятельства, считаем целесообразным в настоящем исследовании решение следующих задач:

1. Содержательно определить для специалиста мелиоративной отрасли показатели профессиональных компетенций по каждой ККЦЭ.

2. Определить и обосновать показатели ККЦЭ специалиста мелиоративной отрасли на основе утвержденных отраслевых профессиональных стандартов.

3. Провести анализ показателей ККЦЭ специалиста мелиоративной отрасли на основе данных ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» за период 2020–2021 гг.

Учитывая специфику профессиональной деятельности специалистов мелиоративной отрасли, представленных авторами в ранних исследованиях [12; 13], целесообразным считаем изучение ККЦЭ у работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» по основным общепринятым показателям, представленным в таблице.

На основе таблицы раскроем содержательные характеристики представленных показателей ККЦЭ работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“»:

1. Коммуникация и кооперация в цифровой среде. Эффективная коммуникация связана с развитием у человека коммуникативной компетентности — «способности выражать и интерпретировать мысли, чувства и факты в устной и письменной форме (слушание, говорение, чтение и письмо), а также эффективно коммуницировать в различных социальных и культурных контекстах (образование, работа, дом и отдых)». С учетом

¹ Приказ Минэкономразвития России от 24.01.2020 № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Исследуемые показатели ККЦЭ работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“»
The studied indicators of CCCE of employees of the Federal State Budgetary Institution
“Management “Meliovodkhoz”

№ п/п	Название ККЦЭ	Показатели ККЦЭ для работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“»
1	Коммуникация и кооперация в цифровой среде	ККЦЭ 1.1. — владение современными методами исследования отраслевого взаимодействия; ККЦЭ 1.2. — возможность обмена опытом работы с коллегами в других организациях; ККЦЭ 1.3. — состояние и обслуживание компьютеров
2	Саморазвитие в условиях неопределенности	ККЦЭ 2.1. — личностная потребность в профессиональном саморазвитии; ККЦЭ 2.2. — поиск более эффективных технологий деятельности или управления организацией в целом; ККЦЭ 2.3. — поиск факторов, обеспечивающих профессиональное мастерство
3	Креативное мышление	ККЦЭ 3.1. — привлечение сотрудников к творческой, исследовательской работе в системе управления
4	Управление информацией и данными	ККЦЭ 4.1. — эффективность обмена информацией с сотрудниками внутри организации; ККЦЭ 4.2. — информационное взаимодействие с другими подразделениями
5	Критическое мышление в цифровой среде	ККЦЭ 5.1. — способность к анализу факторов, условий и причин продуктивности собственной деятельности

Источник: составлено авторами.

этого коммуникация и кооперация, или сотрудничество, при выполнении каких-либо действий в профессиональной деятельности любого специалиста проявляются на внешнем плане и за их проявлением, динамикой развития необходимо наблюдать в реальных условиях.

Применительно к специалистам мелиоративной отрасли, подведомственных ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“», данная компетенция была исследована по показателям: владение современными методами исследования отраслевого взаимодействия — показатель коммуникации (условно обозначен ККЦЭ 1.1.), возможность обмена опытом работы с коллегами в других организациях — показатель кооперации (условно обозначен ККЦЭ 1.2.), состояние и обслуживание компьютеров (условно ККЦЭ 1.3.).

2. Саморазвитие в условиях неопределенности. В настоящее время отмечается нарастающий интерес профессионально-образовательного и научного сообщества исследователей к проблемам профессионального саморазвития современных специалистов.

Сформированность данной компетенции у работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» может быть оценена по следующим показателям: личностная потребность в профессиональном саморазвитии (условно обозначим ККЦЭ 2.1.), поиск более эффективных технологий деятельности или управления организацией в целом (условно — ККЦЭ 2.2.), поиск факторов, обеспечивающих профессиональное мастерство (условно — ККЦЭ 2.3.).

3. Креативное мышление. В отличие от критического мышления, описания креативности в работах разных авторов более вариативны. Мы будем придерживаться следующего определения, признанного на мировом уровне: креативность — способность представить и разработать принципиально новые подходы к решению проблем, ответы на вопросы, стоящие перед субъектом, или выражать идеи, применяя, синтезируя и видоизменяя знания [17].

Совместное исследование [9] The Boston Consulting Group и Всемирного экономического форума (Давос) «Новый взгляд на образование» подчеркивает, что в экономике XXI в. от работников крупных и средних компаний потребуется не только знание математики, естественных наук или языков. Главными становятся критическое и творческое мышление, умение работать в коллективе, инициативность, любознательность и настойчивость.

В частности, на первый план выступает выработка креативного мышления, под которым понимается такое мышление, которое ведет к инсайтам, новым подходам, свежим взглядам, в целом — это новый путь понимания и видения вещей [7]. Продукты креативного мышления включают наблюдаемые вещи.

Применительно к специалистам мелиорации такими результатами и проявлениями компетенции «креативное мышление» могут быть проектно-исследовательская работа, технические инновации. Одновременно в процессе исследования были выявлены и менее очевидные профессиональные компетенции, обеспечивающие выработку работниками новых вариантов производственных и управленческих отраслевых решений, возникающих в условиях цифрового взаимодействия и трансформации цифрового пространства. В данном исследовании компетенция «креативное мышление» работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» была исследована по одному показателю — привлечение сотрудников к творческой, исследовательской работе в системе управления (условно обозначим ККЦЭ 3.1.).

4. Управление информацией и данными. Информация — это сведения, которые снижают неопределенность знаний о тех или иных объектах или процессах [14]. Правильно и своевременно переданная информация предоставляет возможность верно сориентироваться и достичь необходимых результатов. В соответствии с комплексным подходом к управлению профессиональной деятельностью специалиста и организацией в целом, управление информацией — способ влияния на мотивацию человека/сотрудника с помощью предоставления и/или получения устной и письменной информации (например, приглашение в театр или информирование о стоимости индивидуального компенсационного пакета) [11]. Управление информацией включает в себя [14]:

- знание определенного предмета;
- навыки получения и приема информации;
- навыки анализа и структурирования информации;
- навыки запоминания информации;
- навыки качественной передачи информации;
- навыки контроля прохождения информации;
- способности формировать структуру коммуникаций при любом общении — личностном и профессиональном.

В мировой практике по вопросам управления информацией «управление данными (англ. data management) — процесс, связанный с накоплением, организацией, запоминанием, обновлением, хранением данных и поиском информации». В частности, к управлению данными относятся:

- анализ данных;
- моделирование данных;
- управление базами данных;
- работа с хранилищами данных;

- извлечение, преобразование и загрузка данных;
- добыча данных;
- обеспечение качества данных;
- защита данных;
- шифрование данных;
- управление метаданными (репозиториями данных);
- архитектура данных.

Значение качественного управления данными усиливается из-за растущих объемов информации и изменений в использовании каналов связи в цифровом пространстве сельского хозяйства [1; 3; 4]. На основе результатов международных исследований в отчете Aruba, компании Hewlett Packard Enterprise определено, что 39 % респондентов ответили (против 10 % в прошлом году): их организация имеет 50 или более баз контактов. Кроме того, использование социальных сетей за последние 12 месяцев (от даты 22.05.2020) выросло на 81 %.

В соответствии с раскрытыми характеристиками, сформированность компетенции «управление информацией и данными» у работников ФГБУ «Управление „Мелиоводхоз“» была определена нами по следующим показателям: эффективность обмена информацией с сотрудниками внутри организации (условно ККЦЭ 4.1.), информационное взаимодействие с другими подразделениями (условно ККЦЭ 4.2.).

5. Критическое мышление. В мировой практике профессионального образования и развития основой в понимании критического мышления считается подход, сформулированный в работах К. Поппера [12] и Hattie J. [15]: мы учимся на ошибках, а не посредством накопления данных. В качестве основных элементов критического мышления можно выделить перечень умений, сформулированный группой экспертов мирового уровня по компетенциям «4К» [7]:

- анализ: умение находить связи между утверждениями, вопросами, аргументами;
- оценка: умение оценивать надежность утверждений, убедительность доводов;
- объяснение (аргументация): умение объяснять ход своих мыслей/метод, защищать свои выводы;
- выводение гипотез (планирование решений): умение формировать гипотезы и самим делать выводы, обнаруживать нехватку информации;
- саморегуляция (контроль): рефлексия, самопроверка и коррекция.

Наилучшим условием для критического мышления является социальная ситуация общения

и взаимодействия: «Я могу ошибаться, и ты можешь ошибаться, но совместными усилиями мы можем постепенно приближаться к истине» [12]. При этом важно, чтобы любая профессиональная или образовательная ситуация представляла когнитивный конфликт, который становится вызовом для мышления личности специалиста.

На основе анализа профессиональных отраслевых стандартов, выявлено отсутствие преемственности между показателями ККЦЭ и трудовых функций в профессиональных отраслевых стандартах по следующим характеристикам:

- «коммуникация и кооперация в цифровой среде» — ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве»;

- «саморазвитие в условиях неопределенности» — ПС «Гидротехник в строительстве», «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»;

- «креативное мышление» — ПС «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»;

- «управление информацией и данными» — ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве», «Специалист по водным биоресурсам и аквакультуре»;

- «критическое мышление в цифровой среде» — ПС «Специалист по эксплуатации мелиоративных систем», «Гидротехник в строительстве».

Заключение и выводы

Анализ особенностей формирования ККЦЭ работников мелиоративной отрасли РФ позволил сделать вывод о том, что:

- в целях становления и развития цифрового пространства отрасли необходимым для всех

этапов дополнительного профессионального образования и профессиональной переподготовки является идентификация и коррекция ключевых компетенций отраслевых кадров;

- отмечен разрыв между темпами цифровизации отрасли и уровнем образования (подготовленностью) рабочей силы к работе в цифровой среде;

- выделены содержательные характеристики ключевых цифровых компетенций работников мелиорации;

- изучены отраслевые нормативно-правовые акты, позволяющие наметить траектории профессиональной подготовки к цифровой экономике специалистов отрасли;

- конкретизирован и содержательно раскрыт перечень показателей ключевых компетенций цифровой экономики для специалистов мелиоративной отрасли;

- выявлено несоответствие в профессиональных отраслевых стандартах, а именно зафиксировано отсутствие трудовых функций, соответствующих требуемым цифровым компетенциям.

Представленные выводы позволяют сделать обобщающее заключение: несмотря на позитивное и существенное развитие цифровизации в сельском хозяйстве России, определяющее повышение эффективности использования кадрового потенциала мелиоративной отрасли, данный процесс не является достаточно унифицированным для мелиоративной отрасли сельского хозяйства страны. В связи с этим выявлена намечающаяся тенденция разработки и внедрения научно-методического, технологического обеспечения по формированию ключевых компетенций цифровой экономики для отраслевых специалистов отрасли.

Список источников

1. Айтпаева А. А. Цифровизация сельского хозяйства в контексте повышения конкурентоспособности отечественного АПК // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 3. С. 56–63.
2. Акмеология философии успеха : монография / под ред. С. Д. Пожарского. СПб.: Северный колледж, 2012. 320 с.
3. Александровская Л. А. Развитие процессов цифровизации в мелиоративной сфере: тенденции и перспективы // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 4 (72). С. 103–110.
4. Астахова Т. Н., Колбанев М. О., Шамин А. А. Децентрализованная цифровая платформа сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2018. № 6 (85). С. 5–17.
5. Деркач А. А. Зызыкин В. Г. Акмеология : учебное пособие. СПб. : Питер, 2003. 364 с.
6. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / П. Н. Биленко, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, Е. Ю. Есенина и др.; под науч. ред. В. И. Блинова. 2020. 98 с.

7. Компетенции «4К»: формирование и оценка : практические рекомендации / авт.-сост. М. А. Пинская, А. М. Михайлова. М. : Российский учебник, 2019. 76 с. URL: [https://vbudushee.ru/upload/iblock/Компетенции %204К. %20Практические %20рекомендации.pdf](https://vbudushee.ru/upload/iblock/Компетенции%204К.%20Практические%20рекомендации.pdf) (дата обращения: 17.01.2022).
8. Кузьмина Н. В., Паутова Л. Е., Жаринова Е. Н. Акмеология — основы профессионализма преподавателя в XXI веке: учебное пособие в 3 ч. Ч. 1. СПб. : Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2018. 200 с.
9. Луо М. Э., Бутенко В., Полунин К. Новый взгляд на образование: раскрывая потенциал образовательных технологий // Образовательная политика. 2015. № 2 (68). С. 72–110.
10. Меденцев А. А., Черняйкин А. В., Байкалова А. И. Многоуровневое дистанционное интерактивное обучение как структурный компонент системы непрерывного сельскохозяйственного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6, № 1. С. 66–74. DOI: 10.15372/PEMW20160110.
11. Папонова Н. Е. Инструменты для управления информацией // Кадры предприятия. 2012. № 11. URL: <https://dis.ru/library/587/30994/> (дата обращения: 15.01.2022).
12. Поппер К. Открытое общество и его враги. М. ; Феникс : Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
13. Потенциал мелиоративной отрасли АПК России: ведущие факторы социально-экономического развития : монография / кол. авт. ; под ред. Г. В. Ольгаренко, А. А. Угрюмовой. М. : РУСАЙНС, 2021. 218 с.
14. Своп У., Леонард Д., Шилдз М., Абрамс Л.. Как превратить знания в стоимость: Решения от IBM Institute for Business Value. М. : Альпина Бизнес Букс, 2006.
15. Hattie J. Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning // Form@re, Open Journal per la formazione in rete. 2013. Vol. 13, no. 2. Pp. 144–147.
16. Korshunova I., Pinaev S., Tsaregorodtseva S. Professionalism of activity: acmeological aspect // SHS Web of Conf. 2020. Vol. 87. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700102>.
17. Lucas B., Claxton G., Spencer E. Progression in Student Creativity in School: First Steps Towards New Forms of Formative Assessments // Contemporary Readings in Law and Social Justice. 2014. № 6. Pp. 81–121.
18. Sagdullaev I., Zhorabekova A., Abilkhairova Zh., Sadauakas G., Tazabekova A. The essence of basic concepts in acmeological science // Collection of Scientific Papers ЛОГОС. 2021. Vol. 1. DOI: 10.36074/logos-05.02.2021.v4.45

References

1. Aitpaeva AA. Digitalization of agriculture in the context of increasing competitiveness of national agro-industrial complex. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2019;(3):56–63. (In Russ.).
2. Pozharsky SD. (ed.) Acmeology of the philosophy of success: a monograph. St. Petersburg: Severnyy kolledzh; 2012. 320 p. (In Russ.).
3. Aleksandrovskaya LA. Development of digitalization processes in the land reclamation sector: trends and prospects. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH) = Vestnik of Rostov State University of Economics (RSUE)*. 2020;4(72):103–110. (In Russ.).
4. Astahova TN, Kolbanov MO, Shamin AA. Decentralized digital platform of agriculture. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*. 2018;6(85):5–17. (In Russ.).
5. Derkach AA. Acmeology: a studies manual. St. Petersburg, Piter Publ.; 2003. 364 p. (In Russ.).
6. Bilenko PN, Blinov VI (ed.), Dulinov MV, Esenina EY et al. The didactic concept of digital vocational education and training. Moscow, Pero Publ.; 2020. 98 p. (In Russ.).
7. Pinskaya MA, Mikhaylova AM. Competences «4K»: formation and evaluation: Practical recommendations. Moscow, Rossiyskiy учебник; 2019. 76 p. Available from: [https://vbudushee.ru/upload/iblock/Компетенции %204К. %20Практические %20рекомендации.pdf](https://vbudushee.ru/upload/iblock/Компетенции%204К.%20Практические%20рекомендации.pdf) (date of circulation 17.01.2022). (In Russ.).
8. Kuz'mina NV, Pautova LE, Zharinova EN. Acmeology — the basics of teacher professionalism in the XXI century: a textbook in 3 parts. Part 1. St. Petersburg : NU “Tsentr strategicheskikh issledovaniy” Publ.; 2018. 200 p. (In Russ.).
9. Luo ME, Butenko V, Polunin K. New vision for education: unlocking the potential of technology. *Obrazovatel'naja politika = Educational Policy Magazine*. 2015;(2(68):72–110. (In Russ.).

10. Medentsev AA, Chernyaykin AV, Baykalova AI. Multilevel distance interactive learning as a structural component of lifelong learning in the field of agriculture. *Professional'noye obrazovaniye v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2016;6(1):66–74. (In Russ.). DOI: 10.15372/PEMW20160110.
11. Paponova NE. Tools for information management. *Kadry predpriyatiya = Personnel of the enterprise*. 2012;(11). Available from: <https://dis.ru/library/587/30994/> (date of circulation 15.01.2022). (In Russ.).
12. Popper K. The Open Society and Its Enemies. Moscow, Feniks, Mezhdunarodnyy fond “Kul'turnaya initsiativa”; 1992. 448 p. (In Russ.).
13. Ol'garenko GV, Ugryumova AA. (eds.). The potential of the reclamation industry of the agro-industrial complex of Russia: the leading factors of socio-economic development: a monograph. Moscow, RuScience Publ.; 2021. 218 p. (In Russ.).
14. Swap W, Leonard D, Shields M, Abrams L. Creating Value with Knowledge: Insights from the IBM Institute for Business Value. Moscow, Alpina Business Books; 2006. (In Russ.).
15. Hattie J. Visible Learning for Teachers: Maximizing Impact on Learning. *Form@re, Open Journal per la formazione in rete*. 2013;13(2):144–147.
16. Korshunova I, Pinaev S, Tsaregorodtseva S. Professionalism of activity: acmeological aspect. SHS Web of Conf. 2020;87. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208700102>.
17. Lucas B, Claxton G, Spencer E. Progression in Student Creativity in School: First Steps Towards New Forms of Formative Assessments. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*. 2014;(6):81–121.
18. Sagdullaev I, Zhorabekova A, Abilkhairova Z, Sadauakas G, Tazabekova A. The essence of basic concepts in acmeological science. Collection of Scientific Papers ЛОГОΣ. 2021;1. DOI: 05.02.2021.v4.45.

Информация об авторах

А. А. Угрюмова — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Л. Е. Паутова — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник

Information about the authors

A. A. Ugryumova — Doctor of economics, professor, chief research worker.

L. E. Pautova — Candidate of Psychological sciences, senior research worker.

Статья поступила в редакцию 22.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022;
принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 22.01.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 339.138

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10616

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ НА РЫНКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Владислав Михайлович Седельников

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия, vms-1990@mail.ru, ORCID 0000-0003-0494-2647

Аннотация. Сформулирована проблема изменения процессов формирования и реализации маркетинговых стратегий, в частности их целевой направленности и инструментария. В качестве объекта исследования выступает рынок общественного питания. Цель исследования — выявить ключевые тенденции изменения маркетинговых стратегий развития рынка общественного питания. В ходе исследования были дифференцированы основные подходы к их формированию, обоснован ценностно-ориентированный подход, в наибольшей степени отвечающий вызовам современного времени (пандемия коронавируса, цифровизация бизнеса, изменение потребительского поведения). Трансформация маркетинговых стратегий позволяет сделать вывод о повышении их клиентоориентированности и переходе от стратегий привлечения новых клиентов к удержанию уже существующих. Перспективными направлениями исследований будет практическая реализация методики оценки маркетинговой стратегии развития рынка общественного питания.

Ключевые слова: маркетинговые стратегии, рынок общественного питания, пандемия коронавируса, ценностно-ориентированный подход

Для цитирования: Седельников В. М. Трансформация маркетинговых стратегий на рынке общественного питания // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 153–164. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10616

Original article

TRANSFORMATION OF MARKETING STRATEGIES IN THE CATERING MARKET

Vladislav M. Sedelnikov

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, vms-1990@mail.ru, ORCID 0000-0003-0494-2647

Abstract. Is formulated the problem of changing the processes of formation and implementation of marketing strategies, in particular, their target orientation and tools. The object of research is the catering market. The purpose of the study is to identify key trends in marketing strategies for the development of the catering market. In the course of the study, were differentiated the main approaches to their formation, was substantiated a value-oriented approach that best meets the challenges of modern times (coronavirus pandemic, digitalization of business, changes in consumer behavior). The transformation of marketing strategies allows us to conclude that they are more customer-oriented and move from strategies to attract new customers to retain existing ones. Promising areas of research will be the practical implementation of the methodology for assessing the marketing strategy for the development of the catering market.

Keywords: marketing strategies, catering market, coronavirus pandemic, value-based approach

For citation: Sedelnikov VM. Transformation of Marketing Strategies in the Catering Market. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):153-164. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10616

Введение

В условиях высокой степени турбулентности внешней и внутренней среды российских ком-

паний, вызванной глобализацией экономики, развитием информационных технологий, пандемией, а также трансформацией поведения потребителей, особую актуальность приобретает

© Седельников В. М., 2022

совершенствование маркетинговых стратегий, переход от стратегий завоевания новых рынков и привлечения новых потребителей к стратегиям сохранения, удержания и возвращения потребителей, установлению с ними долгосрочных и взаимовыгодных отношений, повышения уровня их удовлетворенности и лояльности. Особенно это заметно на примере рынка общественного питания. Цель исследования — анализ подходов к формированию, оценке и реализации маркетинговых стратегий. В качестве основных задач исследования выступают описание основных элементов рынка общественного питания, выявление факторов и ключевых подходов к формированию и реализации маркетинговых стратегий, а также осуществление классификации маркетинговых стратегий.

Теоретические аспекты деятельности предприятий общественного питания

В качестве одной из самых перспективных отраслей российской экономики выступает сфера общественного питания. Вместе с тем из-за пандемии коронавируса множество предприятий данного рынка были вынуждены закрыться или перейти на формат работы на вынос готовой продукции. Значительное повышение ставок по аренде и банковским кредитам, отток потребителей из ресторанов и кофеен в связи с сложной эпи-

демиологической ситуацией и тренд на домашнее потребление значительно снизили показатели развития рынка общественного питания. Стоит отметить, что отрасль общественного питания тесно взаимосвязана с другими секторами сферы услуг, что можно увидеть на рисунке 1. Кроме того, данная отрасль обеспечивает население качественной и доступной продукцией, выполняя важную народнохозяйственную функцию.

Сферу общественного питания регламентируют два межгосударственных стандарта качества (ГОСТ 31985-2013 и ГОСТ 30389-2013), где отражены основные понятия данного рынка. Так, общественное питание — это сфера экономики, которую составляют предприятия, оказывающие широкий спектр услуг по производству и реализации продукции и питанию населения как на самих предприятиях, так и за их пределами (работа на вынос), организации досуга и дополнительных услуг. Предприятия общественного питания, таким образом, выполняют три ключевые функции: производство и реализация готовых продуктов и полуфабрикатов, а также организация их потребления, в том числе, посредством кейтеринга и других услуг.

Структура рынка общественного питания, объектов и субъектов, его представляющих, отображена на рисунке 2.

Рис. 1. Место общественного питания в сфере услуг

Источник: составлено автором

Fig. 1. Place of catering in the service sector

Source: compiled by the author

В качестве субъектов предложения на рынке общественного питания выступают рестораны, кофейни, закусочные быстрого питания, продукты и услуги которых направлены на разные целе-

вые аудитории, а субъекты спроса — потребители, взаимодействующие с предприятиями общественного питания по поводу приобретения и потребления товаров (услуг).

Рис. 2. Объекты и субъекты рынка услуг общественного питания

Источник: составлено автором

Fig. 2. Objects and subjects of the public catering services market

Source: compiled by the author

Результаты исследования и их обсуждение

В условиях развития глобализации бизнеса, информационных технологий, постоянного снижения производственных издержек и повышения уровня конкуренции, потребитель становится более информированным и требовательным к качеству предоставляемых ему товаров (услуг). Пандемия коронавируса, вызвавшая изменение потребительского поведения и снижение покупательной способности потребителей

перенесла акценты с привлечения новых потребителей на удержание уже имеющихся, создание с ними совместных ценностей и повышение их лояльности по отношению к фирмам-конкурентам.

В качестве базовых факторов, определяющих удовлетворенность потребителей предприятий общественного питания, традиционно выступали факторы качества продукции, физического пространства и качества обслуживания (табл. 1).

Таблица 1

Table 1

Факторы, определяющие удовлетворенность потребителей предприятий общественного питания Factors Determining Customer Satisfaction in Catering Enterprise

Составляющие	Факторы	Характеристика
Технические составляющие ресторанов	Качество продукции	Вкус блюд и их разнообразие, оригинальная подача, частота обновления меню, отсутствие блюд в стоп-листе, соответствие рецептуре приготовления, сбалансированность ингредиентов, «изюминки» от шеф-повара, воспринимаемая цена продукции (соотношение цена / размер порции), интерес к здоровой пище и вегетарианству, соответствие блюд общей концепции ресторана

Окончание таблицы 1
Table 1 (end)

Составляющие	Факторы	Характеристика
	Качество физического пространства	Дизайн помещения и меню, открытая и закрытая кухня, соответствие интерьера концепции ресторана, атмосфера (музыка, температура, свет), организация пространства (разделение зоны отдыха и технической зоны), наличие дополнительных помещений, расположение столиков (сервировка, удобство кресел), внешний вид обслуживающего персонала (качество процесса обслуживания)
Функциональные составляющие ресторанов	Качество обслуживания	Процесс общения гостя и официанта/хостес/бармена, а также непосредственно качество оказываемой услуги. Эта группа включает в себя такие компоненты, как дружелюбность, вежливость и радушие при приветствии и прощании, отзывчивость сотрудника ресторана, знание официантами меню и винной карты, их компетентность, креативность и оперативность, скорость обслуживания (оперативное принятие заказа, своевременная сервировка и вынос блюд, уборка со стола), компетентное разрешение проблем
Дополнительные составляющие	Параметры, не входящие ни в одну из категорий	Удачное месторасположение, бренд и популярность ресторана, общение хозяина/шефа с гостями в зале, проведение интересных мастер-классов, наличие у повара звезды Мишлен, возможности развлечения (концерты живой музыки, DJ, тематические вечеринки, кулинарные мастер-классы, караоке, спортивные трансляции, дегустации, фестивали еды), наличие лояльности, скидок и бонусов, мобильных приложений, развлечений для детей

Источник: составлено автором.

Однако пандемия коронавируса выступила катализатором появления не менее важных факторов, определяющих эффективность функционирования предприятий общественного питания, к которым могут быть отнесены цифровизация и диджитализация деятельности предприятий общественного питания (активное развитие приложений-агрегаторов для доставки готовой продукции, маркетинга в социальных сетях и т. д.) и изменение потребительского поведения (кастомизация товаров и услуг, снижение потребительской лояльности и т. д.) (рис. 3).

Изменение факторов внешнего окружения предприятий общественного питания и их внутренней среды привело к значительной дифференциации подходов к разработке и реализации

маркетинговых стратегий, их трансформации и переходу от ориентации на продукт фирмы (фирмоцентричные подходы) к направленности на взаимодействие с клиентом (клиентоцентричные) (табл. 2).

Из таблицы 2 следует, что на каждом этапе формирования и реализации маркетинговой стратегии (анализ, стратегическое планирование, реализация, контроль) происходит переход от продуктово-ориентированного подхода (внимание к товару, сбыту и эффективности продаж, конкурентоспособности компании) к клиентоориентированному подходу (внимание клиенту при соблюдении интересов компании, анализ ценностей, соответствия ожиданиям потребителей и повышение качества их обслуживания).

Таблица 2
Table 2

Сравнительный анализ подходов к формированию и реализации маркетинговых стратегий Comparative analysis of approaches to the formation and implementation of marketing strategies

Критерии дифференциации	Фирмоцентричный (продуктово-ориентированный) подход	Клиентоориентированный подход	Клиентоцентричный (ценностно-ориентированный) подход
Периоды времени	1970–1980-е гг.	1980–1990-е гг.	1990-е — по наст. время
Фокус управления маркетингом	Продукт, сбыт и эффективность продаж	Управление кратко- и среднесрочными отношениями с покупателями (качество	Управление долгосрочными отношениями с покупателями (удовлетворение их

Критерии дифференциации	Фирмоцентричный (продуктово-ориентированный) подход	Клиентоориентированный подход	Клиентоцентричный (ценностно-ориентированный) подход
Периоды времени	1970–1980-е гг.	1980–1990-е гг.	1990-е — по наст. время
		обслуживания, удовлетворение потребностей клиентов)	ценностей), кастомизация запросов
Маркетинговая парадигма	Товарный маркетинг	Трансакционный маркетинг	Маркетинг взаимоотношений
Цели управления	Конкурентоспособность компании и продуктов, повышение прибыльности	+ Рост удовлетворенности и лояльности потребителей	+ Рост удовлетворенности, вовлеченности и лояльности за счет персонализации
<i>Анализ</i>			
Конкуренции	Конкурентной среды и конкурентоспособности товаров	Исследование предпочтений реальных и потенциальных потребителей	Выявление персональных ценностей покупателей, (в т. ч. эмоциональных)
Потребителей	Требований к характеристикам продуктов. Потребители — пассивные участники рынка	Предпочтений функциональным и отношенческим характеристикам, удовлетворенности процессом обслуживания. Потребители — активные участники рынка	Предпочтений функциональным, отношенческим и эмоциональным характеристикам процесса обслуживания. Потребители — активные участники рынка
Сегментация	По товарам/услугам	По потребителям (доминируют демографические и поведенческие критерии)	По потребителям (доминируют психографические критерии и one-to-one сегментация, образ жизни)
<i>Стратегическое планирование</i>			
Бренд-платформа	Построена на функциональных преимуществах фирмы	Построена на ценностях образа жизни потребителя	Построена на ценностях образа жизни потребителя и эмоциональных впечатлениях
Позиционирование	Конкурентная стратегия позиционирования	Маркетинговая стратегия позиционирования (выбор сегментов потребителей с учетом конкуренции в этих сегментах)	Эмоциональная персонализированная стратегия позиционирования (персонализация)
Маркетинг-микс (инструментарий маркетинга)	Обеспечивает продвижение функциональных преимуществ продукта (4P)	Обеспечивает привлечение и удержание потребителей (7P)	Обеспечивает привлечение и удержание потребителей за счет персонализации покупательского опыта (4C)
<i>Реализация</i>			
Маркетинговые способности	Прерогатива службы маркетинга	Выход маркетинговых способностей за пределы отдела и формирование маркетинговых компетенций	Носитель маркетинговых компетенций — весь персонал компании
Ресурсы	Доминируют материальные	Материальные и нематериальные	Доминируют нематериальные
<i>Контроль</i>			
Показатели (маркетинговые метрики)	Конкурентоспособность компании и продуктов, рентабельность продуктов, рыночная доля продуктов	Конкурентоспособность компании и продуктов, удовлетворенность покупателей (CSI), управление взаимоотношениями с потребителями (CRM), лояльность покупателей	Удовлетворенность покупателей; лояльность покупателей; вовлеченность покупателей, доля кошелька покупателя (SOW), CLV, CE, NPS

Источник: составлено автором.

Рис. 3. Факторы, определяющие маркетинговую стратегию предприятий общественного питания

Источник: составлено автором

Fig. 3. Factors that determine the marketing strategy of catering enterprises

Source: compiled by the author

На рисунке 4 отражена смена целевых установок в маркетинговых стратегиях.

Основная цель маркетинговой стратегии в рамках фирмоцентричной концепции — сократить издержки на производство товара, улучшить качество товара, расширить товарное предложение компании, в то время как при клиентоцентричной концепции — привлечь и удержать клиентов за счет повышения уровня их удовлетворенности и лояльности, а также повысить уровень получаемой от них прибыльности.

Стоит отметить, что изменяется не только инструментарий и целевая направленность, но и сущностные аспекты маркетинговых стратегий.

Среди отечественных и зарубежных ученых не существует единой точки зрения относительно дефиниции данного понятия.

Автором систематизированы точки зрения отечественных и зарубежных ученых в отношении данного понятия, которые можно объединить в следующие группы:

Рис. 4. Процесс изменения маркетинговых стратегий

Источник: составлено автором

Fig. 4. The process of changing marketing strategies

Source: compiled by the author

1) ресурсный подход (Т. Т. Авдеева, Е. В. Ильясова) [1];

2) адаптационный подход (R. Varadarajan) [22];
программный подход (Г. Л. Багиев, S. F. Slater, E. M. Olson) [4; 20];

3) системный подход (V. Kumar, Z. Rahman, A. A. Kazmi, P. Goyal) [15];

4) отношенческий (ценностно-ориентированный) подход (С. Гупта, Б. Харди, Ф. Райхельд, П. Фейдер, К. Гренрус, Э. Гуммесон) [3; 9; 11; 12; 19].

В качестве наиболее полного и вместе с тем отвечающего требованиям современной постпандемийной экономики будем считать отношенческий подход, в рамках которого может быть предложено следующее определение: маркетинговая стратегия — система действий компании, имеющая своей целью формирование долгосрочных взаимоотношений с потребителями на основе повышения уровня их удовлетворенности, вовлеченности и лояльности на протяжении всего периода взаимодействия с потребителем (жизненного цикла клиента).

В отличие от уже существующих определений авторское включает в себя возможность установления долгосрочных и взаимовыгодных отношений компаний и ее потребителей в рамках

концепции жизненного цикла клиента (customer lifetime value, далее — CLV) [5].

Особенность концепции CLV состоит в переносе акцентов с транзакций (поиск дополнительных покупателей для продуктов фирмы) на взаимоотношения (поиск дополнительных способов обслуживать клиентов фирмы) [14; 17]. Данная концепция помогает фирмам дифференцировать своих клиентов по степени их значимости, прибыльности и ценности для фирмы [8; 16]. Ценность клиента в течение его жизненного цикла (CLV) — доход, который получен компанией от клиента в течение всего периода взаимодействия потребителя и компании, за минусом стоимости привлечения, перехода в другую группу и обслуживания этого клиента с учетом дисконтированной (временной) стоимости денег.

Стоит отметить, что существует достаточно большое количество метрик, позволяющих оценить прибыльность и лояльность потребителей компании [7; 21]. К ним могут быть отнесены Servqual (оценка качества услуг), Customer Satisfaction Index (CSI, индекс удовлетворенности клиентов), Net Promoter Score (NPS, индекс потребительской лояльности), Customer Experience Index (CXI, индекс потребительского опыта), Word of Mouth Index (WoMI,

индекс «сарафанного радио»), RFM-анализ и др. [6; 10; 13]. Вместе с тем именно показатель жизненного цикла клиента (CLV) позволяет нивелировать такие недостатки вышепредставленных методов, как [18; 23]:

- построение моделей на основе прошлого поведенческого поведения, неучет будущих намерений потребителей, в том числе отсутствие в формулах коэффициента оттока клиентов;
- недостаточность данных для построения моделей потребительского поведения и диагностики потребительской лояльности;
- отсутствие или неучет показателя привлечения клиентов, анализ только имеющейся клиентской базы.

Автором, на основании совершенствования маркетинговых стратегий, изменения целевых ориентиров и инструментов, применяемых при их разработке и реализации, была доработана классификация маркетинговых стратегий в рамках концепции жизненного цикла клиента (рис. 5). В качестве критерия такой классификации выступает стадия взаимодействия предприятия и потребителя (привлечения, удержания или возвращения).

Исходя из статуса клиента (потенциальный, существующий или бывший), могут быть выделены общие цели взаимодействия с потребителями в зависимости от стадии жизненного цикла клиента (ЖЦК) (табл. 3).

Таблица 3

Table 3

Цели и задачи взаимодействия с потребителями в зависимости от стадии ЖЦК
Goals and objectives of interaction with consumers depending on the stage of the life cycle

Статус клиентов	Группы клиентов	Стратегия	Задача взаимодействия
Потенциальный клиент	1. Безучастные потенциальные потребители по причине отсутствия потребностей. 2. Потенциальные потребители, заинтересованные во взаимодействии. 3. Существующие клиенты конкурентов	Привлечение	Анализ потребностей, причин отказа от продукции и услуг компании, формирование потребностей, вовлечение в процесс потребления
Существующий клиент	1. Разовые потребители. 2. Постоянные потребители	Удержание	Изучение требований клиента и его поведения, разрешение возникающих проблем и вопросов, анализ жалоб, оценка удовлетворенности, увеличение объема продаж, формирование лояльности
Бывший клиент	1. Неудовлетворенные потребители, перешедшие к конкурентам. 2. Потребители, более не нуждающиеся в товарах и услугах компании	Возвращение	Выявление и анализ причин ухода, восстановление спроса, маркетинг возвращения

Источник: [2].

Как мы можем видеть из таблицы 3, существуют следующие маркетинговые стратегии:

- 1) маркетинг вовлечения, который ориентирован на привлечение новых клиентов, в том числе клиентов, пользующихся продукцией конкурентов;
- 2) маркетинг удержания (лояльности), который ориентирован на формирование и развитие лояльности существующих клиентов;
- 3) маркетинг возвращения, который ориентирован на возврат потерянных клиентов.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

В дополнение к традиционным факторам, определяющим эффективность деятельности

предприятий общественного питания, таким как качество продукции, физического пространства и обслуживания были выделены факторы внешней среды, такие как пандемия коронавируса, которая спровоцировала дальнейшее развитие цифровизации и диджитализации бизнеса и изменение потребительского поведения на рынке общественного питания.

Проведенный анализ теоретических концепций позволил выделить специализированную метрику измерения уровня лояльности и удержания клиентов — концепцию жизненного цикла клиента (CLV), которая в отличие от применяемых в настоящее время прогнозирует прибыльность клиентов не только на базе прошлого

Рис. 5. Классификация маркетинговых стратегий

Источник: составлено автором

Fig. 5. Classification of marketing strategies

Source: compiled by the auth

покупательского поведения, но и на основании будущих покупок, позволяет выделить наиболее прибыльные сегменты потребителей.

В рамках данной концепции были классифицированы маркетинговые стратегии по различным критериям, в том числе в зависимости от стадии жизненного цикла клиента. Так, выделены мар-

кетинговые стратегии привлечения, удержания и возвращения потребителей.

Стоит отметить, что трансформация маркетинговых стратегий заключается не только в изменении маркетингового инструментария, повышении уровня ориентированности на клиентов, но и в изменении целевых ориентиров, повышении

значимости немонетарных ценностей (доверие, обратная связь, удовлетворенность и инерционность клиентов, лояльность, приверженность) на-

ряду с сохранением значимости финансовых показателей (объем рынка, доля на рынке, уровень прибыли и оборота).

Список источников

1. Авдеева Т. Т., Ильясова Е. В. Маркетинговое обеспечение стратегического планирования местного развития // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 111–115.
2. Асташова Ю. В. Подход к определению жизненного цикла клиента с позиции маркетинга взаимодействия // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13908> (дата обращения 11.01.2022).
3. Гупта С. и др. Моделирование ценности жизненного цикла клиента ; пер. с англ. А. К. Порвина // Российский журнал менеджмента. 2011. Т. 9. № 3. С. 81–110.
4. Маркетинг взаимодействия: новые направления исследований и инструментарий : монография / под ред. Г. Л. Багиева, Ю. Ф. Поповой. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2014. 249 с.
5. Неганова В. П., Седельников В. М. Генезис и обзор теоретических подходов к определению сущности маркетинга отношений // Журнал экономической теории. 2018. № 2. С. 264–275. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-2.11.
6. Hiziroglu A., Sengu S. Investigating two customer lifetime value models from segmentation perspective // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. № 62. P. 766–774. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.09.129.
7. Cermák P. Customer Profitability Analysis and Customer Life Time Value Models: Portfolio Analysis // 16th Annual Conference on Finance and Accounting, ACFA Prague 2015, 29th May 2015, Procedia Economics and Finance. 2015. № 25. P. 14–25. DOI: 10.1016/s2212-5671(15)00708-x.
8. Dahana W. D., Miwa Y., Morisada M. Linking lifestyle to customer lifetime value: An exploratory study in an online fashion retail market // Journal of Business Research. 2019. № 99. P. 319–331. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.049.
9. Fader P. S., Hardie B. G. S., Lee K. L. “Counting your customers” the easy way: An alternative to the Pareto / NBD model // Marketing science. 2005. Vol. 24. № 2. P. 275–284. DOI: 10.1287/mksc.1040.0098.
10. Ferrentino R., Cuomo M. T., Boniello C. On the customer lifetime value: a mathematical perspective // Computational Management Science. 2016. № 13. P. 521–539. DOI: 10.1007/s10287-016-0266-1.
11. Gronroos C. Facing the challenge of service competition: the economies of service. In: Kunst P., Lemmink J. (eds). Quality management in services. Van Gorcum : Assen, Maastricht. 1992. P. 129–140.
12. Gummesson E. Making relationship marketing operational // International Journal of Service Industry Management. 1994. № 5 (5). P. 5–20.
13. Jasek P., Vrana L., Sperkova L., Smutny Z., Kobulsky M. Modeling and Application of Customer Lifetime Value in Online Retail // Informatics. 2018. № 5.2. DOI: 10.3390/informatics5010002.
14. Kumar V., Pansari A. National Culture, Economy, and Customer Lifetime Value: Assessing the Relative Impact of the Drivers of Customer Lifetime Value for a Global Retailer // Journal of International Marketing. 2016. № 24. P. 1–21. DOI: 10.1509/jim.15.0112.
15. Kumar V., Rahman Z., Kazmi A. A., Goyal P. Evolution of sustainability as marketing strategy: Beginning of new era. In: International Conference on Emerging Economies — Prospects and Challenges (ICEE-2012) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. № 37. P. 482–489. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.03.313.
16. Nenonen S., Storbacka K. Driving shareholder value with customer asset management: Moving beyond customer lifetime value // Industrial Marketing Management. 2016. № 52. P. 140–150. DOI: 10.1016/j.indmarman.2015.05.019.
17. Oblander E. S., Gupta S., Mela C. F., Winer R. S., Lehmann D. R. The Past, Present, and Future of Customer Management // Marketing letters. 2020. № 31 (2-3). P. 125–136. DOI: 10.1007/s11002-020-09525-9.
18. Qi J., Zhou Y., Chen W., Qu Q. Are customer satisfaction and customer loyalty drivers of customer lifetime value in mobile data services: a comparative cross-country study // Information Technology and Management. 2012. № 13 (4). P. 281–296. DOI: 10.1007/s10799-012-0132-y.
19. Reichheld F.F. The loyalty effect: the hidden force behind growth, profits, and lasting value. Cambridge : Harvard business school press, 1996. P. 233–234.
20. Slater S. F., Olson E. M. Marketing’s contribution to the implementation of strategy: an empirical analysis // Strategic Management. 2001. № 22 (11). P. 1055–1067. DOI: 10.1002/smj.198.

21. Valenzuela L., Torres E., Hidalgo P., Farías P. Salesperson CLV orientation's effect on performance // *Journal of Business Research*. 2014. № 67. P. 550–557. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.11.012.
22. Varadarajan R. Strategic marketing and marketing strategy: domain, definition, fundamental issues and foundational premises // *Journal of Academy of Marketing Science*. 2009. № 38 (2). P. 119–140. DOI: 10.1007/s11747-009-0176-7.
23. Zhang H., Liang X., Wang S. Customer value anticipation, product innovativeness, and customer lifetime value: the moderating role of advertising strategy // *Journal of Business Research*. 2016. № 69. P. 3725–3730. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.09.018.

References

1. Avdeeva TT, Iljasova EV. Marketing support for strategic planning of local development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2009;(328):111–115. (In Russ.).
2. Astashova JuV. An Approach to Determining the Customer Life Cycle from an Interaction Marketing Perspective. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija = Modern problems of science and education*. 2014;(4). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13908> (date of circulation 11.01.2022). (In Russ.).
3. Gupta S et al. Customer Lifecycle Value Modeling. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2011;9(3):81–110. (In Russ.).
4. Bagiev GL, Popova JuF (eds.) Interaction marketing: new areas of research and tools: monograph. Syktyvkar, Publishing House of Syktyvkar State University; 2014. 249 p. (In Russ.).
5. Neganova VP, Sedel'nikov VM. Genesis and review of theoretical approaches to defining the essence of relationship marketing. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii = Journal of Economic theory*. 2018;(2):264–275. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-2.11 (In Russ.).
6. Hiziroglu A, Sengu S. Investigating two customer lifetime value models from segmentation perspective. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2012;(62):766–774. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.09.129
7. Cermák P. Customer Profitability Analysis and Customer Life Time Value Models: Portfolio Analysis. In: 16th Annual Conference on Finance and Accounting, ACFA Prague. *Procedia Economics and Finance*. 2015;(25): 14–25. DOI: 10.1016/s2212-5671(15)00708-x.
8. Dahana WD, Miwa Y, Morisada M. Linking lifestyle to customer lifetime value: An exploratory study in an online fashion retail market. *Journal of Business Research*. 2019;(99):319–331. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.049.
9. Fader PS, Hardie BGS, Lee KL. “Counting your customers” the easy way: An alternative to the Pareto / NBD model. *Marketing science*. 2005;24(2):275–284. DOI: 10.1287/mksc.1040.0098.
10. Ferrentino R, Cuomo MT, Boniello C. On the customer lifetime value: a mathematical perspective. *Computational Management Science*. 2016;(13):521–539. DOI: 10.1007/s10287-016-0266-1.
11. Gronroos C. Facing the challenge of service competition: the economies of service. Quality management in services. Van Gorcum, Assen, Maastricht; 1992. Pp. 129–140.
12. Gummesson E. Making relationship marketing operational. *International Journal of Service Industry Management*. 1994;(5(5)):5–20.
13. Jasek P, Vrana L, Sperkova L, Smutny Z, Kobulsky M. Modeling and Application of Customer Lifetime Value in Online Retail. *Informatics*. 2018;(5.2). DOI:10.3390/informatics5010002.
14. Kumar V, Pansari A. National Culture, Economy, and Customer Lifetime Value: Assessing the Relative Impact of the Drivers of Customer Lifetime Value for a Global Retailer. *Journal of International Marketing*. 2016;(24):1–21. DOI: 10.1509/jim.15.0112.
15. Kumar V, Rahman Z, Kazmi AA, Goyal P. Evolution of sustainability as marketing strategy: Beginning of new era. In: International Conference on Emerging Economies — Prospects and Challenges (ICEE-2012). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2012;(37):482–489. DOI: 10.1016/j.sbspro.2012.03.313.
16. Nenonen S, Storbacka K. Driving shareholder value with customer asset management: Moving beyond customer lifetime value. *Industrial Marketing Management*. 2016;(52):140–150. DOI: 10.1016/j.indmarman.2015.05.019.
17. Oblander ES, Gupta S, Mela CF, Winer RS, Lehmann DR. The Past, Present, and Future of Customer Management. *Marketing letters*. 2020;(31(2-3)):125–136. DOI: 10.1007/s11002-020-09525-9.

18. Qi J, Zhou Y, Chen W, Qu Q. Are customer satisfaction and customer loyalty drivers of customer lifetime value in mobile data services: a comparative cross-country study. *Information Technology and Management*. 2012;(13(4):281–296. DOI: 10.1007/s10799-012-0132-y.
19. Reichheld FF. The loyalty effect: the hidden force behind growth, profits, and lasting value. Cambridge, Harvard business school press; 1996. 233–234.
20. Slater SF, Olson EM. Marketing's contribution to the implementation of strategy: an empirical analysis. *Strategic Management Journal*. 2001;(22(11):1055–1067. DOI: 10.1002/smj.198.
21. Valenzuela L, Torres E, Hidalgo P, Fariás P. Salesperson CLV orientation's effect on performance. *Journal of Business Research*. 2014;(67): 550–557. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.11.012.
22. Varadarajan R. Strategic marketing and marketing strategy: domain, definition, fundamental issues and foundational premises. *Journal of Academy of Marketing Science*. 2009; 38(2):119–140. DOI: 10.1007/s11747-009-0176-7.
23. Zhang H, Liang X, Wang S. Customer value anticipation, product innovativeness, and customer lifetime value: the moderating role of advertising strategy. *Journal of Business Research*. 2016;(69): 3725–3730. DOI: 10.1016/j.jbusres.2015.09.018.

Информация об авторе

В. М. Седельников — младший научный сотрудник лаборатории моделирования пространственного развития территорий.

Information about the author

V. M. Sedelnikov — Junior Researcher, Laboratory of Modeling of Spatial Development of Territories.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.

Вклад автора: результаты статьи получены авто-
ром лично.
Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

Contribution of the author: the results of the article
were obtained by the author personally.
The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.984

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10617

КОРПОРАТИВНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В ПАНДЕМИЮ

Дмитрий Александрович Плетнёв^{1✉}, Максим Сергеевич Казадаев²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

Аннотация. В статье представлено исследование корпоративных университетов как систем, повышающих качество человеческого капитала в компании, и их влияния на способность к росту, преодолению последствий пандемии COVID-19 и эффективность крупных российских компаний. Для этой цели авторы провели двухэтапный анализ (по исходным значениям показателей и по отклонениям от среднеотраслевых значений) в компаниях с разным отношением к корпоративным университетам по пяти показателям: среднегодовой темп прироста выручки в 2016–2019 гг.; темп прироста выручки в 2020 г., средняя рентабельность в 2016–2020 гг.; темп роста производительности труда; темп прироста численности работников в 2020 г. Для оценки существенности различий в группах компаний с разным отношением к развитию в своей структуре корпоративных университетов использовался дисперсионный анализ. В результате установлена взаимосвязь компаний с различным отношением к влиянию корпоративных университетов на их устойчивую и эффективную деятельность. Наилучшую эффективность и способность к росту продемонстрировали компании, имеющие в своей структуре недавно открытые (после 2010 г.) корпоративные университеты. Компании без корпоративных университетов показали наихудшие значения исследуемых показателей.

Ключевые слова: человеческий капитал, корпоративные университеты, управление человеческими ресурсами, эффективность компаний, устойчивость компаний, пандемия COVID-19

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Вьетнамской академии общественных наук в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Казадаев М. С. Корпоративные университеты как факторы устойчивости и эффективности российских компаний в пандемию // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 165–178. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10617

Original article

CORPORATE UNIVERSITIES AS FACTORS OF SUSTAINABILITY AND EFFICIENCY OF RUSSIAN COMPANIES IN THE PANDEMIC

Dmitri A. Pletnev^{1✉}, Maxim S. Kazadayev²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² max6r@mail.ru, ORCID 0000-0003-0498-322X

Abstract. The article presents a study of corporate universities as systems that improve the quality of human capital in a company, and their impact on the ability to grow, the ability to overcome the consequences of the COVID-19 pandemic and the efficiency of large Russian companies. For this purpose, the authors conducted a two-stage analysis (based on initial values of indicators and on deviations from industry averages) in companies with different attitudes towards corporate universities on five indicators: the average annual revenue growth rate in 2016-19, the revenue growth rate in 2020, the average profitability in 2016-20, the growth rate of labor productivity and the growth rate of the number of employees in 2020. To assess the significance of differences in groups of companies with different attitudes towards development with their structure of corporate universities, analysis of variance was

used. As a result, the relationship of companies with different attitudes towards corporate universities to their sustainable and efficient activities has been established. The companies with recently opened (after 2010) corporate universities show the best efficiency and ability to grow. Companies without corporate showed the worst values of the studied indicators.

Keywords: human capital, corporate universities, human resource management, company efficiency, company sustainability, COVID-19 pandemic.

Acknowledgments: the reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research and Vietnamese Academy of Social Sciences, project number 20-510-92006.

For citation: Pletnev DA, Kazadayev MS. Corporate Universities as Factors of Sustainability and Efficiency of Russian Companies in the Pandemic. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):165-178. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10617

Введение

В современных реалиях облик национальной экономики во многом определяют крупные корпорации. Оттого, насколько эффективна их деятельность, насколько они устойчивы и гибки к изменениям внешней среды, зависят многие экономические параметры и показатели, в конечном итоге в совокупности определяя экономическую систему государства. И если корпорации — лицо национальной экономики, то что же в таком случае определяет их? И в данном контексте разумно употребить устойчивое выражение, зарекомендовавшее себя временем: «Лицо компании — её сотрудники». Особенно актуальным это выражение стало в последние десятилетия, когда роль человека в компании во многих аспектах изменилась: всё большую значимость приобрели процессы повышения квалификации сотрудников, обладание широкими компетенциями как в сфере своей деятельности, так и вне её (в узком формате — hard- и soft-skills), умение не только работать с информацией, но и на её основе генерировать что-то новое. О сотрудниках стали говорить, как о человеческом капитале — специфическом активе, а процессы управления человеческими ресурсами в компаниях стали одним из ключевых факторов, определяющих её устойчивое развитие на внутренних и внешних рынках. И на данный момент одним из главных элементов в управлении этим активом является построенная на базе компании система образования. Современная экономика достаточно изменчива: каждый день мы можем слышать о новых трендах, веяниях или же инновациях, к которым сотрудникам, как и компаниям, необходимо адаптироваться. Квалификация обрастает новыми элементами, и для того, чтобы их «загрузить», необходима система образования. И в этом контексте на уровне корпораций она находит своё отражение в обучающих центрах, наставнических процессах и корпоративных уни-

верситетах. И последние, в свою очередь, соединяют ранее перечисленное в единую, целостную систему, отвечающую не только запросам рынка, но и компании, ее сотрудников.

В. И. Бархатов [3], С. Д. Бодрунов [4], Д. А. Дягилев, А. В. Злоказов [6] подчёркивали значимость человека и, в совокупности, человеческого капитала как на уровне национальных экономических систем, так и на уровне корпораций, определяя данный актив в качестве одного из ключевых драйверов развития. Ю. Ш. Капкаев, Д. С. Руденко [7; 16], Д. Лукин, В. Лукин [8], Г. Р. Юнусова [17; 18], а также и автор настоящей работы (Д. А. Плетнёв [11]) в своих работах рассматривали роль образования и его влияния на человека, выделяя его как важную компоненту или же условие в развитии человеческого потенциала. Вопросам взаимосвязи корпоративного образования и развития человеческого капитала посвящены работы Т. А. Блатова, В. В. Макарова [9], А. О. Гайдуковой [5], П. А. Петрякова, М. Н. Певзнера [10], Е. Е. Харламовой [15], А. Н. Пружинина [14]. В своих исследованиях они поднимают вопрос о необходимости инвестиций на корпоративном уровне в систему «инновационного образования», обосновывая их как с точки зрения повышения конкурентоспособности самого предприятия, так и с точки зрения конкурентоспособности человеческого капитала. В современных реалиях для того, чтобы быть эффективными, компаниям необходимо не просто создать корпоративный университет, но и наполнить его таким образовательным контентом, который будет пользоваться спросом у ее сотрудников; к которому они будут стремиться и который их, в первую очередь, будет интересовать.

Цель исследования заключается в том, чтобы определить степень взаимосвязи развития корпоративных университетов и образовательных центров и успешности российских компаний.

Для этого в исследовании последовательно было реализовано два этапа оценки различий в успешности компаний с разным типом отношения к корпоративным университетам и образовательным центрам:

- 1) по исходным значениям показателей;
- 2) по отклонениям от среднеотраслевых значений соответствующих показателей.

Необходимость второго этапа объясняется тем, что объективно существуют отраслевые особенности как в целом критериев успешности, так и отношения к использованию человеческого капитала. И предложенный подход позволяет выделить как общие моменты, так и отличия, возникающие при оценке взаимосвязи как без учета отраслевой специфики, так и с ее учетом.

Материалы и методы исследования

В качестве показателей, характеризующих успешность компаний, выбраны пять: среднегодовой темп прироста выручки в 2016–2019 гг. (Π_1 — характеризует способность расти в допандемийный период); темп прироста выручки в 2020 г. (Π_2 — характеризует способность расти в условиях пандемии); средняя рентабельность в 2016–2020 гг. (Π_3 — характеризует спо-

собность генерировать прибыль); темп роста производительности труда (Π_4 — характеризует эффективность использования трудовых ресурсов); темп прироста численности работников в 2020 г. (Π_5 — характеризует бережное отношение к человеческим ресурсам). Этот выбор — результат применения подхода, ранее представленного в [2; 12; 13]. Показатели были рассчитаны на основе данных бухгалтерской и финансовой отчетности более чем для 70 крупных российских предприятий, представляющих все основные отрасли российской экономики, однако в конечном итоге выборка компаний была сокращена до 64 корпораций, что связано с данными об отображении численного состава сотрудников исследуемых корпораций (были исключены компании с числом сотрудников менее 5000). В качестве основного источника информации использовались отчеты по МСФО, в случае их отсутствия — отчеты по РСБУ. Отраслевая принадлежность определялась на основе классификаторов ОКВЭД с последующей агрегацией близких отраслей. Отраслевая структура выборки представлена на рисунке 1 (по количеству компаний) и рисунке 2 (по выручке в 2020 году).

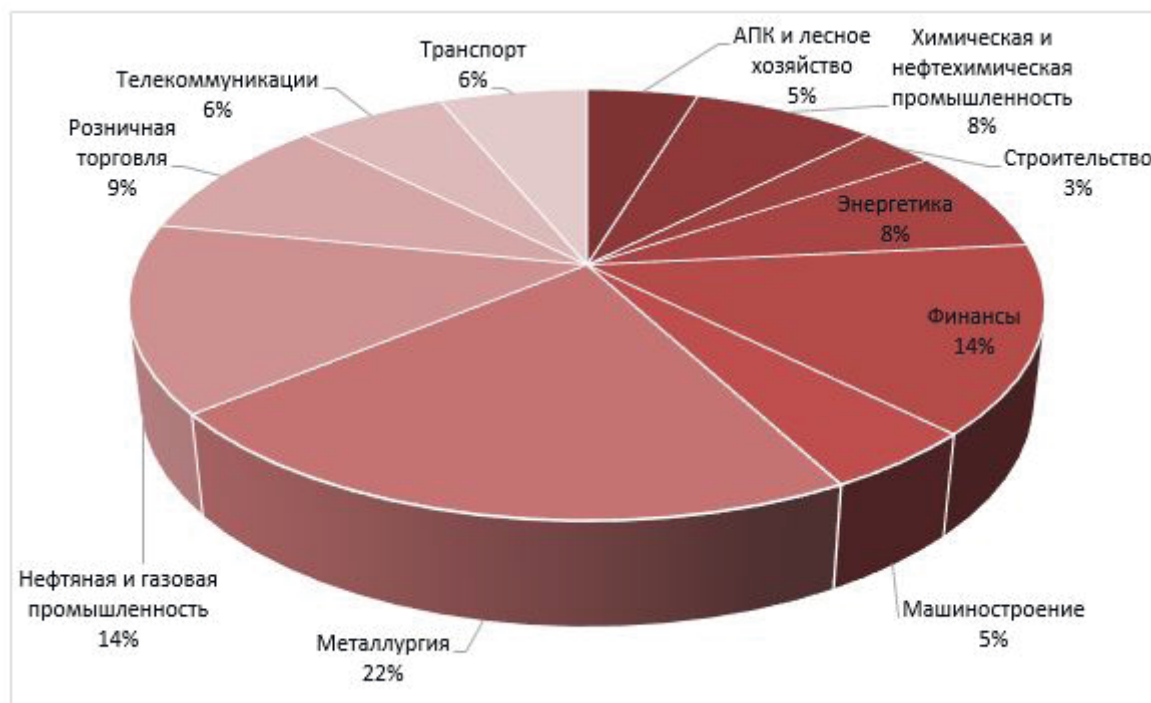

Рис. 1. Отраслевая структура исследуемых корпораций по количеству компаний
Fig. 1. Industry structure of the studied corporations by the number of companies

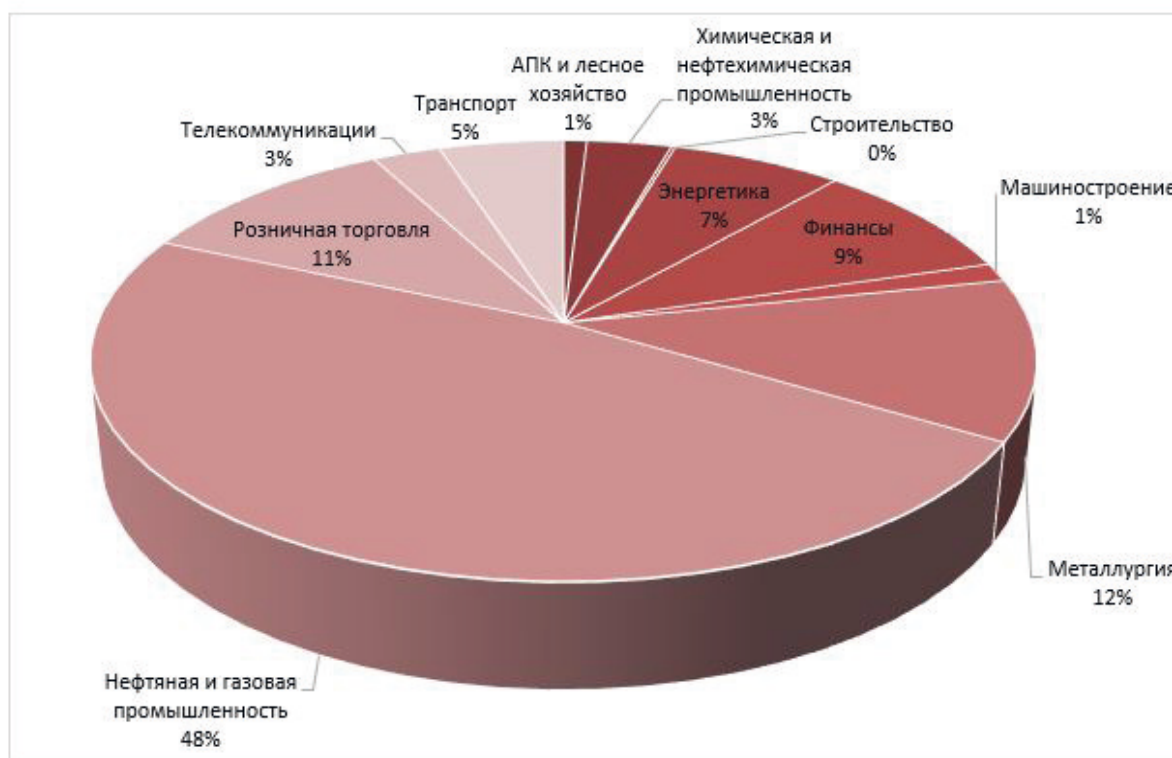

Рис. 2. Отраслевая структура исследуемых корпораций по размеру выручки за 2020 год
Fig. 2. Industry structure of the studied corporations by revenue for 2020

Для анализа различий в значениях показателей использовался однофакторный дисперсионный анализ (one-way ANOVA), при помощи которого оценивалась значимость различий показателей у четырех выделенных групп компаний

Результаты исследования и их обсуждение

Корпоративные университеты и образовательные центры российских компаний

На основе анализа корпоративных сайтов и информации в открытых источниках в сети Интернет были установлены факты наличия в представленных компаниях корпоративных университетов или образовательных центров. Также были выделены университеты «старые», то есть открытые относительно давно (до 2010 г. включительно), и новые, открытые относительно недавно (начиная с 2011 г.). В результате выборки получено че-

тыре группы компаний по их отношению к корпоративным университетам (табл. 1). Отдельно следует отметить, что в понятие «корпоративный университет» разные компании вкладывают существенно разный смысл: от обучающего центра с программами повышения квалификации (как, например, система обучения в ПАО «Сургутнефтегаз», в рамках которой компания реализует обучение своих сотрудников через учебные центры: Центр политехнического обучения и центр по профессиональной подготовке и переподготовке кадров ООО «КИНЕФ», а также через активное развитие внутренних систем наставничества, реализуемых в компании продолжительное время), до полноценного университета с лицензией на право ведения образовательной деятельности по программам высшего образования.

Таблица 1
Table 1

Идентифицированные корпоративные университеты и образовательные центры Identified corporate universities and educational centers

Компания	Отрасль	Корпоративный университет или образовательный центр	Год открытия корпоративного университета	Источник информации
ПАО «НК Роснефть»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный образовательный центр		МСФО

Продолжение таблицы 1
Table 1 (continued)

Компания	Отрасль	Корпоративный университет или образовательный центр	Год открытия корпоративного университета	Источник информации
ПАО «Газпром»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный университет	1995	МСФО
ПАО «НК Лукойл»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный университет	2011	МСФО
ПАО «Сбербанк России»	Финансы	Корпоративный университет	2012	МСФО
ОАО «РЖД»	Транспорт	Корпоративный университет	2010	РСБУ
X5 Retail Group	Розничная торговля	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «Сургутнефтегаз»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
ПАО «ВТБ»	Финансы	Корпоративный университет	2005	МСФО
ПАО «Магнит»	Розничная торговля	Корпоративный образовательный центр		МСФО
АО «Росатом»	Энергетика	Корпоративный университет	2012	РСБУ
ПАО «Интер РАО ЕЭС»	Энергетика	Корпоративный университет	2014	МСФО
ПАО «Россети»	Энергетика	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «Транснефть»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «Татнефть»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный университет	2006	РСБУ
ПАО «Норильский никель»	Металлургия	Корпоративный университет	2006	РСБУ
ПАО «Новатэк»	Нефтяная и газовая промышленность	Корпоративный образовательный центр		МСФО
АО «Газпромбанк»	Финансы	Корпоративный университет	1995	РСБУ
ПАО «НЛМК»	Металлургия	Корпоративный университет	2016	РСБУ
ПАО «Аэрофлот»	Транспорт	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
АО «Русал»	Металлургия	Корпоративный университет	2006	МСФО
ПАО «Сибур Холдинг»	Химическая и нефтехимическая промышленность	Корпоративный университет	2006	МСФО
ПАО «Северсталь»	Химическая и нефтехимическая промышленность	Корпоративный университет	2001	РСБУ
ПАО «ММК»	Металлургия	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
АО «СУЭК»	Металлургия	Корпоративный университет	2005	МСФО
ПАО «Мобильные телесистемы»	Телекоммуникации	Корпоративный университет	2017	РСБУ
АО «Металлоинвест»	Металлургия	Корпоративный университет	2016	МСФО
ООО «Лента»	Розничная торговля			РСБУ
ПАО «Русгидро»	Энергетика	Корпоративный университет	2007	МСФО
АО «Еврохим»	Химическая и нефтехимическая промышленность			МСФО
ПАО «Т Плюс»	Энергетика	Корпоративный университет		РСБУ
ПАО «М.видео»	Розничная торговля	Корпоративный университет	2005	МСФО
ПАО «Мегафон»	Телекоммуникации	Корпоративный университет	2010	РСБУ
ПАО «Ростелеком»	Телекоммуникации	Корпоративный университет	2002	РСБУ

Продолжение таблицы 1
Table 1 (continued)

Компания	Отрасль	Корпоративный университет или образовательный центр	Год открытия корпоративного университета	Источник информации
АО «Согаз»	Финансы			МСФО
ПАО «ТМК»	Металлургия	Корпоративный университет	2017	МСФО
ПАО «Мечел»	Металлургия	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ГК «Трансмашхолдинг»	Машиностроение			МСФО
ПАО «Банк ФК Открытие»	Финансы	Корпоративный университет	2005	РСБУ
АО «ОДК»	Машиностроение	Корпоративный университет	2002	РСБУ
ПАО «Полюс»	Металлургия	Корпоративный университет		МСФО
ПАО «Фосагро»	Химическая и нефтехимическая промышленность	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «Алроса»	Металлургия	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
АО «Почта России»	Телекоммуникации	Корпоративный университет	2020	РСБУ
ПАО «ЧТПЗ»	Металлургия	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
АО «Зарубежнефть»	Нефтяная и газовая промышленность			МСФО
ПАО «КамАЗ»	Машиностроение	Корпоративный университет	2008	РСБУ
ПАО НК «Русснефть»	Нефтяная и газовая промышленность			МСФО
ПАО «Уралкалий»	Химическая и нефтехимическая промышленность	Корпоративный университет	2016	РСБУ
ООО «Окей»	Розничная торговля			РСБУ
ПАО «Московский кредитный банк»	Финансы			МСФО
АО «Тинькофф Банк»	Финансы			МСФО
Группа «Полиметалл»	Металлургия	Корпоративный образовательный центр		Млн \$
ПАО «Мостотрест»	Строительство			РСБУ
ГК «Русагро»	АПК и лесное хозяйство	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «Совкомбанк»	Финансы	Корпоративный университет	2020	МСФО
ПАО «Детский Мир»	Розничная торговля	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
АО «Группа Илим»	АПК и лесное хозяйство	Корпоративный университет	2004	РСБУ
ПАО «Группа Черкизово»	АПК и лесное хозяйство			МСФО
ФГУП «Госкорпорация по ОрВД»	Транспорт	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
ПАО «Акрон»	Химическая и нефтехимическая промышленность			МСФО
ПАО «Группа ЛСР»	Строительство	Корпоративный образовательный центр		РСБУ
ПАО «Совкомфлот»	Транспорт	Корпоративный образовательный центр		МСФО
ПАО «ВСМПО-АВИСМА»	Металлургия			РСБУ

Окончание таблицы 1

Table 1 (end)

Компания	Отрасль	Корпоративный университет или образовательный центр	Год открытия корпоративного университета	Источник информации
Группа РЕСО-Гарантия	Финансы			РСБУ

Отраслевые особенности распределения выбора в отношении корпоративных университетов показаны в таблице 2.

Рассчитанные на основе данных бухгалтерской и финансовой отчетности показатели представлены в таблице 3.

Таблица 2

Table 2

Отраслевые особенности типологии корпоративных университетов
Industry features of the typology of corporate universities

Отрасль	Тип корпоративного университета / образовательного центра			
	«Старый» КУ	«Новый» КУ	Образовательный центр	Нет
АПК и лесное хозяйство	АО «Группа Илим»		ГК «Русагро»	ПАО «Группа Черкизово»
Химическая и нефтехимическая промышленность	ПАО «Сибур Холдинг»	ПАО «Уралкалий»	ПАО «Фосагро»	АО «Еврохим» ПАО «Акрон»
Строительство			ПАО «Группа ЛСР»	ПАО «Мостотрест»
Энергетика	ПАО «Русгидро»	АО «Росатом» ПАО «Интер РАО ЕЭС» ПАО «Т Плюс»	ПАО «Россети»	
Финансы	ПАО «ВТБ» АО «Газпромбанк» ПАО «Банк ФК Открытие»	ПАО «Сбербанк России» ПАО «Совкомбанк»		АО «Согаз» ПАО «Московский кредитный банк» АО «Тинькофф Банк» Группа РЕСО-Гарантия
Машиностроение	АО «ОДК» ПАО «КамАЗ»			ГК «Трансмашхолдинг»
Металлургия	ПАО «Норильский никель» АО «Русал» ПАО «Северсталь» АО «СУЭК»	ПАО «НЛМК» АО «Металлоинвест» ПАО «ТМК» ПАО «Полюс»	ПАО «ММК» ПАО «Мечел» ПАО «Алроса» ПАО «ЧТПЗ» Группа «Полиметалл»	ПАО «ВСМПО-АВИСМА»
Нефтяная и газовая промышленность	ПАО «Газпром» ПАО «Татнефть»	ПАО «НК Лукойл»	ПАО «НК Роснефть» ПАО «Сургутнефтегаз» ПАО «Транснефть» ПАО «Новатэк»	АО «Зарубежнефть» ПАО НК «Русснефть»
Розничная торговля	ПАО «М.Видео»		X5 Retail Group ПАО «Магнит» ПАО «Детский Мир»	ООО «Лента» ООО «Окей»
Телекоммуникации	ПАО «Мегафон» ПАО «Ростелеком»	ПАО «Мобильные телесистемы» АО «Почта России»		
Транспорт	ОАО «РЖД»		ПАО «Аэрофлот» ФГУП «Госкорпорация по ОрВД» ПАО «Совкомфлот»	

Таблица 3

Table 3

Расчёт показателей, характеризующих успешность компаний
Calculation of indicators characterizing the success of companies

Компания	П1	П2	П3	П4	П5
ПАО «НК Роснефть»	0.194	-0.337	0.064	1.596	0.087
ПАО «Газпром»	0.078	-0.175	0.136	1.236	0.008
ПАО «НК Лукойл»	0.145	-0.281	0.058	1.561	-0.006
ПАО «Сбербанк России»	0.013	0.136	0.515	1.199	0.014
ОАО «РЖД»	0.054	-0.019	0.011	1.226	-0.030
X5 Retail Group	0.188	0.141	0.017	1.070	0.105
ПАО «Сургутнефтегаз»	0.162	-0.317	0.272	1.580	-0.008
ПАО «ВТБ»	-0.021	-0.063	0.122	1.083	-0.038
ПАО «Магнит»	0.084	0.135	0.026	0.951	0.025
АО «Росатом»	0.174	0.013	0.152	1.669	0.028
ПАО «Интер РАО ЕЭС»	0.059	-0.044	0.073	1.175	0.007
ПАО «Россети»	0.045	-0.027	0.104	1.135	-0.005
ПАО «Транснефть»	0.078	-0.095	0.207	1.162	0.000
ПАО «Татнефть»	0.194	-0.234	0.193	1.591	0.029
ПАО «Норильский никель»	0.276	0.052	0.375	2.619	-0.048
ПАО «Новатэк»	0.171	-0.175	0.447	0.781	0.089
АО «Газпромбанк»	0.003	-0.063	0.102	0.710	0.136
ПАО «НЛМК»	0.080	0.036	0.194	1.256	-0.007
ПАО «Аэрофлот»	0.088	-0.584	-0.014	1.171	-0.030
АО «Русал»	0.067	-0.118	0.125	1.384	0.006
ПАО «Сибур Холдинг»	0.089	-0.016	0.205	1.474	-0.029
ПАО «Северсталь»	0.144	-0.015	0.279	1.551	0.041
ПАО «ММК»	0.086	-0.080	0.156	1.312	-0.029
АО «СУЭК»	0.240	-0.125	0.098	0.963	0.108
ПАО «Мобильные телесистемы»	0.029	0.047	0.185	1.175	0.010
АО «Металлоинвест»	0.178	-0.079	0.234	1.643	-0.017
ООО «Лента»	0.082	0.052	0.022	0.923	-0.009
ПАО «Русгидро»	-0.007	0.044	0.078	1.009	-0.050
АО «Еврохим»	0.122	-0.003	0.118	1.290	0.027
ПАО «Т Плюс»	0.028	-0.034	0.050	1.121	-0.012
ПАО «М.Видео»	0.259	0.144	0.023	1.823	-0.073
ПАО «Мегафон»	0.029	-0.055	0.044	0.826	-0.070
ПАО «Ростелеком»	0.042	0.089	0.008	1.281	-0.022
АО «Согаз»	0.299	0.065	0.194	1.381	-0.188
ПАО «ТМК»	0.151	-0.278	0.030	1.548	-0.050
ПАО «Мечел»	0.013	-0.076	0.028	1.142	-0.059
ГК «Трансмашхолдинг»	0.337	0.068	0.063	2.517	0.079
ПАО «Банк ФК Открытие»	-0.101	0.020	-0.299	0.460	-0.083
АО «ОДК»	0.428	0.163	0.121	0.072	-0.024
ПАО «Полус»	0.177	0.248	0.431	1.488	0.036
ПАО «Фосагро»	0.097	0.023	0.157	1.296	0.023
ПАО «Алроса»	-0.137	-0.098	0.240	0.841	-0.110
АО «Почта России»	-0.038	0.438	0.011	0.938	-0.014
ПАО «ЧТПЗ»	0.117	-0.340	0.025	1.227	-0.092
АО «Зарубежнефть»	0.109	0.119	0.124	1.309	-0.024

Окончание таблицы 3

Table 3 (end)

Компания	П1	П2	П3	П4	П5
ПАО «КамАЗ»	0.103	0.156	0.006	1.494	-0.022
ПАО НК «Русснефть»	0.212	-0.288	0.049	1.980	-0.111
ПАО «Уралкалий»	0.091	-0.092	0.245	1.149	0.006
ООО «Окей»	-0.059	0.009	0.005	1.184	-0.011
ПАО «Московский кредитный банк»	0.079	0.048	0.152	1.048	-0.080
АО «Тинькофф Банк»	0.326	0.140	0.291	0.907	-0.023
Группа «Полиметалл»	0.123	0.278	0.257	1.318	0.039
ПАО «Мостотрест»	-0.143	-0.150	0.027	0.685	-0.216
ГК «Русагро»	0.179	0.151	0.122	1.115	-0.016
ПАО «Совкомбанк»	0.172	0.304	0.330	0.894	0.079
ПАО «Детский Мир»	0.163	0.111	0.057	1.185	0.066
АО «Группа Илим»	0.036	-0.005	0.165	1.165	0.000
ПАО «Группа Черкизово»	0.134	0.072	0.079	1.182	0.107
ФГУП «Госкорпорация по ОрВД»	0.078	-0.453	0.103	1.199	0.024
ПАО «Акрон»	0.087	0.044	0.155	1.285	0.020
ПАО «Группа ЛСР»	0.090	-0.413	0.557	1.977	-0.037
ПАО «Совкомфлот»	0.050	0.099	0.076	1.173	0.039
ПАО «ВСМПО-АВИСМА»	0.057	-0.133	0.240	1.188	-0.109
Группа РЕСО-Гарантия	0.068	0.143	0.156	0.979	0.003

В качестве метода оценки существенности различий был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA).

В качестве инструмента его проведения использовался ресурс [1].

Для сравнения отличий, вызванных разным отношением компаний к корпоративным университетам, и отраслевых различий был проведен дис-

персионный анализ и для фактора отраслевой принадлежности.

Дисперсионный анализ различий в значениях показателей

Результаты расчета средних значений показателей для выделенных групп и результат дисперсионного анализа для оценки существенности межгрупповых различий представлены в таблице 4.

Таблица 4

Table 4

Расчёт средних значений показателей и результат дисперсионного анализа Calculation of average values of indicators and the result of analysis of variance

	Образовательный центр	«Старый» КУ	«Новый» КУ	КУ отсутствует	F	Значимость F
П1	0.098	0.106	0.097	0.122	0.166	0.919
П2	-0.108	-0.012	0.032	0.013	1.991	0.125
П3	0.153	0.100	0.193	0.120	1.321	0.276
П4	1.223	1.220	1.294	1.276	0.125	0.945
П5	0.006	-0.009	0.006	-0.038	1.545	0.212

Статистически значимы на довольно невысоком уровне различия только для двух показателей — П₂, темпа прироста выручки в 2020 г. (на уровне значимости 12,5 %) и П₅, темпа роста числа занятых в 2016–2020 гг. (на уровне значимости 21,2 %). В обоих случаях компании с недав-

но открытым корпоративным университетом показали наиболее высокие значения соответствующего показателя.

Для сравнения в таблице 5 представлены результаты оценки существенности межотраслевых отличий. Статистически значимые различия

проявились по всем показателям. Это означает, что на значения выбранных показателей существенно влияет отраслевая принадлежность компаний.

По этой причине проведенный анализ следует дополнить, используя вместо исходных значений

показателей их отклонения от среднеотраслевых значений.

В таблице 6 представлены результаты дисперсионного анализа, проведенного для отклонений от среднеотраслевых значений указанных показателей.

Таблица 5

Table 5

Оценка существенности межотраслевых отличий
Assessment of the significance of intersectoral differences

Отрасль	Показатели				
	П1	П2	П3	П4	П5
АПК и лесное хозяйство	0.116	0.073	0.122	1.154	0.030
Химическая и нефтехимическая промышленность	0.097	-0.009	0.176	1.299	0.010
Строительство	-0.027	-0.281	0.292	1.331	-0.127
Энергетика	0.060	-0.010	0.092	1.222	-0.006
Финансы	0.093	0.081	0.174	0.962	-0.020
Машиностроение	0.290	0.129	0.063	1.361	0.011
Металлургия	0.112	-0.052	0.194	1.392	-0.021
Нефтяная и газовая промышленность	0.149	-0.198	0.172	1.422	0.007
Розничная торговля	0.120	0.099	0.025	1.189	0.017
Телекоммуникации	0.015	0.130	0.062	1.055	-0.024
Транспорт	0.068	-0.239	0.044	1.192	0.001
F	2.176	4.388	1.633	0.946	1.119
Значимость F	0.034	0.073	0.122	1.154	0.030

Таблица 6

Table 6

Дисперсионный анализ среднеотраслевых значений
Analysis of variance of industry averages

	Образовательный центр	«Старый» КУ	«Новый» КУ	КУ отсутствует	F	Значимость F
П1	-0.005	-0.010	0.013	0.008	0.219	0.883
П2	-0.019	-0.016	0.033	0.015	0.501	0.683
П3	0.019	-0.031	0.049	-0.031	1.624	0.193
П4	-0.082	-0.012	0.064	0.068	0.593	0.622
П5	0.012	-0.003	0.019	-0.030	2.041	0.118

В случае оценки различий с учетом среднеотраслевых значений результаты несколько изменились. Различия в значениях П₂ оказались незначительными, в значениях П₃ значимость различий сохранилась (на уровне значимости в 11,8 %) (в обоих случаях наиболее высокие значения у компаний, имеющих в своей структуре новые корпоративные университеты). Одновременно установлены статистически значимые различия

в значениях П₃, средняя рентабельность от продаж в 2017–2019 гг. (на уровне значимости 19,3 %). И опять же, как и в случае со всеми остальными показателями, наиболее высокие значения оказались у компаний, имеющих в своей структуре недавно открытые корпоративные университеты.

Заключение

Анализ результатов позволяет сделать следующие обобщения. Во-первых, с большой долей

уверенности можно утверждать, что компании с различным отношением к корпоративным университетам различаются по темпу роста выручки во время первого пандемийного года, а также по изменению в этот год числа сотрудников. Наиболее высокие темпы роста выручки в 2020 г. демонстрировали компании с недавно созданными корпоративными университетами (более 3 % в среднем, что очень позитивно для 2020 г.), а также без корпоративных университетов или образовательных центров вовсе. Компании же, имеющие образовательные центры, показали наихудший результат — в среднем выручка сократилась на 10,8 %. Аналогично и с точки зрения занятости — компании с новыми корпоративными университетами в среднем увеличили численность работников на 0,8 %. Наихудшие же результаты — у компаний без корпоративных университетов и образовательных центров. Похожие результаты получены и по показателю средней рентабельности продаж. Остальные два показателя — темп прироста выручки в 2016–2019 гг. и темп роста производительности труда в 2016–2020 гг., значимых различий не показали.

Во-вторых, фактор отраслевой принадлежности при этом оказал существенное влияние на значение показателей успешности — темп прироста выручки и среднюю рентабельность продаж. Наиболее рентабельные отрасли — химическая и нефтехимическая промышленность, металлургия, нефтяная и газовая промышленность, а также строительство. Среди наименее рентабельных отраслей ожидаемо оказались розничная торговля и транспорт. Наилучшие темпы роста до и во время пандемии были у машиностроения, самые слабые — у строительства и транспорта. Идентифицированные различия в отраслевых значениях подтверждают правильность первоначальной гипотезы и делают оправданным проведение второго этапа исследования.

В-третьих, различия в отклонениях от среднеотраслевых значений показателей в группах компаний с разным отношением к корпоративным университетам и образовательным центрам значимы для показателей средней рентабельности продаж и темпа прироста числа работников. И здесь опять же наилучшие значения у группы компаний с недавно созданными корпоративными университетами, а наихудшие — у тех, где нет ни корпоративных университетов, ни образовательных центров. Кроме того, средняя рентабельность оказалась низкой у компаний с давно созданными корпоративными университетами.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что компании с недавно созданными корпоративными университетами в рамках своей деятельности показывают наибольшую эффективность по сравнению с теми компаниями, в которых корпоративные университеты старые, либо на их месте развиваются учебные центры, либо же и вовсе отсутствуют. Это, в первую очередь, объясняется «гибкостью» по части составления образовательного контента. Возникшие в рамках последнего десятилетия корпоративные университеты во многом уже подстраивались под компетенции своих сотрудников и их потребности (в определенной степени выстраивая как «новый» формат обучения, так и широкий спектр образовательных программ), поскольку на рынке уже существовали площадки, способные дать своему потребителю необходимые навыки и компетенции (площадки академии Яндекс, Skillbox и другие ранние представители). И в этом плане по сравнению со своими «старыми» коллегами, молодые корпоративные университеты во многом выигрывали, потому что приспособиться и внести коррективы в то, что создавалось ввиду появившихся на рынке тенденций, несколько проще, чем полностью менять устоявшуюся систему обучения.

Тем не менее не стоит умалять роли компаний с давно созданными корпоративными университетами и компаний, на площадках которых функционируют корпоративные образовательные центры. Если вторые постепенно приходят к реорганизации собственных корпоративных центров в корпоративные университеты, отвечающие требованиям современного рынка образования, то первые в данном случае приходят к созданию единой образовательной системы, подразумевающей тесное сотрудничество с ведущими российскими высшими учебными заведениями. В любом случае, системный подход к обучению своих сотрудников, институционализированный в форме корпоративного университета, помогает компаниям обеспечивать более высокие темпы роста выручки и более высокую рентабельность, в том числе в условиях внешних шоков, таких как пандемия COVID-19.

Настоящее исследование может быть дополнено анализом различий в значениях показателей в 2021 и 2022 гг., уточнением типологии компаний (выделение степени развития корпоративного университета, учет числа и уровня образовательных программ), а также проведением многофакторного анализа.

Список источников

1. Holliday I. E. One-Way-Between-Groups ANOVA (v1.0.7) in Free Statistics Software (v1.2.1) // Office for Research Development and Education. 2019. URL: https://www.wessa.net/rwasp_One Factor ANOVA.wasp/
2. Pletnev D., Nikolaeva E. Integral Evaluation of Business Success: Methodology and Case of Russian SME // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020. Vol. 1116 AISC. P. 643–656. DOI: 10.1007/978-3-030-37919-3_65
3. Бархатов В. И. Человек как активный субъект экономического роста: к проблеме человеческого капитала и роли элит // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 8 (363). С. 7–13.
4. Бодрунов С. Д. Конвергенция технологий — новая основа для интеграции производства, науки и образования // *Экономическая наука современной России*. 2018. № 1 (80). С. 8–19.
5. Гайдукова А. О. Роль корпоративных университетов в повышении эффективности развития персонала // ВУЗ и реальный бизнес : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, Пермь, 16–30 апреля 2020 г. Пермь : Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2020. С. 51–58.
6. Дягилев Д. А., Злоказов А. В. Человеческий капитал, как основной фактор в системе социально-экономического развития региона // *Бенефициар*. 2022. № 108. С. 6–14.
7. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Развитие теории человеческого капитала в современных условиях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 6 (440). С. 199–208.
8. Лукин В., Лукин Д. Образование и человеческий капитал — основа экономики // *Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft*. 2020. № 3 (2). С. 25–30.
9. Макаров В. В., Блатова Т. А. Модель корпоративного университета как инструмент внутрифирменного управления знаниями // *Экономика и качество систем связи*. 2019. № 3 (13). С. 12–20.
10. Петряков П. А., Певзнер М. Н. Корпоративное обучение персонала как стратегия развития организации // *Человек и образование*. 2009. № 3. С. 16–20.
11. Плетнев Д. А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 15 (306). С. 35–42.
12. Плетнев Д. А., Николаева Е. В. Методология интегральной оценки успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России // *Журнал экономической теории*. 2015. № 4. С. 66–77.
13. Плетнев Д. А., Казадаев М. С. Стратегии управления человеческими ресурсами в российских корпорациях при переходе к ноономике // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2021. № 1 (227). С. 338–359. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-338-359.
14. Пружинин А. Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // *Социология*. 2021. № 1. С. 128–140.
15. Харламова Е. Е. Корпоративный университет как перспективное направление развития высшего образования // *Современные тенденции развития системы образования : сборник трудов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 28 марта 2018 г.* Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2018. С. 137–139.
16. Капкаев Ю. Ш., Исаева А. С., Лешинина В. В. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 3 (425). С. 158–167.
17. Юнусова Г. Р. Система менеджмента качества университета как объективное условие развития региональной экономики: зарубежный опыт // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 85. С. 262–276. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-262-276.
18. Юнусова Г. Р. Человеческий капитал в развитии экономики региона: высококачественное высшее образование как инвестиции в человеческий капитал // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 88. С. 190–203. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-88-190-203.

References

1. Holliday IE. One-Way-Between-Groups ANOVA (v1.0.7) in Free Statistics Software (v1.2.1). Office for Research Development and Education; 2019. URL: https://www.wessa.net/rwasp_One Factor ANOVA.wasp/
2. Pletnev D. Integral Evaluation of Business Success: Methodology and Case of Russian SME. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2020;1116:643–656. DOI: 10.1007/978-3-030-37919-3_65. (In Russ.).

3. Barkhatov VI. Man as an active subject of economic growth: to the problem of human capital and the role of elites. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2015;(8(363)):7–13. (In Russ.).
4. Bodrunov SD. Convergence of technologies — a new basis for the integration of production, science and education. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii = Economic science of modern Russia*. 2018;(1(80)):8–19. (In Russ.).
5. Gaydukova AO. The role of corporate universities in improving the efficiency of personnel development. In: XIII Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya studentov “VUZ i real'nyy biznes” = XIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students “University and real business”: Proceedings. Perm, Perm National Research Polytechnic University Publishing House; 2020. Pp. 51–58. (In Russ.).
6. Dyaghilev DA. Human capital as the main factor in the system of socio-economic development of the region. *Benefitsiar = Beneficiary*. 2022;(108):6–14. (In Russ.).
7. Kapkaev YS, Rudenko DS. Development of the theory of human capital in modern conditions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(6 (440)):199–208. (In Russ.).
8. Lukin V. Education and human capital — the basis of the economy. *Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft*. 2020;3(2):25–30. (In Russ.).
9. Makarov VV, Blatova TA. The model of a corporate university as a tool for in-house knowledge management. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi = Economics and quality of communication systems*. 2019;3(13):12–20. (In Russ.).
10. Petryakov PA., Pevzner MN. Corporate training of personnel as a strategy for the development of an organization. *Chelovek i obrazovaniye = Man and Education*. 2009;(3):16–20. (In Russ.).
11. Pletnev DA. Economics for a person as a non-trivial goal of the development of modern economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013;(15(306)):35–42. (In Russ.).
12. Pletnev DA, Nikolaeva EV. Methodology for the integral assessment of the success of small and medium-sized businesses in Russia. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2015;(4):66–77. (In Russ.).
13. Pletnev DA, Kazadaev MS. Human resource management strategies in Russian corporations in the transition to neonomics. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(1(227)):338–359. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-338-359. (In Russ.).
14. Pruzhinin AN. Influence of corporate university on the development of human capital of companies. *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(1):128–140.
15. Kharlamova EE. Corporate University as a promising direction for the development of higher education. In: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Sovremennyye tendentsii razvitiya sistemy obrazovaniya” = The International Scientific and Practical Conference “Modern trends in the development of the education system”: Proceedings. Cheboksary; 2018. Pp. 37–139.
16. Kapkaev YS, Isaeva AS, Leshinina VV. Analysis of the quality of human capital in the context of the development of the digital economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2019;(3(425)):158–167.
17. Yunusova GR. University quality management system as an objective condition for the development of the regional economy: foreign experience. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*. 2021;(85):262–276. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-262-276.
18. Yunusova GR. Human capital in the development of the regional economy: high-quality higher education as an investment in human capital. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2021;(88):190–203. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-88-190-203.

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

М. С. Казадаев — старший лаборант учебно-научной лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

M. S. Kazadaev — Senior laboratory assistant of the training and research laboratory of innovative business and entrepreneurship of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 179–190.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):179-190. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.341.44; 330.362(73)

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10618

ОФШОРИНГ И РЕШОРИНГ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ США В 1951–2020 ГГ.

Валерий Николаевич Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Рязань, Россия,
minat.valera@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8787-4274

Аннотация. Предметом исследования выступает процесс переноса производства в офшоры и последующей замены стратегии офшоринга на reshoring, характеризующий развитие высокотехнологичных отраслей промышленности США последние 70 лет. Цель работы состоит в выявлении и обосновании современных тенденций и факторов, определивших начало «стратегического поворота» США к reshoring как неотъемлемой форме реиндустриализации посредством отраслей высокотехнологичного производства. По результатам проведенного анализа среднегодовых темпов изменения ряда показателей, характеризующих исследуемые формы соответственно деиндустриального и реиндустриального развития экономики Соединенных Штатов, сделаны выводы, отражающие тенденции динамики изучаемых процессов под влиянием важнейших макроэкономических и технологических факторов, в частности, монополизации, производительности труда, смены технологических укладов, создания стоимости на разных этапах производственного процесса, конкурентоспособности и др. Результирующим выводом выступает констатация в текущий момент времени начальной фазы reshoring в США, связанной, прежде всего, с конъюнктурно-циклическими факторами развития капиталистической экономики. Вместе с тем необходимость стратегирования reshoring высокотехнологичных отраслей американской промышленности в «цифровую эпоху» предполагает смену традиционной либерально-рыночной парадигмы экономического развития.

Ключевые слова: офшоринг, reshoring, деиндустриализация, реиндустриализация, высокотехнологичные отрасли промышленности США, внешняя торговля США, монополизация, стоимостные цепочки, конкурентоспособность, производительность труда

Для цитирования: Минат В. Н. Офшоринг и reshoring высокотехнологичной промышленности США в 1951–2020 гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 179–190. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10618

Original article

OFFSHORING AND RESHORING OF THE US HIGH-TECH INDUSTRY IN 1951–2020

Valerij N. Minat

Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostycheva, Ryazan, Russia, minat.valera@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8787-4274

Abstract. The subject of the study is the process of transferring production offshore and the subsequent replacement of the offshoring strategy with reshoring, which characterizes the development of high-tech industries in the United States over the past 70 years. The purpose of the work is to identify and substantiate current trends and factors that determined the beginning of the US “strategic turn” to reshoring, as an integral form of reindustrialization, through high-tech industries. Based on the results of the analysis of the average annual rates of change in a number of indicators characterizing the studied forms of the deindustrial and reindustrial development of the United States

economy, respectively, conclusions were drawn that reflect the trends in the dynamics of the studied processes under the influence of the most important macroeconomic and technological factors. In particular, monopolization, labor productivity, change in technological patterns, value creation at different stages of the production process, competitiveness, etc. The resulting conclusion is the statement at the current time of the initial phase of reshoring in the United States, associated primarily with market-cyclical factors development of the capitalist economy. At the same time, the need to strategize the reshoring of high-tech industries in the American industry in the “digital age” implies a change in the traditional liberal market paradigm of economic development.

Keywords: *offshoring, reshoring, deindustrialization, reindustrialization, US high-tech industries, US foreign trade, monopolization, value chains, competitiveness, labor productivity*

For citation: Minat VN. Offshoring and reshoring of the US high-tech industry in 1951–2020. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):179-190. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10618

Введение

Одним из характерных признаков и одновременно неизбежным следствием транснационализации и последующей глобализации экономики¹ явился офшоринг. Его стратегия в части, касающейся промышленного производства, выводимого за рубеж из национальных экономик наиболее развитых стран, ставила цель «оседлать» постиндустриальную экономику — экономику знаний, сконцентрировав внутренние силы на науке, технологиях, программном обеспечении, финансах и услугах. Таким образом, как минимум последние 60–70 лет считалось и считается до сих пор, что дешевле, быстрее, гибче и эффективнее промышленность развивается в экономических условиях мир-системной полупериферии и периферии, обладающей дешевыми трудовыми и естественными ресурсами, открытостью национальных экономик, слабостью валютного регулирования, законодательной базой, приветствующей приток транснационального капитала. Несмотря на это, уже с 1980-х гг., когда вывод за рубеж мировых экономических центров не только трудоемких, но и наукоемких производств начал представлять угрозу экономической безопасности и увеличивать социальную напряженность

среди все большего слоя капиталистического общества, ряд экспертов указали на значительные издержки стратегии офшоринга. В 2010-х гг. концепция замены последней на противоположную — решоринг, т. е. возврат промышленности в национальное геоэкономическое пространство, начала достаточно активно реализовываться в передовых странах мира, прежде всего, в Соединенных Штатах Америки.

Цель настоящего исследования — выявить и обосновать современные тенденции и факторы промышленного развития, связанные с кардинальным и принципиальным, хотя и только обозначившимся, реиндустриальным поворотом ведущей страны глобального центра — США — от офшоринга к решорингу, посредством высокотехнологичных отраслей.

Обзор литературы

В настоящее время экономисты разных стран и научных школ в качестве главной причины эффективно растущих издержек национальных экономик, «вырвавшихся» на глобальный простор за счет вывоза капитала и технологий, так или иначе указывают на хорошо известные из работ классиков политэкономики К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина закономерности эволюции капиталистического способа производства: 1) тенденцию нормы прибыли к понижению и 2) неизбежность монополизма. Первое положение нашло эмпирическое подтверждение в работе современного экономиста О. О. Комолова, где, в частности, показана неизбежность сдерживания научно-технического прогресса (НТП), исходя из интересов капитала [17].

В отношении монополизма сошлемся, прежде всего, на результаты американских исследователей С. Кота и Т. Махони [2] о разорении не менее 100 тыс. мелких и средних компаний обрабатывающей промышленности США по причине американского офшоринга производства не только конечного продукта, но и комплектующих, что

¹ Взгляды на истоки глобализации экономики XX в. являются дискуссионными, но ее начальный временной период (не считая более ранних этапов развития капитализма) традиционно увязывают с экспансией американского капитала после Второй мировой войны и построением «американоцентричной» мир-системы. Американские экономисты отождествляют «глобализационный прорыв» с бурно развивающейся в начале 1960-х гг. международной торговли, который был закреплён «де-юре» после «Кеннеди-раунда» (серии международных конференций в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле — ГАТТ в 1964–1967 гг.). Многие экономисты ведут отсчёт современной глобализации от транснационализации финансовых рынков (неминуемо постепенно приведшей к финансовой глобализации мировой экономики в целом), т. е., как и в случае с «торговым маркером», условно с начала 1960-х гг.

выгодно для транснациональных корпораций (ТНК). Российские ученые марксистского направления, в частности А. В. Бузгалин и А. В. Колганов [9], вышеупомянутый О. О. Комолов [18], подчеркивая объективность углубления противоречий рыночной экономики, связанных с неизбежной мотивацией капитала к концентрации и сокращению участников рынка, отмечают подчиненную роль национальных компаний в технологических цепочках ТНК. Последние создают материальную основу для формирования и диверсифицированного развития соответствующих отраслевых и межотраслевых глобальных цепочек.

Специалисты, изучающие мировые тенденции создания и эволюции глобальных стоимостных цепочек (ГСИ) / глобальных цепочек стоимости (ГЦС), отмечают:

— с одной стороны, как подчеркивает В. Б. Кондратьев [20], указанные цепочки в системе офшоринга дают возможность реализации потенциальных конкурентных преимуществ стран и корпораций в рамках усиливающегося международного разделения труда (МРТ), что, по его же мнению [19], не гарантирует получения долгосрочных выгод;

— с другой стороны, результаты исследования В. Е. Малыгина показывают, что в условиях глобального рассредоточения производственного процесса «каждая территория ищет свою специализацию под конкретную стадию и задачу» [23, с. 113].

Последний тезис коррелируется с рабочей схемой «центро-периферийной» концепции, раскрывающей, по мнению В. И. Бархатова [4], противоречия между национальными экономиками. Указанным экономистом в соавторстве с Д. А. Плетневым отмечено, что обострение объективных противоречий глобального капитализма неизбежно усиливается за счет субъективного сдерживания развития экономических систем полупериферийного и периферийного типа под влиянием систем геоэкономического мирового центра, не позволяющего использовать «окно возможностей» для посткризисного восстановления финансово контролируемых экономик [6]. Ослабление государственного управления экономическими процессами в «цифровую эпоху» связано с «иллюзиями» измеримости, управляемости и грамотности субъектов и объектов «раздираемых» противоречиями систем, в первую очередь, промышленного функционала [5].

Отмеченные и иные противоречия, проявившиеся в рамках начавшейся с кризиса 2007–2009 гг.

деглобализации, неизбежно способствовали смене стратегии офшоринга стран геоэкономического центра на обратную — рещоринг, связанный с объективной необходимостью реиндустриализации национальных экономик ведущих мировых стран. Этот процесс трансформации мирового геоэкономического пространства, не имеющий столь глобальных и масштабных темпов структурной перестройки промышленности и ее территориальной «переконцентрации» как в условиях деиндустриализации, по мнению В. Г. Варнавского [12], охватил ведущие экономики мира в контексте индустрии 4.0. Последняя, согласно исследованиям А. Н. Захарова [15], учитывает преимущества национальных экономик в МРТ. Диалектически единый процесс реиндустриализации и рещоринга, рассматриваемый современными специалистами либо в рамках 6-го технологического уклада (ТУ) [14], либо 4-й промышленной революции К. Шваба, обусловлен влиянием технологических изменений на все сферы деятельности, что подчеркивается Д. А. Плетневым и Е. В. Козловой [30], включая поведение субъектов производственного сектора экономики.

Материалы и методы исследования

Информационную базу, позволившую проанализировать и оценить развитие высокотехнологичных отраслей промышленности США, сгруппированных согласно классификации Бюро Цензов США (*United States Census Bureau*) по 10 направлениям наиболее передовых технологий и перегруппированных автором на основе рекомендаций ОЭСР в четыре высокотехнологичные отрасли¹, что оптимизирует и генерализирует,

¹ ОЭСР выделяет на основе расчета общих затрат на науку с помощью матрицы «затраты — выпуск» высокотехнологичные отрасли промышленности. Поскольку инновационное развитие экономики базируется на технологизации отраслей обрабатывающей промышленности, по-прежнему обеспечивающей научно-технический прогресс (НТП) в системе расширенного воспроизводства, необходимо определиться с категорией «высокотехнологичной» или «наукоемкой» (в обеих интерпретациях high-tech) продукции обрабатывающей промышленности. Это продукция, в себестоимости которой доля расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) существенно (в среднем в 1,5 раза) превышает значение среднеотраслевого показателя, либо значения аналогичных показателей смежных отраслей. Иными словами, затраты на НИОКР в высокотехнологичных (наукоемких) отраслях составляют значительную долю в объемах продаж данной продукции, характеризуюсь (отличаясь) высокой НИОКР-интенсивностью. Используя современные категории, можно говорить об инновационности такой продукции.

но не снижает репрезентативность исследования. Отмеченные четыре отрасли промышленности США представляют собой: авиакосмическую промышленность (*aerospace, ASM*), производство компьютеров и офисного оборудования (*computer and office equipment manufacturing, COEM*), электронную промышленность и производство коммуникационного оборудования (*electronics and communications equipment manufacturing, ECEM*), фармацевтическую промышленность (*pharmaceutical industry, Pharm*).

Для достижения поставленной цели и получения результатов автор использовал необходимый теоретический и статистический материал, к анализу которого применялись такие традиционные методы экономических исследований, как абстрактно-логический, статистико-экономический. Анализ динамики абсолютных показателей развития высокотехнологичного сектора американской промышленности за исследуемый период времени не дает до конца объективной и наглядной картины о структурных особенностях этого процесса в многолетней динамике. Поэтому автором, на основе традиционной методики, рассчитаны среднегодовые темпы роста/снижения (отрицательного роста), т. е. средние величины из ежегодных темпов роста, которые позволяют сравнивать динамику взаимосвязанных явлений за длительный временной период и выбранные временные отрезки, характеризующиеся цикличностью экономического развития экономики США.

Результаты исследования и их обсуждение

Теоретическая часть. Послевоенное лидерство США, получивших за годы Второй мировой войны колоссальный доход от поставок, прежде всего, промышленных товаров военного и гражданского назначения в воюющие и восстанавливающиеся страны Европы, Азии и СССР, обеспечило непрерываемый экономический и политический «американоцентризм». Еще в конце 1940-х, а тем более в 1950-х гг. крупному капиталу/бизнесу Соединенных Штатов и его ставленникам в правящих кругах стало «тесно» в рамках национальной индустрии¹. В целях расширения экономической и идеологической экспансии США использовали противостояние с Советским Союзом и социалистическим блоком. Переход от 4-го к 5-му ТУ начала 1980-х гг., характеризую-

щийся с позиции инновационной цикличности компьютерной революцией, выдвинул в число ведущих отраслей американской промышленности микроэлектронику, фармацевтику, аэрокосмические и информационно-коммуникационные производства. Офшоринг перечисленных высокотехнологичных отраслей промышленности США, ориентированный на Китай (КНР), страны Юго-Восточной и частично Южной Азии превратил указанные страны и регионы, сверхобеспеченные трудовыми ресурсами, достаточными для этапа технологической сборки готовой продукции, из отсталых мировых «периферий» в американскую «промышленную полупериферию» (*industrial semi-periphery*). Кроме того, решоринг «по-американски» включил в свою «центро-периферийную орбиту» страны Западной Европы (впоследствии Евросоюза), а далее и восточноевропейский сектор, «перехваченный» у преемницы СССР — Российской Федерации.

Однако уже к концу 1990-х гг. решение задач «нового», инновационно-ориентированного промышленного сектора США потребовало качественного обновления не только функциональной, но и территориальной интеграции науки, техники, высшего образования и производства, что всегда находило поддержку американского правительства. Это отмечали американские ученые С. Козн и Дж. Зисман [1] еще в 1987 г., а в настоящее время констатировал В. Б. Кондратьев [21]². Следовательно, вопрос о темпах роста национальной американской промышленности неумолимо перешел в практическую плоскость,

² «Опыт показал, что прикладные исследования и инжиниринг, необходимые для выведения новых товаров на рынок, их разработка и совершенствование производственных процессов эффективней осуществляются рядом с фабриками и заводами. По мере того как все больше инженеров и дизайнеров перемещались за рубеж, многие американские компании теряли свои компетенции на территории США. Со временем лозунг „изобретай здесь, делай там“ превратился в „изобретай там, делай там“... Технологические инновации коренным образом отличаются как от научных открытий, так и от инжиниринговых изобретений. Роль инноваций заключается в трансформации обещающих изобретений и открытий в новые товары или технологические процессы, чтобы удовлетворить определенные социальные потребности с помощью передовых ноу-хау. Для создания богатства и обеспечения национальной безопасности страна должна генерировать инновации. В противном случае крупные государственные инвестиции в НИОКР оказываются простым субсидированием НИОКР других стран, которые организуют производство и получают прибыль от полученных результатов» [16, с. 131].

¹ Факторы и тенденции промышленного развития США за период 1929–1970-х гг. и милитаризации промышленного экспорта рассмотрены автором статьи на страницах настоящего журнала [25; 26].

базируясь на основе высоких технологий 5-го (с начала 1980-х гг.), а затем и 6-го (в настоящее время) ТУ.

Таким образом, если офшоринг — это стратегия, выгодная бизнесу стран геоэкономического центра мира, исходя из задач постиндустриального развития и деиндустриализации их национальных экономик, то рещоринг, напротив, является формой реиндустриализации, имеющей целью восстановление некогда утраченной (выведенной за рубеж — производственно в другие страны, а финансово — в офшоры) производственно-технологической базы. При этом, указанное восстановление промышленности США базируется на передовых инновационных продуктах и технологиях, соответствующих нарождающемуся ТУ. Поэтому исследование глобального перехода/поворота развитых экономик мира, в частности главной из них — экономики США, от стратегии офшоринга к рещорингу наиболее актуально для высокотехнологичных отраслей промышленного сектора.

Изучение развития инновационного/знание-емкого высокотехнологичного промышленного производства в США в настоящее время осуществляется посредством трех взаимосвязанных направлений, эмпирически исследованных автором настоящей статьи ранее:

— пространственной и технико-экономической ориентации обрабатывающей промышленности США на инновационные территориальные системы национального и регионального уровней [24];

— диверсификации направлений финансирования промышленных НИОКР [27] в Соединенных Штатах;

— внешнеторговых отношений США с другими странами и регионами мира в разрезе товарных групп высокотехнологичного сектора американской промышленности, как в плане стимулирования американского экспорта, так и, напротив, в плане защиты внутреннего рынка, учитывая эффект замещения [28].

Эмпирическая часть. Обобщение эмпирических результатов исследований по отмеченным направлениям, соотнесенных с оценками М. Портера [31], Д. Белла [7], Дж. Стиглица [32], Дж. Ариги [3], Р. Бреннера [8], теоретическими положениями и статистическими результатами ведущих советских и российских экономистов, изучавших проблематику внешней торговли США, офшоринга и рещоринга в различные периоды времени: Е. Н. Истоминой [16], Г. Г. Муфтиева и др. [29], В. Б. Кондратьева [21; 22], В. Г. Варнавского [10; 11], Т. В. Гудковой и Т. С. Логиновой [13] и др., представлено в таблице.

Среднегодовые темпы роста (+) / снижения (–) показателей развития высокотехнологичных отраслей (ВО) промышленности США в 1951–2020 гг., %
Average annual growth rates (+) / decline (–) of indicators of development of high-tech industries (HE) US industry in 1951–2020, %

Показатели		Периоды времени, гг.				
		1951–1970	1971–1990	1991–2000	2001–2010	2011–2020
Удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП США	в целом	4,8	1,1	–7,7	–8,0	–7,3
	ВО	10,2	6,7	–1,9	–2,2	–1,2
Доля занятых в обрабатывающей промышленности	в целом	5,9	2,0	–2,8	–1,9	–2,0
	ВО	8,2	2,5	–0,2	–0,3	–1,3
Производительность труда в обрабатывающей промышленности	в целом	4,0	3,6	3,1	2,3	0,7
	ВО	6,2	6,0	5,4	3,5	3,0
Численность высокотехнологичных производственных компаний	крупных	1,3	2,4	3,5	4,2	5,0
	средних	4,4	3,0	2,2	1,5	–0,9
	малых	4,3	3,1	1,0	–1,3	–3,7
Роботизация производства		3,1	6,4	8,7	12,2	14,2
Информатизация/цифровизация производства		н/д*	7,7	10,7	16,3	18,9
Доля НИОКР в расходах компаний		4,7	8,6	11,3	14,2	17,0
Доля производственных мощностей, переводимых за рубеж		5,5	12,2	12,9	9,0	3,6
Соотношение промежуточных и готовых высокотехнологичных товаров	гражданских	3,7	9,2	12,7	15,0	11,6
	двойного назначения	н/д	4,0	5,3	7,4	7,0
Доля вывозимых прямых инвестиций в общих объемах инвестиций в развитие ВО промышленности		5,8	7,9	12,7	12,0	7,9

Окончание таблицы
Table (end)

Показатели		Периоды времени, гг.				
		1951–1970	1971–1990	1991–2000	2001–2010	2011–2020
Национальные активы американских компаний ВО промышленности		7,6	8,2	8,9	9,4	10,2
Соотношение национальных активов американских компаний ВО промышленности с зарубежными активами этих же компаний		7,0	–6,5	–12,6	–17,4	–11,3
Внешнеторговый баланс США научно-технической информацией и документацией		8,8	7,4	5,9	6,4	6,7
Доля экспорта США в суммарном международном экспорте высокотехнологичных товарных групп		7,5	2,9	–5,0	–3,4	–1,6
Торговый баланс США высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности		4,3	1,4	–4,1	–3,4	–1,4
Эффект замещения в ВО промышленности по доле внешней торговли**	импорт	6,8	17,8	24,6	27,8	27,9
	экспорт	7,1	11,4	13,5	13,8	16,4

* н/д — нет данных;

** эффект замещения представлен как средняя расчетная величина за определенный временной период, а не в качестве среднегодового темпа роста.

Источник: Рассчитано на основе данных официальной статистики¹.

Анализ данных таблицы позволяет сделать следующие выводы о развитии офшоринга и рещоринга высокотехнологичной промышленности США как форм соответственно деиндустриального и реиндустриального направлений промышленного развития США, сложившихся под влиянием различных факторов.

Во-первых, следствием и «маркером» деиндустриализации и ее активной стратегии офшоринга в США является снижение среднегодовых темпов роста показателей, отражающих вес обрабатывающей промышленности и доли заня-

тых в ней американцев в целом и в ВО вплоть до отрицательных значений (снижения), начиная с 1990-х гг. Это связано с постиндустриальным этапом капиталистического развития развитых экономик мира во главе с Соединенными Штатами, характеризующимся доминированием сферы услуг². Вместе с тем начавшийся с 2010–2012 гг. активный рещоринг позволил ряду отраслей американской высокотехнологичной промышленности создать, по разным оценкам, от 2,5 до 5 млн новых рабочих мест (что не изменило отрицательных среднегодовых значений) и увеличить число компаний в указанных отраслях на несколько сотен. Таким образом, только за одно «доковидное» десятилетие США активизировали замещение иностранных товаров своими.

Во-вторых, в представленной динамике прослеживается дальнейшая монополизация и сверхконцентрация высокотехнологичных производств, их активов и коммерческих интересов в рамках ГСЦ/ГЦС, отражаемая в постоянном увеличении среднегодового прироста крупных компаний ВО обрабатывающей промышленности США за счет средних и малых форм. Многолетний целенаправленный процесс переноса

¹См.: Manufacturing Annual Report. United States Department of Commerce. URL: <https://www.pwc.co.uk/industries/manufacturing/insights/annual-manufacturing-report.html> (дата обращения: 10.12.2021); State of North American Manufacturing. Annual Report. URL: <https://business.thomasnet.com/state-of-north-american-manufacturing-ualp> (дата обращения: 10.12.2021); Manufacturing USA: A Third-Party Evaluation of Program Design and Progress. Deloitte. URL: www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/manufacturing/usmfgmanufacturing-USA-program-and-process.pdf. (дата обращения: 10.12.2021); Bureau of Economic Analysis (BEA). Industry Data. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1> (дата обращения: 10.12.2021); Bureau of Economic Analysis (BEA). International Trade in Goods and Services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 10.12.2021); Bureau of Labor Statistics (BLS). Employment Projections. URL: <https://www.bls.gov/emp/tables/industry-occupation-matrix-industry.htm> (дата обращения: 10.12.2021) и др.

² Авторитетные исследования подтверждают, что в исторической динамике «сфера услуг в США развивается быстрее, чем производство товаров. Так, если производство товаров в негосударственном секторе экономики за период 1947–2015 гг. увеличилось в 34,7 раза, то производство услуг — в 104,1 раза» [29, с. 33].

производства в страны и регионы мира с низкими издержками привел не только к их росту в этих странах уже к началу 1980-х гг., но и к росту издержек компаний ВО промышленности, работающих на внутреннем рынке США, что способствовало поглатанию мелких, а затем и средних фирм крупными компаниями, преимущественно ТНК. Наиболее четко отмеченная монополизация проявилась в американской (как и мировой) фарминдустрии — перманентные «слияния и поглощения»¹.

В-третьих, в рамках все тех же ГСЦ/ГЦС, несмотря на колоссальные темпы среднегодового прироста роботизации, информатизации и цифровизации (в соответствующий временной период), затрат на НИОКР (осуществляемых, прежде всего, крупным высокотехнологичным бизнесом), по всем указанным показателям США отстают от своих мировых конкурентов: большинства стран стран ОЭСР, Южной Кореи и др. Это объясняется, прежде всего, офшоринговой стратегией Соединенных Штатов, доминирующей и по сей день,

¹ На основе анализа статистических данных автор пришел к выводу, что на протяжении многих десятилетий эволюция американских фармацевтических компаний развивалась в условиях предельной экспансии производимых товаров и услуг как на внутреннем рынке США, так и в глобальном масштабе и снижения роста чистой нормы прибыли. Об этом ярко свидетельствует, прежде всего, циклическая зависимость динамики среднегодовых темпов роста экономических показателей развития фарминдустрии страны как в рамках длительного американского цикла накопления капитала, охватившего весь XX в. и 20 лет наступившего столетия, так и исследованных нами колебаний, связанных с кризисами начала 1970-х и 2007–2009 гг. Несмотря на общий рост практически всех показателей в среднегодовых значениях, фармацевтические гиганты США и их контрагенты как внутри страны, так и по всему миру вынуждены в условиях нарастающей финансиализации — неотъемлемого и завершающего этапа глобализации — предпринимать попытки повышения динамической «гибкости» в рамках технологического перехода. С этой целью перманентно осуществляются сделки по слиянию и поглощению компаний. Этот процесс, на наш взгляд, носит характер, оторванный по своей сущности от реальной экономической деятельности, и «навязывает» фарминдустрии и резидентным рынкам здравоохранения практически всех, за малым исключением, стран мира доминирующее значение фиктивной капитализации. Последнее неминуемо ведет к надуванию «финансовых пузырей» в сфере фарминдустрии США, накачиваемых государственным стимулированием, осуществляемым посредством «печатного станка» Федеральной резервной системы (ФРС) под предлогом оперативной борьбы с ростом заболеваемости, вызванной новыми разновидностями коронавируса.

несмотря на ее кардинальную смену на рещоринг только в 2010-х гг. Основным, на наш взгляд, доказательством «инерции» американского офшоринга является динамика показателя эффекта замещения в ВО промышленности США по доле внешней торговли, который на протяжении последних 30 лет почти вдвое превышает величину по импорту, в сравнении с экспортной.

В-четвертых, яркой демонстрацией стратегической перемены в системе «офшоринг — рещоринг» в ВО промышленности США выступает резкое снижение среднегодового роста вывозимых за пределы США производственных мощностей и не столь резкое, но заметное снижение доли вывозимых из США прямых инвестиций. Однако «торможение» указанного процесса обуславливается огромной зависимостью внутреннего высокотехнологичного рынка США от иностранной продукции обрабатывающей промышленности. На это прямо указывают две группы показателей, анализируемые с позиции их среднегодовых темпов роста/снижения:

- соотношение национальных активов американских компаний ВО промышленности с зарубежными активами этих же компаний, показатели которого характеризуются отрицательными значениями еще с 1970-х гг., а также соотношение промежуточных и готовых высокотехнологичных товаров, отражающее высокий уровень зависимости США от иностранных контрагентов, причем не только по товарным группам гражданского назначения, но и т. н. «двойного назначения», по сути военного;

- группа показателей внешней торговли США высокотехнологичными товарами промышленной продукции, отражающих снижение среднегодовых темпов как американского экспорта, так и торгового баланса США в целом.

В-пятых, нельзя не отметить, что, несмотря на эмпирические факты, раскрывающие лишь начальную стадию смены офшоринга на рещоринг, обусловленную реиндустриальной стратегией правительства и бизнеса США на волне 6-го ТУ, американский высокотехнологичный сектор промышленности имеет значительный (по ряду оценок, по-прежнему крупнейший в мире) инновационный потенциал индустриальной модернизации. В рамках нашего исследования это статистически подтверждается неизменным среднегодовым ростом такого показателя, как «национальные активы американских компаний ВО промышленности» и высокими значениями прироста значений внешнеторгового баланса США

научно-технической информацией и документацией. Начавшийся в США решоринг показывает, что инвестиции в инновации и промышленно-технологические НИОКР постепенно перенаправляются от субсидирования их развития в других странах на попытку повысить норму прибыли в рамках национального сектора высокотехнологичной промышленности.

В-шестых, постоянное снижение среднегодовых темпов роста производительности труда, характерное как для обрабатывающей промышленности США в целом, так и для ее ВО, отражает многолетнее понижение значения этого важнейшего фактора конкурентоспособности американской высокотехнологичной промышленной продукции на мировом рынке. Место американской «дорогой» продукции занимают другие страны. В свое время это была Япония (автомобильная промышленность), в настоящий период — Китай¹, с которым США развернули экономическую войну, угрожая превести ее в вооруженное противостояние военно-политических блоков стран (США, Австралии, других государств — членов НАТО). Таким образом, американские компании вынуждены осуществлять решоринг преимущественно из Китая, тем более, что для них не менее важным фактором выступает качество товара и репутационные соображения. Специалисты отмечают смещение интереса современного производителя с цели минимизации издержек любыми способами (что тормозит научный прогресс) к новой модели, ориентированной на изменение потребительского спроса в условиях учащения изменения предпочтений — от массовых рынков — к нишевым рынкам и продуктам, т. е. от глобализации к регионализации производства и потребления.

¹ «В течение 20 лет он был предпочтительным местом для размещения производства американскими промышленными компаниями с целью сокращения издержек. В 1990-х и начале 2000-х годов Китай еще рассматривался не в качестве конкурента, но как регион расширения американских производственных мощностей, как составная часть стратегии американских компаний. Эти компании пользовались преимуществами Китая (низкими заработной платой и налогообложением) для резкого сокращения издержек — сначала в низкостоймостных и низкотехнологичных отраслях, а со временем и в более наукоемких секторах производства товаров и компонентов, особенно в электронике... С падением темпов роста производительности увеличивался разрыв в ценах конечной продукции американского производства и китайского импорта в страну... С учетом ценового фактора американская обрабатывающая промышленность теряет конкурентное преимущество перед китайскими производителями» [21, с. 132, 134].

Также нельзя не отметить государственную политику США, направленную на поддержку решоринга в рамках общенациональных программ². Американские стратегические инициативы решоринга и реиндустриализации учитывают изменения в структуре издержек, технологиях, факторах потребления и спроса.

Заключение

По результатам проведенного исследования не вызывает сомнений наличие «стратегического поворота» США к решорингу как неотъемлемой форме реиндустриализации. Оценка среднегодовых темпов изменений показателей развития ВО промышленности Соединенных Штатов за 1951–2020 гг. определяет его начало 2010-ми гг., хотя предпосылки, сформировавшие факторы, обусловившие решоринг, отмечаются еще в 1980-х гг. Вместе с тем эмпирическое подтверждение значимости и системности указанного поворота от офшоринговых схем к решорингу показывает доминирование конъюнктурных факторов, связанных с циклическим развитием американской и в целом мировой капиталистической экономики. Это дает возможность некоторым исследователям и политикам говорить об очередной фазе промышленного спада в США, за которым следует подъем, качественно подкрепленный передовыми технологиями 6-го ТУ. Такой процесс, исходя из представленных в таблице данных, уже происходил в США при технологическом и мировом хозяйственном переходе к 5-му ТУ.

Однако в настоящий момент — рубежа 2020-х гг., характеризуемого новыми противоречиями высокомонополизированной капиталистической экономики, связанными, с одной стороны, с цифровизацией, а с другой стороны, с регионализацией — очередная «настройка» на экономический рост через новую индустриальную парадигму общественного развития, основанного, как

² Специалисты отмечают, что «... в США еще в 2012 г. в целях стимулирования решоринга был предусмотрен целый комплекс мер, включая финансовую поддержку компаний через налоговые вычеты, налоговые кредиты и стимулы, расширение инвестиций в логистическую инфраструктуру... В последние годы он стимулируется и увеличением бюджетных расходов на НИОКР в обрабатывающей промышленности. Принимаются различные программы поддержки решоринга. Например, программа Manufacturing Extension Partnership призвана помогать компаниям рассчитывать издержки и принимать обоснованные решения о размещении производства, а Make it in America Again — предоставлять финансовую поддержку проектам по решорингу производственных мощностей» [22, с. 62].

ранее, на рыночном механизме, не представляется возможной. Не случайно стратегия рещоринга в США и других странах так тесно увязывается с «новыми экологическими стандартами» для промышленности всех стран мира. Понятно, что соответствовать «нормативам зеленой революции» будут сверхвысокотехнологичные компании, релокация которых в страны центра неизбежна. Но и в этих высокоразвитых странах в условиях все большей монополизации и концентрации промышленного и финансового капи-

тала со временем будут нарастать объективные противоречия между необходимостью научно-технического развития и системными рисками капиталистического воспроизводства. Следовательно, рыночные механизмы будут вытесняться из функционирования цепочек стоимости и перераспределения ресурсов и благ, замещаясь либо инструментами формирования планомерного производства, либо «военно-цифровыми» платформенными регуляторами всей общественной жизни и деятельности.

Список источников

1. Cohen S., Zysman J. *Manufacturing Matters: the Myth of the Post-Industrial Economy*. N.Y., 1987. 308 p.
2. Kota S., Mahoney T. *Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing*. M:Foresight. Alliance for Manufacturing Foresight. June 2019. 226 p.
3. Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени ; пер. с англ. М. : Территория будущего, 2006. 470 с.
4. Бархатов В. И. Тренды развития социально-экономических систем регионов (центр — периферия) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 35–52. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11205
5. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Иллюзии государственного управления в цифровую эпоху // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 7–9. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11201.
6. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Научные ответы на вызовы пандемии: о первом постковидном форуме экономистов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 7–9. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10601.
7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество ; пер. с англ. М. : Academia, 2004. 944 с.
8. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности. Развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005; пер. с англ. М. : ИД ВШЭ, 2014. 552 с.
9. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 2 : Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). 3-е изд., испр. и сущ. доп. М. : ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
10. Варнавский В. Г. Посткризисная реиндустриализация: от концепции к реализации // Друкерский вестник. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.17213/2312-6469-2019-1-18-28.
11. Варнавский В. Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций. 2018. Т. 11, № 2. С. 100–112. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-2-100-112.
12. Варнавский В. Г. Трансформация мирового геоэкономического пространства в условиях реиндустриализации // Вестник института экономики РАН. 2019. № 2. С. 119–133. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10022.
13. Гудкова Т. В., Логинова В. С. Рещоринг промышленности США: цифровизация vs глобализация // США & Канада: экономика — политика — культура. 2020. Т. 50. № 7. С. 42–60. DOI: 10.31857/S268667300010134-7.
14. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку: научный доклад / Р. А. Абдулов, Д. Б. Джаббаров, О. О. Комолов, Г. А. Маслов, Т. Д. Степанова. М. : Научная лаборатория современной политэкономии, 2021. 269 с. DOI: 10.13140/RG.2.2.28808.14087.
15. Захаров А. Н. Перспективы реиндустриализации развитых экономик (США, Канада и Австралия) // Вестник МГИМО-Университета. — 2018. № 1 (58). С. 213–245. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245.
16. Истомина Е. Н. США в борьбе за рынки. М.: Международные отношения, 1971. 240 с.
17. Комолов О. О. Норма прибыли в контексте нестабильности мировой экономики // Вестник института экономики РАН. 2017. № 3. С. 35–52.
18. Комолов О. О. Проблема монополизма через призму «глобального капитала» // Проблемы современной экономики. 2017. № 1 (61). С. 53–58.

19. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3 (39). С. 170–177. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-11.
20. Кондратьев В. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 49–58. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58.
21. Кондратьев В. Проблемы деиндустриализации в США // Перспективы. 2019. № 3 (19). С. 130–147. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-3-130-147.
22. Кондратьев В. Решоринг как форма реиндустриализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 54–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-54-65.
23. Малыгин В. Е. Феномен глобальных стоимостных цепочек: понятие, формы, эволюция // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 6. С. 113–124.
24. Минат В. Н. Инновационная деятельность и пространственная структура обрабатывающей промышленности США // Инновации. 2020. № 10 (264). С. 82–94. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.264.10.010.
25. Минат В. Н. Милитаризация экспорта США в период 1946 — 2020 гг.: структура, динамика, результаты // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 187–198. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11222.
26. Минат В. Н. Неравномерность экономического развития США в 1950–70-х гг.: цикличность, кризисность, дальнейшая монополизация и экспансия капитала // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 171–179. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10619.
27. Минат В. Н. Эволюция финансирования промышленных НИОКР в США: динамические и структурные особенности // Вестник Волгоградского гос. университета. Экономика. 2021. Т. 23. № 1. С. 177–189. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.1.15.
28. Минат В. Н. Эффект замещения в высокотехнологичной промышленности США по доле внешней торговли и защита внутреннего рынка // Международная торговля и торговая политика. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 5–25. DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-5-25.
29. Муфтиев Г. Г., Максимов В. А., Брызгалов А. В. Некоторые особенности внешней торговли США в условиях деиндустриализации американской экономики // Торговля, предпринимательство и право. 2016. № 2. С. 33–36.
30. Плетнев Д. А. Влияние технологических изменений на поведение хозяйствующих субъектов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 70–79. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10308.
31. Портер М. Международная конкуренция ; пер. с англ. М. : Международные отношения, 1993. 895 с.
32. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции; пер. с англ. М. : Национальный общественно-научный фонд, 2003. 424 с.

References

1. Cohen S, Zysman J. Manufacturing Matters: the Myth of the Post-Industrial Economy. N.Y.; 1987. 308 p.
2. Kota S, Mahoney T. Reclaiming America's Leadership in Advanced Manufacturing. MForesight. Alliance for Manufacturing Foresight; June 2019. 226 p.
3. Arrigi Dzh. Long twentieth century. Money, power and the origins of our time. Moscow, Territoriya budushchego; 2006. 470 p. (In Russ.).
4. Barkhatov VI. Trends in the development of socio-economic systems of regions (center — periphery). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458)):35–52. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11205.
5. Barkhatov VI, Pletnev DA. Illusions of Public Administration in the Digital Age. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458)):7–9. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11201 (In Russ.).
6. Barkhatov VI, Pletnev DA. Scientific responses to the challenges of the pandemic: about the first post-COVID forum of economists. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(6(452)):7–9. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10601.
7. Bell D. The coming post-industrial society. Translated from English. Moscow, Academia; 2004. 944 p. (In Russ.).

8. Brenner R. Economics of global turbulence. Advanced capitalist economies in the period from long boom to long recession, 1945–2005. Moscow; 2014. 552 p. (In Russ.).
9. Buzgalin AV, Kolganov AI. Global capital. In 2 vols. Vol. 2. The ory. Global hegemony of capital and its limits (“Capital” re-loaded). Moscow, LENAND; 2015. 904 p. (In Russ.).
10. Varnavskij VG. Post-crisis reindustrialization: from concept to implementation. *Drukerovskij vestnik = Drucker's Bulletin*. 2019;(1):18–28. (In Russ.). DOI: 10.17213/2312-6469-2019-1-18-28.
11. Varnavskij VG. The role of the USA in world industry and trade as a global problem. *Kontury global'nyh transformacij = Contours of global transformations*. 2018;11(2):100–112. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-2-100-112.
12. Varnavskij VG. Transformation of the world geo-economic space in the conditions of reindustrialization. *Vestnik instituta ekonomiki RAN = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019;(2):119–133. (In Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10022.
13. Gudkova TV, Loginova VS. US industry reshoring: digitalization vs globalization. *SSHA & Kanada: ekonomika — politika — kul'tura = USA & Canada: economics — politics — culture*. 2020; 50(7): 42–60. (In Russ.). DOI: 10.31857/S268667300010134-7.
14. Abdulov RA, Jabborov DB, Komolov OO et al. Deglobalization: the crisis of neoliberalism and the movement towards the new world order. Scientific report. Moscow, Scientific laboratory of modern political economy; 2021. 269 p. (In Russ.). DOI: 10.13140/RG.2.2.28808.14087.
15. Zaharov AN. Prospects for the reindustrialization of developed economies (USA, Canada and Australia). *Vestnik MGIMO-Universiteta = Bulletin of MGIMO-University*. 2018;(1):213–245. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245.
16. Istomina EN. USA in the struggle for markets. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya; 1971. 240 p. (In Russ.).
17. Komolov OO. Profit rate in the context of the instability of the world economy. *Vestnik instituta ekonomiki RAN = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(3):35–52. (In Russ.).
18. Komolov OO. The problem of monopoly through the prism of “global capital”. *Problemy sovremennoj ekonomiki = Problems of modern economics*. 2017;(1):53–58. (In Russ.).
19. Kondrat'ev VB. Global value chains, industry 4.0 and industrial policy. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2018;(3):170–177. (In Russ.). DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-11.
20. Kondrat'ev V. Global value chains in sectors of the economy: general and special. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2019;63(1):49–58. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58
21. Kondrat'ev V. Problems of deindustrialization in the USA. *Perspektivy = Prospects*. 2019;(3):130–147. (In Russ.). DOI: 10.32726/2411-3417-2019-3-130-147.
22. Kondrat'ev V. Reshoring as a form of reindustrialization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2017;61(9):54–65. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-54-65.
23. Malygin VE. The phenomenon of global value chains: concept, forms, evolution. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2015;(6):113–124. (In Russ.).
24. Minat VN. Innovative activity and spatial structure of the manufacturing industry in the USA. *Innovacii = Innovations*. 2020;(10):82–94. (In Russ.). DOI: 10.26310/2071-3010.2020.264.10.010.
25. Minat VN. Militarization of US exports in the period 1946–2020: structure, dynamics, results. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458)):187–198. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-11222.
26. Minat VN. Uneven economic development of the USA in the 1950s–70s: cyclicity, crisis, further monopolization and expansion of capital. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(6(452)):171–179. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10619.
27. Minat VN. Evolution of industrial R&D financing in the USA: dynamic and structural features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Bulletin of the Volgograd State University. Economy*. 2021;23(1):177–189. (In Russ.). DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2021.1.15.
28. Minat VN. The substitution effect in the US high-tech industry in terms of the share of foreign trade and the protection of the domestic market. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika = International Trade and Trade Policy*. 2021;7(4):5–25. (In Russ.). DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-5-25.

29. Muftiev GG, Maksimov VA, Bryzgalov AV. Some features of US foreign trade in the context of the deindustrialization of the American economy. *Torgovlya, predprinimatel'stvo i pravo = Trade, entrepreneurship and law*, 2016;(2):33–36 (In Russ.).
30. Pletnev DA. Influence of technological changes on the behavior of economic entities. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3(449):70–79. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10308
31. Porter M. International competition. Moscow, International relations; 1993. 895 p. (In Russ.).
32. Stiglic DzhYu. Globalization: disturbing tendencies. Moscow, National Social Science Foundation; 2003. 424 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В. Н. Минат — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента.

Information about the author

V. N. Minat — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 23.01.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад автора: результаты статьи получены автором лично.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: the results of the article were obtained by the author personally.
The author declares no conflict of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 191–196.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(6(464):191-196. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Обзорная статья

УДК 338.984

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10619

О СТРАТЕГИЯХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Плетнёв Дмитрий Александрович^{1✉}, Наумова Ксения Андреевна²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

Аннотация. В статье представлен обзор идей и предложений, прозвучавших на круглом столе «Стратегии российских предприятий в современных геополитических условиях», который прошел в Южно-Уральской торгово-промышленной палате. На круглом столе были рассмотрены новые вызовы, возникшие перед российскими предприятиями в 2022 году, а также обсуждались эффективные варианты ответа на эти вызовы. Особое внимание было уделено стратегиям внешнеэкономической деятельности, стратегиям обеспечения информационной безопасности, а также новым научным подходам выявлению и масштабированию успешных практик ведения бизнеса в условиях высокой турбулентности на примере быстрорастущих фирм Южного Урала. Результаты круглого стола могут быть полезны представителям государственной власти, бизнеса, а также академического сообщества.

Ключевые слова: стратегия фирмы, бизнес, предпринимательство, кризис, внешняя торговля, Челябинская область, быстрорастущие фирмы, информационная безопасность

Благодарности: авторы выражают благодарность Южно-Уральской торгово-промышленной палате за организацию круглого стола.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Вьетнамской академии общественных наук в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Для цитирования: Плетнёв Д. А., Наумова К. А. О стратегиях российских предприятий в новых геополитических условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 191–196. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10619

Review

ON THE STRATEGIES OF RUSSIAN ENTERPRISES IN THE NEW GEOPOLITICAL CONDITIONS

Dmitri A. Pletnev^{1✉}, Kseniia A. Naumova²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ pletnev@csu.ru, ORCID 0000-0002-6494-572X

² naumova@csu.ru, ORCID 0000-0001-9819-5157

Abstract. The article presents an overview of the ideas and proposals that were voiced at the round table “Strategies of Russian enterprises in modern geopolitical conditions”, which was held at the South Ural Chamber of Commerce and Industry. The round table discussed new challenges facing Russian enterprises in 2022, as well as discussed effective options for responding to these challenges. They paid particular attention to foreign economic activity strategies, information security strategies, as well as new scientific approaches to identifying and scaling up

successful business practices in a highly turbulent environment using the example of fast-growing companies in the South Urals. The results of the round table can be useful to representatives of government, business, as well as the academic community.

Keywords: firm strategy, business, entrepreneurship, crisis, foreign trade, Chelyabinsk region, high-growth firms, information security

Acknowledgments: The authors express their gratitude to the South Ural Chamber of Commerce and Industry for organizing the round table.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research and Vietnamese Academy of Social Sciences, project number 20-510-92006.

For citation: Pletnev DA, Naumova KA. The strategies of Russian enterprises in the new geopolitical conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):191-196. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10619

7 июня 2022 года в стенах Южно-Уральской торгово-промышленной палаты (ЮУТПП) состоялся круглый стол «Стратегии российских предприятий в современных геополитических условиях». Среди участников круглого стола присутствовали предприниматели, представители бизнеса, прессы, государственных органов и научного сообщества. В частности, в работе круглого стола приняли участие: Дмитрий Евгеньевич Александров (коммерческий директор ООО «Интехсервис»), Евгений Геннадьевич Бодров (технический директор АО «Конар»), Кирилл Олегович Корнилов (директор по производству АО «Трубодеталь»), Екатерина Владимировна Николаева (к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета), Екатерина Сергеевна Павлова (директор компании «РУБИН ГЛОБАЛ ГРУПП»), Дмитрий Александрович Плетнёв (к.э.н., доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета), Людмила Николаевна Ромашкина (ИП «Швейное предприятие»), Александр Евгеньевич Смекалин (заместитель начальника Челябинской таможни Уральского таможенного управления Федеральной таможенной службы), Евгений Александрович Степанов (к.э.н., доцент, заведующий кафедрой «Таможенное дело» Южно-Уральского государственного университета (НИУ); председатель комитета ЮУТПП), Василий Алексеевич Шашлов (генеральный директор ЗАО «Южноуральский лизинговый центр»), Павел Иванович Щелконогов (сооснователь проекта SiteProtector).

Евгений Александрович Степанов (к.э.н., доцент, заведующий кафедрой «Таможенное дело» Южно-Уральского государственного университета (НИУ); председатель комитета ЮУТПП) отметил, что предприятия Челябинской обла-

сти, равно как и их стратегии, претерпели изменения в условиях санкций, изменения мировых цен и специальной военной операции. Сложность в понимании реальной обстановки составляют изменения, вступившие в силу с 1 февраля 2022 года, запрещающие размещать статистическую информацию о внешней торговле Федеральной Таможенной службой. Несмотря на это, Таможенная служба (ТС) является передовым исполнительным органом, идущим в ногу со временем. Так ТС одной из первых ввела электронный документооборот посредством электронного заполнения таможенных деклараций. Вместе с тем ТС предоставляет большой объем открытой информации о своей деятельности и участников внешней экономической деятельности (ВЭД). Евгений Александрович солидарен во мнении с Дмитрием Александровичем Плетневым (раскрыто ниже), что российская экономическая наука нуждается в собственном пути развития. Основа знания должна базироваться не на всем известных концепциях иностранных авторов, а на примерах отечественных успешных фирм (в том числе быстрорастущих), ввиду значимых различий в идеологии, институциональной среде и т. д. Евгений Александрович отметил тренд челябинских крупных промышленных предприятий на социальное партнерство: система наставничества, поддержка трудовых династий и т. д.

Александр Евгеньевич Смекалин (заместитель начальника Челябинской таможни Уральского таможенного управления Федеральной таможенной службы) в своем докладе отразил особенности внешней торговли Челябинской области. Так, количество участников внешней экономической деятельности (ВЭД) существенно не изменилось за первые пять месяцев 2022 года в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года

и составляет 1104 субъекта. Наибольший удельный вес в структуре товарооборота составляют крупные промышленные предприятия Челябинской области. Так, 10 наиболее крупных предприятий образуют до 80 % всей внешнеэкономической деятельности. Отмечается незначительный рост объема таможенных платежей и объема перемещаемого товара, при этом его статистическая стоимость снизилась.

Александр Евгеньевич отмечает, что суммарная стоимость экспортируемых товаров значительно не изменилась. В структуре экспорта наибольший вес составляют черные металлы, доля которых составляет около половины (45 %) всего экспортируемого товара. Около трети всего экспорта Челябинской области приходится на медь и изделия из нее. Пятую часть составляет топливно-минеральная продукция. Структура экспорта значительно не изменилась: наблюдается сокращение номенклатуры товарных позиций, количества групп, и количество подсубпозиций экспортируемого товара сократилось на треть при незначительном сокращении групп товарной номенклатуры ВЭД, однако вес перемещаемых товаров увеличился почти в два раза.

Структура импортируемых товаров наравне с экспортируемыми достаточно обширна. Наибольшую долю составляет оборудование, механические устройства и их части (около четверти всего ввозимого товара). Однако, товарная номенклатура импортируемого товара сократилась почти в два раза.

По мнению А. Е. Смекалина, изменения условий осуществления ВЭД в мире, обусловленные новой внешнеэкономической обстановкой на мировой арене, новыми условиями ведения внешней торговли и вызовами, с которыми вынуждены сталкиваться участники ВЭД, привели к значительным изменениям в числе внешне-торговых партнеров участников ВЭД Челябинской области. В номенклатуру партнеров входят около 100 стран. В 2021 году лидерами по объемам перемещаемых товаров являлись Турция, Китай и Узбекистан (замыкает тройку лидеров). В 2022 году Турция в рейтинге внешнеторговых партнеров спустилась на четвертое место, список возглавил Китай.

В виду недружественных и противоречащих международному праву действий некоторых лидеров стран Запада и примкнувших к ним международных организациям, Правительство Российской Федерации внесло ряд значимых изменений в систему регулирования ВЭД. Так, был введен

запрет на вывоз и разрешительный характер вывоза отдельных категорий товаров за пределы страны, установлены дополнительные специальные меры по обеспечению безопасности РФ и бесперебойного функционирования промышленности.

Таким образом, в первой половине 2022 года участники ВЭД столкнулись с проблемами логистического и финансового характера. Причем приоритетными остаются все же логистические трудности. А. Е. Смекалин не находит кардинальных изменений в плане смены поставщиков и поиска новых рынков сбыта.

Федеральная Таможенная служба в лице Челябинской таможни прилагает усилия по обеспечению национальной безопасности и решения возникающих проблем в сфере внешней торговли. Так, на системной основе проводится оценка деловой активности участников ВЭД посредством рабочих встреч с целью установления текущего состояния макроклимата и самочувствия участников международной торговли в современных условиях. Результаты оценки передаются в вышестоящие органы, что является в том числе подспорьем для внесения рабочих и эффективных изменений в законодательство. Залог успешного сотрудничества между участниками ВЭД и таможенным органом видится А. Е. Смекалину в заблаговременном уведомлении участниками таможенного органа о планируемых мероприятиях в отношении перемещаемых товаров. При таком подходе сотрудники таможни в рамках существующего законодательства готовы оказать помощь в решении появляющихся проблем.

Дмитрий Александрович Плетнёв (кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета) во вступительном слове отметил несколько моментов. Во-первых, торгово-промышленная палата — площадка, на которой встречаются представители академической науки, органов власти и реального бизнеса, что является качественной формой коммуникации и взаимодействия. По мнению Дмитрия Александровича, потенциал ЮУТТП на данный момент используется слабо, однако, именно в рамках этой площадки возможен синтез академического знания и прикладного производства путем передачи и обмена опытом и практик. Во-вторых, бытует мнение, что в Челябинской области на данный момент нет потребности в экономистах, необходимо готовить инженеров,

специалистов фундаментальных наук (в области информационных технологий, физики, химии и т. д.). Однако, упускается важный момент. Такие специалисты подвергаются определенным идеологическим установкам, в рамках которых появляется стремление уехать из России. В свою очередь, хорошее качественное экономическое образование, будучи национально ориентированным, позволяет специалистам разных областей знания выстроить определенные ценностные ориентиры, направленные на развитие внутренней экономики и общества. Качественная экономическая наука способна создать кодифицированное знание об успешных практиках ведения бизнеса, бизнес-технологии, которое может передаваться в масштабах всей страны. Но на данный момент нет успешного системного интегрирования академических знаний в проблемы ведения бизнеса.

Дмитрий Александрович представил доклад, посвященный устойчивости российских быстрорастущих компаний в условиях внешних шоков. На данный момент под внешними шоками понимаются не только санитарно-эпидемиологические (пандемия COVID-19), но и геополитические (специальная военная операция и последующие события на мировой политической арене) и геоэкономические (санкции, эмбарго и т. д.). Быстрорастущими (БРК, газели) являются фирмы, которые увеличивают свою выручку (и занятость) более, чем на 20 % на протяжении трех и более лет подряд. В среднем доля быстрорастущих фирм в экономиках разных стран мира варьируется в пределах 1–8 %. В Челябинской области концентрация БРК фиксируется на уровне 5,6 %, а их численность составляет 749 фирм. Доля газелей в Челябинской области выше, чем в среднем по стране. Лидер по численности газелей — отрасль транспортировки и хранения (9,27 %).

Рассматривая общероссийскую выборку средних фирм 2017–2020 гг., во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, темп роста выручки газелей заметно снизился, но при этом все же остался выше в сравнении с обычными фирмами — не газелями. Та же тенденция характерна и для рентабельности продаж. Одно из ярких наблюдений относительно реакции газелей на пандемию является тот факт, что газели не только не сократили количество занятых, а увеличили штаты сотрудников. Средние показатели прироста выручки и рентабельности и их тенденции челябинских газелей сопоставимы с общероссийскими значениями.

При анализе успешных кейсов газелей была взята за основу теория ДНК фирмы Ф. Гуияру и Д. Келли, включающая в себя 12 хромосом, образующих генетический код фирмы. Каждая компания может быть описана в терминах этих 12 хромосом, неких наследуемых правил поведения, которые передаются в виде неявного знания, посредством обучения, вовлечения в корпоративную культуру и правила и т. д. Анализируемыми газелями стали следующие компании: Оранжевый, Лаборатория технологической одежды, Челябинская индустриальная лизинговая компания, Красное&Белое. Среди отличительных хромосом челябинских газелей выделяются такие, как внимание к клиентам и сотрудникам. Часто газели демонстрируют гибкое отношение к запросам клиентов, готовность к исполнению индивидуальных запросов. Аккумулирование инноваций — БРК привлекают передовые технологии и инновации не только в операционной работе, но и в управлении персоналом. Так, газели склонны к горизонтальным коммуникациям и производственной демократии. Позиция многих быстрорастущих компаний определяется как «меняющих жизнь к лучшему». Это относится как к клиентам, так и к собственным сотрудникам. Компании открыты глобальным трендам и ценностным ориентирам, таким как бережное отношение к экологии, личности индивида в коллективе, всей корпорации и обществу в целом и т. д. Одной из важных тенденций быстрорастущих компаний является активная позиция в условиях кризиса. Так, газели сохранили и нарастили рабочие места, продолжали развитие новых проектов, сохранили тактики рыночного позиционирования, быстро адаптировались к меняющимся условиям.

Дмитрий Александрович считает, что в текущих условиях всем компаниям, равно как и быстрорастущим, необходимо уделить особое внимание тем хромосомам, которые обеспечивают сотрудникам чувство безопасности, чтобы продолжать вовлеченно исполнять возложенные на них обязанности. В условиях неопределенности, роста цен и изменения жизненного уклада чувство защищенности играет важную роль, что проявляется в социальной, финансовой и даже психологической поддержке со стороны работодателя. Также необходимо делать акцент на хромосомах, связанных с движением информации, которое в обязательном порядке должно осуществляться не только сверху вниз и снизу вверх, но и горизонтально. Обеспечение обрат-

ной связи в условиях неопределенности является потенциалом для развития динамических способностей фирмы — умения реагировать на непредвиденное.

Павел Иванович Щелконогов (сооснователь проекта SiteProtector) представил доклад на тему «Методы защиты от киберугроз как фактор стратегии экономической безопасности. По мере развития цифрового пространства увеличивается количество кибератак. Кибероружие — сравнительно «молодой» вид оружия. С 2016 года вредоносные коды стали попадать в открытый доступ, тем самым снизив порог входа в киберпреступность. Есть предпосылки для мнения, что Третья мировая война пройдет в онлайн-формате. Целью ее будет тотальное уничтожение инфраструктуры. СМИ регулярно публикуют данные об информационных утечках крупных компаний по всему миру. Причины утечек чаще всего просты: не обновленное программное обеспечение, открытые порты, забытые сервера, не защищенные базы данных. К этим причинам также добавляются человеческий фактор (ошибки системных инженеров) и кадровый голод. После ухода ведущих международных игроков в сфере кибербезопасности с российского рынка, безопасность компаний подвергается угрозам. Ввиду этогократно повысилась необходимость в разработке отечественных инструментов защиты информации. Павел Иванович и его коллеги разработали систему ИТ-иммунитета компании, способную провести как поверхностный, так и глубокий, детальный анализ уязвимости компании. Уникальность технологии состоит в том, что разработанный сканер не нагружает изучаемый ресурс в процессе анализа, а также его измерения не заметны для систем контроля. Автоматизированная система исключает человеческий фактор. Проверке могут быть подвергнуты любые элементы информационной инфраструктуры, обладающие IP-адресом.

По оценкам Павла Ивановича, наиболее развитыми системами информационной защиты обладает банковский сектор российской экономики.

Отчасти это объясняется регламентированной обязанностью проходить услугу пентеста один раз в год. Однако субъекты малого и среднего бизнеса находятся в критичном положении. По оценкам специалистов и предположениям самого Павла Ивановича, ситуация по информационной безопасности российских фирм ухудшится в разы к концу 2022 года. Большое количество ошибок выявляется на данный момент у провайдеров связи, особенно региональных. Эта тенденция вызвана высокой стоимостью услуг по защите компаний от уязвимостей, использованием списанного, устаревшего оборудования и другими факторами.

Таким образом, темы, затронутые на круглом столе, объединяют различные аспекты деятельности предприятий в современных условиях. Санкции, введенные недружественными странами по отношению к российской экономике, делают еще более актуальным взаимодействие власти, бизнеса и академического сообщества для выработки и реализации эффективных мер поддержки, изменений в органах государственной власти и действующих институтах развития так, чтобы они могли действительно решать свои задачи в новых условиях. Для этого необходим научно обоснованный инструментарий, позволяющий кодифицировать успешные практики и затем переносить этот опыт на деятельность других хозяйствующих субъектов. Одним из перспективных вариантов является использование «хромосомного» подхода, который позволяет описывать организационные особенности предприятий. Также важным треком, требующим внимания менеджмента и работников предприятий, является обеспечение информационной безопасности и борьба с уязвимостями корпоративных информационных систем. В целом можно говорить, что представителями всех трех упомянутых групп (власти, бизнеса и академического сообщества) сложившаяся в экономике ситуация воспринимается как рабочая, требующая особого внимания и особой реакции на изменения.

Информация об авторах

Д. А. Плетнёв — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

К. А. Наумова — младший научный сотрудник кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

D. A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

K. A. Naumova — Junior researcher of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК: 331.5

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10620

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЗАНЯТОСТЬ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Интизар Мирзали Гурбанова

Институт экономики Национальной академии наук Азербайджана (НАНА), Баку, Азербайджанская Республика,
q.intizar@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд важных вопросов с точки зрения развития системы профессионального образования в Азербайджане и улучшения его влияния на занятость. Прежде всего, важно подойти к развитию профессионального образования на региональном уровне. В статье отражены предложения по привлечению молодежи к профессиональному образованию и трудоустройству в регионах. Один из важных вопросов — вовлечение работодателей в сотрудничество. Исследования показывают, что в рыночной экономике невозможно развивать систему профессионального образования только при поддержке государства. Прямое участие и финансовая поддержка работодателей в решении этого вопроса имеют большое значение. В статье также были затронуты вопросы привлечения различных источников финансирования для развития системы профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональное образование, занятость, работодатели, финансовая поддержка, сотрудничество, региональное развитие, образовательные кластеры

Для цитирования: Гурбанова И. М. Развитие профессионального образования и его влияние на занятость в Азербайджане // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 197–205. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10620

Original article

SOME ISSUES OF PROFESSIONAL EDUCATION DEVELOPMENT AND IMPROVING ITS IMPACT ON EMPLOYMENT IN AZERBAIJAN

Intizar M. Gurbanova

The Institute of Economics, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), Baku, Azerbaijan Republic. q.intizar@mail.ru

Abstract. The article discusses a number of important issues from the point of view of the development of the vocational education system in Azerbaijan and improving its impact on employment. First of all, it is important to approach the development of vocational education at the regional level. The article reflects proposals for attracting young people to vocational education and employment in the regions. One of the important issues is the involvement of employers in cooperation. Research shows that in a market economy it is impossible to develop a vocational education system only with the support of the state. Direct participation and financial support of employers in resolving this issue are essential. The article also touched upon the issues of attracting various sources of funding for the development of the vocational education system.

Keywords: vocational education, employment, employers, financial support, cooperation, regional development, educational clusters

For citation: Gurbanova IM. Development of vocational education and its impact on employment in Azerbaijan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):197-205. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10620

Введение

В наше время предоставление качественного образования как можно большему количеству людей и повышение уровня охвата профессиональ-

ным образованием являются основными целями государственной политики в области образования. Таким образом, одним из основных источников высокого развития и сильной экономики страны является наличие качественной системы

© Гурбанова И. М., 2022

образования, обеспечивающей регулярную подготовку высококвалифицированных и конкурентоспособных кадров.

Исследования рынка труда показывают, что спрос на кадры, способные работать с новыми технологиями, остается высоким. Очень немногие работодатели хотят вложить в обучение такого персонала, и в большинстве случаев предпочитают иметь готовые кадры. Как показывает мировая практика, компании активно участвуют в обучении необходимого персонала. Представить развитие профессионального образования в условиях рыночной экономики без поддержки работодателей вообще невозможно.

Развитие профессионального образования также соответствует развитию регионов. Таким образом, экономический рост в регионах, наряду с созданием новых рабочих мест, также увеличивает спрос на профессиональные кадры.

Подход к развитию профессионального образования на региональном уровне

Говоря о влиянии профессионального образования на занятость, конечно, цель состоит в том, чтобы увеличить продуктивную занятость. Следовательно, недостаточно сосредоточиться только на трудоемких областях, но и необходимо создавать большие стоимости. Например, хотя большая часть занятости приходится на сельское хозяйство (удельный вес в занятости — 36,4 %; доля в ВВП — 5,6 %), доля промышленности в ВВП выше (доля в занятости — 7,2 %; доля в ВВП — 40,1 %). Также следует учитывать, что цены на сельскохозяйственную продукцию на внутреннем рынке низкие, но количество людей, которые зарабатывают на жизнь оборотом этой продукции, велико. Одним словом, сельское хозяйство — источник дохода не только для крестьян, но и для тех, кто занимается торговлей.

Поэтому необходимо увеличивать количество экспортно-ориентированных производств и привлекать основную рабочую силу в эти отрасли. Если будут введены ограничения на импорт продуктов и товаров, которые можно выращивать в Азербайджане, внутреннее производство увеличится для удовлетворения спроса. Главное — увеличить количество рабочих мест в регионах, повысить экономическую активность населения и довести доходы до оптимального уровня.

Благодаря трем программам регионального развития, реализованным с 2004 по 2018 гг., и принятым мерам, был достигнут определенный прогресс, и все еще есть большой потенциал для

его продолжения. Однако крупная часть рабочих мест находится в Баку, где сосредоточена большая часть рабочей силы, а региональное распределение непропорционально. Поэтому уровень безработицы в регионах разный. Оптимальная ситуация в Нахчыванской области (до 0,7 %).

Как отмечает академик Р. Мехтиев, региональные различия открыто видны в процессе формирования добавленной стоимости. Тот факт, что доля Баку в ВВП в 2016 г. составляла 76,9 %, а в регионах — 23,1 %, академик справедливо связывает с концентрацией большинства производств и секторов услуг, включая нефтегазовую промышленность, в Баку и его окрестностях [5].

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в своих выступлениях о развитии регионов отмечал: *«Азербайджан — это не только Баку и Абшерон. Каждый регион Азербайджана должен развиваться... Должна быть сильная инфраструктура для всестороннего развития регионов. Сила Азербайджана — в силе регионов: 72 % из 1,9 млн новых рабочих мест, созданных в Азербайджане в рамках программ регионального развития, только в 2003–2017 гг., приходятся на регионы»*¹.

Он отмечал, что мы можем развивать ненефтяной сектор, используя природно-ресурсный потенциал регионов. Для обеспечения сбалансированного развития регионов в Азербайджане, наряду с другими сферами, необходимо добиться стремительного развития агропромышленного комплекса в регионах. Развитие сельского хозяйства — одна из важных задач будущего.

Учитывая все это, в каждом экономическом регионе целесообразно создать образовательные кластеры, обеспечивающие взаимодействие государства, бизнеса и учреждений профессионального образования. В мировой практике одним из основных направлений вовлечения представителей бизнеса в сотрудничество с профессиональным образованием является создание образовательных кластеров. Деятельность кластеров в системе профессионального образования основана на взаимодействии всех типов учреждений профессионального образования, региональных властей, органов местного самоуправления и местных предприятий. Кластеризация может быть организована как по отраслям, так и по географическим зонам. В целом кластеры способствуют

¹ Выступления Президента Азербайджанской Республики: офиц. сайт президента Азербайджана. URL: <https://www.president.az> (дата обращения: 28.12.2020).

экономическому росту и расширению инвестиций на региональном уровне; обеспечивают эффективное сотрудничество между государственным и частным секторами; создают условия для обучения профессиональных кадров; облегчают доступ к сырью, квалифицированной рабочей силе и другим ресурсам, снижают затраты; предлагают широкий выбор наиболее подходящих вариантов развития. Создание различных учреждений, связанных с консультационными услугами, доступом к финансовым ресурсам, лабораторными и исследовательскими услугами, облегчает работу. Совместная работа большого количества фирм на едином пространстве способствует развитию региона и создает новые рабочие места.

Следует отметить, что опыт создания образовательных кластеров уже утвердил себя в России. В Республике Татарстан созданы научно-образовательные кластеры в сферах добычи и транспортировки нефти и газа, нефтепереработки и нефтехимии, высоких технологий, энергетики, машиностроения, легкой промышленности, агропромышленного комплекса, торговли и услуг, транспорта, информации и связи. Многие из них, помимо вузов, включают в себя и профессиональные учебные заведения [1, с. 443].

С помощью этого инструмента можно обучать специалистов в соответствии с потребностями каждого региона и увеличивать занятость молодежи в регионе. Также возможно добиться развития регионов за счет увеличения количества региональных центров профессионального обучения, для привлечения безработных к профессиональному обучению и эффективного удовлетворения потребностей местного рынка труда.

Конвенция МОТ о политике в области занятости № 122 гласит, что для развития сельских районов большое значение должно иметь максимально возможное использование местной рабочей силы, создание стимулов и социальных условий для повышения производительности труда и улучшения качества продукции [4]. В соответствии с требованиями Конвенции, наиболее полное использование местной рабочей силы в деятельности по развитию сельских районов должно быть адаптировано к местным условиям, таким как обеспечение существования мелкой промышленности и кустарного производства (простая местная переработка сельскохозяйственной продукции). Все это приводит к созданию вакансий в сельском хозяйстве для новых профессий и подготовке соответствующих специалистов.

Азербайджан входит в число развитых стран с точки зрения промышленности, и сельское хозяйство возможно перестроить. Так же, как в 1960–80 гг., когда колхозы и совхозы, работали с высокой продуктивностью и конкурировали друг с другом, каждый регион специализировался на определенных сельскохозяйственных продуктах в соответствии с географическими и климатическими условиями, наша республика играла важную роль в удовлетворении потребностей бывшего союза. Рабочие и сельскохозяйственные труженики также имели отличную репутацию. Если будут предприняты меры для стимулирования таких профессионалов, повышения их престижа в обществе (представительство в Милли Меджлисе и т. д.), больше молодых людей будут стремиться к профессиональному образованию.

Некоторые авторы отмечают, что, хотя занятость в сельском хозяйстве выше, создаваемая там добавленная стоимость мала. Но главное, что сельское хозяйство как стратегическое направление производит важные для страны и населения натуральные продукты, являющиеся основой здорового питания. Кроме того, хотя уровень заработной платы и добавленной стоимости низкий, больше физического труда используется в производстве товаров (трудоемкий сектор). Проблема в том, что цена на сельскохозяйственную продукцию невысока.

Для создания большей добавленной стоимости в сельском хозяйстве необходимо организовать переработку продукции, выращенной в стране, добиться экспорта готовой продукции (товаров). Одним из важных направлений, на которое следует обратить внимание, является легкая промышленность, особенно текстильная промышленность. Качественная одежда важна для здоровья человека. Дальнейшее наращивание коконов (а также хлопка), их дальнейшая переработка и, наконец, доставка в виде готовой одежды, наличие новых брендов будут очень важными с точки зрения обеспечения нашего населения натуральными потребительскими товарами местного производства. С другой стороны, существует большая потребность в профессионально подготовленных кадрах в этой области.

Исторически известно, что с конца XVIII до начала XIX вв. развитие текстильной промышленности в России дало толчок выращиванию коконов в Азербайджане. Основанное в 1836 г. в Санкт-Петербурге предприятие «Общество распространения шелка и торговли на Кавказе» выбрало город Нуха (Шеки) своим центром. В 1827 г.

в селе Ханабад близ Нухи была открыта фабрика по переработке шелка [3, т. 4, с. 64, 77]. В 30-х и 50-х гг. XIX в. на долю Азербайджана приходилось 85 % шелка, обрабатываемого на Кавказе. Именно в этот период (1843 г.) начала действовать Шекинская школа практического шелководства, первое профессионально-техническое учебное заведение в Азербайджане.

Обеспечив устойчивость мер, принятых в последние годы для выращивания коконов в нашей стране, Шеки снова может стать центром шелководства. По мере расширения производства возрастает потребность в квалифицированных кадрах, что положительно сказывается как на увеличении охвата молодежи профессиональным образованием, так и на трудоустройстве.

Другие стратегические области сельского хозяйства, такие как выращивание чая, хлопководство, табаководство, выращивание фундука, производство сахарной свеклы, виноградарство и т. д. находятся в центре внимания. В связи с трудоемкостью этих видов деятельности, с одной стороны, количество занятых увеличивается, с другой — по мере открытия производств по дальнейшей переработке сельхозпродукции в готовую продукцию (масло, бахмез, уксус, вино, одежда, табачные изделия и т. д.) увеличивается спрос на профессиональные кадры.

Получение начального профессионального образования в средних школах

Хороший охват населения профессиональным образованием — лучший инструмент для эффективного использования местных трудовых ресурсов, что является одним из важных вопросов в развитии регионов. Поэтому следует начать работу по обеспечению начального профессионального образования на базе общеобразовательных школ (особенно в сельской местности). Если старшие классы средней школы разделены на профессиональное образование и академическое образование или организованы курсы для определенных профессий, учащиеся с низкой успеваемостью, а также другие, в зависимости от их желания, могут окончить среднюю школу с определенным профессиональным сертификатом.

Для сравнения: в развитых странах профессиональное образование после базового имеет очень высокий процент: 74 % учеников в Чешской Республике, 70 % — в Финляндии и Австрии, 56 % — в Италии, 48 % — в Германии, 43 % — в Великобритании и Франции и 42 % — в Дании предпочитают продолжить образование в профессионально-технических классах [9].

Следует повысить инициативу и ответственность средних школ и отделов образования для организации начального профессионального образования в школах. Им следует поручить совместно с местными исполнительными органами и муниципалитетами изучить потенциал школ и местных предприятий, а также сельскохозяйственных предприятий и предоставить обоснованные предложения в Министерство образования.

Каждый регион имеет свои географические, климатические условия и экономическую специализацию (разные области сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности, туризма, курортов и т. д.). По профессиям, соответствующим этим специализациям, и учитывая постоянную потребность в мастерах по ремонту широко используемых предметов домашнего обихода и электроники (телевизоров, телефонов, компьютеров, электроприборов, газовых приборов и т. д.) и в кадрах в сфере культурных услуг, в средних школах возможно обучение этим профессиям, не требующим больших средств.

С другой стороны, учреждениям профессионального образования должна быть предоставлена определенная степень свободы, и они должны поощряться к конкуренции друг с другом посредством мотивации и стимулирования. Они сами должны проявить инициативу в установлении тесных отношений с работодателями.

Таким образом, развитие системы профессионального образования будет более комплексным и доступным, если оно будет осуществляться на региональном уровне, и урбанизацию можно будет предотвратить.

Говоря о влиянии профессионального образования на занятость, следует учитывать обеспечение эффективной занятости. На наш взгляд, работу с низкой заработной платой, не отвечающей потребностям работника и его семьи, должность, не соответствующую уровню образования и специализации, нерегулярную работу, т. е. отсутствие стабильного дохода, нельзя считать эффективной занятостью.

Анализ ситуации на рынке труда показывает, что количество тех, кто вынужден работать в указанных условиях, велико. Но экономическое развитие должно прямо или косвенно влиять на все население.

Молодым людям, впервые ищущим работу, сложнее выйти на рынок труда и эффективно начать свою карьеру. Правда, это типично для большинства стран. Однако широкое использование возможностей дуального образования, учениче-

ства и образования на производстве могут помочь этой уязвимой группе населения.

Министерство образования, которое отвечает за образование, и Министерство труда и социальной защиты, которое отвечает за занятость, должны активизировать свои совместные усилия по улучшению воздействия профессионального образования на занятость. В сегодняшнем быстро меняющемся мире цифровых технологий не у каждого соискателя есть финансовые возможности для получения этих знаний, и большинство вакансий как в государственном, так и в частном секторах требуют языковых навыков и навыков работы с компьютером. Таким образом, оба министерства вместе с другими соответствующими ведомствами, организовав бесплатные языковые и компьютерные курсы, должны попытаться обеспечить получение соискателями работы выгоды от этих тренингов.

Поддержка работодателей

В рыночной экономике профессиональное образование должно организовываться в основном

по заказу работодателей. В большинстве стран работодатели хотят, чтобы система образования была сосредоточена на практических навыках, а не на теоретических знаниях. Они сами выполняют свои обязанности в этой работе. Однако, несмотря на то, что работодатели в Азербайджане ищут опытные, профессиональные и квалифицированные кадры, они не заинтересованы в том, чтобы тратить деньги на обучение таких кадров. Однако они должны понимать свои обязанности и выполнять свои обязательства.

Большинство работодателей в Азербайджане говорят, что система образования, как правило, не готовит кадры с современными знаниями и навыками. Отсюда следует, что проблема больше в качестве, чем в количестве.

Следует отметить, что ежегодно в план приема в учреждения профессионального образования добавляются специальности по новым профессиям, увеличивается количество приемных мест. Однако план приема не выполняется. Это можно увидеть на рисунке ниже.

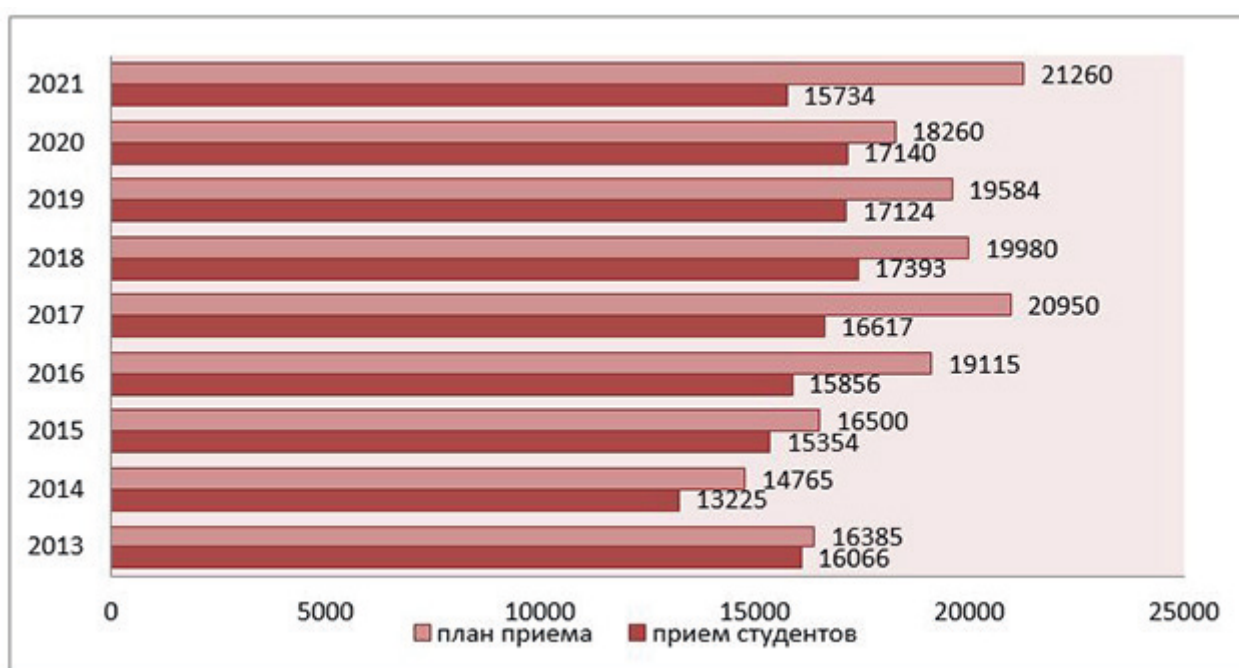

Рис. 1. Показатели выполнения плана приема в учреждения профессионального образования
Fig. 1. Indicators of the implementation of the plan for admission to vocational education institutions

Значит, невозможно увеличить количество контингента без достижения необходимого уровня качества. Все равно плохо обученному работнику будет сложно найти работу. Для подготовки хороших кадров нужна сильная материальная база: учебные пособия, необходимое оборудование, области практики и т. д. В качестве эффективного

способа решения этих вопросов Р. Аскеров выдвинул идею о «создании учреждения по подготовке учебных пособий на базе одного из профессиональных учебных заведений» [2, с. 194].

Вообще в профессиональном обучении очень важно иметь мастерскую, оснащенную в соответствии с новыми технологиями. З. Оруджев,

ученый, глубоко изучивший проблемы профессионального образования, отмечает, что существующие технологические процессы, относящиеся к ряду профессий (слесарь, электрик, плотник, швея, портной, токарь и др.), могут быть полностью реализованы в мастерской. Однако есть профессии, по которым студенты выполняют задания, связанные с подготовкой к работе в мастерской, и осваивают основы профессии на строительных площадках, автомобильных и тракторных предприятиях, полигонах, совхозах, заводах [8, с. 111].

Итак, еще один важный вопрос — это эффективная организация производственной практики, которая является последним этапом профессиональной подготовки студентов. В дополнение к качественному обучению и применению теоретических знаний на практике, можно улучшить другие навыки (когнитивные и социально-поведенческие), необходимые работодателю, такие как общение, командная работа, решение проблем, самостоятельность, открытость к практике и т. д.

Увеличить контингент можно за счет расширения сети учреждений профессионального образования и повышения их привлекательности, но главный вопрос — их трудоустройство. Потому что основная задача профессионального образования — это подготовка кадров, отвечающих требованиям рынка труда. Необходимо решить вопрос о предоставлении хороших рабочих мест для выпускников профессионального образования, чтобы мы могли говорить о положительном влиянии профессионального образования на занятость и о том, как еще улучшить это влияние. В противном случае, какой толк в большом количестве молодых людей, если они останутся без

работы с дипломом о профессиональном образовании? Итак, сначала качество, затем количество. Качество означает не только качественное обучение, но и широкий спектр возможностей трудоустройства и карьерного роста для выпускников. Здесь важную роль играют работодатели, которые реализуются через социальное партнерство, известное по опыту всех развитых стран.

Вывод большинства экспертов заключается в том, что для повышения интереса к учреждениям профессионального образования важно улучшить трудоустройство выпускников этих учебных заведений. Для этого необходимо повысить интерес работодателей привлекательными предложениями. Профессор Ф. Ф. Мустафаев рассматривает привлечение работодателей к выпускным экзаменам как один из целесообразных методов и заявляет, что бизнесмены должны иметь решающий голос и сами оценивать подготовленный персонал [6]. Затем они могут сами нанять этот персонал. Например, в Норвегии, если какая-либо структура выполняет госзаказ на основе конкурса, предусмотрено, что 7–15 % сотрудников должны быть выпускниками профессиональных училищ. Те, кто не соблюдает эти правила, не могут участвовать в проекте [7].

Привлечение финансовых ресурсов

Государственные расходы на профессиональное образование в нашей стране невысоки, что препятствует развитию системы и эффективному осуществлению реформ. Однако с каждым годом увеличивается доля средств из бюджета, выделяемых на расходы образования. Об этом свидетельствуют цифры на рисунке 2. Как видно из диаграммы, снижение было только в 2013 г. по сравнению с 2012 г., а в другие годы наблюдается увеличение.

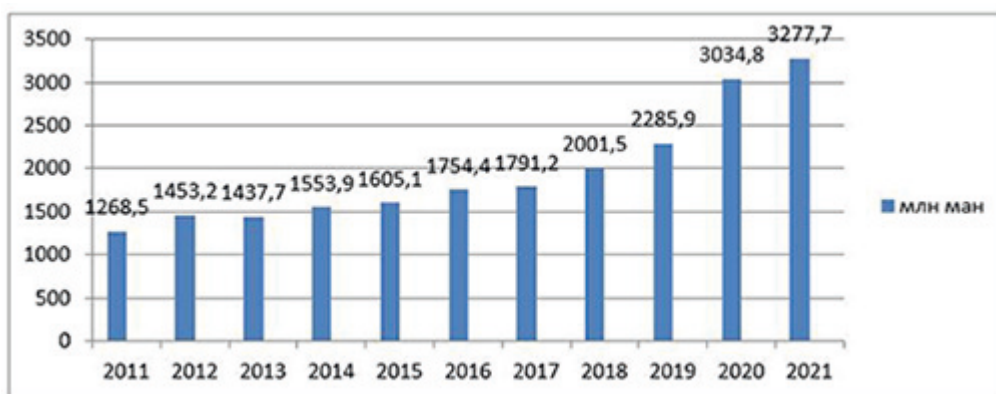

Рис. 2. Динамика бюджетных расходов на образование

Источник: Законы о бюджете Азербайджанской Республики на 2011–2021 гг.

Fig. 2. Dynamics of budget expenditures on education

Source: Laws on the Budget of the Republic of Azerbaijan for 2011–2021

Рис. 3. Динамика бюджетных расходов на профессиональное образование
 Источник: Законы о бюджете Азербайджанской Республики на 2016–2021 гг.

Fig. 3. Dynamics of budget expenditures on vocational education
 Source: Laws on the Budget of the Republic of Azerbaijan for 2011–2021

Прогнозируемые бюджетные расходы на профессиональное образование увеличились на 52,2 % в 2021 г. по сравнению с 2016 г. (рис. 3). При выделении средств на профессиональное образование необходимо учесть: повышение заработной платы преподавателям этих учебных заведений, улучшение материально-технической базы, построение новых учебных заведений и общежитий, увеличение стипендий студентов и другие стимулы, которые важны для повышения престижа профессионального образования.

Основная часть годового бюджета профессиональных учебных заведений покрывает заработную плату, стипендии и страховые выплаты. Однако основным приоритетом «Стратегической дорожной карты для национальной экономики и ключевых секторов экономики» является увеличение расходов на систему профессионального образования и привлечение средств работодателей на профессиональное обучение.

Опыт зарубежных стран показывает, что роль частного сектора в финансировании профессионального образования велика. Например, в Южной Корее предприятие, занимающееся тем или иным видом деятельности, направляет часть своего дохода в Фонд профессионального образования. В Дании также каждая из государственных и частных фирм должна поддерживать Национальный фонд обучения независимо от того, проводит она обучение или нет. Этот фонд идет на заработную плату и различные расходы моло-

дых людей, которые не находят места в компании для обучения и вынуждены учиться на школьных курсах. Фонд также субсидирует тренинги и профилактические мероприятия.

Чтобы добиться развития профессионального образования в Азербайджане на желаемом уровне, важно привлечь к этой работе различные источники финансирования. Возможные источники финансирования системы профессионального образования можно представить следующим образом.

Рис. 4. Финансовые источники системы профессионального образования
 Fig. 4. Financial sources of the vocational education system

Реконструкция профессиональных учебных заведений только при финансовой поддержке государства, развитие системы до уровня, который

может охватить всех молодых людей, которые не могут получить высшее и среднее образование, но вынуждены работать, невозможно. Необходимо работать над привлечением различных источников финансирования для развития системы с учетом аспектов социальной защиты профессионального образования, увеличения стипендий для студентов, расширения возможностей выпускников для построения карьеры и повышения уровня образования.

В качестве обобщения можно отметить, что повышение качества профессионального образования зависит от увеличения финансирования, в то время как количественный рост зависит от повышения интереса к этому образованию среди населения. Профессиональное образование необходимо превратить в эффективный переход к высшему образованию. Профессиональное и ремесленное образование должно предоставляться в соответствии со способностями и интересами самых слабых учащихся. Подходя к профессиональному образованию с точки зрения социальной защищенности, прежде всего, детям из малообеспеченных семей должна быть предоставлена возможность как получения образования, так и работы. Возможности профессионального обучения будут более широкими, если они будут организованы в самих средних школах.

Исследования и анализы показывают, что развитие профессионального образования и рост спроса на него напрямую зависят от развития различных секторов экономики, создания новых рабочих мест. То есть мы видим, что рост и развитие экономики имеют прямое влияние на профессиональное образование. Проблема, которую мы рассматриваем, связана с усилением воздействия профессионального образования на экономику, в частности, на занятость. Это возможно за счет планомерного развития профессионального образования, повышения его привлекательности и расширения масштабов. Отсутствие сотрудничества с работодателями на любом уровне снижает гарантии занятости.

Заключение

В наше время развитие системы профессионального образования возможно только в тесном сотрудничестве с работодателями. Эти учрежде-

ния могут быть мотивированы предоставлением налоговых льгот, чтобы они могли открыть места для ученичества, а затем предоставить работу этим молодым людям.

Надо работать над развитием профессионального образования на региональном уровне. Для этого в регионах целесообразно создание образовательных кластеров, которые предусматривают совместную работу государственных и бизнес-структур, учреждений профессионального образования с целью профессиональной подготовки и трудоустройства молодежи в регионах. Кроме того, важно создать по крайней мере один региональный центр профессионального обучения в каждом экономическом регионе, чтобы расширить охват службы занятости и обеспечить профессиональную подготовку, повышение квалификации и переподготовку безработных и лиц, ищущих работу, на местах.

Можно повысить качество профессионального образования и контингент, а также улучшить занятость за счет поощрения местных и иностранных инвестиций в систему профессионального образования в качестве приоритетной области. Для этого можно использовать такие инструменты, как: проведение государственных тендеров, грантов; налоговых льгот; установление обязательств и др.

Среди мер, принимаемых на государственном уровне для увеличения финансовой поддержки развития системы профессионального образования, — реконструкция ПТМ, улучшение материально-технической базы, ремонт учебных корпусов и общежитий. Важно привлекать министерства, крупные производственные ассоциации, технологические и индустриальные парки, а также состоятельных людей к спонсированию ПТМ. Государству следует всеми способами поощрять представителей бизнеса к более активному участию в профессиональном образовании: укреплять социальное партнерство; меры по максимальной поддержке Конфедерации предпринимателей; побуждать представителей бизнеса создавать ассоциации и фонды для поддержки профессионального образования; им могут быть предоставлены услуги по повышению осведомленности и консультации.

Список источников

1. Алиев Т. Кластеры: международный опыт и инновационное развитие : монография. — Баку : Наука и знания, 2019. 536 с.
2. Аскеров Р. Некоторые проблемы профессионального образования // Институт проблем образования Азербайджанской Республики. Журнал научных трудов. 2003. № 1. С. 189–198.

3. История Азербайджана : в 7 т. (XIX век) / отв. ред. М. Исмаилов ; Институт истории НАНА им. А. Бакиханова. Баку : Элм, 2007. 503 с.
4. Конвенция № 122 о политике в области занятости. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c122_ru.htm (дата обращения: 22.05.2018).
5. Мехтиев Р. А. Основные направления стратегии экономического развития Президента Ильхама Алиева. URL: <http://economics.com.az/index.php/tedbirler/yenilikl-r/item/1285> (дата обращения 25.11.2019).
6. Мустафаев Ф. Ф. О проблемах в профессиональном образовании — подробности. URL: <https://news.day.az/society/819622.html> (дата обращения 25.11.2019).
7. Мустафаев, Ф. Ф. Новый взгляд на развитие системы начального профессионального образования в Азербайджане // Бакинский рабочий. 2017. 15 февраля.
8. Оруджев З. Х. Теоретические и практические вопросы профессионального обучения : учебник. Баку : Мутерджим, 1997. 190 с.
9. The changing nature and role of vocational education and training in Europe. Vol. 3: The responsiveness of European VET systems to external change (1995–2015) // CEDEFOP research paper. 2018. № 67. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/doi/10.2801/621137> (дата обращения: 28.12.2020).

References

1. Aliev T. Clusters: international experience and innovative development : monograph. Baku, Nauka i znanija; 2019. 536 p. (In Azerb.).
2. Askerov R. Some problems of vocational education. *Institut Problem Obrazovanija Azerbajdzhanskoj Respubliki. Zhurnal nauchnyh trudov = Institute of Problems of Education of the Azerbaijan Republic. Journal of Scientific Papers*. 2003;(1):189–198. (In Azerb.).
3. Ismajlov M. (ed.) History of Azerbaijan: in 7 volumes (19th century). Baku, Jelm; 2007. 503 p. (In Azerb.).
4. Convention No. 122 on Employment Policy. Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c122_ru.htm (In Azerb.).
5. Mehtiev RA. The main directions of the economic development strategy of President Ilham Aliyev. Available from: <http://economics.com.az/index.php/tedbirler/yenilikl-r/item/1285> (In Azerb.).
6. Mustafaev FF. About problems in vocational education — details. Available from: <https://news.day.az/society/819622.html>. (In Russ.).
7. Mustafaev FF. A new look at the development of the system of primary vocational education in Azerbaijan. *Bakinskij rabochij = Baku Worker*. February 15; 2017. (In Russ.).
8. Orudzhev ZH. Theoretical and practical issues of vocational training: textbook. Baku, Muterjim; 1997. 190 p. (In Azerb.).
9. The changing nature and role of vocational education and training in Europe. Vol. 3: The responsiveness of European VET systems to external change (1995–2015). *CEDEFOP research paper*. 2018;(67). Available from: <https://www.cedefop.europa.eu/doi/10.2801/621137> (date of circulation 28.12.2020).

Информация об авторе

И. М. Гурбанова — докторант.

Information about the author

I. M. Gurbanova — doctoral student.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 15.01.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад автора: результаты статьи получены автором лично.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the author: The results of the article were obtained by the author personally.
The author declares no conflicts of interests.

Review

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10621

CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DISTANCE FORMAT OF BUSINESS EDUCATION IN THE HEALTHCARE

Gela V. Karalidze¹✉, Olga M. Zaluchyonova², Saltanat A. Mamyrbekova³, Ani S. Babkova⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, gorgon_xyz@list.ru, ORCID: 0000-0002-3307-8010

² Turan University, Almaty, Kazakhstan, olga-zaluchenova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3161-6767

³ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, s.mamyrbekova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3840-4284

⁴ LLC “TehMedExpert 1-6-8”, Krasnodar, Russia, aniavetisan2@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0124-6865

Abstract. The article presents the results of a study on the development of business education, including in a distance format, discusses the issues of the regulatory framework for the use of this format for the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan and their differences, its pros and cons. Special attention is paid to the tools for implementing the educational process in a distance format for postgraduate business education programs. The main results of the study are the following. The distance learning format is becoming the highest priority for business education, since it allows you to study without interrupting professional activities. The offer of postgraduate business education programs (MBA and DBA) on the market is heterogeneous, but constantly evolving. The legislation of the Russian Federation is more loyal to the distance format, and for Kazakhstan it is necessary to revise regulatory legal acts to ensure a full transition to the distance format of education for postgraduate business education programs.

Keywords: business education, business administration, benchmarking, postgraduate education, distance technologies, distance format, scaffolding strategy

For citation: Karalidze GV, Zaluchyonova OM, Mamyrbekova SA, Babkova AS. Current state and prospects of distance format of business education in the healthcare. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):206-213. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10621

Обзорная статья

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ФОРМАТА БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Гела Владиславович Каралидзе¹✉, Ольга Михайловна Залучёнова²,
Салтанат Апбасовна Мамырбекова³, Ани Серобовна Бабкова⁴

¹ Казахский национальный университет имени аль-Фараби г. Алматы, Республика Казахстан, gorgon_xyz@list.ru, ORCID: 0000-0002-3307-8010

³ Университет «Туран» г. Алматы, Республика Каззахстан, olga-zaluchenova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3161-6767

² Казахский национальный университет имени аль-Фараби г. Алматы, Республика Казахстан, olga-zaluchenova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3161-6767

⁴ ООО «ТехМедЭксперт 1-6-8» г. Краснодар, Россия, aniavetisan2@gmail.com, ORCID: 0000-0003-0124-6865

Аннотация. Приводятся результаты исследования по развитию бизнес-образования, в том числе в дистанционном формате, рассматриваются вопросы нормативно-правовых основ применения данного формата для Российской Федерации и Республики Казахстан и их отличия, его плюсы и минусы. Отдельное внимание уделено инструментам реализации образовательного процесса в дистанционном формате для программ послевузовского бизнес-образования. Основные результаты исследования: дистанционный формат обучения становится наиболее приоритетным для бизнес-образования, поскольку позволяет обучаться без отрыва от профессиональной деятельности. Предложение на рынке программ послевузовского бизнес-образования (MBA и DBA) неоднородно, но постоянно развивается. Законодательство Российской Федерации более лояльно к дистанционному формату, а для Казахстана необходимо пересмотреть нормативно-правовые акты, для обеспечения полноценного перехода к дистанционному формату образования для программ послевузовского бизнес-образования.

Ключевые слова: бизнес-образование, деловое администрирование, бенчмаркинг, послевузовское образование, дистанционные технологии, дистанционный формат, стратегия скаффолдинга

Для цитирования: Karalidze G. V., Zaluchyonova O. M., Mamyrbekova S. A., Babkova A. S. Current state and prospects of distance format of business education in the healthcare // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 206–213. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10621

Introduction

The current situation in the healthcare system is characterized by one important feature: the lack of highly qualified personnel with systemic managerial competencies.

The reason for this situation is that there are no disciplines in classical medical education designed to form these competencies, which we consider a reasonable decision, but nevertheless leads to the fact that middle and higher management in the field of healthcare is experiencing a shortage of managerial skills and knowledge, which is eliminated by studying literature, courses and the method of “trial and error” within the entrusted departments and organizations. Unfortunately, we consider these measures to be not the most effective since they allow us to close specific gaps without forming an integral system of managerial competencies.

It should also be borne in mind that after the transition to a market economy, the healthcare sector became available to private capital: every year in the countries of the post-Soviet space, the number of private clinics is growing (table no. 1), which, in turn, do not live at the expense of the state order and, accordingly, are forced to ensure the quality of not only the services provided, but also the management, which will allow attracting and retaining not only consumers of services, but also highly skilled workers.

To eliminate these problems a number of organizations of higher and postgraduate education (onward — OH&PE; educational organizations) have launched the Master of Business Administration (MBA) program in Healthcare / Medicine. There are also offers for the Doctor of Business Administration (DBA) program in healthcare on the market of Kazakhstan and Russia.

Materials and methods of research

The research in this article is based on the application of general scientific methods, methods of comparison, observation and statistical analysis of data, as well as legislative regulations.

The analysis of the regulatory framework for the use of the remote format for the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan is carried out, their differences, pros and cons are revealed.

Federal Law No. 273-ФЗ of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (with

amendments and additions) was used as sources; The procedure for the use of e-learning, distance learning technologies by organizations engaged in educational activities in the implementation of educational programs (approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 816 of August 23, 2017); Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007 No. 319-III “On Education” (with amendments and additions as of 07.07.2020); Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2015 No. 137 “On approval of the rules for the organization of the educational process on distance learning technologies” (with amendments and additions as of 04/13/2020); The state mandatory standard of postgraduate education, approved by the Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2018 No. 604 (with amendments and additions as of 01.09.2020); as well as the works of foreign and domestic scientists on the issues of distance education format.

The authors conducted benchmarking of MBA and DBA educational programs in healthcare and medicine according to the following indicators: cost of training, duration, format of training, availability of accreditation, ratings of educational organizations.

It was revealed that the pricing policy for these programs differs by a fairly large spread (from \$1300 to more than \$12,000), which, in turn, is due to the prestige of the organization, the format of training, the availability of accreditation programs and places in the ratings and, of course, the availability of the offer.

When analyzing the training format, it was revealed that in all business schools it is convenient for combining main work and study. This is primarily due to the specifics of business programs, focusing on the practical application of knowledge and skills in daily practice.

The authors also summarized the accumulated experience of their own research on the problem of the distance format of business education (MBA and DBA) in the field of healthcare.

Benchmarking

We conducted benchmarking of MBA and DBA educational programs in healthcare and medicine according to the following indicators: the cost of

training, duration, format of training, availability of accreditation, rating of the educational organization. The analysis is carried out in table no. 2.

A number of organizations offer MBA programs in healthcare / medicine in the markets of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan:

PwC Academy (Russia), MIRBIS (Moscow International Higher School of Business, Russia);

Moscow City University of Management (Russia);

EMAS Business School (Eurasian Management and Administration School, Russia);

HSB AlmaU (Higher School of Business Almaty Management University, Kazakhstan);

Al-Farabi business school (Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan).

As we can see from the analysis, training on these programs varies from 10 months to 2 years. This depends on the degree of readiness of students, in particular, the availability of managerial experience. The MBA programs are mainly taught by already established managers who systematize their accumulated experience and supplement their knowledge and skills. In MBA programs, disciplines are given in full, with the expectation that students do not yet have sufficient experience and knowledge in business administration and organization management.

When analyzing the training format, it was revealed that in all business schools it is convenient for combining main work and study. This is primarily due to the specifics of business programs, focusing on the practical application of knowledge and skills in daily practice. As a rule, business students with a certain status come to business education programs, who prefer to save time and get the maximum benefit for themselves. Table no. 2 shows data on the format of training: evening modular weekend, evening full-time remote, modular-distortion. The modular distance learning format proved to be advantageous during the pandemic, and it was business education that most quickly adapted to the new quarantine conditions.

The pricing policy for these programs differs by a fairly large spread (from \$1,300 to more than \$12,000), which is due to the prestige of the organization, the format of training, the availability of program accreditations and places in the ratings and, of course, the availability of the offer.

As can be seen from the table, not all business schools have accreditation of educational programs, but there is a positive trend in this issue. 2 business schools from Russia have the certificate of accreditation of the Russian Federation (NASDO-BR) and only one has the international accredita-

tion of AMBA. In the Republic of Kazakhstan, the AlmaU Higher School of Business has achieved quite high results and has 2 certificates of international accreditation (AMBA, CEEMAN), which indicates the recognition of the quality of the business school as a whole. Al-Farabi business school is a fairly young school, but it is noteworthy that it was opened on the basis of a large multidisciplinary university and already has sufficient recognition in Kazakhstan. Al-Farabi Kazakh National University, on the basis of which this business school was opened, is among the top best universities in the world according to the QS World rating, namely, it occupies the 165th place.

After analyzing the DBA educational program in healthcare, we found that this program is presented only in two business schools: in a private institution of additional professional education “EMAS Business School” and Al-Farabi business school. Since the DBA program represents the highest level of business education, there is sufficient demand among TOP managers of the healthcare sector. Due to the growth of the state and non-state healthcare sector, the development of this program is obvious.

Since the target audience for business education is people who work and hold managerial positions, and the format of the educational process, which will be discussed below, is the key for these programs.

Remote format

The remote format in business education was not imposed by the Covid-19 pandemic, although it undoubtedly contributed to the acceleration of the development of this area.

Due to the fact that these programs are developed as postgraduate education programs, it is assumed that the majority of people studying on them are working and employed, respectively, attending classes every day is a serious problem for them. Therefore, these programs are mainly implemented in a modular (“week-end”, remote or combined) format. The modular format is fixed in the normative documents regulating the educational process. For example, in the Russian Federation, this issue is regulated primarily by Article 16 of the Federal Law “On Education in the Russian Federation” “No. 273-the federal law of December 29, 2012 (with amendments and additions), which defines the right of organizations engaged in educational activities to use distance learning technologies in accordance with the procedure established by the federal executive authority¹.

¹ Federal Law No. 273 — the federal law of December 29, 2012 “On Education in the Russian Federation” (with amendments and additions).

Article 3 of the procedure for the use of e-learning, distance learning technologies by organizations engaged in educational activities in the implementation of educational programs defines:

“Organizations engaged in educational activities (hereinafter referred to as organizations) implement educational programs or parts thereof using e-learning, distance learning technologies in the forms of training provided for by the Federal Law of December 29, 2012 No. 273 — the federal law “On Education in the Russian Federation” or in combination thereof, during training sessions, practices, ongoing monitoring of academic performance, intermediate, final and (or) state final certification of students.”

In article 5 — “When implementing educational programs or their parts with the use of e-learning, distance learning technologies: ...

- organizations independently determine the procedure for providing educational and methodological assistance to students, including in the form of individual consultations provided remotely using information and telecommunications technologies;

- organizations independently determine the ratio of the volume of classes conducted through direct interaction of a teacher with a student, including with the use of e-learning, distance educational technologies;

- it is allowed that there are no training sessions conducted through direct interaction of the teacher with the student in the classroom”¹.

That is, we can say that in the Russian Federation, the entire process is left to organizations that provide training in a remote format.

In the Republic of Kazakhstan, this issue is somewhat different, since Article 37–2 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Education” defines the form of education that: 1. Distance learning is carried out in organizations of ... higher and (or) postgraduate education in accordance with the procedure determined by the authorized body in the field of education.

2. In cases of the introduction of a state of emergency, restrictive measures, including quarantine, at the relevant administrative-territorial units (at individual facilities), declaring emergency situations, local executive bodies and educational organizations introduce distance learning for all students in the

manner determined by the authorized body in the field of education”².

These changes were made on 08.01.2021, which, it would seem, improves the possibility of using remote technologies in the educational process, since previously, according to the law, they could only be used for teaching people with special needs, but there is a very big “ but “ hidden in the same order determined by the authorized body: in 2015, the order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. 137 “On approval of the rules for organizing the educational process on remote educational technologies” was issued, in accordance with paragraph 6 of which “ RET are applied to:

1) students enrolled in educational programs of additional education (in certain areas), secondary, technical and professional, post-secondary, higher education and MBA (EMBA) and DBA programs...”, according to this, the remote format for the MBA (EMBA) and DBA programs is acceptable, only the rules specify the conditions for the number of credits that can be held in the remote format: for an MBA, no more than 30 academic credits are allowed for the entire period of study³ (with a total load of at least 120 credits, of which at least 78 credits are allocated for the study of disciplines⁴) and no more than 15 academic credits for the entire period of study under the EMBA and DBA programs⁴ (with a total load of at least 60 credits, of which at least 30 credits are allocated for the study of disciplines for EMBA programs, for DBA 180 and 25 credits, accordingly⁵) (Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2015 No. 137 “On approval of the rules for organizing the educational process on distance educational technologies”).

That is, the allowed amount of credits for distance learning in the Republic of Kazakhstan does not allow all disciplines to be transferred to a distance format, which creates certain problems for obtaining postgraduate education for people who mostly hold managerial positions in organizations. At the same

² The Law of the Republic of Kazakhstan dated July 27, 2007 No. 319-III “On Education” (with amendments and additions as of 07.07.2020). URL: <https://online.zakon.kz>

³ Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated March 20, 2015 No. 137 “On approval of the rules for organizing the educational process on distance educational technologies” (with amendments and additions as of 13.04.2020). URL: <https://online.zakon.kz>

⁴ The state mandatory standard of postgraduate education, approved by the Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan dated October 31, 2018 No. 604 (with amendments and additions as of 01.09.2020).

¹ The procedure for the use of e-learning and distance learning technologies by organizations engaged in Educational Activities in the Implementation of educational programs (approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 816 of August 23, 2017).

time, as can be seen from the benchmarking above, in Russia a fairly small number of educational organizations offer a distance learning format, and in Kazakhstan no one could actually offer this format. And here the pandemic is making its contribution, since the transition to a remote format of work required certain investments from organizations in infrastructure (portals, training courses, proctoring and anti-plagiarism systems, monitoring the quality of the educational process, etc.), not to mention the automation of the organization's management systems (planning and monitoring activities, document management, etc.) and we believe that organizations are unlikely to be interested in these systems ceasing to be used after the end of the pandemic.

Expanding the scope of competition of OH&PE (training without the need to move to another city / country), taking into account the mutual recognition of documents within the EAEU, in accordance with Article 97 of the Treaty on the Eurasian Economic Union, "In order for workers of the member states to work in the state of employment, educational documents issued by educational organizations (educational institutions, organizations in the field of education) of the member states are recognized, without carrying out the procedures established by the legislation of the state of employment for the recognition of educational documents"¹. That is, due to the presence of this clause in the contract and those investments that educational organizations were forced to make in the development of the distance format in connection with the pandemic, lead to the fact that educational organizations now compete not only within settlements and regions, but also within EAEU zones.

Competition is also increasing with educational organizations of countries outside the EAEU, since the procedure for nostrification of educational documents is not too problematic, but the role of the language of instruction is increasing here, that is, a sufficient level of knowledge, for example, English, allows you to study remotely in almost any country of the world without the need for physical presence.

The distance format shows certain advantages for employees and students, since:

1. There is no need to spend time on the way to classes and back, which is especially important for megacities where it could take several hours in one direction during the "rush hour".

2. It eliminates the link to physical presence at work, opening up the opportunity to be not only at home, but also, in principle, anywhere in the world where there is an Internet, which allows such a class of people as "digital nomads" to develop, that is, those who want to work and travel around the world. Some countries, for example: Thailand, some Caribbean countries, Croatia, Estonia and others even introduce a special type of work visa for such persons.

3. Another plus is the cost of living. With distance education, employees and students from other localities do not have such items of expenditure as housing rent and transport costs (for example, on vacation), there is no increase in other costs, since usually the cost of living in megacities, where the largest educational organizations are usually located, is more expensive than in other localities.

4. There is no need to change jobs or educational institutions often, for example, for military families.

5. The possibilities of combining work with education, a second job (for teaching staff), or main work with teaching (for practitioners) are expanding due to saving time on the road and efficient use of time (convenient schedule, etc.).

6. The opportunity to spend more time with the family, if necessary, providing proper care for young children or elderly parents.

And if for the specialty and bachelor's programs there are questions about the organization of students and their competencies in the distribution of time and the ability to study in such a format, which undoubtedly affects the quality of the communication process, the assimilation of the material and the formation of the necessary competencies, then for postgraduate education, where most often students are working, this format is an undeniable plus.

Next, I would like to consider the specifics of the organization of the educational process for business education programs in the field of healthcare.

The specifics of the organization of the remote process of business education in the field of healthcare

The specifics of the organization of the educational process in the distance format begins at the stage of submitting documents: it is necessary to work out the mechanism for signing an application, contract and other documents (if necessary), if this process is carried out through an electronic portal, then

¹ The Treaty on the Eurasian Economic Union ratified in the Russian Federation by Federal Law No. 279-federal Law of 03.10.2014 "On Ratification of the Treaty on the Eurasian Economic Union", Law of the Republic of Belarus No. 193-Z of 09.10.2014 "On Ratification of the Treaty on the Eurasian Economic Union", Law of the Republic of Kazakhstan No. 240-V of 14.10.2014 "On Ratification of the Treaty on the Eurasian Economic Union".

the document must be signed by both parties using an electronic digital signature, then the document will be considered an electronic document. If you use a scanned version of the document, then its status will be an electronic copy, which actually has no force and there are risks of forgery and falsification. Originals of educational documents and other originals of documents can be sent to the educational organization by mail, and they must be received by the documentation support service (for example, the office), and not directly to the admissions committee, since this service performs the registration of correspondence entering the organization, and it already transmits a package of documents to the admissions committee. It is also necessary to determine the process of providing confirmation of receipt of documents and guarantees of their safety, since these documents contain personal data of students.

The organization and conduct of entrance, intermediate and final exams also differ from the traditional format by the need to ensure proctoring and prevent plagiarism.

In our opinion, the transition to a distance learning format contributes to improving the quality of the educational process.

First, the teacher is forced to revise and improve the materials of his classes, adapting them to the online format, while studying and applying various online tools in the educational process: creating virtual whiteboards in the programs Padlet, Google Jamboard, Miro, Google Documents, which provide an opportunity to introduce participants, add stickers, pictures, and other various elements, drawing with a marker, making lists and detailed formulations; conducting testing in Pruffme, Kahoot, Quizizz, Google Forms; conducting interactive classes in Quizlet, BranchTrack, OnlineTestPad [15].

Secondly, all types of classes and control are recorded and can be controlled by a supervisor of any level, starting from the direct supervisor — the head of the department, to the head of the educational and methodological bureau of the faculty and the organization of education, the head of the educational and methodological department, the vice-rector and other interested parties, which, in turn, mobilizes the teacher to improve the quality of classes and conduct all types of control in accordance with the established requirements and with the use of proctoring technology as a tool that contributes to ensuring academic integrity by identifying the identity of the examinee, while excluding the possibility of using any materials, not intended for use in the exam.

Third, educational organizations themselves choose a platform for implementing the distance learning process: Platonus, Canvas, Adobe Connect, MOODLE, Univer, etc., but all of them contribute to the mobilization of both students and teachers, as well as ensuring academic integrity due to strictly set deadlines and the inability to correct the points awarded.

Of course, like any methods and tools, the distance format of business education in the field of healthcare has its positive aspects and obstacles to the transition to online training.

First, lower costs, both for students and for educational organizations.

Secondly, distance education provides an opportunity to combine training with work, which allows you to study on-the-job and, no less importantly, family while receiving a postgraduate or second education, and when studying for a bachelor's degree, it gives you the opportunity to gain practical experience in your chosen specialty during your studies.

Thirdly, this educational format really expands the possibility of training for people who are difficult to move.

Fourth, distance education makes it possible to study both in Kazakhstan and abroad at the same time.

Fifth, the distance learning format allows you to improve your skills or acquire a new one [15].

The main obstacles to the transition to online training are the following:

The uncertainty of some teachers, and often insufficient qualifications for working with high-tech electronic equipment.

Negative perception of the distance learning format.

Problems with the Internet, limited access to equipment.

Insufficient qualification of the teaching staff.

Unwillingness of students to study remotely.

It is necessary to understand the difference between a conditionally classical education in the field of healthcare (bachelor's degree, residency, master's degree and PhD) and business education (MBA, EMBA and DBA):

Classical education in the field of healthcare in general has its own specifics: the presence of subjects that cannot be implemented in a distance format: Emergency surgery, Elective surgery, Simulation courses, Methods of examination of patients, etc.

But there are subjects that are easily implemented in a remote format: Health organization and public health, the legal system of public health protection, Management, economics and health planning,

Quality management of medical care, Medical statistics and the state of public health, etc.

As a result — the use of mixed, even more correctly, hybrid training. Such training combines the best of two educational directions: traditional classroom training and high-tech e-learning.

Business education in the field of healthcare, as in any other field, is designed to train managers, not doctors, that is, it contributes to the acquisition of managerial knowledge and competencies to ensure the proper management of departments and organizations.

At the same time, it is necessary to switch to teaching planning, which is very important for this format of training. At the end of the 2019–2020 academic year, educational organizations were urgently forced to switch completely to the online format of work, that is, to replace all full-time lectures and seminars with online classes in real time, without adapting their classes to the new format of training. Teaching planning includes the revision and adaptation of lecture materials and practical / seminar / laboratory classes to a new format. To abandon the so-called “information delivery” to students in favor of the scaffolding strategy, as a special type of instructing process in the interaction of the teacher and the student in solving various problems and tasks, while the teacher should be more of a mentor who, using special cognitive or problem-searching tasks and instructions, based on the experience of the trainees, directs them and helps in the discovery of new knowledge. With this approach, students, as a rule, are focused on solving priority tasks of the future, and graduates are ready for the profession and life.

These approaches are implemented in business education programs, including in the field of healthcare, which ensures the growth of their popularity, since at the present stage of society’s development, students and teachers have approximately equal access to information and, if desired, students can find and read what they need themselves, respectively, the role of the teacher changes to a consultant-mentor,

whose function is to explain and teach how to adapt the information received in practice, maximize positive effects and neutralize negative ones. That is why at the MBA, EMBA and DBA, not theorists should be involved in teaching, but practitioners who have some experience in the field of the discipline being read and understand its specifics.

Conclusion

1. According to the results of the analysis, it is clear that this direction is at the beginning of its development, has quite extensive prospects for development, there is an increase in demand in this segment, which is decreasing due to the fact that the training format does not allow people to study effectively for whom these programs are focused.

2. There is a real need to improve the regulatory framework in order to ensure the legality of the distance learning format in postgraduate training programs in the post-pandemic period.

3. From all of the above, we can conclude that for higher education programs, the distance learning format in the period after the pandemic is a controversial issue, but for postgraduate education programs, short — and medium-term programs, this format is most desirable, both for organizations and for students.

4. In our opinion, the distance education format used in postgraduate training programs contributes to increasing interest in this education and, at the same time, provides a high level of teaching quality, since audio and video recording of both classes and exams is carried out.

5. It is important to understand that new technologies should not be used simply to transmit information, the personality, skill, and professionalism of the teacher are more important here.

6. Business education in the field of healthcare, despite all the specificity of the industry, fits perfectly into the format of distance education and enjoys ever-growing popularity, since it comes closest to solving the real problems facing managers at the current stage of development.

References

1. Zaluchyonova OM. Online education: problems and prospects of development. *Bulletin of the University “Turan”. Scientific journal KKSES MESRK*. 2020;(3);276-279. (In Russ.).

Список источников

1. Залучёнова О. М. Онлайн-образование: проблемы и перспективы развития // Вестник университета «Туран». 2020. № 3 (87). С. 276–279.

Information about the authors

G. V. Karalidze — Doctor of Business Administration, Head of the project “Educational program ‘Doctor of business administration (DBA) in healthcare’”, member of the New Economic Association.

O. M. Zaluchyonova — Candidate of Economic Sciences, associate professor.

S. A. Mamyrbekova — PhD, Head of department of epidemiology, biostatistics and evidence-based medicine.

A. S. Babkova — general practice nurse.

Информация об авторах

Г. В. Каралидзе — доктор делового администрирования, руководитель проекта «Образовательная программа “Доктор делового администрирования (DBA) в здравоохранении”», член Новой экономической ассоциации.

О. М. Залучёнова — кандидат экономических наук, доцент.

С. А. Мамырбекова — PhD, заведующая кафедрой эпидемиологии, биostatистики и доказательной медицины.

А. С. Бабкова — медицинская сестра общей практики.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 15.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 332.12

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10622

О РАЗВИТИИ ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Александра Анатольевна Егорова¹, Илья Андреевич Данилов²,
Сергей Владимирович Овчинников³

^{1,2,3} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ aleksandra_csu@mail.ru

² danilovdocent@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9334-7254

³ serzh.ovchinnikov.1980@list.ru

Аннотация. С учетом государственной стратегии развития аграрного сектора на ближайшее десятилетие, а также современных экономических реалий, на основе проведенного анализа рынка сельскохозяйственной продукции производится обоснование одного из наиболее востребованных, социально значимых и импортозамещающих направлений деятельности в рамках регионального аспекта, кроме того, в практику вводится новое понятие «агроинновационное предприятие полного цикла», основанное на принципах точного земледелия и использовании самостоятельно разработанного программного обеспечения, для которого разрабатывается концепция по выращиванию, переработке и производству конечной продукции, остро необходимой в настоящее время, обладающей признаками конкурентоспособности по качественным и количественным (ценовым, расходным и рентабельным) параметрам, а также перспективам востребованности на рынке для использования в готовом виде или дальнейшей переработки.

Ключевые слова: инновационное развитие, аграрный сектор экономики РФ, проблемы развития отечественного сельского хозяйства, анализ рынка, площади выращивания, сельскохозяйственные культуры, структура продукции, концепция инвестиционного проекта, агроинновационное предприятие полного цикла

Для цитирования: Егорова А. А., Данилов И. А., Овчинников С. В. О развитии перспективных направлений экономической деятельности в условиях ограничений // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 214–223. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10622

Review

ON THE DEVELOPMENT OF PROMISING AREAS OF ECONOMIC ACTIVITY IN CONDITIONS OF RESTRICTIONS

Alexandra A. Egorova¹, Ilya A. Danilov², Sergey V. Ovchinnikov³

^{1,2,3} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ aleksandra_csu@mail.ru

² danilovdocent@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9334-7254

³ serzh.ovchinnikov.1980@list.ru

Abstract: Taking into account the state strategy for the development of the agricultural sector for the next decade, as well as modern economic realities, based on the analysis of the agricultural products market, the justification of one of the most popular, socially significant and import-substituting activities within the regional aspect is made, in addition, a new concept of “full-cycle agro-innovation enterprise” is introduced into practice, based on the principles of accurate agriculture and the use of independently developed software, for which a concept is being developed for the cultivation, processing and production of final products that are urgently needed at the present time, which has signs of competitiveness in terms of qualitative and quantitative (price, expenditure and cost-effective) parameters, as well as prospects for demand on the market for use in finished form or further processing.

Keywords: innovative development, agricultural sector of the Russian economy, problems of development of domestic agriculture, market analysis, cultivation areas, agricultural crops, product structure, investment project concept, agro-innovative enterprise of a full cycle.

For citation: Egorova AA, Danilov IA, Ovchinnikov SV. On the development of promising areas of economic activity in conditions of restrictions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):214-223. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10622

Введение

2022 год является юбилейным годом объявления инновационного развития в аграрном секторе. Ровно 10 лет назад в 2012 году в рамках основополагающей речи президента В. В. Путина прозвучали слова, которые легли в основу государственной стратегии модернизации аграрного производства путем «...перехода на инновационный путь, обеспечивающий ежегодный прирост наиболее востребованных продовольственных товаров как количественно (5% в год), так и качественно (до уровня мировой конкурентоспособности с возможностью экспорта и импортозамещения)...» [1].

Основными проблемами, как показали исследования экономистов, специализирующихся на развитии аграрного сектора, при этом являются:

1) низкий квалификационный уровень как управленческих, так и основных сельскохозяйственных трудовых ресурсов, а также недостаток вовлечения высококлассных специалистов-технологов, менеджеров по коммерциализации и освоению инновационно-инвестиционных проектов [2];

2) недостаток разработок проектов землеустройства на проблемной ландшафтной основе и вариантов адаптации севооборота к особенностям [3];

3) Н. М. Боргест, Д. В. Будаев, В. В. Травин подчеркивают особую нехватку проектов, основанных на принципах точного земледелия (как на стадии разработки, так и на этапе внедрения), использования в сельскохозяйственных предприятиях эффективных ресурсосберегающих приемов обработки почвы (энерго-, влаго-, трудо- и почвосберегающие технологии), а также мониторинга индексов изображения [4];

4) не меньшую проблему, по мнению В. В. Браткова и Н. М. Овдиенко, представляет нерациональное антропогенное воздействие на почвенные ресурсы [5].

Однако, как показывает проведенный анализ, за истекший период обозначенные проблемы не только не получили положительного тренда в решении, но и усугубились в связи с санкционными и иными ограничениями.

В рамках общего анализа выявлено, что в краткосрочном горизонте (2020–2021 гг.) отечественный рынок сельхозсырья и продовольствия характеризуется стабильным размером площадей (общая величина которых в 2021 году составила 80,4 млн га, что лишь на 0,5 % выше значений 2020 года) [6].

Таким образом, количественно площадей посевов не стало меньше, однако тем очевиднее нарастающая экстенсивность как их засеивания, так и вытекающая из этого консервативность выращиваемых культур, которые во многом обуславливают неконкурентоспособность по ряду социально значимых позиций, а также наличие потенциально возможных для импортозамещения направлений деятельности сельскохозяйственных организаций, которые при более современном подходе могут стать высокорентабельными и обеспечить население востребованной продукцией.

Структура посевных площадей по масштабам предприятий участников осталась неизменной — две трети занимают крупные сельскохозяйственные организации и треть — малые и домашние хозяйства (рис. 1).

При этом произошло существенное изменение структуры культур, которые на них выращиваются (табл. 1).

Таблица 1

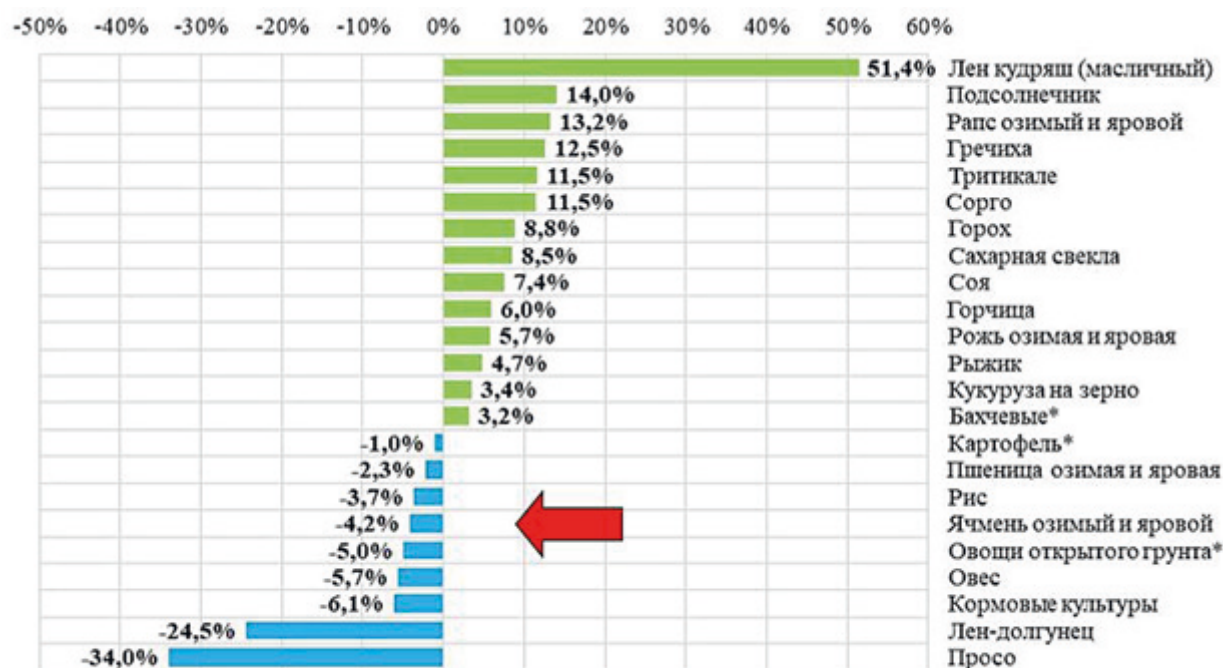
Table 1

Изменение площади наиболее социально и экономически значимых выращиваемых культур России в 2021 году относительно 2020 года (по данным Росстата) [8] Change in the Russians area of the most socially and economically significant cultivated crops in 2021 relative to 2020 (according to Rosstat)

Площадь выращиваемых культур снизилась	Площадь выращиваемых культур увеличилась
Зерновые культуры (–2,2 %)	Масличные культуры (+15,3 %)
Картофель, овощи, бахчевые (–6 %)	Сахарная свёкла (+8,5 %)
Кормовые культуры (–6 %)	Зернобобовые культуры (+5,4 %)

Рис. 1. Структура посевных площадей России (по данным Росстата) [7]
 Fig. 1. Structure of Russians acreage (according to Rosstat)

* - по картофелю, овощам, бахчевым культурам, данные представлены по сельхозорганизациям и крестьянско-фермерским хозяйствам, без учета данных по хозяйствам населения

Рис. 2. Изменение площадей выращивания в России в 2021 году [9]
 Fig. 2. Change in Russians cultivation areas in 2021

Более детально изменение представлено в рамках графического представления исследования аналитического центра «АВ-Centre» на рисунке 2.

Как следует из диаграммы, сокращение площадей выращивания овощей открытого грунта за 2021 г. составило 5 %, что еще более усугубляет нехватку данной группы отечественных продуктов, поскольку приводит к более чем двукратному падению объемов производства капусты, огурцов, помидоров, лука, моркови и свёклы столовой.

Исследование основных факторов, которые привели к такой реструктуризации площади посевов, указывает на приоритетное влияние ценовой группы, то есть сократились те посевные площади, которые показали недостаточную относительную рентабельность (рожь, ячмень, пшеница, овес, просо, тритикале, рис, картофель, овощи), а увеличились — более востребованные и дорогие (кукуруза, горох, гречиха, сахарная свёкла).

Ценовой фактор наиболее отчетливо проявляется через соответствующий индекс, представленный в таблице 2.

Таблица 2
Table 2

**Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции в России
(по данным Росстата) [10]
Agricultural producer price index of Russia (according to Rosstat)**

Категория	2010	2016	2017	2018	2019	2020
Сельское хозяйство	106,5	103,8	97,7	99,2	108,4	100,7
Растениеводство	104,7	114,2	91,2	97,3	115,5	103,4
Зерновые и зернобобовые культуры	95,7	111	92	99,1	122,9	107,1
Бобы соевые	102,4	116,1	95,6	102,4	101,7	103,7
Семена рапса	н/д	134,5	99,5	95,2	105,3	108,8
Семена подсолнечника	129,4	128,4	84,1	95,1	105,7	109,2
Капуста	151	80,9	82,8	110,9	142,6	83,9
Огурцы	114,3	100,1	103,2	93,2	107,1	98,5
Томаты	108,9	109,9	100,2	92,6	104,8	95
Морковь	118,3	97	88,3	109,3	104,3	89,2
Лук	148,6	82,2	97,6	97,5	117,6	93,9
Свекла	102,5	89,7	89,1	120,5	98,4	89,9
Картофель	114,5	76,4	109,3	105,5	93,6	105,7
Ягоды	111,7	111,5	108,9	99,6	100,7	104,6

В перспективе на 2022 год экспертами аналитического центра «АВ-Centre» с большой долей вероятности предполагается:

- 1) продолжение тренда на рост масличных культур;
- 2) укрепление цен на сахар и зерно в силу недостаточности его сбора в 2021 г. и повышения общемирового спроса;
- 3) повышение цен на картофель и овощи в силу их недостаточности на рынке, повышенного спроса и существенной доли импорта в 2021 г. (ключевые поставщики — Белоруссия, Турция, Эквадор, Бразилия, Казахстан);
- 4) увеличение розничных цен на продукты питания в 2022–2023 гг. [11]

Данные выводы подтверждают и динамические ряды показателей сельского хозяйства Росстата, отраженные через показатели самообеспе-

чения продуктами питания, согласно которым группы «овощи» и «фрукты» являются наименьшими по показателю самообеспечения, причем обнаруживается тенденция к их периодическому сокращению, которое обусловлено ценовыми и неценовыми факторами (табл. 3).

Как следует из представленной таблицы, наименее обеспеченными в самостоятельном отечественном исполнении растениеводческими группами, являются овощи и фрукты, что подтверждается и их рецессивностью в структуре продукции растениеводства по видам, а также незначительностью доли в общероссийских посевных площадях.

При проведении ретроспективного анализа в рамках диаграммы на рисунке 3 наглядно представлена отрицательная динамика именно по наиболее востребованным и одновременно наименее

выращиваемым культурам, что обусловлено их высокой требовательностью к условиям посева,

ухода и сбора, а, соответственно, меньшей рентабельностью.

Таблица 3

Table 3

**Уровень самообеспечения основными продуктами питания в России, %
(по данным Росстата) [12]**
The level of self-sufficiency in basic foodstuffs in Russia, % (according to Rosstat)

Культура	2010	2016	2017	2018	2019	2020
Мясо	72,2	90,6	93,5	95,7	97,4	100,1
Молоко	80,4	80,7	82,3	83,9	83,9	84
Яйца	98,3	97,1	97,9	97,7	97,1	97,4
Картофель	73,4	93,2	91,1	95,3	95,1	89,2
Овощи	76,9	87,4	87,6	87,2	87,7	86,3
Фрукты	26,8	36,5	33,1	38,8	40,2	42,4
Сахар	89,6	105,9	116,4	109,5	126,8	99,9

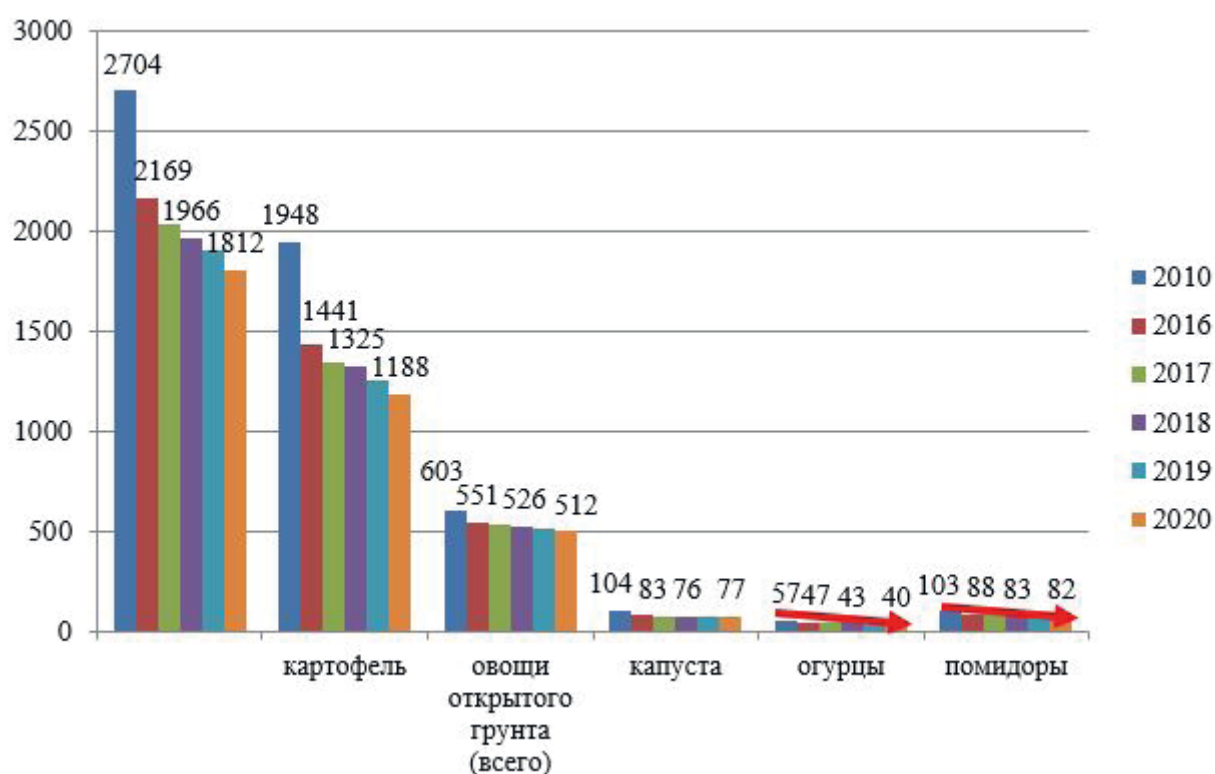

Рис. 3. Динамика посевных площадей картофеля и овощевых культур в России, тыс. га
(по данным Росстата) [13]

Fig. 3. Dynamics of sown areas of potatoes and vegetable crops in Russia, th. h

Проблемные и перспективные направления развития сельского хозяйства

Ситуация с обеспечением овощами усугубляется тем, что при общем тренде к увеличению их выращивания сельскохозяйственными организациями (рост за 10 лет — 8,5 %) и фермерскими хозяйствами (рост за 10 лет — 9,8 %), большая их часть до настоящего времени производится в рамках домохозяйств [14].

Таким образом, в настоящее время в общероссийском сельском хозяйстве наблюдаются асинхронное и разнонаправленное развитие как по секторам, так и по блокам и культурам.

Наиболее востребованными и наименее выращиваемыми при этом являются овощи, среди которых особенно актуализировалось в последние годы недостаточность самообеспечения для граждан РФ томатами и огурцами.

Однако, как показывает практика реализации сельскохозяйственных проектов, существует группа внешних (основным среди которых является региональная агронаправленность) и внутренних (прежде всего, энерго-, трудо- и ресурсоемкость) факторов, которые препятствуют их активному развитию.

Учитывая, что в настоящее время основными регионами выращивания наиболее востребованной овощной продукции являются (в порядке убывания в процентах от общероссийского объема):

- 1) Южный федеральный округ — 27,82;
- 2) Приволжский федеральный округ — 19,41;
- 3) Центральный федеральный округ — 17,82;
- 4) Северо-Кавказский федеральный округ — 17,57;
- 5) Сибирский федеральный округ — 6,81;
- 6) Уральский федеральный округ — 4,33 [15].

С учетом внешних и внутренних факторов, сложившихся в настоящее время (нарастающая нестабильность внешнего обеспечения сельскохозяйственных предприятий зарубежными технологиями, технологиями, семенным материалом со стороны недружественных России стран, недостаточность самообеспечения рядом социально значимых позиций сельскохозяйственной продукции, высокий удельный вес импорта как по готовой продукции, так и по ее переработанным компонентам), сформулирован пример сельскохозяйственного предприятия новой формации.

Данный тип компаний предлагается определить как агроинновационное предприятие полного цикла и трактовать следующим образом: сельскохозяйственная организация, основанная

на применении наиболее эффективных и современных методов (особая роль среди которых отведена экологичным, экономичным и высокотехнологичным), полученных на базе вложений в новые технологические процедуры и ведущих к созданию принципиально нового или усовершенствованного продукта в рамках полного цикла его функционирования (систем формирования, сохранения и переработки урожая).

Для целей данного исследования в качестве основы, определяющей инновационное развитие сельскохозяйственных предприятий в рамках отечественного агросектора, предлагается рассматривать принципы точного земледелия, то есть систему менеджмента, основанную на информации и технологиях для идентификации, анализа и управления с учетом дифференцированных пространственных и временных почвенных вариаций на отдельно взятом поле, для оптимизации затрат, повышения устойчивости агроценозов и экологической стабильности производства.

В рамках предлагаемого агроинновационного инвестиционного проекта были учтены:

- 1) внутренняя специфика регионов с выделением места, наиболее подходящего для эффективного применения принципов точного земледелия;
- 2) специфика выращивания наиболее востребованных и социально значимых культур;
- 3) возможность организации предприятия полного цикла, продукция которого будет востребована физическими (для прямого потребления) и юридическими лицами (для дальнейшей переработки и использования для продажи или в пищевой индустрии).

Таблица 4
Table 4

Факторы, определяющие локацию предлагаемого проекта Factors of location in investment project

Положительные	Отрицательные
– выгодное экономико-географическое положение; – теплый и мягкий климат; – высокая продуктивность сельского хозяйства в силу наличия плодородных почв; – высокий потребительский потенциал в силу активного прироста населения и рекреационности региона; – развитый транспортный узел; – высокая предпринимательская активность; – политическая стабильность; – хороший потенциал для привлечения качественных трудовых ресурсов	– энергодефицитность региона; – ограниченность пропускной способности автомобильных и железных дорог; – дефицит инфраструктуры и подготовленных площадей для бизнеса; – административные барьеры и длительность согласования разрешительной документации; – внешнеторговая деятельность связана с экспортом сырья и энергоносителей; – высокая стоимость земельных ресурсов; – низкая товарная конкурентоспособность

В результате, с учетом факторов, представленных в таблице 4, предлагается организация овощеводческого хозяйства в районе Большого Сочи,

где основными выращиваемыми культурами будут наиболее социально значимые позиции, недостаток потребления которых выявлен в ходе

анализа рынка, а именно помидоры (уровень обеспечения и потребления за последние 10 лет снижался и в настоящее время не превышает 60 % от требуемого) и огурцы (обеспеченность составляет около 80 % от требуемого населению).

В качестве отличительных особенностей предлагаемого к реализации бизнес-проекта предлагается рассматривать следующие технико-технологические преимущества:

1) использование инновационных технологий точного земледелия средствами мониторинга индексов изображения текущего состояния почвы и растительности (NDVI, VARI, GRVI, GLI, NDRE, SAVI) на основе уникального программного обеспечения собственной разработки для сельскохозяйственных дронов;

2) применение высокоточных методов повышения продуктивности выращивания на основе

использования уникального программного обеспечения собственной разработки для сельскохозяйственных дронов;

3) снижение ресурсоемкости, экологоемкости и себестоимости продукции, что в конечном итоге позволяет добиться снижения цены при одновременном повышении качества для потребителя;

4) обеспечение полного цикла производства на основе задействования линий постсборочной переработки томатов в пасту.

Концептуальные особенности предлагаемого решения для инвестиционных проектов в рамках сельскохозяйственного сектора экономики позволят расширить спектр основных потребителей продукции и услуг агроинновационного предприятия полного цикла до трёх групп (табл. 5).

Таблица 5

Table 5

Группы потребителей продукции и услуг агроинновационного предприятия полного цикла
Groups of consumers of products and services of a full-cycle agro-innovation enterprise

Группы потребителей		
Юридические и физические лица	Производители томатов	Сельскохозяйственные предприятия
Потребляемая продукция или услуги		
Свежие овощи (огурцы, помидоры) и переработанная продукция (томатная паста)	Переработка томатов в томатную пасту (услуги по работе с давальческим сырьем и работа по выкупу и переработке томатов у сторонних сельскохозяйственных производителей)	Услуги по мониторингу индексов изображения текущего состояния почвы и растительности (NDVI, VARI, GRVI, GLI, NDRE, SAVI) на основе уникального программного обеспечения собственной разработки для сельскохозяйственных дронов

Необходимо особо отметить, что в качестве центрального отличительного звена предлагаемого проекта выступают **полноцикличность** производственного цикла, усиленная технологичностью **применения дронов**.

Благодаря данному подходу, предлагаемый проект становится социально значимым и стратегически важным, о чем свидетельствуют результаты SWOT-анализа.

Выводы

Для эффективного развития отечественного сельского хозяйства необходимо изменить подход с экстенсивного на интенсивный, который правомерно базировать на принципах точного земледелия и применении преимуществ организации полноциклического варианта хозяйствования.

Предлагаемый к реализации вариант трактования и концепции агроинновационного предпри-

ятия полного цикла является наглядным примером того, что агропромышленные компании могут быть инвестиционно привлекательными и востребованными на рынке, что в совокупности с учетом географического и социального положения способствует формированию на его основе базиса, который решает следующие задачи:

1) повышение инновационного потенциала сельскохозяйственной деятельности в регионе;

2) улучшение социально-психологического климата района;

3) обеспечение качественными, доступными и полезными продуктами всех групп населения;

4) формирование базиса для повышения квалификационного потенциала трудовых ресурсов за счет задействования в сельскохозяйственном производстве высокоточных приборов и программного обеспечения собственной разработки;

Результаты SWOT-анализа запуска агроинновационного предприятия полного цикла
Results of SWOT analysis of the launch of a full-cycle agro-innovation enterprise

S Сильные стороны бизнеса + новизна и актуальность применяемых технологий, основанных на принципах точного земледелия; + снижение себестоимости продукции при одновременном повышении качества; + проработанная программа направлений дополнительного дохода в виде мониторинга индексов изображений для сторонних сельскохозяйственных предприятий	W Слабые стороны бизнеса – отсутствие отечественного оборудования, используемого как при переработке сельскохозяйственной продукции, так и для мониторинга индексов изображений; – опережающий рост конкуренции при нестабильной клиентской базе; – капиталоемкость и длительность предпроизводственной стадии
О Возможности + возможность занятия лидирующего положения на рынке услуг по мониторингу индексов изображений для с/х предприятий; + выход на региональный рынок	Т Угрозы – усиление конкуренции; – повышение цен поставщиков оборудования и удобрений

5) увеличение количества сезонных и постоянных работников широкого спектра квалификации, задействованных в рамках сельскохозяйственного предприятия полного цикла;

6) улучшение условий межрегиональной кооперации и снижение импортозависимости в вопросах технико-технологического обслуживания за счет совместной работы с машиностроительными предприятиями Ростовской области (ГК Ростсельмаш) и республики Башкортостан (ООО «ТехноХладПром»);

7) импортозамещение наиболее востребованной овощной продукции для населения и услуг по точному земледелию для сельхозпредприятий;

8) получение прибыли при одновременном выполнении всех аспектов финансовой и налоговой дисциплины при работе с контрагентами и государственными органами и учреждениями;

9) снижение экологоемкости и энергоемкости сельского хозяйства, что особенно актуально в рамках года экологии в Краснодарском крае.

Список источников

1. Доктрина продовольственной безопасности РФ: Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 // Информационно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/73438425/> (дата обращения 16.05.2022).
2. Шохина Е. Соответствие работников должностным требованиям // Ведомости. 2020. № 3. С. 15–20.
3. Сизов А. П. Современные проблемы землеустройства и кадастров. М. : Изд-во МИИГАиК, 2012. 69 с.
4. Боргест Н. М., Будаев Д. В., Травин В. В. Онтология проектирования точного земледелия: состояние вопроса, пути решения // Онтология проектирования. 2017. № 7. С. 1–20.
5. Братков В. В., Овдиенко Н. И. Геоэкология : учебное пособие. М. : Знание, 2005. 432 с.
6. Волков В. В. Рынок сельхозсырья и продовольствия России. Итоги за 2021 год и перспективы на 2022 год. URL: <https://fishretail.ru/news/rinok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-rossii-itogi-432276> (дата обращения 15.05.2022).
7. Статистические материалы Росстата по вопросам посевных площадей РФ. URL: <https://agrobook.ru/news/73886/rosstat-utochnil-ploshchad-posevov-v-rossii> (дата обращения 15.05.2022).
8. Прогноз социально-экономического развития РФ на 2022 год и на плановый период 2023–2024 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2022_god_i_na_planovyy_period_2023_i_2024_godov.html (дата обращения 16.05.2022).
9. Аналитический отчет изменения площадей посевов сельскохозяйственных культур исследовательского центра «AB-Centre». URL: <https://ab-centre.ru/news/rynok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-rossii-itogi-za-2021-god-i-perspektivy-na-2022-god> (дата обращения 16.05.2022).

10. Киварина М. В., Юрина Н. Н. Анализ развития растениеводства в России // Вестник аграрной науки. 2020. № 5 (86). С. 130–137.
11. Плугов А. Г. Анализ Российского рынка сельхозсырья и продовольствия // Российский рынок сельхозсырья и продовольствия в 2001–2022 гг. URL: <https://ab-centre.ru/dbase/rossiyskiy-rynok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-v-2001-2022-gg-vypusk-12-022022> (дата обращения 16.05.2022).
12. Анциферова О. Ю., Петрова Л. М. Уровень самообеспечения основными продуктами питания — ключевой критерий продовольственной безопасности // Московский экономический журнал. 2021. № 11. С. 715–723.
13. Рыжкова С. М., Силко Е. А. Рынок овощной продукции в России // Вестник ОрелГАУ. 2015. № 4(55). С. 15–20.
14. Рощина Я. М., Сухова А. С. Факторы частного сельскохозяйственного производства российских домохозяйств // Экономическая социология. 2010. Т. 11, № 2. С. 21–53.
15. Яковлев А. Е., Никулина И. Н. Проблемы обеспечения регионального рынка овощной продукцией местного производства и пути их решения // Вестник экономики, права и социологии ЧувГУ им. И. Н. Ульянова. 2015. № 2. С. 104–107.

References

1. The doctrine of food security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 20 dated 21.01.2020. Available from: <https://base.garant.ru/73438425/> (date of circulation 16.05.2022). (In Russ.).
2. Shokhina E. Compliance of employees with job requirements. *Vedomosti = Vedomosti*. 2020;(3):15–20. (In Russ.).
3. Sizov AP. Modern problems of land management and cadastre. Moscow, Publishing House of MIIGAiK; 2012. 69 p. (In Russ.).
4. Borgest NM, Budaev DV, Travin VV. Ontology of precision agriculture design state of the issues, solutions. *Ontologiya proyektirovaniya = Design ontology*. 2017;(7):1–20.
5. Bratkov VV, Ovdienko NI. Geocology: Textbook. Moscow, Knowledge; 2005. 432 p. (In Russ.).
6. Volkov VV. The market of agricultural raw materials and food in Russia. Results for 2021 and prospects for 2022. Available from: <https://fishretail.ru/news/rinok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-rossii-itogi-432276> (date of circulation 15.05.2022). (In Russ.).
7. Statistical materials of Rosstat on the issues of acreage of the Russian Federation. Available from: <https://agrobook.ru/news/73886/rosstat-utochnil-ploshchad-posevov-v-rossii> (date of circulation 15.05.2022). (In Russ.).
8. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2022 and for the planning period 2023–2024. Available from: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2022_god_i_na_plannovyj_period_2023_i_2024_godov.html (date of circulation 16.05.2022). (In Russ.).
9. Analytical report on changes in the area of crops of agricultural crops of the “AB-Center” research center. Available from: <https://ab-centre.ru/news/rynok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-rossii-itogi-za-2021-god-i-perspektivy-na-2022-god> (date of circulation 16.05.2022). (In Russ.).
10. Kivarina MV, Yurina NN. Analysis of the current state and dynamics of crop production in Russia. *Vestnik agrarnoy nauki = Bulletin of Agricultural Science*. 2020;(5(86):130–137. (In Russ.).
11. Plugov AG. Analysis of the Russian market of agricultural raw materials and food. The Russian market of agricultural raw materials and food in 2001–2022. Available from: <https://ab-centre.ru/dbase/rossiyskiy-rynok-selhozsyrya-i-prodovolstviya-v-2001-2022-gg-vypusk-12-022022> (date of circulation 16.05.2022). (In Russ.).
12. Antsiferova OYu, Petrova LM. The level of self-sufficiency in basic foodstuffs is a key criterion of food security. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2021;(11):715–723. (In Russ.).
13. Ryzhkova SM, Silko EA. Market of vegetable products in Russia. *Vestnik OrelGAU = Bulletin of Oryol State Agrarian University*. 2015;(4(55):15–20. (In Russ.).
14. Roshchina YaM, Sukhova AS. Factors of private agricultural production of Russian households. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*. 2010;11(2):21–53. (In Russ.).
15. Yakovlev AE, Nikulina IN. Problems of providing the regional market with locally produced vegetable products and ways to solve them. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii ChuvGU im. I. N. Ulyanova = Bulletin of Economics, Law and Sociology of the Chuvash State University named after I. N. Ulyanov*. 2015;(2):104–107. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, декан экономического факультета.

И. А. Данилов — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики.

С. В. Овчинников — магистрант второго курса направления «Экономика», профиль «Учет и финансы».

Information about the authors

A. A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Dean of the Faculty

I. A. Danilov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Economics

S. V. Ovchinnikov — second-year Master's student in Economics, profile "Accounting and Finance".

*Статья поступила в редакцию 18.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.06.2022; при-
нята к публикации 15.06.2022.*

*The article was submitted 18.05.2022; approved
after reviewing 15.06.2022; accepted for publication
15.06.2022.*

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалент-
ный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 314.18

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10623

О РАЗВИТИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА)

Виктор Иванович Бархатов¹, Дарья Сергеевна Бенц²

¹ Уральский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Челябинск, Россия, VIBarkhatov@fa.ru

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Малый и средний бизнес многих развитых стран мира формирует основу их экономик. В странах Европы доля малого и среднего бизнеса и вовсе приближается к 100 %. Для России такое присутствие не характерно. Тем не менее нельзя недооценивать роль малых и средних предприятий. И их роль становится более значимой, если речь идет не о национальной или же региональных системах, а о муниципальных. Не только крупный бизнес создает рабочие места. В муниципальных районах малый и средний бизнес часто представлен сельским хозяйством. Для таких территорий он играет особую роль: создает рабочие места, формирует доверительную среду, усиливает экономическую безопасность и т. д. Статья раскрывает результаты обсуждения участниками круглого стола аспектов развития малого и среднего бизнеса. Круглый стол состоялся 20 мая 2022 года в администрации Аргаяшского муниципального района. Участие приняли представители администрации, ученые и предприниматели. Присутствующие предприниматели в основном являются фермерами и индивидуальными предпринимателями отрасли сельского хозяйства. Представители академической среды дали советы по развитию малого бизнеса на сельской территории. Предприниматели обменялись как успешным опытом, так и озвучили свои страхи и сомнения, связанные с ведением бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, средний бизнес, сельские территории, Аргаяшский муниципальный район, круглый стол

Для цитирования: Бархатов В. И., Бенц Д. С. О развитии малого и среднего бизнеса сельских территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 224–234. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10623

Review

ON THE INTRA-REGIONAL DIFFERENTIATION OF THE CHELYABINSK REGION IN TERMS OF WAGES

Viktor I. Barkhatov¹, Daria S. Benz²

¹ Ural branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, VIBarkhatov@fa.ru

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru, ORCID 0000-0003-1257-248X

Abstract. The article reveals the results of the discussion between the participants of the round table on the development of small and medium-sized businesses. The round table was held on May 20, 2022 in the administration of the Argayash municipal district. Representatives of the administration, scientists and entrepreneurs took part. The main share of present entrepreneurs is represented by farmers and individual entrepreneurs of the agricultural industry. The academics gave advice on the development of small businesses in the rural area. Entrepreneurs exchanged both successful experience and voiced their fears and doubts related to doing business. The participants of the event exchanged contacts, received information from representatives of the banking sector.

Keywords: small business, medium business, rural areas, Argayash municipal district, round table

For citation: Barkhatov VI, Benz DS. On the development of small and medium-sized businesses in rural areas. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):224-234. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10623

20 мая 2022 года на территории Аргаяшского муниципального района состоялся круглый стол, организаторами которого выступили институт экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета и администрация Аргаяшского муниципального района.

Участники:

Виктор Иванович Бархатов, директор института экономики отраслей, бизнеса и администрирования, Челябинский государственный университет¹;

Дарья Сергеевна Бенц, заместитель директора института экономики отраслей, бизнеса и администрирования по научной работе, профессор кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет;

Лариса Юрьевна Богданова, начальник управления по экономике администрации Аргаяшского муниципального района;

Гульназ Динмухаметова, ученица Акбашевской школы, победитель конкурса бизнес-проектов района;

Юнер Шамилевич Капкаев, заместитель директора института экономики отраслей, бизнеса и администрирования, профессор кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет;

Руслан Мухаметович Нафиков, предприниматель, автор проекта «Тамыр — возрождение традиционных ценностей народов Южного Урала».

Николай Павлович Савинов, заместитель главы Аргаяшского муниципального района;

Рашид Шафкатович Хакимов, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, директор Аргаяшского представительства Челябинского государственного университета.

Анастасия Владимировна Черных, ведущий клиентский менеджер АО «Россельхозбанк»;

Димьян Абзалович Шафилов, фермер.

А также учащиеся школ, молодые ученые.

Участники круглого стола обменялись как фундаментальными мыслями в отношении развития малого и среднего бизнеса на сельских территориях, так и конкретными примерами успешной практики.

Руслан Мухаметович Нафиков, предприниматель, реализующий проект «Тамыр — возрожде-

«Наш бизнес — это бизнес с грустными глазами».

Профессор В. И. Бархатов

ние традиционных ценностей народов Южного Урала», рассказал о своем малом бизнесе. Акцентирован проект на воспитании детей, на дружбе народов, на построении этно-деревни. Но проект не является альтруистическим, он имеет коммерческий интерес. Как выразился сам предприниматель: «На городских жителях зарабатываем, на учеников тратим». Предприниматель открыл лучший тир, проводит обучение навыкам стрельбы из лука. Организует национальные ярмарки. Первое мероприятие стартовало в августе 2021 года. В планах предпринимателя открыть школу верховой езды.

Ученица Акбашевской школы, победитель конкурса бизнес-проектов района Гульназ Динмухаметова рассказала о своем проекте — производстве домашнего мыла. «Даже для микробизнеса нужен бизнес-план», — заявила Гульназ. В нем ученица зафиксировала размер расходов, главным образом, это оказались расходы на материалы — на мыльную основу, а также примерный рынок сбыта.

Ведущий клиентский менеджер ПАО «Россельхозбанк» Анастасия Владимировна Черных, озвучила проекты, реализуемые банком и направленные на поддержку фермеров. Во-первых, это «школа фермера», в рамках которой проходит обучение как потенциальных фермеров, так и уже действующих предпринимателей. Во-вторых, это электронная платформа, созданная с целью аккумулировать информацию об участниках сельскохозяйственного рынка и не только. Банком создана платформа с целью поддержки ремесленников, содействия развитию агротуризма. Кроме того, банк на территории Сосновного и Аргаяшского районов проводит «вкусные пятницы». На ярмарках длительностью три часа фермеры могут реализовывать свою продукцию. Реализация происходит как по предзаказу, так и в ходе свободной продажи. И это тот самый случай, когда коммерческий банк не преследует цели получить быстрые доходы. С точки зрения экономического эгоизма банку можно было бы и не заниматься организацией такого рода ярмарок. Но со стратегической точки зрения такие мероприятия позволяют генерировать информацию, впоследствии формирующую целый массив возможных клиентов банка.

Были озвучены особенности взаимодействия фермеров с банками и администрацией по

¹ Занимал указанную должность до 24 мая 2022 г.

вопросу помощи в получении возможных грантов. В процессы оформления заявок на получение грантов банки оказались невовлеченными. Однако администрация района оказывает реальную помощь в таких вопросах. Лариса Юрьевна Богданова, начальник управления по экономике администрации Аргаяшского муниципального района, рассказала о действующем центре компетенций, ранее носившем название «Территория бизнеса». Функционирует этот центр на территории Кыштыма. Аргаяшский район сотрудничает с данным центром. Центр оказывает помощь и начинающим, и действующим бизнесменам. Он помогает не только в заполнении каких-либо документов, но и проводит бизнес-анализ состояния предприятия, консультирует, каким образом можно нарастить финансовую устойчивость, даже помогает в формировании рынков сбыта, проводит обучение предпринимателей.

Лариса Юрьевна отметила, что Аргаяшский район вовлечен в сотрудничество с Башкортостаном, где малый фермерский бизнес показывает хорошие результаты своего развития. Началось сотрудничество с простого договора на поставку картофеля в Учалы — в то время, когда был неурожай картофеля в Башкортостане, Аргаяшский район получил хороший урожай. «Мы своих предпринимателей возим не только в Башкортостан, мы показывали им хозяйства Татарстана, Москвы, Тюмени, Калининграда. Создали у нас сельскохозяйственный потребительский кооператив. Он пока у нас один. Но мы постоянно вводим в него новых и новых фермеров. Территория бизнеса помогла нам создать бренд Челябинской области — «Гусар», Гуси Аргаяша», — отметила Л. Ю. Богданова. Но финансовая нагрузка, которая ложится на плечи фермеров, это самый ключевой фактор, тормозящий развитие малых хозяйств. Людям очень сложно донести, что можно не бояться и вести бизнес открыто.

На территории района ведется работа по мониторингу занятости. Малого и среднего бизнеса крайне мало. Индивидуальных предпринимателей больше. Администрация района осуществляет помощь даже в написании бизнес-плана. Формирует обучающие площадки.

«Туристическое направление — пока мало развитое, но работа в этом направлении идет. В прошлом году к нам приезжали 36 представителей гильдии туроператоров. У нас в районе есть очень много исторических и туристических мест, которые можно было бы развивать. Это и «Павлинья ферма», и храм, и музей в селе Губернское.

Есть уникальная печь на 380 буханок хлеба, которая топится берёзой. Даже в условиях отсутствия термометра сотрудники умудряются поддержать нужную для выпечки температуру. Такой профессионализм демонстрируют наши жители», — рассказала начальник управления по экономике.

Присутствующие предприниматели, дискутируя с представителями администрации, отметили дороговизну аренды. Сетовали на большое количество бумажной работы, необходимой для получения грантов. Причем зачастую гранты предоставляются на небольшие суммы, просто несопоставимые с объемом подготавливаемых бумаг. Кроме этого, присутствующие фермеры указали на отсутствие информационной прозрачности, отсутствие доверия.

Относительно фундаментальных постулатов, авторы публикации пришли к следующим заключениям, которые на круглом столе были озвучены профессором В. И. Бархатовым. Сейчас важно понять, какая модель отвечает потребностям экономики. Все чаще приходит понимание, что сегодня нужно вернуться к государственному планированию. Но здесь важно «не наломать дров». Экономика работает будто «на качелях»: один период доминирует рынок, другой период — государство. В последние годы преобладали рыночные механизмы. Это, конечно, не исключает вмешательства государства, но оно охватывало ограниченные сферы производства. Сегодня нарастает актуальность возврата к государственному сектору. Мы видим процессы национализации западных компаний. Российских компаний эти процессы пока не затронули. Но вопросы государственного планирования себя проявляют повсюду. С учетом этих веяний корректируются и документы стратегического планирования. Место крупного бизнеса в государственном планировании определено. Возникает актуальный вопрос: какое место будет отведено малому и среднему бизнесу? Малый и средний бизнес в основном представлен сферами торговли, общественного питания, оказания разного рода услуг, IT-технологий.

Насколько мы себе представляем адекватную сложившейся действительности модель: она должна сочетать в себе государственное и рыночное регулирование. Сфера услуг, особенно та, что представлена малым и средним бизнесом, должна быть, с одной стороны, подчинена рынку, но с другой стороны, должна поддерживаться государством. Однако переусердствовать с «поддержкой государства» никак нельзя, она не должна реализовывать ограничительную функцию.

Таблица 1

Table 1

Индикаторы, характеризующие численность населения Аргаяшского муниципального района
Indicators characterizing the population of the Argayash municipal district

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Все население, оценка численности городского и сельского населения на 1 января текущего года	41 415	41 059	40 892	40 868	40 735	40 946	41 150	41 012	40 540	40 516	40 412
Миграция: число прибывших	641	824	1 457	1 728	1 494	1 804	1 741	1 404	1 377	1 880	1 711
Миграция: число выбывших	559	1 480	1 885	2 035	1 868	1 759	1 680	1 665	1 830	1 860	1 657
Число умерших	632	590	628	633	612	595	579	534	556	595	684
Число родившихся (без учета мертворожденных)	887	890	889	916	853	761	722	657	537	551	526
Миграция — всего (миграционный прирост)	82	-656	-428	-307	-374	45	61	-261	-453	20	54
Естественный прирост (убыль)	255	300	261	283	241	166	143	123	-19	-44	-158

Источник: по данным Первого независимого рейтингового агентства — Информационно-аналитической системы FIRA PRO [1].

История показала, что наша экономика «ходит от стенки до стенки»: если мы решили, что должен превалировать рынок, мы активно строим рыночную экономику. Сейчас же процессы откидывают нас в сторону государственного регулирования. И насколько эффективными будут последствия такого яростного перехода в эту сторону — история умалчивает. Здесь возникают риски зарегулирования, которые приведут к потере деловой активности предпринимательского сектора.

Природа рыночной экономики заключается в том, что она позволяет реализовывать личный экономический интерес. И если вас¹, представителей малого и среднего бизнеса, здесь присутствующих, система государственного регулирования будет зажимать, вы уже не сможете достигать эффективных результатов. Поэтому для вас очень важно отслеживать те возможности, которые сегодня предоставляет государство. Важно, чтобы вам было комфортно в этом бизнесе. А для этого первое, с чего вам нужно начать, — навести, назовем это, «идеальный аудит». Что имеется в виду: понять ваше место² в системе хозяйства. Это место в системе взаимоотношений с контрагентами. Это место в системе кредитования. Это анализ адекватности вашей продукции

¹ Обращение докладчика — В. И. Бархатова — к присутствующим. Прим.авторов.

² От авторов: место малого и среднего бизнеса.

и понимание того, кому вы можете ее сбыть. Это формирование новых поставщиков и потребителей. Это принятие решений в отношении цены; понимание затрат и нормы рентабельности. Если муниципальный район не проведет такого рода аудит и не увидит свое место в системе хозяйствования, в сегодняшней системе, которая начинает ломаться, — малому бизнесу найти себя будет очень сложно. Даже посмотрим на систему высшего образования. Экономисты всегда были нужны, но сегодня и не в таких количествах. Система хозяйствования претерпевает трансформации, меняются потребности — сейчас нужны люди в сферу IT, так как меняются технологии, нужны инженеры, проектанты. Мы как экономисты можем предложить какую-либо модель — финансовую, экономическую, но мы не можем создать продукт. Нужно провести аудит — что умеет, что может ваша территория.

Ваша территория любопытная, серьезная, развивающаяся очень даже неплохо. Во-первых, население Аргаяшского муниципального района практически не уменьшилось. Небольшое сокращение, конечно, есть, но на территории области есть куда более депрессивные районы — Нязепетровский, Верхнеуфалейский, где сокращение населения катастрофическое.

Из таблицы 1 видно, что население района сократилось лишь на 2,4 %. Миграционный прирост

не имеет ярко выраженной тенденции. За последние два года (2019–2020) миграционный прирост был положительным. Естественный прирост населения сокращается, с 2017 года для района характерна естественная убыль населения. Сокращение населения за 10 лет на тысячу человек не играет такой критической роли для такой относительно большой системы, как ваш район. Поэтому человеческий потенциал территории можно назвать сильным.

Далее, во-вторых, что касается объемов производства сельскохозяйственной продукции. Для всей страны характерно падение индексов как продукции растениеводства, так и продукции животноводства. Но в ряде территорий это падение роста, то есть его замедление, а в ряде территорий это именно падение объемов. На вашей территории опять же не все так плохо. В текущих ценах объемы сельского хозяйства за период с 2007 по 2019 гг. выросли в 2,7 раза (по всем категориям хозяйств). Динамика показана на рисунке 1. Продукция, произведенная сельскохозяйственными организациями, возросла в 3,4 раза. В сопоставимых ценах в 2019 году тоже отмечен рост (на 5 %). Это видно из рисунка 2. Но что стоит отметить: для хозяйств населения характерно снижение объемов, начиная с 2014 года (индекс показан на рисунке 4). С этого периода индекс производства сельскохозяйственной продукции гражданами так и не достиг 100 %¹.

Производство продукции животноводства выросло в 2,88 раза; продукции растениеводства — в 2,02 раза (рассчитано по физическим объемам, не стоимостным). Динамика приведена на рисунке 3. При этом цены в среднем по области выросли в 2,54 раза². В разрезе «животноводство/растениеводство» в 2019 году падение производства продукции растениеводства превышает падение продукции животноводства — 83 % против 95 %. Если же говорить о хозяйствах всех категорий, то в отношении животноводства к 2019 году наблюдается рост производства (на 7 %), в отношении же растениеводства — падение, на 3 % (рис. 3).

¹ Л. Ю. Богданова отметила, что на территории Аргаяшского района очень много крестьянско-фермерских хозяйств, однако в статистический учет их продукция не попадает ввиду того, что не все хозяйства внесены в похозяйственную книгу.

² Расчет проведен авторами по данным индекса потребительских цен, публикуемых Росстатом [2].

Поэтому один из важных трендов сегодняшнего времени — это ставка на производство продукции сельского хозяйства личными подсобными хозяйствами. Это тот потенциал, который есть у территории и который следует развивать. Например, картофель сегодня по стране на 80 % производят домашние хозяйства. Продукция, реализуемая крупными торговыми сетями, зачастую не того качества и дорогостоящая. Поэтому нужно обеспечить себе продовольственную безопасность, тем более, в сложившихся условиях. Акцентируем внимание присутствующих на том, что нужно делать ставку именно на личные хозяйства. Не коллективное, которое мы пытались десятилетиями развивать, не общественное, а именно личное.

Вашему району нужно навести аудит и в отношении имеющихся ресурсов. Проанализировать, насколько сложившаяся структура района адекватно вписывается в структуру и потребности Челябинской области. У вашего района есть колоссальное преимущество — вы производите большие объемы сельскохозяйственной продукции. Кушать народ будет всегда. У нас может не быть металла, автомобильной продукции, но без продовольствия нам не прожить. Вам нужно отработать логистические схемы, схемы сбыта произведенного продовольствия.

Третий компонент, о чем авторы хотели бы сказать относительно особенностей развития Аргаяшского муниципального района. В плане заработных плат район также выглядит в целом неплохо. Динамика заработных плат по всем муниципалитетам нашей области приведена в таблице 2.

По итогам 2020 года Аргаяшский район занял 20-е место среди 40 муниципальных образований Челябинской области; 13-е место — по динамике заработной платы за период с 2008 по 2020 годы. Заработная плата за период с 2010 по 2020 год выросла в 3,4 раза. Для сравнения: в Челябинске лишь в 2,65 раза. В 25 муниципальных образованиях рост был меньшим, чем в Аргаяшском районе.

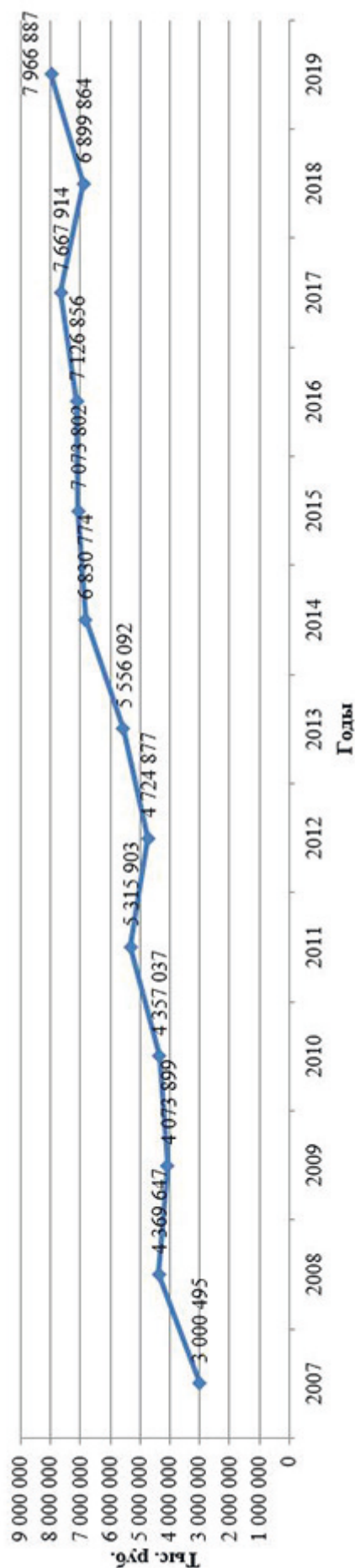

Рис. 1. Продукция сельского хозяйства (хозяйства всех категорий) в фактически действовавших ценах, тыс. руб.

Источник: построено авторами по данным FIRA PRO [1]

Fig. 1. Agricultural products (farms of all categories) in actual prices, thousand rubles.

Source: compiled by the authors based on FIRA PRO data [1]

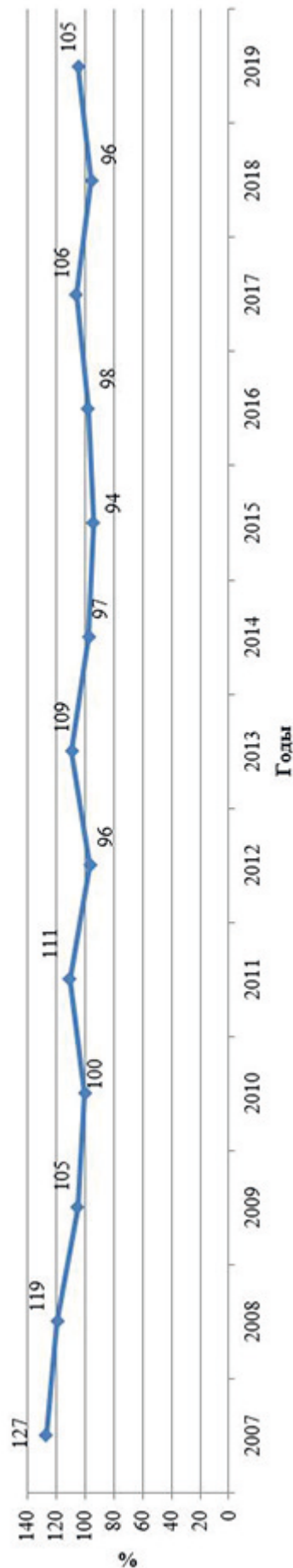

Рис. 2. Индекс производства продукции сельского хозяйства (хозяйства всех категорий) в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Источник: построено авторами по данным FIRA PRO [1]

Fig. 2. Index of agricultural production (farms of all categories) in comparable prices, % to the previous year

Source: compiled by the authors based on FIRA PRO data [1].

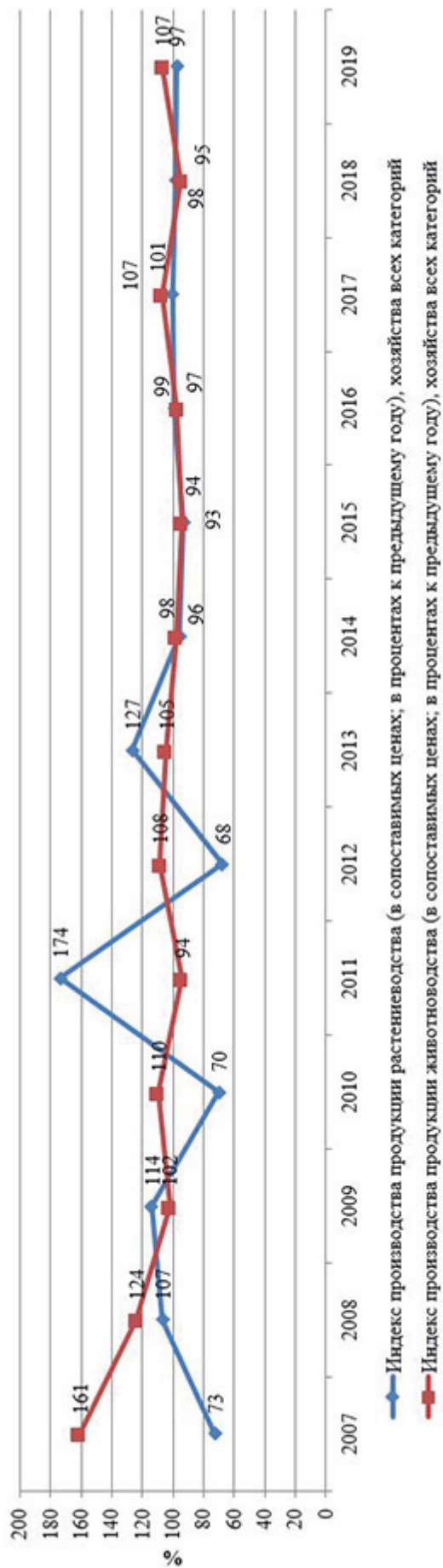

Рис. 3. Индекс производства продукции растениеводства и животноводства (хозяйства всех категорий) в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Источник: построено авторами по данным FIRA PRO [1]

Fig. 3. Index of crop and livestock production (farms of all categories) in comparable prices, % to the previous year

Source: compiled by the authors based on FIRA PRO data [1]

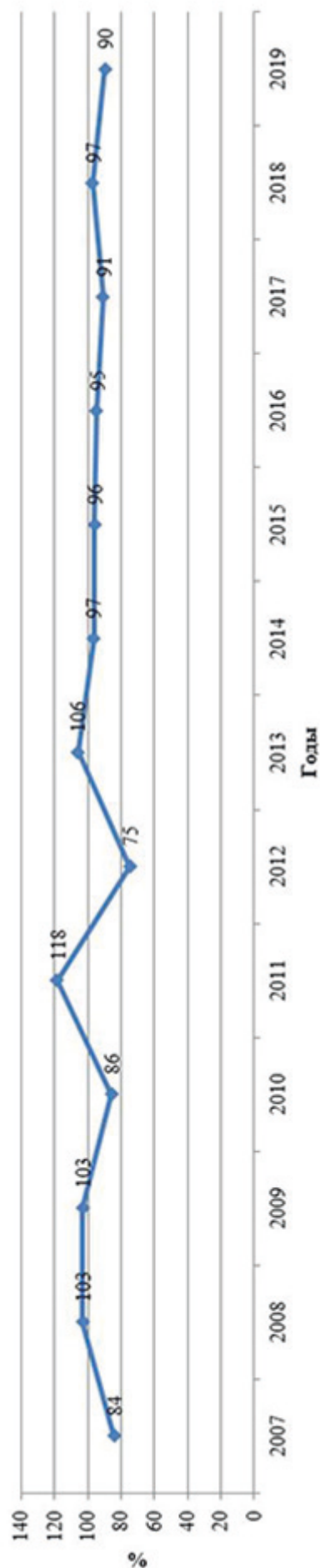

Рис. 4. Индекс производства продукции сельского хозяйства (хозяйства населения) в сопоставимых ценах, % к предыдущему году

Источник: построено авторами по данным FIRA PRO [1]

Fig. 4. Index of agricultural production (households) in comparable prices, % to the previous year

Source: compiled by the authors based on FIRA PRO data [1]

Таблица 2
Table 2

**Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных, средних предприятий и некоммерческих организаций городского округа / муниципального района, руб.
Average monthly nominal accrued wages of employees of large, medium-sized enterprises and non-profit organizations of the city district / municipal district, rub.**

№	Муниципальное образование	Период												
		2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1	Челябинск	17 419	17 803	20 538	23 439	26 229	29 314	31 215	32 725	35 193	38 248	41 592	43 743	46 113
2	Магнитогорск	19 142	19 273	22 548	25 613	28 786	31 437	33 686	35 707	38 289	40 915	43 860	46 822	49 728
3	Верхний Уфалей	12 231	11 882	13 968	15 269	16 765	18 618	20 837	22 279	24 016	27 187	29 258	31 212	32 208
4	Златоуст	11 865	11 763	13 745	16 171	18 453	21 694	23 386	24 561	25 611	26 730	29 277	31 867	33 673
5	Копейск	12 736	12 520	13 984	16 424	18 849	23 826	25 783	27 521	29 249	31 476	34 696	35 232	37 304
6	Кыштым	11 891	11 961	13 569	15 739	18 284	21 283	23 806	25 388	26 235	28 590	33 501	35 202	37 882
7	Миасс	15 327	15 183	18 012	21 177	23 726	26 337	27 788	29 258	31 158	32 407	35 002	37 787	40 311
8	Троицк	12 667	13 539	15 060	17 934	20 117	22 813	24 698	31 671	29 657	30 320	34 810	35 211	37 391
9	Усть-Катав	9 871	10 569	11 379	13 245	15 569	18 325	19 855	20 664	22 806	24 835	26 938	27 594	28 488
10	Чебаркуль	12 432	12 301	13 700	16 827	18 755	21 197	22 387	23 348	24 203	26 192	29 179	30 911	31 498
11	Южноуральск	12 226	12 986	14 401	16 532	19 860	23 682	25 122	26 136	28 105	31 763	34 949	35 584	38 090
Муниципальные районы														
12	Агаповский	9 871	10 749	11 815	13 107	15 684	18 823	21 575	21 556	22 910	25 347	28 066	29 414	31 213
13	Аргаяшский	9 998	10 496	11 042	11 934	14 165	16 767	19 306	22 265	24 446	27 167	29 940	30 845	33 413
14	Ашинский	13 094	13 346	15 467	17 755	20 477	22 682	25 101	27 597	29 601	32 677	35 697	37 217	40 169
15	Брединский	8 083	9 136	10 602	12 412	13 424	16 510	18 126	19 197	20 788	22 732	25 461	27 757	29 822
16	Варненский	8 947	9 529	10 248	11 796	13 971	17 387	19 986	23 230	26 439	29 211	34 686	39 414	41 851
17	Верхнеуральский	12 730	12 907	14 291	18 313	21 915	25 024	26 353	28 762	30 759	32 732	36 891	38 252	39 897
18	Еманжельинский	9 852	9 387	9 672	11 488	13 782	16 651	20 017	21 494	23 231	24 444	27 245	29 698	31 649
19	Еткульский	10 382	10 934	11 934	13 553	15 715	18 060	20 473	23 276	25 229	26 413	28 406	30 430	33 078
20	Карталинский	13 067	13 767	15 736	17 765	19 374	23 355	24 329	26 096	27 957	30 023	33 245	34 823	37 804
21	Каслинский	10 712	11 268	12 639	14 060	16 104	19 597	20 551	22 337	24 047	26 230	29 250	30 998	33 547
22	Катав-Ивановский	10 010	9 968	10 985	12 974	15 749	18 623	20 065	21 206	22 183	22 625	26 087	28 483	29 929

Окончание таблицы 2
Table 2 (end)

№	Муниципальное образование	Период												
		2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
23	Кизильский	7 946	8 571	9 332	10 647	12 643	16 270	18 615	20 529	22 165	23 840	26 607	27 992	30 902
24	Коркинский	10 948	11 042	12 171	14 414	16 455	19 533	21 143	22 001	23 641	25 936	28 557	31 909	35 864
25	Красноармейский	10 179	9 672	10 158	11 855	13 793	17 003	19 222	20 110	21 253	25 229	28 323	30 726	32 748
26	Кунашакский	8 527	9 577	9 686	11 652	14 525	17 644	18 939	20 246	21 874	24 560	29 008	29 905	31 113
27	Кусинский	8 973	9 647	10 404	12 047	13 694	16 568	18 145	18 877	19 807	20 609	24 385	25 512	27 852
28	Нагайбакский	9 104	9 357	9 846	11 383	12 777	17 532	20 176	21 399	23 152	24 719	27 507	29 205	31 428
29	Нязепетровский	9 826	9 819	10 561	12 492	13 889	17 393	19 980	20 024	21 353	22 702	25 882	27 870	29 048
30	Октябрьский	7 450	8 284	9 296	10 327	11 478	16 031	18 767	20 138	21 277	23 620	27 656	29 896	32 391
31	Пластовский	9 837	11 739	12 879	13 900	18 062	20 243	22 548	26 686	32 033	35 432	40 412	122 270	113 619
32	Саткинский	13 222	13 301	15 185	17 237	19 709	22 173	23 019	24 308	26 112	27 761	30 150	32 521	35 005
33	Сосновский	14 984	15 263	16 325	18 978	21 749	24 524	27 836	29 681	32 265	34 306	37 612	39 568	42 740
34	Троицкий	7 762	8 084	9 083	10 766	12 706	14 957	16 678	17 936	19 134	20 310	23 045	24 460	26 220
35	Увельский	10 040	10 644	12 313	14 356	16 683	19 959	21 348	23 292	24 672	27 174	30 804	34 133	36 727
36	Уйский	7 665	7 987	8 644	10 750	13 045	15 759	18 004	19 150	20 010	21 018	24 642	26 717	28 168
37	Чебаркульский	8 872	10 480	11 927	14 263	16 579	19 949	21 836	23 138	23 624	25 246	28 281	30 028	31 003
38	Чесменский	8 273	8 971	9 331	11 708	14 107	16 428	17 890	19 049	21 405	23 022	26 448	28 082	30 175
ЗАТО														
39	Озерский	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
40	Снежинский	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
41	Трёхгорный	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Города с низкой численностью населения														
42	Карабаш	13 808	12 747	14 248	17 140	20 437	21 309	23 596	24 480	27 572	29 351	31 796	33 841	34 921
43	Локомотивный	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	27 319	29 020

Источник: по данным FIRA PRO [1].

Теперь охарактеризуем общероссийские тенденции, характерные для развития малого и среднего бизнеса. Мы провели обзор мер по повышению устойчивости экономики в условиях санкций [3]. За последние три месяца Правительство РФ приняло целую серию мер, направленных в том числе на поддержку малого и среднего бизнеса. Во-первых, государством отменены проверки, причем не только малого и среднего бизнеса, но и крупного. Мораторий на проверки утвержден Постановлением Правительства РФ № 336 от 10 марта 2022 года. Запрет действует до конца текущего года. Но все же сохраняется закрытый перечень объектов контроля, подлежащих плановым проверкам, в рамках эпидемиологического, ветеринарного, пожарного контроля и надзора в области промышленной безопасности. Внеплановые же проверки допускаются в исключительных случаях, как то при угрозе жизни, обороне страны и безопасности государства, при угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Кроме того, внеплановые проверки могут быть инициированы Президентом РФ или Правительством РФ¹.

Во-вторых, государство реализует меры в отношении льготного кредитования малого и среднего бизнеса. Это и отсрочка по выплате льготных кредитов по программе «ФОТ 3.0»², и восемь программ льготного кредитования³, и программы, позволяющие пополнить предприятиям малого и среднего бизнеса оборотные средства. Поэтому вам важно для себя определиться, попадают ли ваши предприятия под условия этих программ. Но важно еще и не надеяться на банки. Нужно формировать подушку безопасности. Нужно продумать такие сценарии своего развития, которые не предполагают зависимость от банковского кредита. Не нужно надеяться ни на кредит, ни на дотации. Ориентируйтесь на классическое правило финансиста: 50 % собственного капитала, 50 % за-

емного капитала. Не нужно превышать этот предел — важно сохранить свою устойчивость. У нас же «бизнес с грустными глазами». Нет понимания, получится ли эффективный сбыт.

В-третьих, вам нужно обратить внимание на обновление основных фондов: насколько они устаревшие, насколько требуют технологического обновления.

В-четвертых, если вы пользуетесь системой быстрых платежей, то у вас есть право на возмещение банковской комиссии за пользование этой системой. С 1 января по 1 июля 2022 года происходит такое возмещение. Источником финансирования выступает резервный фонд Правительства. Программа по субсидированию предприятий малого и среднего бизнеса, пользующихся системой быстрых платежей, стартовала еще в июле 2021 года. Сейчас она продлена⁴.

Следующий компонент поддержки — кредитные каникулы малому и среднему бизнесу⁵. Предприятия определенных отраслей могут взять отсрочку по возврату кредита или же уменьшить размер платежей в течение льготного периода. В такие отрасли попало и сельское хозяйство. А мы с вами понимаем, что из здесь присутствующих это большинство. Вы также должны проверить, на каких условиях возможны эти каникулы, что делает район, чтобы помочь предпринимателям получить такие каникулы. Но важно понимать, что банки все же не активны. Они оценивают свои риски и свою ликвидность. И зачастую им не интересно кредитовать малый и средний бизнес. Поэтому, несмотря на большой перечень программ поддержки, по факту бизнес остается наедине с собой перед лицом сложностей. Следовательно, администрации района нужно помогать, нужно прямо «обхаживать» каждого бизнесмена. Вам нужен инновационный «котел» на территории. Много зависит от вашей воли — от воли решать сложные задачи.

Список источников

1. Первое независимое рейтинговое агентство — Информационно-аналитическая система FIRA PRO. URL: <https://pro.fira.ru/search/index.html#region> (дата обращения 25.05.2022).
2. Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, федеральным округам и субъектам Российской Федерации // Росстат : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/price> (дата обращения: 25.05.2022).
3. Правительства РФ : официальный сайт. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

¹ Источник: Правительство РФ: официальные сайт. URL: <http://government.ru/news/44775/>

² Там же. URL: <http://government.ru/news/45160/>

³ Там же. URL: <http://government.ru/news/45066/>

⁴ Там же. URL: <http://government.ru/news/44720/>

⁵ Там же. URL: <http://government.ru/news/44778/>

References

1. Information and analytical system FIRA PRO. Available from: <https://pro.fira.ru/search/index.html#region> (date of circulation 25.05.2022). (In Russ.).
2. Rosstat. Available from: <https://rosstat.gov.ru/price> (date of circulation 25.05.2022). (In Russ.).
3. Government of the Russian Federation. Available from: <http://government.ru/> (date of circulation 25.05.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, финансов и управления.

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

V. I. Barkhatov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics, Finance and Management;

D. S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 15.06.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 15.06.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests

MONTIBVSEL.SIN
IO.IACTABAT.COR
CRVDELIS.ALEXINI
CARM.NLNOSTRI.
REFORM.F.DN.VN
MONTIBVSEL.SIN
IO.IACTABAT.COR
CRVDELIS.ALEXINI
CARM.NLNOSTRI.